

УДК 615.851

ББК 53.57

Ф 84

Франц М.-Л. фон

Ф84 **Вечный юноша. Puer Aeternus/** Пер. с англ. В. Мершавки. – М.: Независимая фирма «Класс», 2009. – 384 с. – (Библиотека психологии и психотерапии). ISBN 978-5-86375-157-3

Мария-Луиза фон Франц, признанный авторитет в области юнгианской психологии, исследует тип мужчины, связанного материнским комплексом. «Вечный юноша» – жизнерадостный и энергичный, всегда остающийся ребенком в душе, но не желающий принимать на себя ответственность и обязательства, – стал объектом пристального внимания и всестороннего исследования автора. Богатый практический материал органично вплетен в обширный культурологический и литературный контекст, что делает чтение книги интересным и захватывающим. Раскрывая тайны человеческой души с позиций коллективной и индивидуальной психологии, автор вместе с читателем ищет пути преодоления поднимаемой проблемы и способы обретения психологического равновесия, столь необходимого в наше время.

Материалом для этой книги послужил курс лекций и семинаров, проведенных автором в институте К.-Г. Юнга в Цюрихе, где глубокий академический подход сочетался с неожиданными новаторскими решениями и точными практическими выводами.

Для психотерапевтов, психологов, специалистов гуманитарного профиля, а также для широкого круга читателей.

Главный редактор и издатель серии *Л.М. Кроль*

Научный консультант серии *Е.Л. Михайлова*

ISBN 978-5-86375-157-3

- © 2000 Marie-Louise von Franz
- © 2009 В. Мершавка, перевод на русский язык
- © 2009 Независимая фирма «Класс», издание, оформление
- © 2009 Н.Г. Зотова, дизайн обложки

Исключительное право публикации на русском языке принадлежит издательству «Независимая фирма «Класс». Выпуск произведения или его фрагментов без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Отдельные экземпляры книг серии можно приобрести в магазинах:
Москва: Дом книг «Арбат», торговые дома «Библио-Глобус» и «Молодая гвардия»,
магазин «Медицинская книга». Санкт-Петербург: Дом книги.

Выражение признательности

Основу книги составил курс из двенадцати лекций, прочитанных мною в Институте К.-Г. Юнга в Цюрихе зимой 1959–60 гг.

Хочу выразить признательность г-же Уне Томас (Una Thomas) за тщательную стенограмму моих лекций, на основе которой был создан текст книги. Я также благодарна г-же Патриции Берри (Patricia Berry) и г-же Валери Донлеви (Valery Donleavy) за работу над окончательными вариантами текстов семинарских занятий.

*Мария-Луиза фон Франц
Цюрих, январь 1970 г.*

В книге использованы рисунки А. де Сент-Экзюпери, сделанные им к французскому изданию повести «Маленький принц» и размещенные в тексте с благосклонного разрешения изд-ва Editions Gallimard, Paris (Париж).

Предисловие издателя к третьему изданию

Согласно пожеланиям Марии-Луизы фон Франц, содержание книги в точности соответствует оригинальному изданию «Puer Aeternus», опубликованному в 1970 г. издательством Spring Publications. Устранены опечатки, а также добавлены Библиография и Глоссарий. Изд-во Inner City Books выражает благодарность г-же Элисон Каппс (Alison Kappes) за составление библиографического списка.

От себя хочу отметить, что эта книга помогла мне спасти жизнь в том смысле, что открыла глаза на мою индивидуальную психологию в то самое время, когда жизнь поставила меня на колени. Меня покорило то, как точно М.-Л. фон Франц описывает психологию мужчины, связанного материнским комплексом. Об этом нелегко говорить, но ее убедительные замечания в отношении мужчин, подозрительно похожих на меня, были столь губительны для моего «самообраза», что, разрушив мое представление о себе, привели к мысли либо покончить с собой, либо искать альтернативные пути. Излишне говорить, что я выбрал альтернативу: я стал разбираться в себе.

Много лет я мечтал о том, чтобы включить «Puer Aeternus» в издания серии «Вопросы юнгианской психологии глазами юнгианских аналитиков». Теперь, благодаря удачному стечению обстоятельств, перед вами эта книга.

Дэрил Шарп (Daryl Sharp)

Лекция 1

Puer aeternus – так обращались древние римляне к античному божеству. Словосочетание заимствовано из «Метаморфоз» Овидия.¹ Так поэт, обращаясь к юноше Иакху [Якху], называет юного бога – героя Элевсинских мистерий. Овидий говорит о нем как о «вечном ребенке» – *puer aeternus* – и воспеваает его сакральную роль в этих мистериях. Позднее божественного ребенка стали отождествлять с Дионисом, а также богом Эросом.

Puer aeternus – божественное дитя, рожденное ночью в Элевсинских мистериях, связанных с символическим культом матери. Он – вечный ребенок и спаситель мира, бог плодородия и избавления от смерти, покровитель божественной юности. Схожие функции приписывались и богам греко-восточной мифологии – Таммузу, Аттису, Адонису.² Таким образом, словосочетание *puer aeternus* означает «вечное дитя», но мы его будем употреблять для характеристики психологического типа мужчины, обладающего ярко выраженным материнским комплексом, поступающего весьма предсказуемым, свойственным ему образом. Об этом я постараюсь рассказать ниже.

В целом, мужчина-*пуэр*, к которому применим архетип *puer aeternus*, слишком долго сохраняет подростковую психологию.

¹ Овидий, «Метаморфозы» IV, 18-20., в сб.: Овидий «Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии». М.: «Художественная литература», 1983.

² Таммуз (*библ.*), Думузи (*шумер.*) – в мифологии и религии семитских народов умирающее и воскресающее божество плодородия. Согласно древнейшему варианту шумерского мифа, бог-пастух – возлюбленный супруг богини Инанны, отдан ею в подземное царство как «замена» ее самой. Сестра Таммуза Гештинанна спасла брата, согласившись проводить вместо него под землей по полгода. Соответствует Адонису – богу плодородия в древнефиникийской, древнегреческой, затем в древнеримской мифологиях. Аттис – во фригийской мифологии бог плодородия, возлюбленный богини Кибелы. (*Здесь и далее кроме отдельно оговоренных случаев – прим. ред.*)

Другими словами, те черты характера, которые обычно встречаются у семнадцати – восемнадцатилетних юношей, наблюдаются и у взрослого *пуэра*. В большинстве случаев особенности его поведения тесно связаны с сильной зависимостью от матери. Юнг описывает два типичных расстройства у мужчин, обладающих ярко выраженным материнским комплексом – гомосексуализм и донжуанство. В первом случае гетеросексуальное влечение мужчины настолько тесно связано с образом матери, остающейся единственным объектом его любви, что он не может переживать сексуальные отношения с другой женщиной. Его женщина стала бы соперницей матери, поэтому сексуальные потребности удовлетворяются только в отношениях с партнером своего пола. Как правило, таким мужчинам не хватает маскулинности, и они стремятся найти недостающее качество в своем партнере.

Донжуанство – еще одна типичная форма проявления расстройства, описанного Юнгом. В этом случае *пуэр* ищет в каждой женщине мать – образ совершенной женщины, все отдающей мужчине и лишенной каких-либо недостатков. Он пребывает в постоянном поиске богини-родительницы и всякий раз, влюбляясь в женщину, неизбежно открывает, что предмет его страсти – обычный человек. После интимной близости такой мужчина разочаровывается в избраннице, поскольку исчезает ее притягательность. Он отворачивается от прежней любви для того, чтобы спроецировать образ богини на новый предмет страсти – один за другим. Он вечно тоскует по женщине-матери, которая раскроет ему свои объятия и удовлетворит любую его потребность. Подобное поведение часто сопровождается жадной романтической любви, свойственной подросткам.

Как правило, мужчины-*пуэры* испытывают сложности в вопросах социальной адаптации. Иногда можно наблюдать некое подобие асоциального индивидуализма: будучи особенным человеком, я не считаю необходимым адаптироваться в обществе, ибо это невозможно для такого скромного гения как я, – и так далее.

Кроме того, эти люди часто бывают высокомерны по отношению к другим: такое поведение обусловлено как комплексом неполноценности, так и ложным чувством превосходства над другими. Как правило, мужчины этого типа испытывают серьезные затруднения в поисках подходящего для них места работы: то, что они находят либо недостаточно хорошо для них, либо не совсем то, что они хотели бы иметь. Они всегда найдут ложку дегтя в боч-

ке меда. По этой же причине женщина рядом с ним никогда не будет «той самой» («она замечательная подруга, но...»). Всегда найдется какое-либо «но», которое помешает вступить в брак или хотя бы взять на себя какие-то обязательства.

Все это вызывает особую форму невроза, которую д-р Х. Дж. Байнс (H.G. Bayens)³ назвал «жизнью на черновик» (provisional life).⁴ По Байнсу, у мужчины, страдающего подобным неврозом, складывается странное отношение к действительности, а именно, формируется чувство, что в реальной жизни он *еще пока* не существует. До поры до времени он предпринимает какие-то действия, однако, какие бы поиски он не вел – женщины ли, работы ли, – у него всегда остается ощущение, что это еще не то, что ему нужно. При этом сохраняется иллюзия того, что когда-нибудь в будущем все станет таким, как надо. Если подобная установка принимает затяжной характер, она формирует у *пуэра* твердый внутренний отказ жить настоящим моментом действительности.

В той или иной степени описываемому неврозу сопутствует комплекс спасителя, или Мессии, лелеющего тайную надежду, что однажды он спасет мир: скажет нечто значительное в философии, религии, политике, искусстве или какой-либо другой области.

Невроз также может привести к типичной патологической мании величия, а также к проявлению различных симптомов, которые реализуются в мысли «мое время еще не пришло». Такой мужчина переживает смертельный страх в тех ситуациях, которые требуют принятия на себя ответственности за что-либо. Он испытывает ужас при мысли о необходимости связать себя обещаниями, навсегда остаться в земных границах пространства и времени и в итоге, оказаться обычным реальным человеком – тем, кем он, собственно, и является. Его всегда преследует страх попасть в положение, из которого он в очередной раз не сможет вывернуться. Любая обыкновенная и ясная ситуация для него становится сущим адом.

Вместе с тем, поражает необыкновенная тяга *пуэров* к экстремальным видам спорта, в особенности к полетам и альпинизму. Желание подняться так высоко, как только возможно, есть символ

³ Доктор Х.Г. Байнс (Baynes, Helton Godwin) был учеником и ассистентом Юнга. См., например, Hannah B., "Jung, His Life and Work: A Biographical Memoir. New York: G. P. Putnam's Son, 1976 (*прим. пер.*).

⁴ Bayens, H.G. Analytical Psychology and the English Mind. London: Methuen, 1950

ухода от реальности, отрыва от земли, бегства от обыденной жизни. Мужчины, у которых этот комплекс выражен особенно ярко, часто гибнут в авиакатастрофах или во время несчастных случаев при восхождении на горные вершины. Это своего рода экстериоризированная духовная тоска, которая находит выражение в столь специфичной форме.

В стихотворении Джона Мэджи (J.G. Magee Jr.) в поэтической форме выражено то значение, которое имеют для *пуэра* экстремальные виды деятельности. Вскоре после того, как это стихотворение было написано, молодой поэт погиб в авиакатастрофе.

ВЫСОКИЙ ПОЛЕТ

*Я скользнул из угрюмых объятий Земли в небеса
И качался серебряным ветра крылом в облаках.
Тут же к солнцу взмывая под музыку ветра, плясал
С облаками, пронзенными светом. Я делал, что в снах
Вы не видели даже – качался, парил и кружил
Высоко в тишине, напоённой лучами. Летая,
Ветер воющий я настигал. Свой челнок возносил,
Сквозь воздушные ямы бездонные им управляя.*

*В бесконечность всё выше, где синь исступлённо блестит,
Я легко воспаряю к вершине – владениям ветра,
Куда жаворонок иль орёл никогда не взлетит.*

*Там, у цели – высокий и полный молчания дух,
В недоступной живым вышине, первозданной, заветной...
Я до Божьего лика дотронулся, длань протянув.⁵*

Обычно *пуэры* не любят виды спорта, которые требуют терпения и упорных длительных тренировок, поскольку, как правило, они очень не любят кому-то или чему-то подчиняться (в негативном смысле слова), им не нравится, когда их что-то обременяет.

Я была знакома с молодым человеком, которого можно назвать классическим образцом *puer aeternus*. Он совершил большое количество восхождений в горы, но так ненавидел свой рюкзак, что специально натренировал свой организм для того, чтобы спать

⁵ перевод И. Фоминой, С. Покидышевой.

под дождем или снегом. Ему приходилось копать яму в снегу, закутываться в непромокаемый плащ, использовать особый тип дыхания, схожий с системой йоги, — все для того, чтобы научиться спать на открытом воздухе. Он также приучил себя обходиться практически без пищи, чтобы не брать с собой тяжелый рюкзак. В течение многих лет он совершал восхождения на горные вершины Европы и других континентов, устраиваясь на ночлег под деревьями или в глубоком снегу. В каком-то смысле он героически переживал трудности только для того, чтобы не связывать себя заботой о палатке или рюкзаке.

Можно сказать, что рассказанная история символична, поскольку *пуэры* в реальной жизни вообще не любят ничем себя обременять: они всегда отказываются брать на себя какие-либо обязательства или нести бремя ответственности в тяжелой ситуации.

Вместе с тем, положительные качества таких мужчин заключаются в наличии у них особой одухотворенности, истоки которой лежат в их достаточно тесном контакте с коллективным бессознательным. Многим из них присуще очарование молодости и волнующая притягательность, действующая на людей подобно глотку шампанского. *Пуэры* обычно очень охотно идут на контакт: они, как правило, интересные собеседники и могут легко воодушевить слушателя. Они не любят обыденных и привычных ситуаций. Они задают сложные вопросы и ищут на них ответы. Они постоянно находятся в поисках истинной веры, в состоянии, типичном для юношей старшего подросткового возраста. Как правило, юношеское очарование сохраняется у мужчин-*пуэров* и в дальнейшей жизни.

Однако существует и другой тип *пуэра*, в котором не проявляются ни очарование вечной юности, ни архетип божественной молодости. Наоборот, он постоянно живет в состоянии полудремы, что также является особенностью подросткового периода. Сонливый, неорганизованный, длинноногий юноша, слоняющийся без дела, — он ко всему безразличен, его мысли блуждают где-то очень далеко, поэтому иногда возникает желание вылить на него ушат холодной воды. Однако за внешним состоянием полудремы — стоит его только преодолеть! — кипит жизнь, полная вымыслов и фантазий.

Итак, я в нескольких словах изложила основные психологические черты определенного типа молодых людей, оказавшихся во власти материнского комплекса, что послужило главной причи-

ной их идентификации с архетипом *puer aeternus*. В основном я описала их отрицательные характеристики, потому что на первый взгляд они кажутся негативными личностями. Однако мы еще не объяснили, в чем действительно заключается сущность такого типа мужчин. Мы увидим это несколько позже.

Вопрос, которому посвящена моя лекция, состоит в том, почему проблема людей такого типа, а именно, юношей, тесно связанных с матерью, стала столь очевидной в настоящее время. Как известно, гомосексуализм распространяется все больше. В отличие от донжуанства, которое, на мой взгляд, не столь ярко выражено, сегодня в однополые отношения вступают даже подростки. Именно поэтому, как мне кажется, проблема *puer aeternus* становится особенно актуальной.

Несомненно, матери всегда старались держать детей около себя. Некоторым сыновьям было трудно освободиться от материнской опеки, поэтому они предпочитали продолжать радоваться жизни в родном гнезде. До сих пор нет объяснения тому, почему, в общем-то, частная проблема [зависимости от матери] стала настолько серьезной в наше время. Мне думается, именно этот важный вопрос должен стать предметом нашего обсуждения, поскольку остальные аспекты проблемы более-менее очевидны.

Мужчина с выраженным материнским комплексом будет вынужден всегда бороться с тем, чтобы не превратиться в *пуэра*. Вы можете спросить, есть ли средство исцелиться от этой болезни? Если мужчина узнает о существовании у него материнского комплекса, который как-то воздействует на него помимо его собственной воли, что ему с этим делать?

В книге «Символы трансформации»⁶ К.-Г. Юнг писал, как можно излечиться от этого недуга – работать. Однако Юнг размышляет далее: «Неужели это так просто? Неужели это единственное средство? Можно ли так утверждать?» Но работа – это то неприятное слово, которое не хочет слышать ни один *пуэр*, и Юнг приходит к выводу, что нашел верный ответ. Мой опыт также говорит о том, что только через активную деятельность мужчина может излечиться от невротического состояния «вечного юноши». Однако в этом отношении существует некоторое несоответствие точек зрения (*misunderstanding*): *пуэр* способен работать так, как может работать примитивный человек, как работают

⁶ Юнг К.-Г. Символы трансформации. М.: PentaGraphic, 2000.

люди с ослабленным Эго: они трудятся то до тех пор, пока их притягивает предмет деятельности, пока они одержимы работой или испытывают невероятный энтузиазм. В таких случаях *пуэр* будет трудиться сутки напролет, пока совсем не лишится сил. Но он не способен работать в хмурое дождливое утро, когда любая деятельность кажется ему тоскливым занятием, и он вынужден заставлять себя что-то предпринимать. Как правило, этого *пуэр* сделать не может, и он будет прилагать всевозможные усилия, чтобы найти подходящий повод извиниться и увильнуть от работы.⁷

В процессе психоанализа мужчина-*пуэр* рано или поздно сталкивается с подобной проблемой, и только тогда, когда его Эго достаточно окрепнет, задача может быть успешно решена – у мужчины появляется возможность упорно работать в течение длительного времени. Разумеется, цель психоанализа очевидна, однако каждый конкретный случай имеет свои особенности. Лично я не вижу пользы в том, чтобы читать нравоучения людям о необходимости трудиться, ибо такие поучения их только раздражают, и они уходят.

Насколько я могу судить, бессознательное обычно пытается создать компромисс с психикой, а именно, указать направление, где могут проявиться наклонности личности, где психическая энергия (*psychological energy*) может свободно двигаться. Человеку легче вовлечь себя в род деятельности, определяемый его естественными желаниями. Это не так тяжело, как работать в постоянном напряжении, сопротивляясь потоку собственной энергии. Поэтому мы обычно советуем немного подумать и отыскать то направление деятельности, где сосредоточен круг интересов человека, а затем пытаться найти занятие *в найденной области*. Но во всякой сфере деятельности неизбежно наступает время, когда приходится сталкиваться с рутинной. В любой работе, даже самой творческой, есть определенное количество скучных обязанностей. Именно их *пуэр* избегает и приходит к очередному выводу: «Это не для меня!» В таких случаях человек получает поддержку от бессознательного через сны, в которых ему приходится преодолевать различные препятствия. Если преодоление завершается успешно, значит, сражение выиграно.

⁷ В новорусском жаргоне даже появилось очень точное выражение для такого извинения-избегания – «отмазка» (*прим. перев.*).

В одном из своих писем Юнг пишет о *пуэре*: «Я считаю установку *puer aeternus* неизбежным злом. Отождествление личности с *пуэром* означает психологическое младенчество; самое лучшее, что может сделать человек – перерасти самого себя. Это, однако, всегда вызывает жизненные трудности, которые указывают на необходимость смены установки. Но при помощи одного рассудка добиться этого нельзя, потому что *puer aeternus* всегда остается ведомым судьбой»⁸.

Чтобы добраться до истоков проблемы, я хочу прокомментировать повесть А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Думается, моя интерпретация позволит пролить свет на обсуждаемый вопрос.

Как известно, автор повести погиб при крушении самолета во время Второй мировой войны. У Сент-Экзюпери проявлялись все характерные черты *puer aeternus*, которые, однако, не помешали ему стать великим поэтом и писателем. Непросто проследить его жизненный путь, что типично для *пуэра*: если попытаться составить его биографию, можно найти лишь несколько разрозненных фактов, потому что, как мы уже говорили, *пуэр* никогда не стоит твердо на земле. Он никогда не связывает себя какими-либо обязательствами ни в каких обыденных ситуациях. Он просто парит над землей, время от времени соприкасаясь с нею, возникая то в одном месте, то в другом. Так что приходится идти только по следам, которые могут после него остаться.

Об этом очень хорошо пишет Куртис Кейт в своей книге «Антуан де Сент-Экзюпери: его жизнь и время»⁹.

Сент-Экзюпери родился в 1900 г. в старинной семье французских аристократов, вырос в роскошном загородном особняке и был воспитан в лучших традициях. Он решил стать профессиональным летчиком и какое-то время работал пилотом почтовой компании «Аэропосталь», обслуживавшей доставку авиапочты из Европы в Южную Америку и обратно.

Около 1929 г. он совершал полеты по маршруту Тулуза – Дакар – Буэнос-Айрес, а также принимал деятельное участие в создании новых авиалиний в Южной Америке. Позже он доволь-

⁸ Adler G. and Jaffe A., eds. C. G. Jung: Letters. In 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1973. vol. 1, p. 82. Letters dated February 23, 1931.

⁹ Cate C. Antoine de Saint-Exupery, His Life and Times. New York: G. P. Putnam's Sons, 1970.

но долго командовал экипажем, работавшим на единственном в североафриканской пустыне аэродроме Кап Джоли. Основная обязанность экипажа заключалась в том, чтобы оказывать помощь пилотам, потерпевшим крушение в пустыне, так как они могли попасть в руки мятежных арабских племен. Такой образ жизни очень нравился Сент-Экзюпери, и он предпочитал командование маленьким аэродромом в безлюдной пустыне любым другим назначениям.

В 1939 г., когда началась Вторая мировая война, Антуан сражался в звании капитана французских военно-воздушных сил. После капитуляции Франции он намеревался отправиться в Египет, но по техническим причинам от плана пришлось отказаться. Тогда Сент-Экзюпери демобилизовался из армии и уехал в Нью-Йорк, где завершил работу над книгой «Ночной полет». Позже, когда войска союзников высадились в Африке, Антуан хотел вернуться в военно-воздушные силы, но получил отказ по возрасту. Однако он использовал различные ухищрения и уловки, чтобы иметь возможность вновь подняться в воздух.

В июле 1944 г., вылетев из Алжира во Францию для проведения там разведывательно-спасательных полетов, Сент-Экзюпери бесследно исчез, причем не осталось никаких следов даже от его самолета. Спустя несколько лет после окончания войны, один немецкий пилот сообщал в донесении, что самолет Сент-Экзюпери, вероятно, был сбит над морем фоккер-вульфом¹⁰. Еще один летчик, находившийся в составе эскадрильи из семи штурмовиков, заявил, что видел, как над Средиземным морем упал французский самолет. По всем признакам, это был самолет Сент-Экзюпери.

Антуан не был счастлив в браке. По-видимому, его жена была очень эксцентричной и непредсказуемой женщиной, и он, как правило, не оставался с ней дольше, чем на одну – две недели. Он всегда находил повод уехать из дома. Всякий раз, когда у него не было возможности летать, он пребывал в подавленном и раздраженном состоянии, мог целыми днями бесцельно бродить по квартире. Как только предоставлялся случай подняться в воздух, он вновь прекрасно себя чувствовал – он становился самим собой. Если ему приходилось ждать на земле, оставаясь дома с женой,

¹⁰ Фоккер-вульф (Fokker-Wolff) – марка немецкого военного самолета времен Второй мировой войны (*прим. перев.*).

В одном из своих писем Юнг пишет о *пуэре*: «Я считаю установку *puer aeternus* неизбежным злом. Отождествление личности с *пуэром* означает психологическое младенчество; самое лучшее, что может сделать человек – перерасти самого себя. Это, однако, всегда вызывает жизненные трудности, которые указывают на необходимость смены установки. Но при помощи одного рассудка добиться этого нельзя, потому что *puer aeternus* всегда остается ведомым судьбой»⁸.

Чтобы добраться до истоков проблемы, я хочу прокомментировать повесть А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Думается, моя интерпретация позволит пролить свет на обсуждаемый вопрос.

Как известно, автор повести погиб при крушении самолета во время Второй мировой войны. У Сент-Экзюпери проявлялись все характерные черты *puer aeternus*, которые, однако, не помешали ему стать великим поэтом и писателем. Непросто проследить его жизненный путь, что типично для *пуэра*: если попытаться составить его биографию, можно найти лишь несколько разрозненных фактов, потому что, как мы уже говорили, *пуэр* никогда не стоит твердо на земле. Он никогда не связывает себя какими-либо обязательствами ни в каких обыденных ситуациях. Он просто парит над землей, время от времени соприкасаясь с нею, возникая то в одном месте, то в другом. Так что приходится идти только по следам, которые могут после него остаться.

Об этом очень хорошо пишет Куртис Кейт в своей книге «Антуан де Сент-Экзюпери: его жизнь и время»⁹.

Сент-Экзюпери родился в 1900 г. в старинной семье французских аристократов, вырос в роскошном загородном особняке и был воспитан в лучших традициях. Он решил стать профессиональным летчиком и какое-то время работал пилотом почтовой компании «Аэропосталь», обслуживавшей доставку авиапочты из Европы в Южную Америку и обратно.

Около 1929 г. он совершал полеты по маршруту Тулуза – Дакар – Буэнос-Айрес, а также принимал деятельное участие в создании новых авиалиний в Южной Америке. Позже он доволь-

⁸ Adler G. and Jaffe A., eds. C. G. Jung: Letters. In 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1973. vol. 1, p. 82. Letters dated February 23, 1931.

⁹ Cate C. Antoine de Saint-Exupery, His Life and Times. New York: G. P. Putnam's Sons, 1970.

но долго командовал экипажем, работавшим на единственном в североафриканской пустыне аэродроме Кап Джоли. Основная обязанность экипажа заключалась в том, чтобы оказывать помощь пилотам, потерпевшим крушение в пустыне, так как они могли попасть в руки мятежных арабских племен. Такой образ жизни очень нравился Сент-Экзюпери, и он предпочитал командование маленьким аэродромом в безлюдной пустыне любым другим назначениям.

В 1939 г., когда началась Вторая мировая война, Антуан сражался в звании капитана французских военно-воздушных сил. После капитуляции Франции он намеревался отправиться в Египет, но по техническим причинам от плана пришлось отказаться. Тогда Сент-Экзюпери демобилизовался из армии и уехал в Нью-Йорк, где завершил работу над книгой «Ночной полет». Позже, когда войска союзников высадились в Африке, Антуан хотел вернуться в военно-воздушные силы, но получил отказ по возрасту. Однако он использовал различные ухищрения и уловки, чтобы иметь возможность вновь подняться в воздух.

В июле 1944 г., вылетев из Алжира во Францию для проведения там разведывательно-спасательных полетов, Сент-Экзюпери бесследно исчез, причем не осталось никаких следов даже от его самолета. Спустя несколько лет после окончания войны, один немецкий пилот сообщал в донесении, что самолет Сент-Экзюпери, вероятно, был сбит над морем фоккер-вульфом¹⁰. Еще один летчик, находившийся в составе эскадрильи из семи штурмовиков, заявил, что видел, как над Средиземным морем упал французский самолет. По всем признакам, это был самолет Сент-Экзюпери.

Антуан не был счастлив в браке. По-видимому, его жена была очень эксцентричной и непредсказуемой женщиной, и он, как правило, не оставался с ней дольше, чем на одну – две недели. Он всегда находил повод уехать из дома. Всякий раз, когда у него не было возможности летать, он пребывал в подавленном и раздраженном состоянии, мог целыми днями бесцельно бродить по квартире. Как только предоставлялся случай подняться в воздух, он вновь прекрасно себя чувствовал – он становился самим собой. Если ему приходилось ждать на земле, оставаясь дома с женой,

¹⁰ Фоккер-вульф (Fokker-Wolff) – марка немецкого военного самолета времен Второй мировой войны (*прим. перев.*).

или же заниматься чем-то другим, у него сразу портилось настроение. Он всегда стремился снова сесть за штурвал самолета.

В произведениях Сент-Экзюпери можно увидеть, что его очень интересовали проблемы мировоззрения (*Weltanschauung*) времени, в котором он жил. Те, кто читал его сочинения, могли заметить, что, как многие французы, и прежде всего, французская аристократия, он отчасти разделял фашистскую идеологию. Французы по происхождению – франки, истари недолюбивающие германцев. Однако часто забывают о том, что высшие слои французского общества, как правило, имеют предков немецкого происхождения, сравнительно недавно иммигрировавших во Францию. Таким образом, с исторической точки зрения становится вполне понятно, почему верхушке французского общества, особенно его военным кругам и аристократии, была очень близка прусская ментальность.

Несомненно, все это нашло отражение в характерах, описанных в произведениях Сент-Экзюпери: таков, например, Ривьер в романе «Ночной полет», которому автор попытался придать черты великого фюрера – холодного, бездушного человека, который во имя высшей цели посылает на смерть молодых летчиков. Но это лишь часть внешней обстановки, атмосферы, в которой жил писатель, и не относится к фундаментальной проблеме поиска. Поиска чего? Что же он искал? На этот вопрос я сейчас отвечать не буду, а постараюсь найти на него ответ вместе с вами.

Как известно, одно из самых популярных произведений Сент-Экзюпери – повесть «Маленький принц». Эта книга имела огромный успех, и многие люди превратили ее в своего рода Библию, создав культ из истории о маленьком принце. Однако если вы заговорите с ними об этом, они, как правило, с особенным упорством, и даже вызовом настаивают на том, что книга превосходна. Меня всегда удивляло такое упорство: мне кажется, что единственным объяснением подобной позиции может быть следующее: даже у тех людей, которым повесть очень нравится, в отношении нее возникает некоторый вопрос, который задают себе даже самые ревностные поклонники «Маленького принца». Вопрос этот связан с тем, что повесть написана с легким оттенком сентиментальности. Эта сентиментальность, однако, пусть даже и вызывает некоторое недоверие к прочитанному, нисколько не умаляет достоинств произведения в других отношениях.

Вопрос: Как Вы объясняете эту сентиментальность?

Как правило, там, где есть сентиментальность, присутствует и жестокость. Хорошим примером может послужить личность Геринга: он, не моргнув глазом, мог подписать смертный приговор трем сотням людей, но если умирала одна из его птичек, этот старый толстяк начинал рыдать. Он – классический образец! Беспощадность очень часто прикрыта сентиментальностью. Если подробно рассмотреть персонажи других произведений Сент-Экзюпери, в частности, Ривьера и Шейха, можно увидеть, как действует холодная маскулинная жестокость.

Когда мы закончим комментарий «Маленького принца», я представлю несколько клинических случаев, в которых подобные проявления воли выступают весьма отчетливо, особенно в теневой ипостаси личности *puer aeternus*. Тень *пуэра* – холодный, жестокий человек, спрятанный где-то за фасадом личности. Он компенсирует слишком идеалистическую сознательную установку *puer aeternus*, но ассимиляция Тени *пуэра*, по крайней мере, добровольная, невозможна. Например, у мужчины типа Дон Жуана холодная беспощадность проявляется каждый раз, когда он покидает женщину. Чувства уходят, и на передний план отношений выступает ледяная жестокость, в которой отсутствуют всякие человеческие чувства. При этом сентиментальный восторг Дон Жуана проецируется на следующий объект любви.

Жестокость, или холодный рационализм, часто возникает у *пуэра* и в отношении к финансовым вопросам. Поскольку *пуэр* не желает ни приспособливаться к обществу, ни устраиваться на какую-то постоянную работу, а деньги ему приходится как-то добывать, он достигает своей цели «через левое плечо» или, точнее сказать, как придется. Он достает деньги бог знает откуда, причем весьма сомнительными способами. Если затронуть бессознательную проблему Тени, то можно выйти на комплекс – и получить эмоциональную реакцию.

Замечание с места: Многие аспекты личности, которые Вы приписываете puer aeternus, можно также отнести и к психопату. Есть ли различия между ними?

Весьма существенные. Но я бы не стала утверждать, что все черты, которые я перечислила выше, типичны для психопата. Чуть позже я приведу пример того, как вариативные изменения

названных мною характеристик проявляются у пограничной личности шизоидного типа (schizoid borderline type). На основании своего собственного опыта я могу сказать, что мужчина-*пуэр* может быть или психопатом, или истериком, или просто невротиком – все зависит от конкретного случая, а также от того, какие формы принимает расстройство.

Допустим, человек не может решить проблем веры (religious problem). Вопрос веры сам по себе является сложным, но в дополнении к нему человек может иметь либо нормальную, либо психопатическую, либо шизоидную, либо паранойяльную установку по отношению к этой проблеме. То же самое относится к вопросу о гомосексуализме, который либо может сочетаться с другими невротическими реакциями, либо существовать отдельно от них, а также иметь более-менее тесную связь с обсуждаемой проблемой. На мой взгляд, эта задача является первостепенной.

Юнг высказывал очень интересные мысли о гомосексуализме: он считал его бессознательной реакцией на процесс перенаселения. Другими словами, по мнению Юнга, сама природа подталкивает человека к однополой любви для того, чтобы некоторое количество людей воздержалось от деторождения. Возможно, природа и могла бы пойти на эту хитрость, учитывая, что перенаселенность и сегодня представляет серьезную проблему. Однако это утверждение трудно обосновать, поскольку в прежние времена никаких статистических подсчетов не велось. С уверенностью можно лишь говорить о том, что гомосексуализм – чрезвычайно распространенное явление в наши дни.

Мой отец, служивший офицером регулярной австрийской армии, не стеснялся говорить о таких вещах совершенно открыто. Однажды он заметил, что в его время проблема гомосексуализма в армии не стояла так остро – было известно только несколько отдельных случаев. Но в наше время однополая любовь стала вполне обычным явлением в армии и особенно распространена среди летчиков.

Замечание с места: Оказывается, в Америке около двух третей всех молодых пациентов гомосексуалисты. По крайней мере, на основе моего опыта.

Статистика вещь сложная. К примеру, фрейдисты считают, что практически во всех сферах человеческой деятельности при-

сутствует латентная гомосексуальность, которой они приписывают многие случаи гомосексуальных расстройств. Я придерживаюсь другого мнения. Кроме того, согласно моему собственному опыту, значительная часть того, что внешне выглядит как женский гомосексуализм, в большей степени связано с взаимоотношениями между матерью и дочерью. Такие женщины отыгрывают миф о Деметре и Персефоне (Коре): проанализировав их фантазии, можно обнаружить, что одна из них стремится возродиться через другую. Подобные отношения нельзя в полной мере назвать гомосексуальными: если одну из женщин в паре попросить изложить свои скрытые фантазии о том, что бы ей хотелось реализовать, то, как правило, она высказывает необычное желание возродиться или воскреснуть, используя другую женщину. Такие фантазии возникают вследствие крайней инфантильности. Некоторые из вас, должно быть, читали книгу д-ра Маргарет Сейшеха (Marguerite Sechehaye) «Символические реализации»¹¹. Она приводит историю болезни своей пациентки Рене, испытывавшей сильное влечение к д-ру Сейшеха. Этот перенос принял форму, которую фрейдисты называли бы лесбийским, однако при более тщательном рассмотрении в нем можно увидеть проявление материнско-дочерних отношений и стремления к возрождению. Таким образом, статистика не всегда дает достоверное толкование фактам – все зависит от того, как человек, составляющий документ, интерпретирует результаты и считает ли он подобные случаи проявлениями гомосексуализма.

Итак, мы можем утверждать, что и однополая любовь, и проблема *puer aeternus* сегодня получили широкое распространение. На мой взгляд, и та, и другая ситуация имеют определенную связь с некоторыми вопросами религиозной установки (*religious problem*). Не буду забегать вперед – чуть позже мы разберем характерный клинический случай и попробуем найти истоки происходящего.

Замечание с места: Похоже, мы здесь сталкиваемся с тем явлением, которое обнаружил Страккер (Strakker), занимаясь историей американской армии времен Второй мировой войны. Он отмечал, что наличие выраженного материнского комплекса привело к

¹¹ Sechehaye, M-A. Symbolic Realizations: A New Method of Psychotherapy Applied to the Case of Schizophrenia. New York: International University Press, 1951.

неспособности многих американских мужчин нести военную службу. Десятки тысяч юношей отказывались идти служить в армию, так как не могли адаптироваться к ее требованиям. Это были «маменькины сынки».

Да. Кроме того, военные прислали официальный запрос нам в Институт Юнга, с просьбой направить специалиста и помочь справиться с тем, что большинство летчиков, достигших тридцатилетнего возраста, отказываются летать. Проблема действительно серьезная, поскольку на обучение квалифицированного пилота требуется затратить немалое количество времени. При этом, когда пилотам исполняется тридцать, и они становятся по-настоящему опытными профессионалами, у них, как правило, наступает кризис. Внезапно проявляются невротические страхи, они не хотят летать, стремятся закончить летную карьеру. В случае если их вынуждают продолжить полеты, они испытывают такое внутреннее сопротивление, что все заканчивается авиакатастрофой. Проблема достигла невероятных масштабов, и военные даже обратились за помощью к психологам, чтобы те помогли им справиться с ситуацией!

Кстати, с подобными трудностями столкнулись и в Швейцарии. Авиакомпания *Swissair* испытывает острую нехватку кадров из числа своих сограждан, поэтому активно привлекает иностранцев. Причем это происходит вовсе не потому, что граждане Швейцарии не хотят получить профессию летчика – желающих достаточно. Причиной отказов служат результаты тщательного психологического тестирования кандидатов, показывающие, что около 30–40% молодых людей, мечтающих стать пилотами, имеют выраженный невротический материнский комплекс, который делает для них этот род деятельности небезопасным. Такие люди увлечены профессией летчика именно в силу своего невротического состояния, поэтому они либо становятся ненадежными специалистами, либо весьма скоро отказываются летать. Швейцарские психологи провели всестороннее тестирование кандидатов и отказали в приеме на работу многим желающим. В результате авиакомпания стала испытывать острый дефицит кадров.

Если бы они приняли на работу всех кандидатов, то столкнулись бы с той же проблемой, что и американцы: пилоты летают до достижения возраста тридцати лет, а затем уходят. При этом на обучение грамотных специалистов затрачивается немало времени

и средств. Таким образом, это подлинная проблема нашего времени, которая находит свое отражение в повседневной жизни общества.

Я знакома с психологом, который руководит тестированием швейцарских пилотов. Совместными усилиями мы разработали тест вербальных ассоциаций вместе с другим стимульным материалом, позволяющим выявить общую структуру комплекса *puer aeternus*. Задачей теста является обнаружение способов реализации комплекса *пуэра*. К сожалению, тест еще не получил окончательной доработки; возможно, через несколько лет я смогу вам подробно рассказать об этом эксперименте. Вполне вероятно, что результаты теста вскроют многие индивидуальные проблемы опрашиваемых, хотя мне кажется, что уже сейчас можно говорить о вполне конкретном портрете большинства кандидатов: выраженный материнский комплекс побуждает мужчину искать такой род деятельности, который символически отразит его желание оторваться от земли. Парить в небесах – это характерное для мужчин такого склада побуждение лежит в основе всех возникающих трудностей. По существу, американцы должны бы радоваться, что так много их летчиков отказываются от полетов в тридцать лет – свидетельству того, что многим из них к этому возрасту удается избавиться от установки *puer aeternus*. И хотя описанное явление весьма нежелательно в армии, это, безусловно, положительный знак для личности. Я бы никогда не взяла на себя ответственность и не стала бы убеждать летчиков в необходимости продолжать полеты, поскольку их нежелание летать может быть вполне здоровым симптомом становления личности.

Интересно, что об этой проблеме думают русские, как они работают с такими людьми. Если кто-то поделится подобной информацией, я с удовольствием ею воспользуюсь, потому что она оказалась бы для меня весьма полезной. Я не имею никакого представления о том, как решают эту проблему русские.

Замечание с места: В Америке к тренировкам для полетов в космос допускаются мужчины после тридцати. Русские готовят в космонавты пилотов, которые, по крайней мере, лет на пять, а то и на десять моложе американских летчиков. Я могу предположить, что русские, должно быть, начинают обучение полетам раньше и занимаются интенсивнее, чем мы. Да и вообще русские очень многое делают интенсивнее нас.

Вполне возможно, хотя я не имею никаких сведений о том, как это происходит в России. Было бы интересно об этом узнать.

Меня попросили сказать несколько слов о том, как отражается структура *puer aeternus* в Анимусе женщины. На эту тему у меня практически нет материала, за исключением отдельных сновидений. Я думала затронуть этот вопрос позже, как-нибудь в следующий раз. Вы хотите обсудить эту тему или продолжить разговор о психологии мужской личности? Вопрос только в том, что мы делаем сейчас. [*Аудитория голосует за продолжение основной темы лекции о мужской психологии*]. Я уверена, что мы сможем выйти на проблему *puer aeternus* в Анимусе женщины после того, как разберемся с особенностями подобной структуры в мужской личности. Когда мы перейдем к вопросам женской психологии, многие утверждения будут нам уже знакомы и прозвучат более убедительно.

В двух словах могу сказать, что в своей основе структура *puer aeternus* в Анимусе женщины практически ничем не отличается от мужской, но находится на более глубоком уровне психики. Особенности архетипа *puer aeternus* у женщины проявляются в том, что она всегда торопит события, стремится их ускорить. Поэтому проблема *puer aeternus* у женщины в более приземленной форме будет выглядеть как проблема интуиции. Можно сказать, что Анимус женщины всегда предвидит, что он должен сделать несколько позже в реальной жизни. Поэтому проблема «приземления» *puer aeternus* аналогична проблеме, связанной с тем, что женское сознание должно сделать позже; Анимус женщины находится на расстоянии всего лишь одного шага от мужского Эго. Естественно, проблема *puer aeternus* всегда связана с творческими поисками, которые преобладают в психологии женщины. Если Анимус женщины имеет структуру *puer aeternus*, значит, она, как правило, испытывает трудности в реализации творческого потенциала. К сожалению, способ излечения женщин в подобных случаях будет точно такой же, как и у мужчин. Это работа.

Вопрос: Когда Вы говорите о работе, подразумеваете ли Вы также воспитание детей?

Да, появление детей зачастую означает окончание проблемы *puer aeternus* у женщины. Мне вспоминается одна моя пациентка, которая не хотела иметь детей. В ее сновидениях фигура Аниму-

са принимала образы *puer aeternus*: таким образом ее приземляла сама Природа. Сновидения побуждали женщину иметь детей. Один из основных способов излечения для любой женщины с элементами *puer aeternus* – опуститься на землю и принять на себя определенные обязательства, не позволяющие ей продолжать беспорядочные увлечения. Особенно это относится к женщинам, играющим роль гетеры. Они, как правило, заводят многочисленные любовные связи с мужчинами и не желают привязываться ни к кому из них. Рождение ребенка помогло бы таким женщинам несколько определиться в отношениях с партнерами. Следовательно, рождение ребенка может избавить женщину от установки *puer aeternus* – ведь воспитание детей требует выполнения большого объема работы, постоянной и иногда скучной.

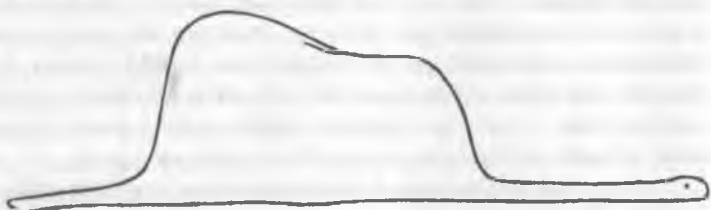
А теперь обратимся к комментариям повести «Маленький принц». Вы увидите, что повествование распадается на две совершенно определенные части. История начинается с введения, рассказанного Сент-Экзюпери от первого лица так, как будто это часть личной автобиографии. Затем следует рассказ о маленьком принце. Автобиографическая часть начинается так:

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея – удав – глотала хищного зверя.

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

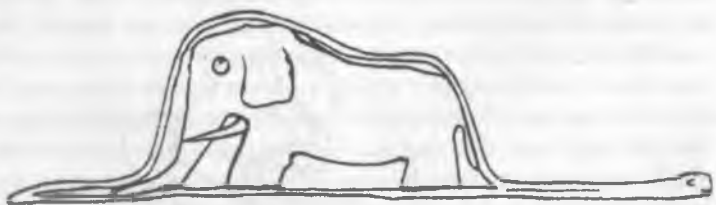
Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал.

Я показал мое творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

– Разве шляпа страшная? – возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно все объяснять. Это мой рисунок № 2.

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на летчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью со-
бьешься с пути.

На своем веку я много встречал разных серьезных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок № 1 – я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне:

«Это шляпа».

И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах. Я примерялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

Так я жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам все починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, – и тот был бы не так одинок. Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

– Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

– А?..

– Нарисуй мне барашка...¹²

Далее по тексту автор встречает Маленького принца.

Хочу спросить, какие выводы вы можете сделать из первой части текста? Именно здесь сконцентрирована суть проблемы.

¹² Здесь и далее русский текст цитируется по: С.-Экзюпери А. де. Маленький принц. Пер. с франц. Н. Галь. М.: Педагогика, 1991.

Замечание с места: Я бы отметил отсутствие интереса к миру взрослых и переживание детских фантазий.

Да. Мы видим, что автор так и нашел себе места во взрослом мире. Он говорит о его пустоте, нелепости, бессмысленности. Действительно, здесь ведутся разговоры об игре в бридж, о политике и о галстуках, но все это относится к той стороне мира взрослых, которую автор справедливо отвергает как проявление пустоты Персоны (*persona emptiness*). При этом он исключает и другие стороны взрослой жизни. Как видно по проникновенному тону первого фрагмента текста, автор считает, что детство – это жизнь в мире фантазии, жизнь настоящего художника, и только она истинна. Все остальное – это пустота Персоны, погоня за деньгами, попытки произвести выгодное впечатление на людей: другими словами, утрата истинной сущности человека. Таким он видит взрослый мир и не считает игру в бридж средством, благодаря которому можно привнести в реальность взрослых то, что он называет *настоящей* жизнью. На мой взгляд, в двух словах сформулировать проблему можно так: как вырваться из жизни, полной фантазий о юности и молодости, не потеряв ее ценности? Как повзрослеть, не утратив ощущения целостности, своих творческих возможностей и присущего юности чувства полноты жизни? Можно цинично заметить, что невозможно войти в реку, не замочив ног (чем-то придется пожертвовать), но, исходя из собственного опыта, я могу сказать, что такая позиция неверна. Нежелание расставаться с миром детства вполне оправданно. Вопрос лишь в том, сможет ли человек, повзрослев, не потерять его?

Большая проблема состоит в том, что, допустим, вы сможете вывести людей из их детского рая, полного фантазий – оттуда, где они ощущают тесную связь с истинной Самостью на первичном, инфантильном уровне. Но, лишенные собственных иллюзий, они становятся абсолютными циниками в реальности.

Мне вспоминается один мой пациент, типичный *пуэр*. Он жил в мире своих фантазий и мечтал стать писателем. Вместе со своим другом он прилетел в Европу из Соединенных Штатов, решив, что друг пройдет курс психоанализа по Фрейдю, а сам он – курс у юнгианского аналитика. Затем, по истечении года, они должны были встретиться и сравнить результаты. Друзья отправились в разные страны и сделали как договорились. Через год мо-

лодой человек, прошедший курс психоанализа по Фрейду, собрался домой, сказав, что проработал свою проблему и исцелился. Все складывалось хорошо: он осознал свою инфантильную установку по отношению к жизни, избавился от материнского комплекса и прочих глупостей. Мой пациент спросил его о том, что тот собирается делать. Друг ответил, что точно не знает, но должен зарабатывать какие-то деньги и жениться. Мой пациент сказал, что сам он не исцелился до конца: не знает, куда ему все же двигаться дальше. Он знал только то, что должен стать писателем и как-то работать в этом направлении, но не имел представления, как и где устроиться, что предпринять и т.д. Тогда его друг сказал: «Знаешь, очень странно: из меня изгнали бесов, но вместе с ними из меня изгнали ангелов!»

Итак, вы видите, в чем заключается основная трудность! Можно изгнать бесов и ангелов, заявив, что в целом проблема является проявлением инфантильности и представляет собой часть материнского комплекса, и с помощью сплошного редуктивного анализа свести все к детской чувствительности, которую следует принести в жертву. На этот счет можно сказать следующее. С одной стороны, в каком-то смысле друга моего пациента вылечили лучше, чем его самого. С другой стороны, мне кажется, что постигшее его великое разочарование вызывает у человека естественный вопрос: а зачем продолжать жить? Разве стоит жить только затем, чтобы все отмерянное тебе время зарабатывать деньги и получать маленькие буржуазные радости? На мой взгляд, такая жизнь не приносит удовлетворения. Печаль, с которой «вылечившийся» молодой человек говорил о том, что вместе с его бесами изгнали и его ангелов, дала мне возможность предположить, что, чувствуя себя излеченным от инфантильности, он, тем не менее, не чувствует себя счастливым. Подобное излечение несет оттенок циничного разочарования, которое, на мой взгляд, не является терапией. В этом-то и проблема.

Не следует забывать и о том, что атмосфера социальной среды, в которой жил Сент-Экзюпери, во многом была развращенной и не признающей иллюзий. Писатель вращался в кругах, где смысл жизни состоял в игре в бридж, разговорах о деньгах и т.п. Следовательно, он в каком-то смысле был прав, выражая свой протест такой реальности, возмущаясь и бунтуя против мира взрослых, оставаясь верным своему внутреннему творческому, целостному взгляду на жизнь. Таким образом, хорошо видно, как тонко он выс-

меивает мир взрослых, и каков этот мир на самом деле. Но вместе с тем, Экзюпери не знает, как, не впав в безграничное разочарование, вырваться из своих детских иллюзий, которые представляют единственную ценность в его взрослой жизни.

Если соединить все вышесказанное с символикой его рисунков, вывод прозвучит еще мрачнее. Очевидно, что удав является символическим образом пожирающей матери, а в более глубоком смысле – воплощением темной стороны бессознательного, удушающего все живое и препятствующего человеческому развитию. Этот пожирающий, или регрессивный аспект бессознательного, заставляет человека постоянно оглядываться назад и одолевает его, когда тот оказывается в его власти. Можно даже сказать, что удав воплощает влечение к смерти. Удав – морское чудовище, которое появляется во время ночного плавания по морю [по Юнгу], но здесь, в отличие от других мифических аналогов, герой, которого проглотил удав, уже не выходит из его чрева.

Животное, проглоченное удавом – слон. Рассмотрим его символику.

В Европе о слонах узнали только во времена поздней античности, поэтому нам доступно не так много мифологического материала. Тем не менее, даже во времена поздней античности, слон в европейской культуре играл немалую роль.

На европейский континент слонов привез Александр Македонский из Индии, где он во время своих походов впервые увидел этих животных. Позже римляне использовали слонов так же, как сегодня в ходе боевых действий применяют танки. Если прочитать все, что написано об этих животных, мы увидим, что слон окружен огромным количеством легенд и вымыслов. Например, один средневековый автор пишет, что «слоны очень целомудренные животные. Они спариваются только раз в жизни втайне от всех с целью родить потомство и, следовательно, представляют собой аллгорию брачного целомудрия. Подобно единорогу, слон любит девственницу, и только дева способна приручить его. Эта деталь еще раз подчеркивает, что слон воспринимается как олицетворение Христа». Известно, что слон является символом неукротимой стойкости духа и почитается как одно из божественных воплощений.

«В античные времена считалось, что слоны ужасно честолюбивы, и если ним не оказать соответствующие почести, они умрут от разочарования – настолько сильно их чувство собственного

достоинства. Прохладная кровь слона – излюбленное лакомство змей. Они тайком подкрадываются к животному и высасывают его кровь, отчего слон неожиданно умирает. Поэтому, когда слон видит змею, он направляется к ней и пытается растоптать. В средние века со слонем сравнивали человека благородного, но подвластного изменениям настроения, ибо считалось, что слон является великодушным, умным и молчаливым животным. Однако если слон вдруг приходит в ярость, его ничто не успокоит, кроме музыки».

Эти сведения я почерпнула из занимательного труда ученого-иезуита Николя Коссена «Многозначные символы»¹³. Он рассказывает о слонах забавные истории, приводит примеры идиом, встречавшихся в античных языках, добавляет немного средневековых легенд: «Слоны часто купаются, – пишет автор, – а затем используют цветы для того, чтобы придать своей коже аромат. Они – воплощение целомудрия, духовного очищения, благоговейного отношения к Богу».

Все это свидетельствует о том, что, приручив слона, европейцы, также как и жители африканского континента, приписали животному героические черты, спроецировали на него архетип героя. В Африке, например, мужчина почитет за честь именоваться львом, но еще большая честь для африканца называться слонем. Лев воплощает в себе качества мужественного человека, вождя племени, однако слон почитается гораздо больше льва, поскольку связан с архетипом знахаря, шамана или мудреца, обладающего не только несомненным мужеством, но также мудростью и тайным знанием.

Таким образом, если рассматривать животных в иерархии приписываемых им символов, слон является олицетворением целостной личности, прошедшей процесс индивидуации.

Довольно странно, что европейцы автоматически приписали слону те же качества, что и жители африканского континента. В европейской традиции слон олицетворяет божественного героя, его образ связан с именем Христа и воплощением выдающейся добродетели. Однако европейцы исключили из толкования образа слона частые перемены настроения и склонность к приступам ярости.

¹³ Caussin, N. De Symbolica Aegyptiorum sapientia. Electorum symbolorum & Parabolarum historicarum stromata. Paris, 1618, 1631.

Поразительно, что именно эти качества были характерны для Сент-Экзюпери, поэтому все сказанное выше можно назвать точным отображением его личности. Сам он был натурой тонкой и целомудренной – в том смысле, что он трепетно относился к своим переживаниям, – очень честолюбивым и с обостренным чувством собственного достоинства. Он постоянно пребывал в поисках религиозного смысла: не поклоняясь Богу, он все время искал Его, но так и не нашел. Он был великодушным, умным и молчаливым, но страдал приступами дурного настроения, легко раздражался и впадал в ярость.

Таким образом, в рисунке слона мы увидим поразительного сходства автопортрет писателя. Можно даже говорить об архетипическом паттерне, реализующемся без особых отклонений на уровне конкретной личности.

Итак, слон (образ-модель (model fantasy) повзрослевшего героя – символ того, кем хотел бы стать писатель) проглочен удавом (своей пожирающей матерью) – вот смысл трагедии, изображенной на первом рисунке.

Очень часто детские сны предсказывают внутреннюю судьбу человека через двадцать-тридцать лет. Первый рисунок демонстрирует, что архетипический аспект героя в личности Сент-Экзюпери присутствовал вполне осознанно (alive), был достаточно активизирован (constellated), но не найдя адекватного выхода, оказался поглощен регрессивными тенденциями бессознательного и, как мы знаем из последующих событий, смертью писателя.

Естественным было бы связать миф о пожирающей матери с матерью Сент-Экзюпери. Но она еще жива и занимает заметное положение в обществе, поэтому я воздержусь от подробных комментариев в ее адрес.¹⁴ Недавно я встретила в газете ее фотографию: это портрет несомненно выдающейся и сильной личности, какой бы она ни была. Газета пишет об этой крупной статной женщине как об источнике неиссякаемой энергии, о человеке, интересующемся различными видами деятельности, пробовавшем себя и в живописи, и в графике, и в литературном творчестве. Это очень динамичная личность и до сих пор, будучи уже достаточно преклонного возраста, производит впечатление сильной женщины.

Очевидно, что чувствительному мальчику было трудно выйти из-под влияния такой матери. Говорят, что она всегда предчув-

¹⁴ Лекция прочитана в 1973–1974 г.г.

ствовала смерть сына. Несколько раз она считала его погибшим и надевала эффектную черную вуаль, похожую на те, которые носят овдовевшие француженки. И каждый раз она с большим разочарованием снимала траур, когда оказывалось, что ее сын жив. В ее бессознательном преобладал архетипический паттерн, который мы называем матерью-смертью.

В нашем обществе архетип матери-смерти как-то не находит достаточных доказательств своей реализации, но однажды мне пришлось испытать сильнейшее потрясение, столкнувшись с характерным для этого архетипа случаем.

Мне нужно было встретиться с одним человеком. Место встречи было назначено в доме, владелица которого постоянно критиковала и изводила упреками своего единственного сына *нуэра*. Люди они были простые, содержали небольшую булочную. Сын нигде не работал, носил костюм для верховой езды и разъезжал верхом по всей округе. Это был очень элегантный молодой человек, типичный Дон Жуан, и, если верить слухам, каждые четыре дня менял девушку. Однажды юноша с подружкой поехали искупаться на Цюрихское озеро. Там и произошла классическая ситуация, описанная Гете: *halb zog sie ihn, halb sink er hin* («Чем больше она его вытаскивала, тем больше он тонул»). Они стали тонуть оба. Девушку удалось спасти, но когда вытащили из воды юношу, он уже был мертв. О трагедии я узнала из газет. Приехав в дом, я тут же встретила мать (которая, кстати, была вдовой) и выразила ей свои соболезнования в связи с постигшим ее несчастьем. Она пригласила меня в гостиную, в которой я увидела фотографию ее сына на смертном одре, усыпанном цветами, словно могила героя. «Посмотрите на него! Как он прекрасен в смерти!» – сказала она. Я с ней согласилась, а она улыбнулась и произнесла: «Да, я предпочитаю иметь его таким, чем отдать в руки другой женщины».

Замечание с места: В Калифорнии мы столкнулись с похожим случаем. Восьмидесятилетняя пациентка занималась тем, что постоянно рисовала изображения головы своего сына, умершего около тридцати пяти лет назад. Когда другая женщина спросила ее, почему она всегда занимается тем, что вызывает у нее боль, пациентка ответила (причем по щекам ее катились слезы): «Понимаете, я потеряла сына». Она никогда не отпускала его от себя и постоянно воспроизводила его образ.

Действительно, она создала религиозный культ из своего сына, он превратился для нее в погибшего Таммуза, Адониса, Аттиса. Он заменил ей образ Бога. Сын действительно становится для нее подобием распятого Христа, а она сама – Девой Марией, рыдающей у распятия.

Жизнь одного человека приобретает архетипический смысл для другого, и последний находит огромное удовлетворение в этом. В таких случаях женщина перестает быть просто госпожой N., потерявшей сына в результате несчастного случая. Она становится Великой Матерью, Девой Марией, оплакивающей сына у подножия креста: это возвышает ее как мать и придает ее печали некий глубокий смысл. Если женщина неправильно относится к смерти сына, значит, получается нечто подобное тому, что вы сказали.

Меня потрясло то, что я услышала от той женщины. Тогда я сказала себе, что в силу своей наивности она высказала вслух то, что многие думают про себя. Будучи простой женщиной, она прямо сказала: «Лучше так, чем отдать его другой женщине». Она только озвучила факт того, что именно *она* была его женой! На мой взгляд, эта женщина в чем-то похожа на мать Сент-Экзюпери, иначе зачем той так часто делать предположения о смерти своего сына и раньше времени надевать траурную вуаль? Все происходило так, словно она всегда знала, что ее сын погибнет. Возможно, она не только знала, но и в какой-то мере желала этого. Скорее всего, не она, а *нечто внутри нее* желало смерти сына. Мы лишь знаем, что ужасный обезличенный паттерн пропитывал всю ее внутреннюю жизнь.

На уровне сознания Сент-Экзюпери явно обладал позитивным материнским комплексом, который всегда включает в себя опасность быть поглощенным бессознательным.

Сент-Экзюпери пишет о том, что показывал свой рисунок многим взрослым, пытаясь заставить их понять его смысл. Это позволяет предположить, что он не был обречен, как будто внутри него еще оставалась надежда попытаться найти какое-то понимание у людей. Если бы только он мог найти того, кто спросил бы у него, что же он такое нарисовал, и рассказал, что это очень опасно и значит то-то и то-то! Он хотел, чтобы его поняли, но не нашел этого понимания. Я думаю, что если бы он в какой-то степени познакомился с психологией – быть может, это прозвучит слишком оптимистично, – но если бы он все же соприкоснулся с

ней, его проблему можно было бы решить. Ведь он был очень близок к тому, чтобы самому найти правильный выход.

Весьма трагично, что автор «Маленького принца» жил в то время, когда во французском обществе не было ни намека на психологическое знание. В такой атмосфере очень трудно постичь границы бессознательного. Современная французская культура в силу разных географических и национальных причин особенно далека от бессознательного; именно поэтому, может быть, Сент-Экзюпери так и не встретил никого, кто мог хотя бы намекнуть на то, что с ним происходит.

Повествование продолжается описанием Маленького принца. Я прочла вам часть текста, где говорится о том, что самолет Сент-Экзюпери потерпел крушение в песках Сахары, где писатель и встретил своего маленького друга. Я продолжу по тексту повести. Голос произнес:

– Нарисуй мне барашка!

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протер глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьезно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать.

[Он нарисовал его похожим на маленького Наполеона. Идея весьма остроумна и вполне по-французски! Это значит, что автор видит в нем потенциального героя, великого завоевателя, а не гениального ребенка, каким он в действительности должен быть].

Но на моем рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художник из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов – снаружи и изнутри.

[Автор снова пишет о том, что его не понимали взрослые].

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребенок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

– Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьезно:

– Пожалуйста... нарисуй барашка...

Все это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я все-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать.

Он ответил:

– Все равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать – удава снаружи.

[Рисунок автора №1].

И очень изумился, когда малыш воскликнул:

– Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасен, а слон слишком большой. У меня дома все очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:
– Нет, этот барашек уже совсем хилый. Нарисуй другого.
Я нарисовал.

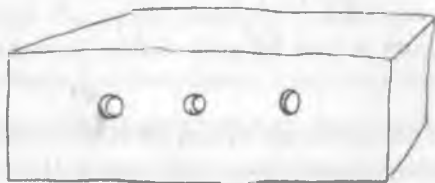

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.
– Ты же сам видишь, – сказал он, – это не барашек. Это большой баран. У него рога...
Я опять нарисовал по-другому. Но он и от этого рисунка отказался:

– Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение – ведь мне надо было поскорей разобрать мотор – и нацарапал ящик.

И сказал малышу:

– Вот тебе ящик. А в нем сидит такой барашек, какого тебе хочется.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

– Вот это хорошо! Как ты думаешь, много этому барашку надо травы?

– А что?

– Ведь у меня дома всего очень мало...

– Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

– Не такой уж он маленький... – сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. – Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

Затем Сент-Экзюпери пишет, что потратил много времени, чтобы узнать, откуда появился Маленький принц, потому что тот все время только спрашивал, а сам на вопросы не отвечал. Постепенно автор узнает, что маленький человечек прилетел из космоса, а живет он на одной крошечной планете.

Чудесная встреча в пустыне в каком-то смысле имеет связь с подлинной биографией Сент-Экзюпери. Его самолет действительно потерпел крушение в Сахаре, правда, тогда Экзюпери был не один, как в повести, а с механиком по имени Прево. Им пришлось бесконечно долго идти по пустыне, и они едва не умерли от жажды. У них уже начинались галлюцинации, они погибали в песках,

когда их нашел араб и напоил водой из калабаша¹⁵. Помощь вскоре подоспела, и путешественники были спасены.

Вполне естественно, что в повести автор использует собственные воспоминания, но типичным образом изменяет обстоятельства, а именно: в повести с ним нет его верного соратника — механика Прево, и помощь не приходит так скоро, как это случилось на самом деле. При этом в повести происходят сверхъестественные события. Именно в них можно разглядеть архетипический образ сознания, проникающий в воспоминания о реальной жизни.

Вы знаете, что в мифах и сказках волшебная сила появляется тогда, когда герой оказывается в безнадежном или отчаянном положении. Во многих сказках прослеживается мотив встречи с волшебной силой: например, герой заблудился в лесу, и ему является маленький гном. Другими словами, сказочный сюжет, когда герой, оказываясь затерянным в лесу или в море, встречается с чем-то мистическим и таинственным, весьма популярен. Он демонстрирует типичную психологическую реакцию сознательной личности (*conscious personality*) в безвыходных ситуациях, когда все возможности разума уже исчерпаны. Человек не знает, что делать дальше: он ощущает себя дезориентированным, не имеющим ни жизненных целей, ни дальнейшей перспективы. В таких случаях поток психической энергии, не получающий выхода наружу, накапливается внутри, активизируя комплексы бессознательного. В эти моменты возникают видения, подобные тем, что описаны у Сент-Экзюпери.

В некоторых, вполне реальных ситуациях, у людей часто случаются галлюцинации, связанные с переживаемым конфликтом, и тогда блокировка энергии усиливается. Как минимум, чрезвычайно активизируются сновидения, на которые человек не может не обратить внимания, — и тогда видения возникают во сне. Как правило, это происходит, если резко изменяется привычный образ жизни.

Когда Сент-Экзюпери и его механик потерпели крушение самолета в пустыне, писатель уже переживал жизненный кризис. Ему было за тридцать, и полеты не доставляли такого удовлетворения, как раньше, однако он никак не мог изменить род деятель-

¹⁵ Калабаш (калебас, кабак) — сосуд из высушенной тыквы, используемый кочевыми племенами для хранения питьевой воды.

ности. У него случались приступы раздражительности и нервные срывы, которые удавалось преодолевать, отправляясь в очередной полет.

Изначально небо было истинным призванием писателя, но постепенно полеты стали способом избежать того, чего он не знал или к чему не мог приспособиться в жизни. Довольно часто человек выбирает какую-то занятость, которая на данный момент его абсолютно устраивает. При этом нельзя сказать, что таким образом он стремится уйти от реальной жизни. Однако со временем жизненный поток в этом направлении начинает иссякать, и человек постепенно ощущает, что его либидо (libido) стремится переориентироваться, найти другую цель.

В таких ситуациях продолжать заниматься прежней деятельностью означает регрессию или избегание реальности, а также уход от своего внутреннего чувства, которое говорит о том, что прежнюю деятельность следует сменить на какую-то иную. Но так как человек не хочет или не знает, как идти в другом направлении, он упрямо продолжает заниматься тем, что делал прежде. Когда Сент-Экзюпери на своем самолете попал в аварию в пустыне, в его жизни летчика уже начался кризис. Теперь становится ясно, *что именно* стоит за неожиданным появлением Маленького принца.

Интересную параллель можно провести между встречей со звездным принцем, описанной у Сент-Экзюпери, и притчей о Хидре и Мусе, существующей в исламской традиции. Вполне возможно, что, живя долгое время в Сахаре, имея много друзей среди бедуинов, Сент-Экзюпери мог слышать эту легенду. Притча, рассказанная в 18-ой Суре Корана (Юнг в свое время предложил подробный комментарий к ней¹⁶), повествует о Мусе, путешествующем в пустыне со своим слугой – юношей по имени Юзеф, сыном Нуха. Мальчик несет корзину рыбы, которой путешественники должны были питаться в пути. В какой-то момент корзина с рыбой пропадает; Муса видит в этом некий знак и говорит, что они должны остаться, поскольку произойдет что-то важное. Внезапно появляется Хидр – первый пророк, или первый слуга Аллаха (это имя переводится как «незрелый, неопытный»). Он сопровождает Мусу в его путешествии какое-то время, став своего рода бессмертным спутником, но предупреждает, что тот (Муса) не

¹⁶ Jung C.G., The Archetypes and Collective Unconscious. CW vol. 9, part I par. 200.

вытерпит их совместного путешествия, поскольку будет сомневаться в поступках Хидра. Муса уверяет, что в нем достаточно веры, чтобы пройти весь путь с пророком, и он не позволит себе усомниться в правильности его деяний. Однако Муса не сдерживает своего обещания.

Многие из вас помнят, что сначала путешественники приходят в маленькую деревушку, где Хидр пробивает отверстия в лодках, причаленных к берегу. Лодки идут на дно, и Муса возмущается поступком пророка. Хидр отвечает, что Муса не поймет его объяснений, но позже говорит, что воры намеревались украсть эти лодки, а Хидр решил их потопить, спасая таким образом бедных рыбаков. Рыбаки починят лодки и снова станут добывать себе пропитание. Если бы Хидр не потопил их, воры украли бы лодки, и рыбаки остались бы без средств к существованию. Однако Муса слишком глуп, чтобы понять это.

Муса опять обещает, что в дальнейшем не будет сомневаться в намерениях пророка и впредь не станет судить о его делах с позиции обычного человека. По дороге они встречают мальчика, которого Хидр убивает. Муса в гневе спрашивает слугу Аллаха, как он мог убить ребенка, и тот с улыбкой повторяет, что Муса не вытерпит их совместного путешествия. Затем объясняет, что мальчик шел с намерением убить своих родителей, поэтому Хидр решил умертвить его раньше, чем тот станет убийцей, и таким образом спас его душу. На этот раз Муса уже готов принять на веру объяснения пророка, но в третий раз, когда Хидр обрушивает кирпичную стену с тем, чтобы открыть замурованный в ней клад, принадлежащий двум детям-сиротам, Муса опять взрывается негодованием. Хидр его покидает.

Эта притча – иллюстрация того, что сознательное рациональное Эго (*conscious rational ego*) человека и воплощение его Самости (*figure of the Self*) несовместимы. Рациональное Эго с его хорошо понятными мыслями и намерениями (Муса) совершенно лишено внутренней связи с великой внутренней личностью (Хидром). Естественно, эта известная притча напоминает людям о том, что они должны научиться сомневаться в своей сознательной установке и всегда ожидать необычного и удивительного – того, что может исходить от бессознательного.

Нечто подобное произошло и с Сент-Экзюпери: он оказался в ситуации, противоречащей его сознательным установкам. С одной стороны, сознание говорило ему, что у него мало времени и

ему необходимо как можно быстрее починить мотор самолета. Он хотел спасти свою жизнь, улететь на стареньком аэроплане и не желал играть в детские игры с мальчиком, явившемся со звезды. С другой стороны, очень важно, что этот Маленький принц оказался единственным, кто сразу понял его рисунки. Экзюпери был очень доволен, увидев, что собеседник действительно его понимает: это был первый знакомый, который принадлежал *его* миру, миру детства, которого ему так не хватало. Тем не менее, автор беспокоился: он думал о том, что мальчик мешает ему починить мотор. А затем следует весьма классическое проявление беспокойства, типичное для *пуэра*! Когда *пуэру* необходимо отнестись серьезно к тому, что происходит во внешнем или в его внутреннем мире, он предпринимает несколько слабых попыток, а затем в нетерпении прекращает их.

Мой опыт свидетельствует о том, что если вы проводите анализ мужчины подобного типа, то совершенно неважно, станете ли вы побуждать его отнестись всерьез к миру внешнему или своему внутреннему – это действительно не имеет большого значения, хотя иногда может зависеть от психологического типа. Важно то, что он должен вытерпеть собственные усилия. Проходя анализ, он должен отнестись всерьез к самому процессу, изучать свои сновидения и жить в соответствии с ними. Если же мужчина не способен на то, чтобы постигать свой внутренний мир – пусть тогда найдет работу и живет по правилам внешней жизни. Самое главное – делать что-то основательно и тщательно, что бы это ни было.

Однако самая большая опасность, т.е. невротическая проблема заключается в том, что *puer aeternus* (человек, попавший под власть описываемого невроза) скорее сделает то, что в данном случае делает Сент-Экзюпери: просто поместит проблему в ящик и нетерпеливо захлопнет крышку. Именно такие люди внезапно говорят вам, что у них появился другой план, что им не подходит то, что им предлагают. И так происходит всегда, как только начинаются трудности. Опасно не то, что они предпринимают в критические периоды, а то, что они полностью «отключаются» от проблем. К сожалению, таким же образом поступил и Сент-Экзюпери в трудный момент своей жизни.

Лекция 2

Прошлый раз речь шла об удаве, проглотившем слона, и о детских рисунках Сент-Экзюпери. Мы упоминали также и о том, что в детстве Экзюпери постоянно искал тех, кто мог бы понять его рисунки, но поиски не увенчались успехом.

Мы говорили, что в коротком вступлении к истории о Маленьком принце есть предсказание трагического конца повести и всей жизни писателя, так как в книге нет указаний на разрешение (lysis) проблемы. В мифах герой, проглоченный драконом (огромной змеей, морским чудовищем, китом и т.п.), спасается тем, что изнутри разрубает мечом сердце (желудок) животного, или танцует в чреве кита до тех пор, пока чудовище не умрет или не извергнет героя наружу. В истории о Маленьком принце проглоченным оказывается сам герой (в нашей интерпретации слон в облике животного воплощает архетип героя – героя, который обратно не возвращается).

Таким образом, мы можем воспринимать текст вступления к повести «Маленький принц» символически: как детский сон, означающий, что фантазии ребенка не находят реализации. Это свидетельствует о том, что в личности писателя изначально присутствует слабая основа и какой-то глубокий надлом, что не позволяет ему избежать фатального воздействия бессознательного.

С легкой иронией пишет Сент-Экзюпери о взрослом мире и его обитателях, которые так серьезны и заняты сущими пустяками. Однако из его биографии ясно видно, что и у него самого присутствуют все неотъемлемые черты взрослого мира. Один из его командиров, генерал Давэ (David), писал так: «Он был цельной личностью, имел вкус к детским удовольствиям, которые иногда удивляли. Сталкиваясь с административной неуступчивостью, он слишком часто испытывал чувство неловкости – такие чиновники

всегда оставались для него *bête noire*¹⁷». Другие биографы отмечают, что люди после знакомства с ним подчас разочаровывались, так как его отличало некоторое позерство: он создавал впечатлительное деятельной натуры и не всегда был искренним в своих проявлениях.

Необычайное стремление получать детские удовольствия, являются не только симптомом проявления комплекса *puer aeternus*. Это еще и способ выражения творческой личности. Предрасположенность к творчеству предполагает способность быть искренним, свободным и непосредственным: ведь если человек лишен непосредственности, спонтанности, он не может быть по-настоящему творческим. Действительно, большинство артистов и представителей других творческих профессий, как правило, обладают врожденным артистизмом. К тому же постоянная игра на публику позволяет человеку отдохнуть и восстановиться после изнуряющих для психики творческих усилий. Следовательно, мы не можем утверждать, что страсть Сент-Экзюпери к детским удовольствиям однозначно указывает на компонент *пуэра*, преобладавший в его личности, поскольку это также может характеризовать его и как творческую натуру.

Замечание генерала Давэ о том, что, с одной стороны, Сент-Экзюпери никогда не мог справиться со своей яростью в отношении государственных и военных бюрократов, а с другой, испытывал неловкость и робость перед ними, очень важно в связи с образом барашка, который мы сейчас обсудим.

Чиновник-бюрократ воспринимает людей как стадо овец или баранов: сталкиваясь с каким-либо чиновником, мы превращаемся в овец, а он – в пастуха. Мы для него – всего лишь номер по списку, и, естественно, бюрократ заставит нас именно так себя чувствовать. Такова современная проблема подавляющей силы Государства и обесценивания отдельной личности. В малом масштабе она реализуется на уровне каждого *пуэра*, который всегда испытывает трудности с социальной адаптацией, но вместе с тем, это и общая проблема. Возмущение, которое ощущает большинство людей, когда их низводят до уровня стада баранов, во многом является искренним и вполне оправданным и не сводится лишь к проблеме адаптации мужчины с комплексом *puer aeternus*. Любой человек, не определивший для себя, готов ли он принять отноше-

¹⁷ букв. тупая скотина (франц.)

ние к себе как одному из многих, и не решивший, в какой мере он вправе рассчитывать на индивидуальный подход, испытывает сложные эмоции в отношении феномена, который Давэ назвал «военным упрямством».

Названная проблема – не только проблема Сент-Экзюпери, но и всей христианской цивилизации. Однако во Франции она имеет особый оттенок, так как у французов есть склонность к преувеличенному проявлению индивидуальности в качестве протеста против всякого администрирования и бюрократии. Надо сказать, что изменения в лучшую сторону наблюдались во время правления де Голля. Однако до сих пор со времен Второй мировой войны во Франции сохранилась тенденция к своего рода бунтарству и негативному отношению ко всему, что как-то связано с бюрократическим давлением государства. Это проявилось, в частности, в увеличении числа людей, голосующих за коммунистов – не потому, что эти люди действительно разделяют коммунистические взгляды (*Weltanschauung*), а потому, что таким образом они демонстрируют свое несогласие с существующим порядком. Такие люди заявляют, что не любят законодателей-клоунов, заседающих во французском правительстве, а потому намерены отдать свой голос коммунистам. Это свидетельствует о наличии инфантильной установки по отношению к вопросам социальной и коллективной ответственности. Проявления подобной инфантильности мы наблюдаем сейчас в асоциальном поведении подростков, вступающих в драку с полицейскими, переворачивающих машины и т.п. – так молодые люди демонстрируют свой протест существующему общественному порядку¹⁸. Когда речь идет о юношах, склонных к эмоциональным взрывам без всякого осознания происходящего, такое поведение вполне понятно. Но если точно так же ведут себя взрослые, например, голосуя за коммунистов только потому, что им не нравятся люди, которые сидят в правительстве, – такая позиция мне кажется незрелой. Однако это общий комплекс, который в той или иной форме присутствует в каждом из нас: мы до сих пор не решили, в какой мере должны принять то, что являемся овцами, направляемыми пастухом-государством, и стоит ли нам отвергать коллективное давление, бороться против него. Ес-

¹⁸ Эта книга впервые была издана в 1970 году, но, судя по событиям во Франции 2005–2006 гг., с тех пор мятежная установка французов против социального порядка не изменилась – она лишь несколько поменяла свою тональность (*прим. перев.*).

тественно, и *пуэры* испытывают эти же трудности, но в более выраженной форме.

Прежде чем перейти к символике образа барашка, спросим себя, почему Сент-Экзюпери встретил Маленького принца в пустыне. С одной стороны, в наших комментариях к повести мы рассматриваем крушение самолета как иллюстрацию события, случившегося в жизни Сент-Экзюпери. С другой же стороны, описанная в книге катастрофа – это символические или архетипические обстоятельства (полный разлад прежней деятельности, утрата цели в жизни, упадок жизненных сил), в которых личность неизбежно встречается с бессознательным. Внезапно мы оказываемся в безвыходном положении, замыкаясь в невротической ситуации, из которой не видим выхода. В этот момент происходит всплеск жизненной энергии, прорывающейся наружу в виде архитектурного образа.

На предыдущей лекции я пересказывала фрагмент из 18-ой Суры Корана, в которой Муса, лишившись пищи (корзины с рыбой), отправился через пустыню с Хидром, первым слугой Аллаха. Совершенно не очевидно, что после кризиса или упадка сил человеку является образ ребенка, могла возникнуть и любая другая архетипическая фигура. Поэтому нам следует рассмотреть символическое значение ребенка-бога.

Мне бы хотелось обсуждать значение величайшего символа божественного младенца постепенно, в процессе рассмотрения книги, так как часть сущности, воплощенная в образе Маленького принца проявится тогда, когда мы лучше узнаем о самой повести. Чтобы получить самый общий образ мальчика со звезды, я вкратце изложу то, что писал Юнг о божественном младенце:

Этот архетип «божественного ребенка» чрезвычайно широко распространен и очень тесно сплетен со всеми другими мифологическими аспектами мотива ребенка. Едва ли необходимо ссылаться на все еще живого «младенца-Иисуса», который в легенде о Христофоре обнаруживает все тот же самый типичный аспект «меньше малого и больший большого». В фольклоре мотив ребенка проявляется в облике карлика или эльфа в качестве разъяснения потаенных сил природы. К этой области относится также позднеклассическая фигура *anthroparion*, или металлического человечка, который, с одной стороны, вплоть до позднего средневековья, оживотворял рудниковые шахты, с другой стороны, представлял алхимические металлы, и

прежде всего, Меркурия, возрождаемого в совершенном облике (в виде гермафродита, как *filii sapientiae* или как *infans noster*). Благодаря религиозному толкованию «ребенка», до нас дошли также некоторые средневековые свидетельства, которые показывают, что «ребенок» был не только фигурой, сообразной традиции, но также спонтанно переживаемым видением (при так называемом «вторжении бессознательного»). Упомяну видение «обнаженного мальчика» у Майстера Экхарда, а также сновидение брата Евстахия. Интересные сообщения о таких же спонтанных переживаниях находим мы в английских рассказах о привидениях, где речь идет о видении «Radiant Boy»¹⁹, которого якобы видели на том месте, где некогда были римские руины. Сообщается, что этот образ сулит несчастья. Складывается такое впечатление, будто речь идет чуть ли не о фигуре «*puer aeternus*» которая из-за «изменения облика» стала неблагоприятной, разделив тем самым участь античных и германских богов, которые вдруг и всем скопом стали чудищами. Мистический характер такого переживания подтверждает нам также Гете (Фауст, 2 часть), где сам Фауст превратился в мальчика и был принят в «хор блаженных мальчиков», что соответствует «стадии куколки» доктора Мариануса²⁰...

Я не знаю, соотносил ли Гете это диковинное представление с античными надгробными купидонами; последнее очень даже вероятно. Образ полишинелей (*cucullatus*) указывает на кого-то завуалированного, т.е. невидимого, гения усопших, который отныне – в детском хороводе – опять обнаруживает новую жизнь, окруженный морскими образами дельфинов и богов моря.²¹

Здесь я позволю себе прервать цитату из Юнга и заметить, что *cucullatus* означает «тот, кто носит капюшон», т.е. того, кто носит платье с капюшоном. Думаю, весьма символично, что Жан Кокто,²² предпочитавший такую одежду, стал родоначальником молодежной моды, основной приметой которой является куртка,

¹⁹ букв. «сияющий мальчик» (англ.).

²⁰ Русский текст цит. по изданию: Юнг К.-Г. Психология архетипа ребенка. Пер. Т.А. Ребеко. В сб.: Юнг К.-Г. Структура психики и процесс индивидуации. М.: «Наука», 1996. – с. 56–57.

²¹ *ibid.*, с. 69.

²² Жан Кокто (Jean Cocteau, 1889–1963) — французский поэт, драматург, художник, режиссер, для которого характерны разнообразие и непостоянство творческих устремлений. // «КИНО» Энцикл. словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1986 г.

плащ или пальто с капюшоном. Представители этого молодежного движения – *пуэры*, и они даже одеваются соответствующим образом! Интересно, знал ли об этом Кокто?

Море – излюбленный символ бессознательного, матери всего живущего. Так как «ребенок» при известных условиях (например, в случае Гермеса и дактилей) имеет ближайшую связь с фаллосом как символом производителя, не удивительно, что он снова появляется в надгробном фаллосе в качестве символа обновленного зачатия.²³

Вот так Юнг в общих чертах наметил двойственную природу архетипа младенца, и это основная трудность, с которой мы сталкиваемся в его толковании.

С одной стороны, младенец означает обновление жизни, естественность и непосредственность, возникающие новые внутренние или внешние возможности, изменение всей жизненной ситуации в позитивном направлении. С другой стороны, в той же мере ребенок-бог имеет негативную, разрушительную сторону. Именно о ней упоминает Юнг, когда ссылается на видения «сияющего мальчика» (*Radiant Boy*), утверждая, что деструктивный аспект архетипа младенца, скорее всего, связан с языческим пониманием ребенка-бога, образ которого обязательно должен быть негативным. Этот негативный ребенок-бог сулит нам беду и горе, но мы вправе сказать, что как только появляется образ ребенка-бога, мы почти всегда сталкиваемся с проблемой выбора.

Образ ребенка всегда символизирует естественность, непосредственность. Вместе с тем невероятную трудность представляет собой задача определить, связан ли этот образ с проявлением инфантильной Тени (*infantile shadow*), которую следует отделить и подавить, или же с неким творческим аспектом, способствующим нашему продвижению вперед. И в каждом случае эта проблема этического характера. Ребенок всегда находится и позади нас, и у нас впереди. Позади нас он представляет собой инфантильную Тень, детскую неразвитость, которую следует принести в жертву, иначе она затянет нас назад в зависимость, лень, распушенность, заставит нас бежать от проблем, всякой ответственности и самой жизни. С другой стороны, если ребенок оказывается в пере-

²³ Юнг К.Г. Психология архетипа ребенка. Пер. Т.А. Ребеко. В сб.: Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М.: «Наука», 1996. – с. 70.

ди нас, это означает обновление, шанс сохранить вечную юность, обрести непосредственность и естественность, получить новые возможности – это означает поток жизни в направлении творческого будущего.

Трудность, как правило, заключается в том, чтобы в каждом конкретном случае осознать истинные мотивы появления образа ребенка. Является ли этот образ воплощением инфантильного импульса, который только тянет человека назад, или же это стимул, лишь кажущийся инфантильным, но который необходимо принять и пережить, так как он побуждает человека двигаться вперед?

Иногда ответ на этот вопрос выстраивается из контекста сновидений. Предположим, что мужчине-*пуэру* приснился маленький мальчик. Именно по содержанию сна мы можем сказать, что означает появление ребенка: если оно символизирует проявление инфантильной Тени, тянущей человека назад, я расцениваю его как губительное для личности. Но если тот же самый образ имеет позитивный смысл, вы можете сказать, что ребенка следует принять, так как он несет в себе возможность изменения жизни, несмотря на то, что его появление выглядит как нечто детское и глупое.

Если бы все происходило именно так, анализ подобных проблем не представлял бы трудностей. Но, к сожалению, все, что исходит от бессознательного – и деструктивные, и конструктивные его аспекты, и тянущие нас назад, идвигающие нас вперед, – все они очень тесно переплетаются между собой, подчас сливаясь в единое целое. Именно поэтому толкование подобных образов подчас затруднительно, иногда практически невозможно.

По-видимому, с такой ситуацией мы столкнулись и в повести, и во внутренней проблеме Сент-Экзюпери. Вряд ли возможно точно определить (по крайней мере, я не могу), как именно следует трактовать образ Маленького принца: как пагубную инфантильную Тень, роковое появление которой возвещает Сент-Экзюпери о смерти, или как божественную искру его творческого гения.

Один из наших студентов, д-р Роберт Штайн (Robert Stein), развил эту идею следующим образом: мы видим здесь нечто наподобие ущербной Самости (*defective Self*). Другими словами, у некоторых людей с несчастной судьбой символ Самости оказывается дефектным. Это должно означать, что у таких людей нет никаких шансов сделать свою жизнь счастливой, так как ядро их

психики имеет изъяны и является неполным, следовательно, из этого ядра не может развиваться процесс индивидуации.

Я *не согласна* с этой идеей, я никогда не видела символов такой ущербной Самости, которым не сопутствовала бы ущербная установка Эго. Где бы вы ни встретили такой дефектный символ Самости, который является нецелостным и неоднозначным, там всегда одновременно существует нецелостная и нездоровая установка Эго. Таким образом, нельзя с научной точки зрения утверждать, что причиной всех проблем является ущербная Самость. Следовало бы сказать, что воздействие Самости не способно быть позитивным вследствие ложной установки Эго.

Если вы употребляете пищу, которая вам совершенно противопоказана, на которую ваш желудок реагирует неадекватно, вы можете попытаться решить проблему со здоровьем двумя способами. Вы можете предположить, что с вашим желудком не все в порядке и отправитесь к различным врачам, не говоря при этом, что вы употребляете пищу, полностью вам противопоказанную. Доктора придут к выводу, что дело плохо, у вас больной желудок, и конкретную причину заболевания выявить невозможно. С другой стороны, врачи могут с таким же успехом сказать, что если вы употребляете противопоказанную вам пищу, едите не вовремя или нерегулярно, то в вашем заболевании виноват вовсе не желудок.

Таким образом, ущербная Самость всегда сопровождает Эго, которое действует неправильно. Следовательно, и Самость тоже действует неправильно. Если Эго лениво, подвержено инфляции, недобросовестно, не выполняет необходимых функций Эго-комплекса, тогда становится ясно, что и Самость не может проявляться позитивно. Если бы сегодня доктор Штайн был здесь, он бы обязательно возразил: «Нет, есть другое объяснение. Эго не может нормально действовать, потому что Самость ущербна». В таком случае мы по существу сталкиваемся со старой, как мир, проблемой свободы воли: могу ли я хотеть поступать правильно? Это тот вопрос, которой всегда задал вам мужчина-пуэр. Он скажет, что знает, что все идет неправильно потому, что он ленив, но он ведь не может не хотеть лениться! Он скажет, что, похоже, у него невроз, потому что он не может побороть свою лень. И поэтому не надо обращаться с ним как с симулянтом, у которого все наладится, стоит ему только перестать лениться. Сколько раз мне приходилось слышать такие аргументы! В какой-то степени это правда,

поскольку *пуэр* не может заставить свой разум (*mind*) работать. Действительно, можно сказать, что *пуэр* обладает ущербной Самостью – в структуре всей его психики есть что-то, что не поддается исцелению.

Подобная проблема проявляется во многих неврозах, а не только в неврозе, характерном для комплекса *puer aeternus*. Она весьма серьезна, и мое отношение к ней парадоксально: до тех пор пока могу, я веду общение с человеком, рассчитывая на то, что он сможет совладать с собой с помощью разума, поскольку в этом состоит единственная возможность его спасения. Тем не менее, если мои ожидания не оправдываются, и он не может или не хочет ничего с собой делать, я меняю отношение к проблеме и говорю, что в данном случае она не имела решения – положение вещей изменить было невозможно. Иначе велика вероятность впасть в ощущение неадекватного психологического превосходства: человеку может стать хуже, он может умереть от болезни или погибнуть от несчастного случая, а ты заключаешь, что это произошло потому, что пациент не осознал свою проблему, и это его вина в том, что у него такая злая судьба.

На мой взгляд, подобная позиция отвратительна. Ни у кого нет права поступать так. Природа мстит по-своему. Если человек не может решить свои проблемы, его, как правило, настигает кара в виде тяжелой болезни или несчастного случая. Однако никто не смеет ему на это указывать и выводить из трагедии мораль. На мой взгляд, в таких случаях стоит остановиться и принять другую гипотезу: пациент не мог решить своих проблем потому, что его психическая структура имела изъяны, и исцеление оказалось невозможным. Но до тех пор пока трагедии не произошло, лучше принять первую установку и постараться создать атмосферу, вселяющую надежду на исцеление, самому верить в то, что в определенной мере свобода воли все же существует. В жизни есть много примеров того, как люди неожиданно брали себя в руки и обращали разум на борьбу со своим неврозом и, в конечном счете, им удавалось вырваться из тисков болезни.

Называйте это как угодно – чудом или правильным отношением человека к себе, но теологи в таких случаях говорят, что на человека снизошла милость Божья. Что же его спасло: его собственная добродетель или Божья благодать? На мой взгляд, здесь можно столкнуться с противоречием и оказаться в тупике парадокса.

В случае с Сент-Экзюпери мы имеем дело с особой формой невроза. На протяжении всей истории о Маленьком принце нас тревожит один тяжелый нерешенный вопрос: мы чувствуем, что в течение всего повествования постоянно что-то происходит не так, не совсем правильно. Но никто не знает, была ли вина Сент-Экзюпери в том, что он не мог побороть недуг. Была ли с самого начала какая-то причина, которая помешала ему справиться с неврозом?

Замечание с места: Однако Юнг утверждает, что в коллективном бессознательном не может быть никакой болезни, а значит, если Самость является архетипом, то, на мой взгляд, она не может быть дефектной.

Полностью с вами согласна. С моей точки зрения, если Самость и выглядит дефектной, то это происходит вследствие неправильной установки Эго. Объективно сама по себе она не может быть неполноценной, именно поэтому я не могу принять идею ущербной Самости. Если Эго способно меняться, обязательно меняется и что-то еще. Таким образом, если изменяется эго-установка, символы Самости становятся позитивными. Именно это мы можем наблюдать на практике. Если человек получил возможность проникнуть во внутреннюю суть (insight) собственной личности, то все его бессознательные реакции (constellation) меняются. Мои оппоненты могут возразить, что один человек благодаря Самости может измениться, а другой нет. Но это уже замкнутый круг.

Что касается темы нашей встречи, я постараюсь представить двойственную трактовку образа ребенка – и как инфантильную Тень, и как Самость. Затем мы попытаемся выяснить, в каком случае какая интерпретация является соответствующей. Это означает, что весь материал мы будем интерпретировать с двух точек зрения, чтобы постараться лучше осветить проблему.

Предположение о том, что мальчик, которого Сент-Экзюпери встретил в пустыне, является инфантильной Тенью, очень легко доказать – ведь Маленький принц оказался единственным, кто понял историю о слоне и удаве. Безусловно, ребенок – отражение переживаний детства. Известно письмо Сент-Экзюпери к матери, написанное в 1935 г. незадолго до его смерти. Он пишет, что только в воспоминаниях о детстве черпает живительные силы. Напри-

мер, он помнит запах рождественских свечей. Он пишет, что душа его истощена, и он умирает от жажды.

Это была тоска по прошлому, и можно сказать, что в образе Маленького принца воплотился мир его детства, следовательно, и его инфантильная Тень. Символично, что детские воспоминания адресованы матери: это служит подлинным доказательством того, что Сент-Экзюпери переживал материнский комплекс.

С другой стороны, нельзя утверждать, что образ ребенка полностью негативен. Это не просто появление инфантильной Тени, ведь, как мы увидим позже, Маленький принц прилетел со звезды. Можно заметить одну интересную параллель. Как только Сент-Экзюпери потерпел катастрофу, со звездного неба спустилось некое создание (Маленький принц, прилетевший с далекой планеты). Таким образом, на земле встретились два существа, которые до тех пор жили в небе: звездный принц явился из далекого космоса, а Сент-Экзюпери приземлился на своем самолете.

С того момента, как Маленький принц очутился на земле, он уже воплощает не только инфантильную Тень, он уже в чем-то соприкоснулся с реальностью. Таким образом, его фигура неоднозначна. Однажды осознанная, инфантильная Тень уже не будет тянуть назад, она становится частью будущего.

Итак, Маленький принц больше не будет воплощать только инфантильную Тень, а отчасти станет формой продолжающегося процесса переосмысления, заключающегося в том, чтобы достичь более высокого уровня сознания, а с практической точки зрения – расставшись с иллюзиями, все теснее соприкоснуться с реальным миром.

С детства мы сами взваливаем на себя бремя наших заблуждений и тащим этот тяжелый груз за собой во взрослую жизнь. Деликатность проблемы, однако, заключается в необходимости избавиться от некоторых иллюзий, не впадая при этом в цинизм. Есть люди, которые еще в самом начале жизни избавляются от иллюзий, что можно наблюдать, например, в процессе терапии детей-сирот, к какому бы социальному кругу они не принадлежали. Циничными оказываются и дети, которых сегодня называют «заброшенными»: это либо дети бедноты с трудной судьбой, которые родились и выросли в трущобах, в неблагоприятной семейной обстановке, либо дети очень богатых родителей, переживающие те же несчастья (кроме, пожалуй, отсутствия денег): развод родителей, сложный психологический климат в семье и т.п. Одно оче-

видно: в семьях «заброшенных» детей полностью отсутствует столь важная для них теплая эмоциональная атмосфера, поэтому они, как правило, взрослеют раньше своих сверстников. Они очень рано становятся прагматиками, лишеными всяческих иллюзий. Они уверены в себе и независимы с самого юного возраста – такими их делают жизненные трудности. Однако их сразу можно отличить по горьким и псевдозрелым высказываниям о том, что в жизни идет что-то не так, неправильно – их слишком рано вытолкнули из мира детства в жестокую реальность.

Исследуя психологию таких людей, мы видим, что проблема детских иллюзий внутри них не проработана, она просто оторвана, отделена (cut off) от сознания. Убедив себя в том, что их идеалы и желание быть любимыми слишком обременительны и тяжелы, как мешок с камнями, который они взвалили себе на спину, они твердо решили, что от такого груза нужно избавиться. Но решение, которое приняло их Эго, совсем не помогает: более глубокий анализ показывает, что они по-прежнему остаются во власти детских иллюзий. Желание иметь любящую мать и обрести счастье осталось столь же сильным, как и в детстве, только подавленным. Но на самом деле эти люди являются менее зрелыми по сравнению с другими: проблема нереализованности детских желаний загнала их в угол. И поскольку жизнь зашла в тупик, перед ними встает трудноразрешимая задача воскрешения этих желаний и иллюзий. Поэтому им приходится вновь переживать их, чтобы снова почувствовать себя на высоте.

Такова же проблема, которую можно наблюдать у тех, кто утверждает, что никого не любит и никому не доверяет. Если кто-то из них оказывается в подобной ситуации, жизнь сразу теряет всякий смысл. Благодаря отношениям переноса (transference) они начинают надеяться, что, возможно, смогут вновь кому-то поверить или кого-то полюбить. Однако можно быть полностью уверенным в том, что любовь, которую они испытают, будет по-детски незрела. Пациент очень часто знает: что бы с ним ни случилось, все будет бесполезным и принесет разочарование. Отчасти это верно, поскольку у таких людей во время терапии проявляется что-то по-детски незрелое и обязательно должно быть устранено либо аналитиком, либо самой жизнью. Их чувства настолько неразвиты, что, если, например, аналитик простудился и заболел, они ощущают его болезнь как личную травму, испытывая досаду и разочарование. Вполне взрослые люди осознают, что ведут себя

неразумно и даже по-идиотски, но именно такие эмоции они переживают. Вполне справедливо они задают вопрос: «Что делать, если человек ощущает себя ребенком, если он страдает такой безнадежной формой инфантилизма?» Поучать такого человека можно с тем же успехом, что читать проповедь раздраженному маленькому ребенку: он тебя не слушает.

Возможно ли противостоять этой сложной проблеме?

Можно, отложив ее в долгий ящик как обременительный источник иллюзий и неприятностей, забыть о ней. Но это означает лишиться непосредственности, оказаться разочарованным и стать «неправильно повзрослевшим» (*grown-up in a wrong way*). Можно, однако, и постоянно переживать эту проблему, но тогда человек становится невыносимым для окружающих. Кроме того, реальная жизнь будет все время «давать подзатыльники» – вот в чем беда. Люди, прячущие свои чувства и потребности, а также способность доверять людям, ощущают себя не совсем естественно и действуют как бы по принуждению. Они не бывают самими собой. Они чувствуют себя живущими как бы наполовину, не воспринимая себя реальными личностями.

Отказаться от божественного младенца внутри себя означает неумение принимать себя всерьез. Человек играет роль! Всю свою жизнь мы играем спектакль, но если мы честны сами с собой, мы осознаем, что все это только игра. Иначе мы вели бы себя настолько по-детски неразумно, что никто не смог бы выдержать наше поведение. Так как же поступать, что же делать?

Действительно, трудно понять по-детски божественного младенца внутри себя, ведь он проявляется в ситуациях, когда человек оказывается между подлинной личностью и инфантилизмом. В таких обстоятельствах сложно понять, как поступить.

Теоретически все вполне ясно: следует отбросить весь свой инфантилизм, оставив подлинную личность. Каким-то образом необходимо распутать клубок отношений между ребенком и личностью, и если анализ проходит правильно, постепенно именно так все и происходит. Человек успешно освобождается от инфантилизма и окончательно избавляется от незрелости, сохраняя при этом свои творческие способности для дальнейшей жизни. Однако на практике существует одна малозаметная сложность.

Божественный младенец, или звездный принц, которого Сент-Экзюпери встречает в пустыне, просит автора повести нарисовать барашка. Мы узнаем, что мальчик прилетел сюда, чтобы

найти барашка и взять его с собой. Позже в истории говорится о том, что планету Маленького принца заполонили баобабы, они разрастаются и пускают молодые побеги. Мальчик хотел бы, чтобы барашек поедал побеги баобабов, как только они появляются, избавив его от необходимости самому их пропалывать. Но сначала он ничего этого не объясняет Сент-Экзюпери, и истинную причину его желания иметь барашка мы узнаем позже.

Итак, нам следует рассмотреть символику образа овцы (барана) в личной жизни Сент-Экзюпери, а затем – в мифологии вообще.

В одной из своих книг Сент-Экзюпери пишет:

...ведь рок – как внешняя сила – не существует. Но существует некий внутренний рок: наступает минута, когда человек вдруг чувствует себя уязвимым, – и тогда ошибки затягивают его, как головокругложение.

Естественно, это должно иметь отношение к полетам. Он подразумевал, что не бывает случайных авиакатастроф. Несчастный случай, если он происходит, становится результатом объединения внутреннего и внешнего процессов.

В таких случаях главную роль играют не столько большие препятствия, сколько маленькие: три апельсиновых дерева, растущих на аэродроме или три десятка овец, которых вы не заметили в траве, неожиданно появляются между шасси вашего самолета.²⁴

Было время, когда овец разводили для того, чтобы уничтожить заросли высокой травы на аэродромах, и случалось, что приземляющийся самолет по ошибке наезжал на животных. Можно сказать, что Экзюпери проецирует на внезапное появление овец ту роковую случайность, которая погубит *puer aeternus*, или, в данном случае, его самого. Овца была его роковым врагом.

В Греции слово овца было «говорящим». Овцу называли *probaton*; это слово является производным от глагола *beino* «идти

²⁴ Русский текст цит. по изданию: А. де Сент-Экзюпери. «Ночной полет» Пер. Ваксмахера. // А. де Сент-Экзюпери. Сочинения в 2-х т.т. М.: Согласие, 1994. т. 1. с. 112–172.

пешком», приставка *pro* означает «вперед». Это изумительное имя: у животного нет другого выбора и другой функции, кроме как идти вперед! Это все, что оно может делать. Более того, мудрые греки наделили слово «овца» средним родом и называли ее «существом, идущим вперед».

Такое название отражает негативные качества животного, которое всегда следует за идущим впереди бараном. Вы часто можете встретить в прессе истории о том, как баран, преследуемый волком или собакой, прыгает со скалы и увлекает за собой две-три сотни овец. Подобный случай произошел лет десять назад в горном альпийском местечке Лензерхайде: баран, преследуемый волкодавом, прыгнул с обрыва. Людям пришлось спуститься вниз с ружьями и ножами и прирезать сотни две овец, прыгнувших в пропасть вслед за бараном. Не все из них разбились насмерть: овцы просто прыгали одна за другой, пока не образовалась целая гряда животных.

Именно поэтому человека часто называют «глупой овцой». У овец настолько развит стадный инстинкт, что они не могут ему противостоять даже тогда, когда их жизнь в опасности.

Те, кто смотрел фильм Уолта Диснея «Белое безмолвие» (“The White Wilderness”), наверняка помнят эпизод, где лемминги²⁵ один за другим бросались в воду. Поддавшись власти инстинкта, ни одно животное не может противостоять ему. Овца ведет себя подобным же образом, поэтому негативный аспект ее появления в сновидении служит воплощением стадного инстинкта у человека, олицетворением нашей склонности заражаться настроением толпы и неспособностью отстаивать собственную точку зрения.

Овца – стадное животное *par excellence*.²⁶ Безусловно, в каждом из нас живет человек толпы. Например, узнав, что на лекцию пришло много слушателей, вы скажете: «Должно быть, это хорошая лекция». Или же, прочитав, что кто-то устраивает выставку в галерее искусств, вы отправляетесь туда. Увидев, что картины ужасны, вы этого не произносите вслух: вам не хватает мужества. Вы оглядываетесь на других людей, которые, по вашему мнению, должны бы восхищаться выставленными картинами, и не рискуете высказать свое мнение. Многие, прежде чем высказать соб-

²⁵ Лемминг – род грызунов подсемейства полёвковых, *Arvicolinae* семейства хомяков *Cricetidae*.

²⁶ букв. в высшей степени (франц.).

ственное суждение, сначала смотрят на имя художника. Такие люди – овцы.

В мифологии овца имеет странную связь с миром божественного младенца. Вы все помните, что Мадонну часто изображают рядом с матерью, [св. Анной]: обе женщины наблюдают как маленький Христос и Иоанн Креститель играют с маленькими ягнятами. Начиная с XVI в. Пресвятая Дева изображалась с двумя детьми – Христом и Иоанном Крестителем, играющими с барашком. Есть изображения младенца-Христа в образе ягненка, держащего крест и т.п.

Таким образом, очевидно, что ягненок (агнец) олицетворяет самого Христа, и все же в искусстве способы воплощения барашка и Христа различны. Христос является жертвенным агнцем, *agnus dei*. В изобразительном искусстве ягненка часто изображают партнером по играм, и его образ (как и в случае изображения бога в виде животного) означает, что барашек – тотемное существо, животное воплощение бога. В немецком фольклоре есть поверье, что души еще не родившихся детей живут в образе ягнят в царстве Матушки Холле (Mutter Holle – вариант богини матери-земли). Души этих нерожденных детей по виду напоминают облака; немцы называют их *Lämmerswölchen* («облака-барашки»), а англичане – *fleece clouds* («овечьи облака»). Крестьяне верили, что облака-барашки и есть души невинных младенцев. Считали, что если в День Поминовения²⁷ на небе много таких облаков, это дурное предзнаменование, сулящее смерть мальчикам и младенцам мужского пола.

Изучая народные поверья в отношении овец, увидим, что во всех традициях овце присуща символика невинности. Овца особенно подвержена сглазу и порче. Она поддается злым чарам значительно быстрее, чем любое другое животное, а наведенная порча может ее даже убить. Овце также приписывается наличие шестого чувства, поскольку считается, что своим поведением она способна предсказывать, например, смерть владельца. Это же качество проецируется на многих других домашних животных: считается, что лошади, как, впрочем, и пчелы, тоже обладают интуицией. Поэтому шестое чувство не является исключительной особенностью поведения овцы – ее характерной чертой в фольклорной

²⁷ Holy Innocents' Day – День Поминовения святых младенцев Вифлеемских, в римско-католической традиции отмечается 28 декабря.

традиции остается подверженность воздействию сглаза, порчи и колдовства, исходящего от ведьм и волков.

Молоко – еще одна субстанция белого цвета, служащая символом невинности и чистоты, и на него также можно наложить чары в любой момент. В крестьянских культурах одним из основных действий колдунов и ведьм было наведение порчи на соседское молоко. Поэтому хозяйке следовало соблюдать многочисленные меры предосторожности: молоко нельзя переносить через улицу после семи часов вечера; прежде чем подоить корову, пустое ведро необходимо перевернуть вверх дном, а также трижды прочесть молитву к Пресвятой Деве и т.п. Наши санитарно-гигиенические требования не сравнятся с предосторожностями, которые предпринимались против колдовства в старину: те были несравнимо сложнее. Так, стоило ведьме просто пройти по улице, как у хозяек сворачивалось и прокисало надоенное молоко; если сглазу подвергался коровник, то молоко от таких коров портилось, и надо было искать того, кто снимет порчу с коровника.

Интересно, что все, символизирующее чистоту и невинность, особенно подвержено воздействию зла. Противоположности сходятся, именно поэтому чистота и непорочность всегда бросали вызов силам тьмы.

В практической жизни *пуэра* – в жизни мужчины, не освободившегося от архетипа вечной юности – можно заметить схожие черты, а именно, склонность всему верить и быть наивным идеалистом, невольно привлекая таким образом разного рода обманщиков и мошенников. Анализируя мужчин такого типа, я часто отмечала, что *пуэры* испытывают губительную привязанность к женщинам сомнительного поведения, выбирают себе в друзья людей, о которых трудно сказать что-то хорошее. Это происходит потому, что их неопытная наивность и ложный идеализм непроизвольно привлекают противоположных им, и бесполезно предостерегать *пуэров* от общения с подобными людьми. Вас не услышат, а только упрекнут в ревности или в чем-то в этом роде. Наивность и детская невинность исцеляется только переживаниями разочарования, освобождения от иллюзий и приобретением горького опыта. Предостережения ничего не дадут: мужчины-*пуэры* должны учиться на собственном опыте; не приобретя его, они никогда не станут зрелыми людьми. Вот почему волки (т.е. злоумышленники) инстинктивно воспринимают барашков (*пуэров*) как свою законную жертву. Естественно, та-

кие взаимоотношения уходят глубокими корнями в нашу религиозную традицию.

Общеизвестно, что Христос – наш Пастырь, а мы – его паства. Это самый важный образ в нашей религиозной традиции. Вместе с тем, именно этот образ способствовал созданию деструктивного феномена, заключающегося в представлении о том, что поскольку Христос – это наш пастух, а мы – его овцы, то, как нас учит церковь, нам не следует много думать или иметь собственное мнение – нам нужно просто верить. Если мы не можем поверить в воскресение тела – таинство, которое никто не может понять – значит, мы просто должны принять этот факт на веру. Вся наша религиозная традиция действует в этом направлении. Как результат, если появляется другая система, скажем, коммунизм или нацизм, оказывается, что мы приучены закрыть глаза и не думать. Нас выучили верить фюреру или кремлевским вождям. Мы действительно выдрессированы так, чтобы вести себя как овцы!

Все хорошо до тех пор, пока лидер внушает доверие или же идеалы, к которым он призывает, имеют позитивные аспекты. Но сегодня мы наблюдаем, как недостатки нашего религиозного образования приводят к весьма отрицательным последствиям. Человек Запада, воспитанный христианской культурой, более подвержен воздействию массовой психологии, чем носитель восточной культуры. Европейец предрасположен к тому, чтобы верить лозунгам и девизам, потому что ему многократно повторяли: существует многое, чего нельзя понять, но необходимо принять на веру, чтобы обрести спасение. Поэтому мы обучены вести себя как овцы. Подобная психология представляет собой ужасающую своими масштабами Тень христианского образования, за которое мы теперь расплачиваемся.

Творчество Сент-Экзюпери свидетельствует о том, что он одержим этой идеей. Он пишет в «Цитадели»:

Построить мир – значит, построить большой хлев, настолько большой, чтобы в него поместилось все стадо, так чтобы целое стадо могло в нем спать²⁸.

²⁸ Русский текст цит по: А. де Сент-Экзюпери. Цитадель. Пер. М. Кожевниковой. М.: Изд-во Эксмо, РИЦ Литература, 2002.

Каков идеал! Приравнять все человечество к овечьему стаду!

Построить мир – значит взять взаймы у Бога его пастырский плащ, чтобы все люди смогли поместиться под этим пастырским плащом.

Как видите, он отождествляет себя с Богом. Он – демиург, укрывающий своим плащом все человечество: так находит свое выражение религиозная мания величия, свойственная *пуэру*.

А вот как проявляется другой комплекс:

Точно так же, как мать, которая любит своих сыновей, один из которых оказывается робким и полным нежности, другой горит желанием жить, третий, возможно, является горбуном, а четвертый – изысканным и утонченным, но все они при всем их различии, трогают материнское сердце, и все различие их любви создает материнскую славу.

На французском языке эти слова звучат еще более эмоционально и впечатляюще:

Bâtir la paix, c'est bâtir l'étable assez grande pour qui troupeau entier s'y endorse. Bâtir la paix, c'est obtenir de Dieu qu'il prête son manteau de berger pour recevoir les hommes tout l'entendu de leur désir. Ainsi de la mère qui aime ses fils et celui là timide et tendre et l'autre ardent à vivre et l'autre peut-être bossu, chétif et malvenu, mais tous, dans leur diversités émuvent son coeur, et tous dans la diversités de leur amour servent la gloire²⁹.

Таким образом, здесь можно увидеть, как религиозный образ божественного пастыря опасным образом соединился с сентиментальностью материнского комплекса. Вдруг оказывается, что пастырем является мать, а паства – ее дети. Появляется волк, съедает пастуха и надевает его плащ – вот тогда вы увидите, что случится с овцами! Какая прекрасная возможность для волка!

Если речь идет о духовной сфере, волк принимает роль диктатора или вождя, им же может стать и любой публичный болтун. В частной жизни власть над барашком-сыном берет Анимус пожирающей матери. А благопристойные, преданные сыновья верят,

²⁹ Французский текст цит. по оригинальному изданию.

что им выпала честь по-рыцарски служить своей пожилой матери и не замечают, что материнский Анимус, питаясь их наивностью, поглощает их. Пожирающий Анимус матери находит удовлетворение в сыновнем простодушии, в самых лучших сыновних чувствах любви и преданности. Вот пример того, как овцу съедает пастух.

Итак, маленький звездный принц из нашей истории хочет получить барашка. Мы знаем, что барашек нужен для того, чтобы поедать разрастающиеся деревья, которые являются очевидным символом пожирающей матери. Поскольку разрастание деревьев угрожает существованию планеты, постольку желание маленького принца иметь барашка, на первый взгляд, имеет позитивный смысл: ведь деревья символизируют материнский комплекс, и барашек поможет в борьбе с ним.

Однако я уже приводила косвенные доказательства того, что образ овцы является частью материнского комплекса и как раз способствует разрастанию деревьев, а вовсе не препятствует ему. Таким образом, мне кажется, что в данном случае мы вновь сталкиваемся с полной неоднозначностью (*ambiguity*). Каким образом барашек помогает побороть материнский комплекс? Мы впоследствии увидим, как он с ним взаимодействует. В повести говорится, что барашек поедает молодые побеги деревьев, символизирующие разрастание материнского комплекса. Но что это значит с психологической точки зрения? В какой мере человек толпы, существующий у нас внутри, может помочь в борьбе с материнским комплексом?

Ответ: Мать уже не кажется такой пожирающей, когда барашек подчиняется ее воле.

Вы имеете в виду, что если барашек идет прямо в волчью пасть, то волк становится менее опасным, потому что сыт, так? Я не думаю, что сын, уступающий желаниям пожирающей матери, способен как-то решить ситуацию; мне этого наблюдать не приходилось. Материнский комплекс разрастается и становится тем насыщеннее, чем больше он поглощает.

Ответ: Я бы сказала, что каждому необходимо освободиться от матери.

Да, но что может помочь мужчине освободиться от матери?

Ответ: Если мужчина поступает в соответствии со своим паттерном, а именно, освобождается от матери, значит, он ведет себя совершенно правильно.

Вы имеете в виду, он воспринимает психологический лозунг «необходимо освободиться от своей матери»? Если он так поступает, значит, он действительно ведет себя в соответствии с ментальностью овцы: он делает это, потому что «так сказано», и в результате освобождается от матери. Совершенно правильно.

В действительности очень немногие молодые мужчины обладают достаточно сильной индивидуальностью, чтобы вырваться из-под власти материнского комплекса по собственной воле. Как правило, у других это происходит под давлением социума. Например, в нашей стране справиться с материнским комплексом помогает военная служба. Надо сказать, что благодаря армии многим мужчинам удалось значительно ослабить влияние материнского комплекса или совсем от него избавиться. Именно «психология овцы», человека толпы побуждает их пойти в армию, и эта социальная адаптация может стать необходимой помощью в ослаблении влияния материнского комплекса – правда, иногда только временно. Это особенно заметно у нас, в Швейцарии. В менее образованной среде военная служба до сих пор в значительной мере осуществляет такую же функцию, которую выполняют ритуалы мужской инициации в примитивных сообществах: это момент, позволяющий освободиться от материнских уз.

Вы можете сказать, что скромное поведение человека, его неиндивидуалистическая позиция по отношению к социуму (non-individualistic adaptation) помогают в борьбе против материнского комплекса. Иными словами – и я уже говорила об этом ранее, – выполнение своей работы, поступление на военную службу, стремление вести себя как все, не потакая собственным капризам, свойственным мужчинам с явно выраженным материнским комплексом, – все это помогает избавиться от проблемы. Следует также расстаться с идеями о своей особой исключительности, о бесполезности и ненужности проходить все ступени социальной адаптации, поскольку по своей сути эти мысли отравлены ядом материнского комплекса.

Итак, если мужчина отбросит подобные идеи и признает, что он просто один из многих, некий незначительный человек толпы, то в определенной степени это станет для него исцелением, прав-

да, лишь временным и неполным. Тем не менее, это первый шаг в направлении к избавлению от личного комплекса по отношению к матери.

Как видите, *simila similibus curantur*:³⁰ Одна опасная ситуация, как правило, исцеляется другой опасной ситуацией. С психологической точки зрения становится человеком толпы очень опасно, но это спасает мужчину от развития ложной личности (*false individuality*) внутри материнского комплекса. Однако при этом он подвергается определенному риску: лекарство, применяемое для исцеления от недуга, само по себе небезопасно.

Следовательно, желание Маленького принца иметь барашка может иметь и позитивную интерпретацию: в своей идеалистичной божественной изоляции от мира он стремится к воссоединению с человеком толпы. Это увеличило бы его пространство, расширило бы границы крошечной планеты. В окружающем его звездном мире нет зверей, и если он возьмет какое-нибудь животное с собой, он вместе с тем приобретет часть земных инстинктов. Это кажется несомненно положительным моментом. Но рассматриваемый фрагмент может быть истолкован и в негативном ключе, так как здесь отсутствует осознание действия, а вместо этого происходит лишь столкновение одного инстинкта с другим. Его бессознательное не изменилось. Просто происходит взаимное отторжение инстинктов, именно оно и выражается в повести.

Исходя из всего вышесказанного, я определенно считаю, что образ барашка имеет очевидный негативный смысл.

Замечание с места: Но барашек-то в ящичке!

Это лишь усугубляет дело. Я бы сказала, что он хочет утащить барашка с собой, вместо того, чтобы самому опуститься до его уровня; он хочет силой унести барашка к звездам. Но овца – земное существо! Если он хочет иметь барашка, ему необходимо остаться на земле, и в этом случае он оказался бы привязанным к реальности. Так же и мужчина, пройдя испытания армейской службы или совершив много мучительных попыток приспособиться к жизни, становится привязанным к земной реальности. Однако, перенеся барашка в мир детских фантазий, вы никак

³⁰ Подобное лечит подобное (*лат.*).

не приспособиться к реальному миру, поскольку это не адаптация, а псевдоадаптация. Столь творческий подход к решению проблемы весьма необычен и редко встречается на практике, но мне кажется, изобретательность вообще характерна для Сент-Экзюпери. Для него здесь присутствует особая опасность, но вы можете об этом судить, только зная его литературную деятельность в целом.

Вы можете заметить, что он делает нечто очень странное, поскольку он превозносит тягу к земле, социальную адаптацию, подчинение земным законам, признание уз любви и т.д. Однако ко всему, что он превозносит на бумаге, в жизни остается безучастным.

Такая уловка характерна для многих *пуэров*: осознание того, что им следует адаптироваться к реальности, является для них интеллектуальной идеей, которую они должны воплотить в своей фантазии, а вовсе не в реальности. Эта идея исполняется только в умозаклчениях и на философском уровне, но не на уровне деятельности. Выглядит так, словно они прекрасно поняли собственную ложную установку, поменяли отношение и осознали важные, правильные для них вещи. Но они этого *не делают*.

Если вы читали произведения Сент-Экзюпери, то можете мне возразить, сказав, что он вовсе не *пуэр*: взять, к примеру, Шейха из «Цитадели» – зрелого мужчину, который несет ответственность за все земные дела. Или Ривьер из «Ночного полета» – он не *пуэр*, а человек, принявший на себя определенные обязательства, он не парень с выраженным материнским комплексом, а настоящая мужчина с хорошо развитой маскулинностью.

Однако все эти персонажи – всего лишь идеи, ведь Сент-Экзюпери никогда не жил так, как Шейх или Ривьер. Он их придумал так же, как придумал образ зрелого практичного мужчины. Но сам никогда не проживал эту фантазию, этот образ.

На мой взгляд, одна из самых запутанных проблем в подобной специфичной невротической констелляции состоит в том, что *пуэр* всегда стремится ухватиться за все, что было бы правильно сделать, а затем унести все это в мир своих идей и воображения. Он не может пересечь несложную границу и перейти от фантазий к действиям.

В процессе анализа таких людей возникает опасная кривая: пока аналитик наблюдает за ними как проницательный лис, анализ проходит изумительно: *пуэр* все понимает, интегрирует свою

Тень, принимает необходимость стать более приземленным, вернуться к реальности и начать работать. Но стоит только аналитику превратиться в злющего сторожевого пса, становится понятно, что работа *пуэра* над собой – всего лишь симуляция. Вся интеграция происходит на небе, а не на земле, не в реальности. Приходится брать на себя роль гувернантки и спрашивать пациента, во сколько он встает, сколько часов в день работает и т.д. Это очень нудная работа, но все сводится именно к ней, иначе фантастический самообман, возникающий в сознании *пуэра*, легко заманивает в ловушку и аналитика.

Теперь мы рассмотрим барашка в ящике. Если человек что-то интеллектуально ассимилирует, он помещает это в некий сосуд, ящик. Понятие (*concept*) – это ящик. Когда Сент-Экзюпери нетерпеливо запихнул барашка в ящик, это означало, что он принял идею, но только *как идею*. Понятие существует, но только в «ящике» его мозга. Маленький принц находит выражение идеи прекрасной, словно получил настоящего барашка. Все остается в мире воображения и рассуждений.

*Вопрос: Если бы Сент-Экзюпери исцелил свою личность *puer aeternus*, он продолжал бы заниматься художественным творчеством?*

«Исцеление» личности *puer aeternus* не предполагает «исцеления от художественного творчества». Возьмем пример Гете: в его раннем творчестве мы увидим несомненное проявление материнского комплекса. При этом он чувствовал, что ничего не потеряет, если избавится от ментальности *puer aeternus*. Поэт пережил кризис, и хотя в «Страданиях юного Вертера» герой-*пуэр* застрелился, сам Гете остался жив.

В личности всякого по-настоящему великого художника всегда присутствует комплекс *puer aeternus*, но личность может развиваться и дальше. Это проблема чувства-суждения (*feeling judgement*). Если человек перестает быть художником, исцелившись от комплекса *пуэра*, это лишь означает, что он никогда и не был таковым. И слава Богу, если анализ спасает такого псевдохудожника от художественного творчества!

Мы не должны забывать о том, что в повести Сент-Экзюпери выражается не только его индивидуальная проблема – он описывает коллективный невроз. В результате, в своем творчестве Эк-

зюпери изобразил не только состояние *puer aeternus*, причем прекрасно это сделал, но и поднял саму проблему *пуэра*.

Сент-Экзюпери – тот тип художника, который не смог переключиться так, как это сделал Гете, и поэтому он должен был умереть. Нельзя сказать, что люди подобного типа не являются художниками, однако они не способны перерастить пределы своего состояния. В «Страданиях юного Вертера» Гете окончательно не решил проблему *puer aeternus*, и она перешла в другие его произведения. На следующем этапе своего творчества, в драме «Торквато Тассо», Гете представил ее как собственную внутреннюю проблему. Вместе с тем, воплотив *пуэра* в образе Торквато Тассо и противопоставив ему Антонио – мужчину, стремящегося жить практически, сам автор постепенно отошел от комплекса *puer aeternus*. Комплекс трансформировался в конфликт, который в «Фаусте» зашел еще дальше. Мы можем почувствовать, находит ли писатель решение своей проблемы или нет. Воплощение комплекса *puer aeternus* в художественном творчестве – это только первый шаг.

Вопрос: Можете ли Вы прокомментировать высказывание, что лень является характерной чертой puer aeternus? Но ведь Гете и Сент-Экзюпери очень много работали в своей жизни.

Пуэр должен научиться выполнять работу, которая ему не нравится. Он должен научиться выполнять не только то, что его увлекает и за что он берется с огромным энтузиазмом – так работать может каждый из нас. Кстати, так же работают считающиеся лентяями примитивные люди. Как только их увлекает то, что они делают, они трудятся вплоть до полного изнеможения. Но я бы назвала это не увлеченностью работой, а пребыванием на празднике трудовой деятельности. Работа, которая является исцелением для *пуэра*, заключается в том, что он должен пинками поднимать себя с постели хмурым дождливым утром и вновь приниматься за скучную утомительную работу за счет явных усилий собственной воли.

Гете занимался общественно-политической деятельностью в Веймаре. Сидя в кабинете, он читал письма по налогообложению и другим вопросам. Именно таким был опыт его работы в качестве Антонио, и в определенной степени эта деятельность была частью его жизни. Гете переживал в реальности то, о чем писал. И хотя подчас ему хотелось все бросить и уехать куда-нибудь, он оставал-

ся в своем кабинете и направлял силу своего разума на решение самых скучных вопросов.

Каким-то образом ему удалось глубоко осознать неизбежность этой части своей жизни. Обладая чувствующим типом мышления (feeling type), он развивал свою подчиненную функцию (inferior thinking), которая наиболее ярко представлена в его афоризмах (самые «неутешительные» их них составляют основу «Разговоров с Эккерманом»).

Замечание с места: Может быть, это проливает свет на высказывание Руссо, утверждавшего, что своим величайшим недостатком он считает собственную лень. Но хорошо известно, что он работал с утра до ночи и читал огромное количество книг.

Да, но наверняка он избегал других видов деятельности. Люди способны обманываться, нагружая себя одним видом деятельности с тем, чтобы избежать выполнения той работы, которую им необходимо сделать. Чтобы заставить себя работать, Руссо опускал ноги в таз с горячей водой: тем самым он достигал необходимого ему для работы состояния, близкого к трансу. Если бы не таз с горячей водой, возможно, его «Исповедь» была бы более содержательной и менее сентиментальной!

Замечание с места: Возвращаясь к идее о том, что автор описывает собственный невроз: именно это качество прославило многих писателей. К тому же, очень часто это принимают за талант.

Не думаю, что способность описывать свои невротические комплексы принимают за талант по ошибке. Мне кажется, всем нам стоило бы научиться этому. Я бы с удовольствием заработала денег на проявлениях собственного невроза.

На мой взгляд, проблема проявляется уже после того, как произведение написано. Все, что человек пишет, прямым образом касается его собственных проблем, иначе тяга к сочинительству иссякает. Однако, когда вы описали или описываете то, что вас тревожит, вам необходимо пережить все то, о чем вы пишете. Когда на лекции я затрагиваю какую-либо проблему, она всегда мне потом вспоминается.

Однако, по моим наблюдениям, люди ощущающего типа (sensational type) относятся к этому несколько иначе: они сначала

переживают комплекс и только затем описывают его. Когда человек пишет о какой-то проблеме, синхрония происходящих вокруг него событий позволяет ему одновременно и пережить описываемое. Юнг рассказывал мне, что в то время как он начал писать работу на какую-то тему, ему стали приходить письма со всех концов света – из Австралии и других стран, авторы которых задавали вопросы, над которыми он тогда работал. Если вы, описывая какую-либо проблему, затрагиваете собственный жизненно важный конфликт, события обычно складываются так, как рассказывал Юнг, иногда немного опережая вас или запаздывая. Решение только в том, остановиться ли вам на описании собственного невроза или двигаться дальше. Проблема будет всегда замыкаться на вас, и если вы, описывая ее на страницах произведения, одновременно ее проживаете, следующий ваш писательский опыт станет шагом вперед к избавлению от комплекса. В противном случае вы снова будете писать о том же самом, как делал Сент-Экзюпери – такие авторы как будто каждый раз проигрывают одну и ту же грампластинку. Но стоит вам пережить описываемое, следующие сочинения продемонстрируют ваш собственный прогресс [в самосовершенствовании].

Гете проживал то, о чем писал, и его последующие сочинения представляют собой шаг вперед. Поэты-романтики, в свою очередь, повторялись намного больше. Они двигались по замкнутому кругу, так как не жили или не хотели жить реальной жизнью. Я никого не обвиняю, однако всегда следует быть готовым к констелляции того, о чем человек пишет.

Именно поэтому многие художники и писатели не любят, если их работу начинают анализировать, поскольку боятся, что им вновь придется пережить то, о чем они уже рассказали. Этим обусловлены ложный страх и сопротивление, которые многие из них испытывают к психоанализу, объясняя, что это погубит их творческие способности. Но истинный талант является таким потрясающе мощным даром, что от него не сможет избавить даже самый одаренный в мире аналитик. Поэтому сопротивление, которое оказывает художник при попытке анализа его работ, выглядит несколько подозрительно.

Лекция 3

В частной беседе один из слушателей задал мне вопрос о барашке, помещенном в ящик. Слушатель решил, что я отнеслась к Сент-Экзюпери слишком строго, ведь он был мужественным человеком, способным принимать ответственные решения в своей жизни, а потому его нельзя обвинять в попытках уйти от реальности или, по крайней мере, уйти от реальности так, как я рассказывала. Мне кажется, вопрос возник потому, что я высказалась недостаточно ясно.

Поместить барашка в ящик не значит предпринять попытку избежать проблемы. Такая реакция человека – результат так называемой слабости нервной системы (*nervous weakness*), а именно, недостатка жизненной силы и здоровья, определенный запас которых необходим человеку для того, чтобы противостоять конфликтам. В повести о Маленьком принце герой стремится быстрее вернуться к починке неисправности в моторе, однако мальчик все время его отвлекает и, не удовлетворившись наспех нарисованным барашком, капризничает, утверждая, что первый барашек не такой, следующий – тоже, третий – опять не тот и т.д. Сент-Экзюпери разрывается между необходимостью исправить поломку в моторе и мальчиком, значимость которого он полностью осознает. Ребенок в свойственной детям манере отвлекает героя, и тот понимает, что даже если нарисовать нового барашка, он все равно не подойдет принцу или же вызовет много вопросов. На символическом уровне так проявляется вызывающий громадное напряжение конфликт между требованиями внутренней и внешней жизни. Как совместить запросы внешней реальности, чей здравый смысл уверяет нас в правильности поступков, и одновременно удовлетворить потребности внутреннего мира?

Сложность заключается в том, что для удовлетворения внутренних запросов нужно время. Невозможно в пять минут со-

вершить работу над активным воображением, а затем переключится на что-то другое! Например, если человек проходит анализ, ему необходимо записывать свои сновидения. Это значит, что потребуется, по крайней мере, два часа времени для того, чтобы записать содержание сновидений. И это только подготовка к дальнейшей работе! Кроме того, анализ записанных сновидений требует размышлений. Это полноценная внутренняя работа, часто прерываемая настойчивой необходимостью выполнить какие-то срочные дела во внешней жизни. Таким образом, человеку приходится выдерживать сильнейшее напряжение: насколько возможно, выполнять все, что необходимо, в каждой области. Слабый человек (а я употребляю это слово не в качестве моральной оценки, я имею в виду, что человек родился не очень сильным физически), слабая личность проявляет быструю реакцию, сразу принимая конкретное решение сделать что-то одно, а остальное отложить на потом. Так обнаруживается его неспособность выдерживать напряжение, превосходящее определенный уровень. У слабого человека реакции всегда нетерпеливые, тогда как сильный человек может продолжать выдерживать напряжение несколько дольше.

В нашем случае видим, что Сент-Экзюпери, трижды попытавшись нарисовать барашка, прекращает попытки и придумывает хитроумное решение, требующее минимальных затрат времени и сил, чтобы вернуться к работе над мотором. Так проявляется слабость, обнаруживаемая и в некоторых других особенностях рассказываемой истории, например, в том, что планета Маленького принца крошечная, а сам он – хрупкий и ранимый ребенок. Или в том, что герой (как в первом образе-фантазии) не освобождает-ся из чрева проглотившего его удава, т.е. пожирающей матери.

Кроме того, посмотрев на фотографии Сент-Экзюпери, можно обнаружить, что лицо у него весьма странное, как бы «разделенное» на две половины. Нижняя часть напоминает лицо семилетнего мальчика: рот недостаточно развит для его возраста – это рот маленького наивного ребенка, к тому же небольшой, слабо выраженный подбородок. Вместе с тем верхняя часть лица создает впечатление, что перед нами очень умный и зрелый мужчина. В его внешности есть что-то слабое и просто детское, а потому наверняка он не мог противостоять определенному напряжению. Я считаю свои замечания не критикой, а врачебным заключением, подобным тому, какое можно услышать от доктора, утверждающе-

го, например, что пациент слишком слаб и может не пережить воспаления легких. Это не критика, а констатация трагического положения дел.

Существует и другой тип мужчин, обремененных проблемой *puer aeternus*. У них вроде бы есть силы, чтобы держать удар больше обычного, однако они проявляют внешнюю реакцию, подобную описанной выше скорее вследствие явной нетерпеливости, чем из-за собственной слабости. Общеизвестно, что мужчина, страдающий зависимостью от матери, зачастую не хочет терпеть напряжение, мириться с ним. Так, например, в своем труде «Aion» Юнг пишет:

У него [пуэра] есть подлинное желание соприкоснуться с реальностью, заключить в объятия землю и заставить житейскую ниву приносить плоды. Однако же все, что он делает, – не более чем серия судорожных попыток, ибо и его инициатива, и его способность к постоянству подорваны таящейся в нем памятью о том, что мир и счастье в мире можно получить как дар – от матери. Тот участок мира, с которым он, как всякий человек, вынужден сталкиваться снова и снова, всегда в какой-то степени неправилен, поскольку не падает ему в руки, не бежит навстречу, а сопротивляется, требует завоевывать себя и слушается только силу. Он, этот мир, предъявляет требования к мужеству человека, к его рвению, прежде всего – к его смелости и решимости, когда доходит до того, что самое бытие его ложится на чашу весов. Здесь ему потребуется вероломный Эрос, способный подвигнуть его на забвение матери и на тяготы первой любви в его жизни.³¹

Как видите, наличие тревожности, раздражительности и нетерпения иногда свидетельствует о влиянии материнского комплекса на личность мужчины. Мне думается, все сказанное выше относится и к Сент-Экзюпери, однако кроме этого, в его характере существовало еще что-то несомненно трагическое, а именно, врожденная слабость (*inborn weakness*), за которую он не мог нести ответственность. Это означает, что его жизнеспособность была подавлена (разрушена) матерью, и в этом трагическая судьба этого человека, против которой мы бессильны.

³¹ Русский текст цит. по: Юнг К.-Г. «Aion. Исследование феноменологии Самости». Пер. М.А. Собоуцкий. М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 1997.– пар. 22.

Вопрос: Вы сказали «вероломный Эрос»?

Да. Это может означать способность человека время от времени прерывать отношения. А эта проблема может привести к другой: *пуэр*, в негативном смысле этого слова, часто стремится выглядеть излишне внушаемым, слишком слабым и чересчур «хорошим мальчиком» в отношениях с другими людьми.

Он не проявляет там, где это необходимо, мгновенную реакцию самозащиты. Например, он впитывает в себя слишком много эмоциональности (*animi*) от окружающих его женщин: если какая-нибудь из них закатывает ему сцену, подвергая критике то или другое его качество, то сначала он относится слишком серьезно к этой критике, а затем, решив вдруг, что с него достаточно, бросает женщину – грубо и безжалостно. Можно сказать, что с точки зрения осознанного поведения, он слишком слаб и уступчив, а его бессознательная Тень слишком жестока, безжалостна и вероломна. Мне приходилось видеть некоторых молодых людей, которые брали от своих подруг, все что могли (и можно было заранее ожидать, что обязательно наступит время, когда женское терпение иссякнет), а затем в один прекрасный день бросали их; при этом, уходя к другим, они не утруждали себя хотя бы ответами. Причем переходного периода в подобных отношениях нет. Внезапно на смену покладистому и уступчивому «хорошему мальчику» приходит Тень хладнокровного убийцы, и в ней нет места каким бы то ни было привязанностям и чувствам.

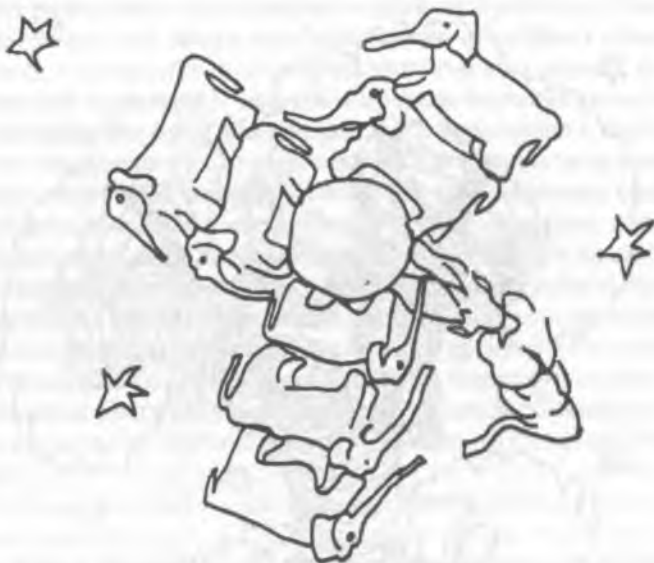
Что-то подобное происходит и в процессе психоанализа: *пуэры* воспринимают все, что вы говорите, они никогда не проявляют своего сопротивления и не настаивают на своем мнении, если оно расходится с мнением аналитика. И вот совершенно неожиданно они заявляют, что уходят к другому терапевту или вообще прекращают анализ. Если вам не удалось заметить приближение развязки ранее в процессе анализа, то подобные заявления тут же опускают вас с небес на землю. Вы не услышите никаких благодарностей от *пуэра*, вы вообще ничего не услышите. Ваши отношения закончились. Если в начале анализа ощущался недостаток сдержанности, независимости и чисто мужской агрессивности, то в конце все это вы получаете с избытком, причем в самой недоброжелательной, бесчувственной и безжалостной форме, не имеющей отношения к происходящему. Такое поведение типично для мно-

гих *пуэров*, ведь гораздо больше сил требуется для того, чтобы терпеливо выяснять отношения с кем-либо, чем, уступив сначала, бросить и уйти потом.

Продолжим комментарий повести. Из дальнейшего разговора Сент-Экзюпери узнает, что Маленький принц прилетел издалека, с Астероида В-612, что он хочет иметь барашка, который мог бы на его планете поедать баобабы. Мне так и не удалось узнать, какое отношение к автору имеет число 612 – номер астероида. Можно предположить из описания, что Сент-Экзюпери играл своими астрономическими и математическими познаниями. Он хотел выразить идею существования маленькой звезды X-Y. Если же в этом числе есть какое-либо символическое значение, я не знаю, что оно может означать, или, по крайней мере, я не могу утверждать это с определенностью.

Большую опасность для планеты Маленького принца представляют баобабы: ростки могут превратиться в большие деревья, и тогда их корни разорвут всю планету. Поэтому Маленький принц постоянно выпалывает молодые побеги баобабов, пока они еще не стали слишком большими. Он так обеспокоен угрозой уничтожения планеты баобабам, что придумал привезти с Земли барашка, который ел бы побеги деревьев и тем самым помог бы ему в постоянной борьбе с ними. (В буквальном переводе на немецкий язык эти деревья называются *Affenbrotbaum*, или «обезьянье-хлебное дерево». Это большие деревья, произрастающие в Африке).

Сент-Экзюпери пишет, что для того чтобы съесть все баобабы на нашей планете, потребуется большое количество слонов. Маленький принц говорит, что если бы он завел столько слонов, ему бы пришлось их поставить одного на другого, иначе они просто не поместились бы на его планете. С его слов Сент-Экзюпери представил себе такую ситуацию и изобразил, как может выглядеть астероид, когда слоны стоят один на другом, ведь для такого количества баобабов, которое растет на планете Маленького принца, слонам, способным их съесть, не хватило бы места. На его рисунке изображены три слона, стоящие друг на друге с одной стороны астероида, по два слона с двух его других сторон, с четвертой же стороны Экзюпери изобразил двух слонов сзади, показывая этим, что четвертая функция имеет противоположное направление по отношению к трем предшествующим.

Интересно, что не зная ничего о юнгианской психологии, автор обращает три функции в одном направлении, а четвертую функцию – в противоположном. Три слона – основная и вспомогательные функции – несколько перегружены, а четвертая функция перевернута и обращена в другом направлении.

Сент-Экзюпери пишет:

Маленький принц подробно мне все описал, и я нарисовал эту планету. Я терпеть не могу читать людям нравоучения. Но мало кто знает, чем грозят баобабы, а опасность, которой подвергается всякий, кто попадет на астероид, очень велика – вот почему на сей раз я решаюсь изменить своей обычной сдержанности. «Дети! – говорю я. – Берегитесь баобабов!»

Я хочу предупредить моих друзей об опасности, которая давно уже их подстерегает, а они даже не подозревают о ней, как не подозревал прежде и я. Вот почему я так трудился над этим рисунком, и мне не жаль потраченного труда. Быть может, вы спросите: отчего в этой книжке нет больше таких внушительных рисунков, как этот, с баобабамми?

Рисунки в книге, которые сделал сам Сент-Экзюпери, несколько небрежны как цвете, так и в контуре, однако баобабы изображены насыщенным цветом, и рисунок сделан более тщательно и четче, чем все остальные. Автор признается, что к работе над этим рисунком он приложил немало усилий, и сразу видно, что изображение имеет не только более четкие контуры, но и подробно прорисованные мелкие детали.

Ответ очень прост: я старался, но у меня ничего не вышло. А когда я рисовал баобабы, меня вдохновляло сознание, что это страшно важно и неотложно.

Вот здесь мы и затрагиваем основную проблему. Сент-Экзюпери пишет, что, рисуя эти баобабы, он чувствовал страшную опасность. На рисунке изображены три больших дерева, но есть и четвертый персонаж – одетый в красное маленький мальчик, держащий топор в руке. Маленький принц рассказал Сент-Экзюпери, что по соседству с ним на таком же астероиде жил мальчик, который поленился вовремя выдолбить три маленьких побега. Когда баобабы выросли до таких громадных размеров, как показано на рисунке, выпалывать их оказалось слишком поздно: стоя перед ними с топором в руке, мальчик не смог срубить деревья, и астероид погиб. На рисунке изображены огромные деревья и беспомощный ребенок; маленький топор и гигантские размеры ствола говорят о том, что теперь мальчик никогда не сможет срубить деревья. Этот рисунок выражает «крик о помощи», и он – единственный, на который Сент-Экзюпери потратил столько усилий.

Если мы сначала рассмотрим проблему, которая отражается в образе стоящих друг на друге слонов, может, вы поймете, к чему я веду. Какая, по-вашему, в этом рисунке отражена проблема?

Ответ: Все больше и больше накапливаются проблемы, связанные с матерью.

Да, но слон не является символом проблем, связанных с матерью. Проблемой является герой, вернее, мужская героическая сущность – та, которую пожирает змея; т.е. проблемой служит он сам. Трудность не в том, что слоны очень большие, а в том, что земля, на которой они стоят, оказывается слишком слабой, чтобы их выдержать. Со слонами все в порядке, но им не хватает места. Что это может значить?

Ответ: Это оказывается недостаточно сильным.

Нет, не думаю, что речь идет об Это. Возможно, недостаточно сильное Это будет результатом того, что мы обсуждаем. Мы часто говорим о некоторых людях, что у них нет почвы под ногами, – так мы иногда подсознательно выражаем эту мысль, – но что мы имеем в виду?

Ответ: Что они лишены контакта с реальностью.

Именно так. У них есть почва под ногами, но они соскальзывают с нее, хотя само по себе это не плохо. У одних людей под ногами достаточно опоры, но они не касаются ее поверхности. У других опоры нет или ее недостаточно (даже если они прочно стоят на ногах) – это значит, что им не хватает жизнеспособности. Выражение, используемое нами, отражает наше иррациональное интуитивное понимание проблемы. Вы можете говорить о земле как о психологической субстанции (psychological substance), поскольку ее проявления приходится наблюдать постоянно. В этом случае важнейшей задачей психотерапии будут ответы на вопросы, каким количеством этой субстанции обладает каждый конкретный человек, и какое ее количество он может в себе заключать. Ответы на эти вопросы можно дать лишь интуитивно, на основании ваших ощущений, так как точное количество этой субстанции нельзя измерить ни одним из научно доказуемых способов. Отсюда – иногда возникающие ошибочные суждения о той или иной ситуации. Иногда вы думаете, что у человека очень мало жизненной силы, но когда в его жизни настает критический момент, поражает, откуда у него берется решимость противостоять конфликту. Или, наоборот, вам кажется, что человек может вынести многое, однако он вдруг совершенно неожиданно ломается – у него нет сил бороться с трудностями. Вот почему о присутствии жизненной силы можно судить только по результатам. Но если у вас есть опыт в восприятии людей, то вы можете в той или иной мере догадаться о том, каким количеством поддерживающей его субстанции обладает человек.

Как известно, в работе по теории шизофрении Юнг описывает разницу между типами личности, которых он называл астеническим и сильным. Проблема сильного типа, по Юнгу, заключается в том, что избыточная сила и существующая в бессознательном энергия фантазии сталкиваются с относительно слабым Эго, и из-за этого может произойти расщепление личности. Таким образом, к заболеванию сильного типа может привести то, что является его преимуществом. У астенического типа, наоборот, к заболеванию могут привести его слабые стороны. При этом ни со стороны Эго, ни со стороны бессознательного нет достаточного побуждения (impetus) [к выражению конфликта]. Люди, находящиеся в критическом состоянии, не видят снов. Там, где во время серьезного конфликта можно было бы ожидать жизненно необходимую реакцию бессознательного, сновидения оказываются короткими и не-

значительными, или же их нет совсем. Похоже, что мать-природа никак не реагирует.

Еще один момент, который нужно понимать: в силу своей природной (естественной) организации, сильный тип личности может быть исцелен путем рискованно неосторожного шага со стороны терапевта. Например, можно пойти на риск конфронтации человека с его проблемой и вызвать тем самым мощный внутренний кризис – исцеляющий кризис – который сильный тип личности постепенно преодолевает.

При работе с астеническим типом такого делать нельзя. В этом случае следует принять поддерживающую установку, или, образно говоря, держать его все время «под капельницей», обеспечивая необходимые вливания и не вынуждая идти на конфликт с проблемой, не припирая его к стене, поскольку это приведет к разрушению личности. При работе с сильным типом, как правило, сновидения затрагивают самую суть проблемы и имеют очень развитую драматическую структуру. Затем вы замечаете, как конфликт подходит к своей кульминации, и в лечении наступает кризис. Таким образом, человек переживает ситуацию противоборства: «кто кого?», а затем, так или иначе, проблема разрешается.

Подобные эмоции испытывают некоторые люди со схожим психологическим складом. Если они заболевают, например, воспалением легких, их реакция на болезнь чрезвычайна: заболевание обязательно проходит в острой форме, сопровождаемое сильным жаром – это борьба жизни и смерти. Но вскоре наступает кризис, и приходит исцеление. У других людей, наоборот, жара нет, лишь небольшое повышение температуры. Это трудно объяснить, но течение заболевания затягивается и не достигает кульминации. Вероятно, жизненной силы тела в этом случае оказывается недостаточно для борьбы с болезнью, человеку не хватает жизнеспособности. Иногда можно наблюдать сочетание первого и второго типа. Например, могут быть сильные люди, у которых есть некие слабые места, поэтому ситуация становится неоднозначной. Пациент может внешне проявлять исключительное жизнелюбие, демонстрировать преимущества сильного типа личности, в исцелении которого можно применить метод конфронтации, но где-то глубоко в нем сидит недостаток, который устраняет половину этого жизнелюбия. В таких случаях ситуация даже становится еще сложнее, так как приходится идти одновременно в двух направлениях,

давая человеку максимальную нагрузку там, где он ее может выдержать, но при этом не затрагивая его слабые места, которым требуется постоянная поддержка, забота и терпение. Такое сочетание часто свойственно личностям с серьезным расщеплением: с одной стороны, у них наблюдается чрезвычайная жизнеспособность, но при этом существует определенная уязвимость, которая требует особой защиты и усиленного внимания. На самом деле лечить людей смешанного типа не слишком сложно: если дать им возможность самим осознать ситуацию, они могут сосредоточить внимание на своих слабых местах. Необходимо дать им возможность осознать собственные уязвимые, а потому опасные стороны, и при этом относиться к пациентам внимательно и заботливо, без всякого давления проявляя повышенное внимание к самым чувствительным местам – так, чтобы постепенно наступило исцеление уязвимого.

На мой взгляд, Сент-Экзюпери является таким смешанным типом: не слабым, но и не сильным. С одной стороны, он был храбрым, мужественным и жизнелюбивым человеком, способным преодолевать трудности; однако у него было чрезвычайно уязвимое место, лишенное жизненной силы, – и именно это слабое место олицетворяет нарисованная им планета. Естественно, что эта уязвимость была весьма существенной, так как симптомы отсутствия реакции жизненной силы там, где необходимо, встречаются на протяжении всей книги. Поэтому можно сказать, что воля к жизни писателя была слишком слабой по сравнению с его гениальностью и талантом. Образ Земли символизирует волю к жизни и принятие этой жизни, а они оказались слабым местом в личности автора «Маленького принца». Его проблема заключалась в несовместимости (*incongruity*) личности с жизнью. Это не столько иллюстрация проблемы *puer aeternus* вообще, сколько пример того, как индивидуальный случай Сент-Экзюпери оказывается тесным образом связан с другими проблемами. Хотя у человека, которому не хватает почвы под ногами, существует возможность психологической ассимиляции, все же ему порой трудно осознать реальную действительность и то, что в ней происходит. Такие люди честно и мужественно проходят все трудности анализа, но стоит вам попытаться заставить их предпринять реальные шаги во внешнем мире, их охватывает невероятная паника. В тот момент, когда внутреннее осознание должно быть реализовано в реальности, силы пациента вдруг исчезают, и вы видите испуганного ре-

бенка, который восклицает: «Ой, нет! Я не могу этого сделать!» Такова несколько преувеличенная иллюстрация установки интроверта, в которой присутствует недюжинная сила, позволяющая внутренне принимать любые истины, но вместе с тем очень мало способности реализовать эту силу во внешней жизни. В такие моменты на месте взрослого появляется испуганный ребенок.

Во всей книге есть только два рисунка со слонами, и очень интересно сравнить их между собой. На них изображены два противоположных друг другу случая: на первом – слон, проглоченный удавом, на втором – слон сам «поглощает» маленькую планету, животным не хватает пространства. Таким образом, данную ситуацию можно рассматривать с двух точек зрения, а именно: или что более развитая личность, то есть герой, поглощен пожирающим бессознательным (материнским комплексом), или что у внутренней героической личности Сент-Экзюпери нет достаточных оснований, чтобы стать реальной. Это два разных аспекта одной и той же трагедии. Интересно, что сам Маленький принц говорит, что «удав слишком опасен, а слон слишком большой». Сент-Экзюпери находится между двух огней, не зная, принять ли ему свое величие, или смириться с собственной слабостью. Он не знает, как ему ужиться и с тем, и с другим.

Автор изображает баобабы огромных размеров – таких, что кажется, будто их буйная крона, огромные стволы и массивные корни заполнили всю планету: можно сказать, что мать-природа поглотила и сферу человеческой культуры, и сферу человеческого сознания. Посмотрев на рисунок, вы увидите, что корни баобабов нарисованы в точности как змеи. На мой взгляд, изображение удава (*boa*) на первом рисунке и название деревьев (баобабы, *baobab*) – не случайное совпадение. Здесь мне видится игра слов. Похоже, автор находился под влиянием двух факторов: и удав, и деревья являются поглощающими и подавляющими. Следовательно, в первую очередь следует амплифицировать негативный аспект образа дерева. Как бы вы интерпретировали на этом рисунке образ деревьев? Тем более, что многие из вас посещали курс д-ра Клюгера.³²

³² Автор обращается к слушателям, которые посещали лекции проф. Клюгера (Dr. Klüger), посвященных анализу эпоса о Гильгамеше. Материал этих лекций издан отдельной книгой Klüger R.S. «The Archetypal Significance of Gilgamesh: A Modern Ancient Hero». Eiseiden, Daimond Verlag, 1991.

Ответ: Гильгамеш должен был срубить кедровое дерево.

Да, Гильгамеш должен был срубить кедр в роще, принадлежавшей богине Иштар.³³ Кедр в мифе символизирует силу богини. Иштар, среди прочего, была покровительницей деревьев, она призвала на стражу кедровой рощи великана Хумбабу (Хуваву). В данном случае дерево снова ассоциируется с «плохой» матерью. Какие могут быть другие амплификации?

Ответ: Дерево – это символ самой жизни.

Действительно, у Юнга в работе «Психология и религия» дерево в основном интерпретируется как символ жизни, внутреннего роста, процесса роста и созревания. Но в данном случае эта амплификация нам не подходит.³⁴

Замечание: Очень часто дерево имеет связь с богиней-матерью – не только с Иштар [у шумеров], но и с Идун в германской мифологии, а также с Деметрой и некоторыми другими богинями у древних греков.

Да, действительно, дерево часто ассоциируется с богиней-матерью, воплощение которой видели в дереве и поклонялись ему. Но существует даже более тесная связь [богов и растений]: например, Аттис, который после смерти воплотился в дереве, или Осирис, который, находясь в саркофаге, повис на дереве.³⁵ Таким образом, в мифологии именно дерево называют матерью-смертью; и когда умершего кладут в деревянный гроб, представляют, что таким образом он возвращается обратно к дереву, к матери-смерти. На празднествах Аттиса в древнем Риме на верхушке хвойного дерева помещали изображение Аттиса, как правило, только его туловище. Юнг в работе «Символы трансформации» приводит цитату из древней песни-поэмы, где крест называется злой маче-

³³ Иштар (аккад.) – в аккадской мифологии центральное женское божество, богиня любви и плодородия, олицетворение планеты Венера. Нарисательный характер имени (*семит.* астар – «богиня») способствовал поглощению образом И. множества шумерских и хурритских образов богинь (напр., хуррит. Нину, шумер. Инанна).

³⁴ Jung C.G. *Psychology and Religion: East and West.* CW. vol. 13, pars. 304 ff.

³⁵ Скорее всего, автор имеет в виду эпизод, связанный со смертью Осириса, погибшего от руки своего младшего брата Сета. Сет замуровал Осириса в саркофаг и бросил его в воды Нила. Течением саркофаг прибило к берегу, и растущий там куст вереска обхватил его своими ветвями.

хой, умертвившей Христа.³⁶ Вот что может быть основной линией ассоциаций: дерево – это мать, гроб, а также то, что должно причинить смерть богу, которого почитает *puer aeternus*. Как это можно интерпретировать? Мы пришли к противоречию: с одной стороны, образ дерева имеет много явных символических связей с процессом индивидуации, с другой стороны, это символ, связанный со смертью и разрушением.

Замечание: На рисунке изображено дерево-чудовище. Оно слишком крупное для астероида, что указывает на то, что проблема материнского комплекса весьма серьезна, она полностью поглощает автора.

Да, но как вы все это свяжете с процессом индивидуации? Процесс индивидуации – это процесс внутреннего роста, к которому человек привязан. Его нельзя избежать. Если вы станете отрицать его, откажетесь его принимать, то, оказавшись вне его, вы обернете процесс индивидуации против себя, и тогда вас погубит ваш собственный внутренний рост. Если вы откажетесь от развития, тогда оно убьет вас. В том случае, если человек абсолютно инфантилен и не обладает никакими возможностями для внутреннего роста, то ничего серьезного не произойдет. Но если у человека внутри существует потенциально более развитая личность, иначе говоря, возможность роста, тогда произойдет психологическое разрушение. Именно поэтому невроз в определенном смысле является позитивным симптомом. Он указывает на то, что что-то внутри вас требует развития, что вы что-то делаете неправильно. Если человек отвергает собственное развитие, оно, оборачиваясь против него, происходит за счет личности – в таких случаях мы говорим о так называемой негативной индивидуации. Разрушительный процесс внутреннего созревания и роста протекает бессознательно и вместо того, чтобы исцелять личность, губит ее. По существу, именно так связаны между собой дерево-смерть, дерево-мать и дерево-жизнь. Возможность внутреннего роста личности опасна тем, что приняв его, вы идете вперед, а [отвергая] – погибаете. У вас нет другого выбора. Это участь человека, и ее необходимо принять.

Изучая негативную сторону личности *puer aeternus*, вы увидите, что *пуэр* не желает перерасти материнскую проблему, он не

³⁶ Юнг К.-Г. Символы трансформации, пар. 661ff. М.: PentaGraphic, 2000.

стремится выйти за пределы внутреннего юношеского состояния. Однако внутри него идет постоянное развитие, постепенно разрушающее личность. Его губит та же сила, что могла бы помочь ему преодолеть конфликт. Если вы столкнетесь с такими случаями на практике, вы увидите, что люди отказываются от личностного роста и развития, не желают становиться более зрелыми, не пытаются справиться с трудностями, и в итоге внутри них накапливается деструктивное бессознательное. В таком случае вам следует сказать: «Ради Бога, сделайте хоть что-нибудь, ибо процесс работает против вас, и когда-нибудь ваши проблемы свалятся вам на голову». Но, как говорит Маленький принц, может наступить момент, когда станет слишком поздно, и деструктивный процесс вытянет из вас всю энергию.

Буйный рост деревьев [на рисунке] – это также символ жизни. Жизни, богатой фантазиями и полной внутренних творческих возможностей. *Пуэры* часто живут в мире ярких фантазий, однако все богатство их фантазий не может найти выражение во внешней жизни: оно сдерживается нежеланием принимать реальность такой, какая она есть. Он прячет свою внутреннюю жизнь от действительности.

Например, в реальной жизни он встает в 10.30 утра, слоняется до полудня, не вынимая сигареты изо рта, давая волю своим эмоциям и фантазиям. В полдень он собирается сделать какую-то работу, но сначала уходит куда-то с друзьями, потом с девушкой, а вечер проводит в длительных дискуссиях о смысле жизни. Затем, в час ночи он ложится спать, и на следующий день все повторяется сначала. Таким образом, он понапрасну растрчивает свои способности и богатство своего внутреннего мира, и поскольку они не могут превратиться во что-либо конкретное, представляющее ценность, его способности постепенно перерастают реальную личность. Человек бродит по жизни, окруженный облаком собственных фантазий – интересных и богатых возможностями мечтаний о непрожитой жизни. Вы чувствуете, что эта личность обладает чрезвычайным потенциалом и прекрасными способностями, но не может найти способ себя реализовать. Тогда дерево – богатство внутренних возможностей – становится негативным и, в конце концов, губит человеческую личность. Именно поэтому дерево часто связано с символом «плохой матери», поскольку материнский комплекс содержит опасность гибели. Развитый материнский комплекс может стать причиной негативной индивидуации личности.

В финском эпосе можно найти аналогичный сюжет. В «Калевале» находим описание поединка божественного младенца и дерева.

«Из волн бурного моря выходит мужчина-герой. Он не великан из великанов, и не карлик из карликов: он размером с человеческий палец или с женскую пядь. На нем медная шапка, медные сапоги и рукавицы».

Вяйнямейнен спрашивает появившегося из моря героя, что он собирается делать, и тот отвечает:

«Как видишь, я мужчина невысокого роста, но я всемогущий герой, вышедший из моря. Я пришел, чтобы повалить старый дуб и разрубить его на части!»

Старый и лукавый Вяйнямейнен усмехается:

«Как же ты это сделаешь, у тебя не хватит на это сил, и тебе никогда не удастся повалить волшебный дуб и разрубить его на куски!»

Тут маленький человек берет топор в руки.

Остро заточенным лезвием он наносит удары – один, другой, третий. Сыпятся искры из-под топора, дуб извергает пламя, но герой старается подчинить волшебное дерево своей воле. После третьего удара дуб зашатался; сто его вершин сломались и упали на землю. Его ствол упал на восток, верхушка склонилась на запад, листья посыпались на юг, а ветви – на север... Волшебный дуб срублен, и могучий ствол лежит на земле...

(сейчас последует важный фрагмент)

...снова взошло солнце и приятно засияла благородная луна, по небу поплыли облака и на небе появилась радуга».³⁷

В этом фрагменте мы видим, что если разрушить ложное чрезмерное развитие воображения и признать за фантазиями все-

³⁷ Перевод с оригинального издания. Автор ссылается на текст по изд.: C.G. Jung and C. Kerényi "Essays on a Science of Mythology", trans. R. F. C. Hull (Princeton, Princeton University Press, 1949), pp. 137 ff. См. также: «Калевала» Финск. народ. эпоса. Пер. А.П. Бельского. М.: «Азбука» 2007.

го лишь проявление материнского комплекса, вслед за этим тут же появятся другие измерения сознания: снова появляется небо с плывущими вдаль облаками, и снова сияют луна и солнце. Разрушение ложных фантазий – это вовсе не сужение человеческих горизонтов, а наоборот, их расширение. На мой взгляд, приведенный фрагмент эпоса – невероятно важный для нас текст, так как одно из постоянных возражений, которое приводит в оправдание *пуэр*, если вы заставляете его срубить дерево, заключается в том, что он не хочет *так* сужать свой кругозор. Что же от него останется, если он откажется от столь желанных ему фантазий, мастурбации и тому подобных занятий? Он просто станет ограниченным мелким буржуа, который ежедневно ходит на работу? Он не сможет выдержать такого сужения своего кругозора? Неправда! Если у человека есть мужество, чтобы на корню срубить это ложное внутреннее величие, оно появится снова, но уже в гораздо более совершенной форме – его жизнь и горизонты только расширятся, а не станут *уже*, как ему раньше казалось. Мне думается, этот миф нужно всегда рассказывать пациентам, которым необходимо «срубить дерево», поскольку им трудно осознать это и поверить в положительные аспекты будущих изменений. Если бы они знали, насколько их жизнь станет богаче и шире, откажись они от своих ложных внутренних убеждений, тогда, наверное, они «срубили» бы свое «дерево».

Астероид Маленького принца еще не уничтожен баобабами, чьи побеги он собирался скормить барашку, но соседний астероид уже погиб. Как мы можем интерпретировать этот факт? Единственный рисунок, в отношении которого Сент-Экзюпери признает, что слишком им увлекся, потому что его «вдохновляло сознание, что это страшно важно и неотложно», – это рисунок, на котором изображена ситуация полного краха, отсутствие всякой надежды. В этот рисунок он вложил всю свою любовь, всю свою энергию. Как можно интерпретировать астероиды-двойники с психологической точки зрения? Одна из планет еще жива, вторая уже уничтожена.

Ответ: Один из них – это астероид-Тень.

Да, можно сказать и так. Обитатель соседней планеты, позволивший баобабам разрастись до громадных размеров – это Тень

Маленького принца. Именно поэтому принц так негативно говорит о нем, называя его лентяем, который вовремя не выкорчевал баобабы. И вот видите, что из этого вышло! Но каков психологический смысл для Сент-Экзюпери в том, что мотив божественного младенца удваивается и распадается на две части – божественного младенца и его Тень?

Ответ: Одна часть [божественного младенца] уже проглочена материнским комплексом.

Да, это правильно. Он уже наполовину поглощен, но надежда все еще остается. Наоборот, все может повернуться в лучшую сторону.

Замечание: В этом заключается очень серьезное предупреждение, если бы он смог его понять. Он вложил в этот рисунок самого себя.

Да, но я веду вас в несколько другом направлении. Для начала – вопрос общего характера. Что значит, если мотив распадается на «да» и «нет»?

Ответ: Что-то находится на границе сознания.

Это так. Можно сказать, что распад на две части, раздвоение [мотива] является признаком того, что некое содержание начинает соприкасаться с границей сознания. Но почему оно распадается на две противоположности?

Ответ: Мы не можем воспринимать противоположности в единстве, как одно целое (состояние, в котором они пребывают в нашем бессознательном). Поэтому, когда мы видим их вместе, мы воспринимаем их по отдельности. Затем, в процессе их осознания, одна противоположность как бы остается в бессознательном, тогда как другая отделяется и переходит границу сознания.

Да, она отделяется и переходит границу, если процесс идет нормально. А как вы можете доказать эту теорию? Как ее можно применить к нашему материалу? Какой части, «да» или «нет», принадлежит Маленький принц, прежде чем он «разделяется на

две части»? Что вообще значит «да» и «нет» у этого божественного младенца?

Ответ: Одна часть этого младенца является инфантильной, а другая символизирует Самость.

Именно так. Можно сказать, что образ Маленького принца – это инфантильная Тень или символ Самости, и до сих пор этот образ выступал в двойственной роли: вы никогда не можете утверждать с уверенностью, как именно следует его воспринимать: или негативно, называя инфантильной Тенью, или позитивно, именуя Самостью. До сих пор мы с вами испытывали затруднения в попытках интерпретировать образ ребенка: является ли он признаком инфантилизма или символизирует будущую жизнь? Он воплощает и то, и другое, что представляет чрезвычайную сложность. Я хочу коротко напомнить, что пишет Юнг в работе «Психология архетипа ребенка»:

Младенец – это... *genatus in novam infantiam* [вновь возрожденный в детстве]. Таким образом, он – одновременно начало и конец, изначальное и окончательное творение. Изначальное творение существовало до появления человека, а окончательное творение останется, когда человека уже не будет. На языке психологии это значит, что «младенец» символизирует «пред-сознательную» и «после-сознательную» человеческую сущность. Его «пред-сознательная» сущность – это бессознательное состояние самого раннего детства; его «после-сознательная» сущность – это ожидание аналога жизни после смерти. В этой идее выражается всеобъемлющая природа психической целостности. Целостность никогда не заключалась только в рамках сознания – она также включала в себя неопределенное и не поддающееся определению бессознательного...

Следующее предложение очень важно:

«Вечный младенец» в человеке – это переживание, которое не поддается описанию, это несовместимость, препятствие и божественная привилегия [на более простом языке это значит, что мы приходим к следующему: несовместимость или препятствие, которые являются инфантильной Тенью и божественной привилегии]; немислимое,

которое в конечном счете определяет достоинство или никчемность человеческой личности.³⁸

Совершенно ясно, что гений Сент-Экзюпери – тот самый внутренний божественный младенец. Писатель не смог бы быть гением и художником, не будь он наивен и непосредственен как ребенок; эти качества лежат в основе его творчества. Вместе с тем эти черты очень близки к тому, чтобы стать чем-то бесполезным, к тому, что обесценивает его личность. Именно поэтому в своей интерпретации я говорю как о негативной, так и о позитивной сторонах его личности, поскольку и положительное, и отрицательное сочетаются в нем как «два-в-одном», поэтому трудно определить окончательную оценку. Оценку в данном случае вообще дать невозможно, необходимо просто принять этот факт как некий внутренне противоречивый, невообразимый и непредсказуемый фактор. Можно сказать, что бессознательное предпринимает попытку распутать узел, в котором сплелись два мотива. Одним из них определенно является инфантильная Тень – настолько ленивая, что не желает бороться с материнским комплексом до тех пор, пока не становится слишком поздно; другим мотивом – мотивом мальчика со звезды – может быть Самость, т.е. то, что пытается обратить человека лицом к будущему, к возможности возрождения, к поиску новых возможностей после кризиса, поиску обновления. В данном случае бессознательное пытается показать оба аспекта по отдельности с тем, чтобы они стали доступны осознанию, ведь сознание слишком бестолково, чтобы понять *mixtum compositum*.³⁹ Как правило, сначала нужно разделить составляющие, чтобы затем их снова сложить вместе, поскольку наше сознание устроено так, что всегда стремится отделить одно от другого.

На предыдущей лекции я говорила о неврозе «жизни на черновик», о том, что люди, страдающие этим типом невроза, живут ожиданием того, что в *один прекрасный день* (не когда-нибудь, а именно как-нибудь однажды, вдруг) они станут способными на что-то необыкновенное, и это часто связано с наличием у них комплекса Мессии. Эрих Фромм в статье «*Von Gefühl der Ohnmacht*» («О чувстве беспомощности») подробно обсуждает эту проблему.

³⁸ Юнг К.Г. Психология архетипа ребенка. Пер. Т.А. Ребеко. В сб.: Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М.: «Наука», 1996.

³⁹ (лат.) состав смеси (прим. перев.).

Копия этой статьи была любезно передана мне г-ном Рене Маламудом (Rene Malamud). Я возьму из нее только один фрагмент. Фромм пишет: «Если человек верит в то, что наступит Время, тогда нет никакой возможности быстрых изменений; есть только постоянные ожидания, что все наступит «в свое время», и все будет хорошо. Если человек не может разрешить конфликт, он ожидает, что «в свое время» конфликт разрешится сам собой, не принимая на себя ответственность за его разрешение. Вы часто сталкиваетесь с таким явлением, особенно с верой в то, что наступит Время, как только речь пойдет о том, чего человек добился сам. Люди себя успокаивают не только в том, что они реально ничего не сделали, но и в том, что они совершенно не готовы к тому, что должны что-то сделать, поскольку такая подготовка требует много времени, поэтому не следует торопиться. Примером проявления такого психологического механизма может послужить случай одного очень одаренного писателя, мечтавшего написать книгу. Она должна была оказаться самой важной книгой в мировой литературе, но при этом будущий автор ничего не придумал, за исключением нескольких идей относительно того, что он напишет. Он наслаждался фантазией о том, какое влияние окажет его произведение. Он постоянно повторял своим друзьям, что близок к завершению работы над книгой. На самом деле он не написал ни слова, хотя, если ему верить, он работал над ней уже целых семь лет. Чем старше становятся такие люди, тем больше они цепляются за иллюзию, что *однажды* они сделают нечто. Достижение определенного возраста (как правило, сорока лет) на некоторых из них производит отрезвляющее воздействие, поэтому они начинают использовать свои силы, или же у них происходит невротический срыв, обусловленный тем, что человек не может жить, лишившись успокаивающей иллюзии о том, что когда-то наступит *его* время».

Это очень меткое описание того, о чем я пыталась сказать. Х. Дж. Байнс давно написал об этой проблеме, о его статье, посвященной «жизни на черновик», я уже упоминала.

Следующий фрагмент повести Сент-Экзюпери о Маленьком принце я хотела бы рассмотреть подробно.

О Маленький принц! Понемногу я понял также, как печальна и однообразна была твоя жизнь. Долгое время у тебя было лишь одно развлечение: ты любовался закатом. Я узнал об этом наутро четвертого дня, когда ты сказал:

- Я очень люблю закат. Пойдем посмотрим, как заходит солнце.
- Ну, придется подождать.
- Чего ждать?
- Чтобы солнце зашло.

Сначала ты очень удивился, а потом засмеялся над собою и сказал:

- Мне все кажется, что я у себя дома!

И в самом деле. Все знают, что, когда в Америке полдень, во Франции солнце уже заходит. И если бы за одну минуту перенестись во Францию, можно было бы полюбоваться закатом. К несчастью, до Франции очень, очень далеко. А на твоей планете тебе довольно было передвинуть стул на несколько шагов. И ты снова и снова смотрел на закатное небо, стоило только захотеть...

- Однажды я за один день видел заход солнца сорок три раза!

И немного погодя ты прибавил:

– Знаешь... когда станет очень грустно, хорошо поглядеть, как заходит солнце...

– Значит, в тот день, когда ты видел сорок три заката, тебе было очень грустно?

Но Маленький принц не ответил.

Как вы интерпретируете этот фрагмент?

Ответ: Это предвидение своей ранней смерти?

Да, можно так сказать, учитывая символическое число сорока четырех закатов⁴⁰. Может быть, и предвидение собственной смерти, а что еще? Еще это можно понимать как романтически окрашенные мысли о смерти, переживаемые в ранней юности. Какую связь они имеют с проблемой в целом?

Ответ: В его рассуждениях нет ничего реалистичного. Все остается по-прежнему: он снова и снова смотрит на закат солнца.

Да, это разновидность эгоизма или нарциссизма. В такое настроение приходят люди, когда жизнь перестает их увлекать, и их время ничем не заполнено. Если вы увлечены внутренней

⁴⁰ В английском переводе «Маленького принца» герой говорит о сорока четырех закатах. Сент-Экзюпери погиб в возрасте сорока четырех лет (*прим. перев.*).

авантюрой или внешним приключением, у вас нет времени смотреть на заход солнца, который, однако, мог бы стать для вас отдохновением, изумительным переживанием в конце трудного дня, моментом, когда наступает вечернее умиротворение. При этом человек обычно не чувствует грусти: солнечный закат кажется прекрасным и приносит ощущение покоя. Если же созерцание заката вселяет в вас грусть, то это происходит потому, что ваш день беден событиями.

На мой взгляд, здесь просматривается связь с юношеской трагедией: молодые люди испытывают сильную скуку, особенно в ранней юности. Я вспоминаю, что в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет я очень много скучала, но с тех пор – никогда. Внешней причиной скуки была необходимость проводить долгие часы в школе вместо того, чтобы заниматься тем, что мне нравилось. Как только я смогла заниматься тем, чем хотела, скука сразу исчезла. Странно, но я заметила, что скука часто становится причиной невротических заболеваний у молодых людей, которые, однако, проходят с возрастом. Дело в том, что они еще не могут делать то, что им действительно нравится, зато есть много того, чего они не хотят выполнять, а следовательно, они не чувствуют своего присутствия в потоке жизни. В этом и причина невротических расстройств. Скука – это просто субъективное ощущение себя вне жизни, как объективного параметра ее не существует. Мне до сих приходится вести неинтересные курсы в университете, но я знаю, как можно получить от этого удовольствие. Если человек достаточно изобретателен и знает, как применить свои способности в реальной жизни, он всегда может избежать скуки. Можно воплотить в реальность свою естественную фантазию, и тогда скука пройдет. Тогда жизнь может быть приятной или неприятной, интересной или неинтересной, но она уж точно больше не будет скучной. Следовательно, скука и уныние – это симптомы фрустрированной (*dammed up*) жизни, признаки того, что человек не знает, как воплотить в реальность собственное внутреннее содержание. Если он понимает, как действовать, то скука проходит. Но есть дети, и даже взрослые, которые не знают, что им делать, не знают, как им реализовать свои внутренние ресурсы. В молодости это не так уж плохо, поскольку в какой-то мере это определяется жизненной ситуацией – ведь чаще всего в молодом возрасте люди еще не состоялись как личности.

Обычно переживания нормально развивающихся молодых людей обусловлены тем, что внутренне они воспринимают себя деятельными, умными и взрослыми, но внешний мир пока не предоставляет им возможность проявить свои способности. Общество их сдерживает, поэтому они скучают. Я одно время преподавала в школе, моим ученикам было от четырнадцати до восемнадцати. Мне приходилось видеть, что часто проблемы подростков были вызваны тем, что хотя многие из них уже могли здраво мыслить и рассуждать, обладали огромным внутренним потенциалом и интеллектом, внешний мир – школа и родители – относились к ним как к детям и не давали возможности себя реализовать. Вполне естественно, что тогда жизнь для них останавливалась, порождая своего рода «скужающий протест», сопротивление в отношении всего внешнего мира, а также сопутствующие этому плохое настроение и нежелание работать. Как правило, если помочь таким ученикам достичь более высокого уровня, дав им возможность выполнять более интересную и сложную работу, а вместе с ней – возложив на них больше ответственности, эта проблема решается. Если подростков искусственно задерживают в развитии, это приводит их в состояние угнетения и скуки. Поэтому им всегда можно сказать: «Именно потому, что тебе скучно, именно потому, что ты ленишься, тебе придется сделать двойную, но очень интересную работу!» На этом вся их скука заканчивается!

Известно, что у молодых людей в возрасте от шестнадцати до двадцати лет очень часто случаются самоубийства; впоследствии это происходит реже. Молодые люди в этом возрасте часто испытывают странную разновидность меланхолической грусти, ощущая себя намного старше своего возраста. У них становится такое выражение лица, словно они уже знают о жизни все, а потому чувствуют себя очень-очень старыми. Какая польза в том, чтобы флиртовать и танцевать с девушками (или, соответственно, с юношами)? Поэтому они отстраняются от жизни, принимая установку, свойственную людям старшего поколения – их бабушкам и дедушкам. Однако такая позиция – всего лишь признак того, что они пока не смогли найти собственную путеводную нить в лабиринте жизни, которая подсказала бы им верный путь [самореализации], а потому они просто «плывут по течению». Подросткам, отличающимся от других, гораздо сложнее найти способ реализовать в жизни свои способности. В такие моменты жизнь для них останавливается. Очевидно, что точно такая же ситуация происхо-

дит и с Маленьким принцем, когда он с грустью смотрит на заход солнца.

Далее, мы узнаем, что на астероиде В-612 жизнь не настолько скучна, как мы ее себе представляли, так как Маленький принц сообщает Экзюпери, что у него на планете живет роза.

Однажды семечко розы попало на маленькую планету, прижилось там и стало постепенно расти, пока не появился прекрасный цветок. Сент-Экзюпери узнал об этом, когда Маленький принц вдруг сильно расстроился, вспомнив о розе. Он беспокоился и постоянно спрашивал автора, едят ли барашки цветы. Если да, тогда он не сможет иметь барашка, потому что [тот может по ошибке съесть розу], а он должен есть баобабы, а не розу! Вот так, косвенно, через беспокойство и тревожность, Маленький принц сообщает, что у него на планете растет прекрасная роза. Затем в повести дается ее описание:

Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нем появился бутон. Маленький принц никогда еще не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, еще скрытая в стенах своей зеленой комнатки, все готовилась, все прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрепанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днем. И вот наконец, однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позевывая:

– Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я еще совсем растрепанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

– Как вы прекрасны!

– Да, правда? – был тихий ответ. – И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

– Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У нее было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

– Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

– На моей планете тигры не водятся, – возразил Маленький принц. – И потом, тигры не едят траву.

– Я не трава, – обиженно заметил цветок.

– Простите меня...

– Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится сквозняков... очень странно... – подумал Маленький принц. – Какой трудный характер у этого цветка».

– Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь ее занесло сюда, когда она была еще зернышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

– Где же ширма?

– Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его все-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

– Напрасно я ее слушал, – доверчиво сказал он мне однажды.

– Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И еще он признался:

– Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я еще не умел любить.

В данном фрагменте мы можем увидеть намек на то, как трудно автору повести воспринимать женщину, первую проекцию своей Анимы. Экзюпери проговаривается, что в тот момент, [когда Маленький принц рассказывал ему о розе], ему было не до тщеславия и капризов, как, впрочем, и не до очарования и красоты цветка. (Одну из жен Сент-Экзюпери звали Роза, и он женился на ней, будучи страстно в нее влюбленным). Так как Маленький принц очень страдал из-за капризов розы, то решил покинуть планету и, ухватившись за одну из перелетных птиц, отправился путешествовать. Так он попал на Землю.

Итак, мы неожиданно для себя узнаем о том, что мальчик со звезды прилетел к нам потому, что больше не мог переносить капризы цветка. Постоянные смены настроения и капризное поведение этой высокомерной принцессы вынудили его покинуть планету. Когда принц расстался с цветком, та даже немного взгрустнула, но не подала виду. В повести читаем:

В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был еще один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно почишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана – это все равно, что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Не без грусти Маленький принц вырвал также последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернется. Но в это утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил и собрался накрыть колпаком чудесный цветок, ему даже захотелось плакать.

– Прощайте, – сказал он.

Красавица не ответила.

– Прощайте, – повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

– Я была глупая, – сказала она, наконец. – Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрека. Маленький принц был очень удивлен. Он застыл, смущенный и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

– Да, да, я люблю тебя, – услышал он. – Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

– Но ветер...

– Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдет мне на пользу. Ведь я – цветок.

– Но звери, насекомые...

– Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

– Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти, – так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

Это совершенно поразительное описание любовных отношений, в которых любовники мучают друг друга. Оба слишком страдают внутри и чересчур горды, чтобы первыми сделать жест примирения. Или не знают, как это сделать: вот так в своих негативных проявлениях Анима и Анимус противостоят друг другу. Таким же образом молодые люди из-за нехватки человеческих чувств и недостаточного жизненного опыта зачастую не знают, как преодолеть временные трудности в отношениях, и разбегаются сразу после любой мелкой ссоры. Такова судьба множества ранних влюбленностей.

Кроме того, приведенный фрагмент повести великолепно образно демонстрирует тщеславие и капризы типичной Анимы (typical anima). Как правило, женщине-Аниме присуща особая инфантильная капризность и иррациональное поведение; такой тип женщин, как правило, нравится маскулинным мужчинам – это является своего рода компенсацией за последовательную, сознательную жизнь, которую они ведут. Однако поведению женщины-Анимы присущ определенный тип инфантилизма, оказывающийся невыносимым. В повести роза, как и Маленький принц, инфантильна, но инфантильность ее – другого свойства. Поэтому им приходится расстаться.

В эпоху античности роза имела прямое отношение к культуре богини Венеры и божественному младенцу Эросу (Купидону). Розы использовались и в дионисийских мистериях, так как Дионис также был символом рано уходящей юности. В христианской традиции символическое значение розы оказалось разделенным на два аспекта: с одной стороны, роза становится воплощением Девы Марии и небесной любви, а с другой – символом земной похоти (аспект богини Венеры). Один средневековый автор так говорит о шипах розы: «любовные наслаждения всегда сопровождает боль от укулов шипов». Христианская ассимиляция античной символики обычно происходит следующим образом: символ разделяется на две части; одна из них – в негативном своем проявлении – приписывается дьяволу, другая – в позитивном аспекте – соотносится с божественным. Таким образом, если во времена античности и в дохристианскую эпоху позитивный и негативный аспекты были тесно связаны между собой, то в свете христианского сознания происходит их разделение. Именно поэтому в средневековых сочинениях толкование многих символов становится противоречивым: лев, например, может служить воплощением дьявола и од-

новременно символизировать Христа; роза – знак Девы Марии и вождения, голубь – символ Святого Духа и похоти и т.п. Если посмотреть на весь перечень символов, в каждом из них можно найти противоположные значения и интерпретации.

У розы Маленького принца есть четыре шипа, следовательно, ее форма соответствует форме мандалы; таким образом, цветок в повести является символом Самости. Кроме того, роза в мифологической символике часто служит местом, где совершается внутренняя мистическая трансформация. Но в повести роза, как и Маленький принц, воплощает слишком неразвитый и слишком инфантильный аспект Анимы, поэтому для того, чтобы стать зрелыми, им необходимо расстаться.

В фольклоре мы находим много сказок, сюжет которых строится вокруг преследования злой мачехой брата и сестры или пары детей. Так происходит, например, в сказке братьев Grimm «Братец и сестрица»⁴¹ и в некоторых других сказках. Как правило, одного из детей убивают, затем заколдовывают, а брат или сестра избавляют его от злых чар. Такой же миф о ребенке находим в классической греческой мифологии, например, история о двух детях Нефелы⁴².

Нефела (или г-жа Облако, если хотите) – мать двоих детей, Фрикса и Геллы. Их преследовала злая мачеха, но бежали от нее, улетев на златорунном овне. Гелла, однако, упала в море и утонула. Ее брату Фриксу удалось спастись, и впоследствии он принес златорунного овна в жертву, а его шкуру (золотое руно) повесил на дереве. Так начинается миф о Золотом Руно; в наше время кавалеры Мальтийского ордена носят знак Золотого Руна на золотой цепи. Златорунного овна, чью шкуру Фрикс повесил на дереве, сравнивают с распятым на кресте Христом. Это может послужить объяснением тому, что Золотое Руно считается символом Христа и играет особую роль в символике Мальтийского ордена.

Мотив двоих детей, или брата и сестры, один из которых погибает, а другой остается в живых, можно рассматривать как образ внутренней целостности мужчины; вследствие его предрасположенности к инфантилизму, дети должны расстаться, чтобы его

⁴¹ Русский текст см., напр., В.Гримм, Я.Гримм. Сказки, М.: «Художественная литература», 1978.

⁴² Нефела – в греч. мифологии богиня облаков. Она – первая супруга царя Афаманта, мать Фрикса и Геллы, которых хотела погубить Ино, вторая супруга царя.

Эго-сознание могло стать зрелым. Позже разлученные дети воссоединяются, но на более высоком уровне: вот почему роза хочет, чтобы Маленький принц покинул планету.

Если мы посмотрим на эту символику как на проекцию личности Сент-Экзюпери, то увидим, что его внутренний гений (Маленький принц) страдает от капризов собственной Анимы, и цель страданий заключается в том, чтобы дать возможность возмужать слишком инфантильному ядру личности. Другими словами, если человек инфантилен, он будет страдать из-за частых перепадов настроения, испытывая постоянную боль. Это правильно, поскольку единственный способ избавиться от инфантилизма – вылечить его страданием. Если человек страдает достаточно долго, он развивается; другого пути решения этой проблемы не существует. Инфантильное ядро неизбежно испытывает мучительные страдания.

Вопрос: Если бы роза заплакала, а не пыталась скрыть от него свои слезы, осталась бы в таком случае возможность их взросления?

Да. Если бы они смогли поговорить о своем горе и выразить друг другу свою печаль, а не прятаться под маской напускной гордости, они могли бы взрослеть вместе. Но если вы недостаточно зрелый человек, вы не сможете говорить о том, что вас тревожит. Постоянно приходится видеть, как человек начинает плакать, стоит задеть что-то уязвимое или инфантильное. Пациенты, проходящие анализ, могут годами скрывать свои слабые места не потому, что они хитрят или вытесняют проблему. Когда все-таки уязвимое выходит наружу, пациенты начинают говорить: они знали, что начнут плакать, поэтому что же хорошего в том, что аналитик затронул болезненное место, ведь любой разговор в таком случае заканчивается слезами и т.п. Зная и предвидя свою реакцию, они все время откладывают решение проблемы, но это значит, что развития не происходит. Но болезненное место должно выйти на поверхность, а пациент – испытать страдания; это единственный способ, который поможет излечиться.

Однако более опасно состояние, когда инфантильность не подавлена психикой, а как бы отрезана от нее (cut off). Например, вас не покидает чувство, что пациент с вами не совсем искренен, хотя внешне это никак не проявляется. Вы устанавливаете доверительные отношения, позволяющие вам поговорить с ним о том,

что он никогда не бывает самим собой, что его отношение к вам неискренне, – и тут появляются слезы! Они не знают, что делать со слезами, потому что могут быть искренними только тогда, когда плачут, а плакать они не хотят. Вот еще одна форма проявления инфантилизма, когда инфантильная Тень предьявляет повышенные требования на выражение чувств партнером.

Сдерживание чувств не решает проблему – подавленный ребенок продолжает плакать или злиться в углу. Чувства нельзя просто так отделить от себя (split off). Наоборот, необходимо быть как можно ближе к этому подавленному ребенку, так как потеря контакта с уязвимым может означать потерю контакта с подлинной личностью человека. Однако давать волю своему слабому месту тоже нельзя. Мой опыт говорит о том, что инфантилизм необходимо переживать в страданиях и муках до тех пор, пока эта часть твоей личности не возмужает. Обладая инфантильной Анимой, мужчина должен пройти через серьезные эмоциональные переживания и разочарования. Пройдя через них, он начнет понимать женщин и себя самого; именно тогда он и становится эмоционально зрелым. Однако, если он *притворяется* рассудительным и подавляет свои инфантильные чувства, никакого развития не происходит. Поэтому полезнее, если инфантилизм человека оказывается очевидным, и тогда пусть лучше он его выстрадает, чем подавит, став слишком рассудительным, ибо в этом случае человек просто перестанет развиваться. Следовательно, лучше, если человек ведет себя как ребенок и получает по шее от окружающих и тех, с кем часто общается: ответная реакция со стороны других заставляет его страдать, и тогда *prima materia* медленно трансформируется. Таков груз, который инфантильная Тень – божественный младенец – налагает на человека.

Замечание: На семинарах, посвященных проблемам видений (visions), Юнг говорил практически то же самое, утверждая, что люди, которым трудно дойти до ядра своей личности, могут действительно испытывать искренние переживания только когда страдают, пытаясь прийти к переживанию своей истинной самости; в других случаях такие переживания для них становятся невозможными.

Да. Поэтому я скажу, что ребенок внутри взрослой личности – это источник страданий, он страдает оттого, что взрослая

часть личности может принимать жизнь такой, какая она есть, а следовательно, не испытывает сильных мучений. Детские же страдания намного хуже – они суть подлинные страдания, хотя могут быть вызваны сущим пустяком, например, необходимостью идти спать, когда хочется еще поиграть. Все мы можем вспомнить сильные разочарования, которые испытывали в детстве. Если оглянуться назад, все они оказываются мелочами, но в детстве – в тот самый момент – страдания были неподдельными. Так происходило потому, что ребенок есть целостная личность и целостен в своих реакциях; следовательно, если у него отнимают игрушку, это значит, что у него отнимают весь мир. Слава Богу, в детстве очень быстро происходит компенсация: через пять минут ребенок отвлекается и вновь смеется, позабыв о горе. Но именно детские трагедии демонстрируют, что внутренний ребенок является подлинной частью личности, и эта внутренняя подлинная часть испытывает страдания. Именно ребенок не может принять реальность и, находясь внутри взрослого человека, реагирует как малыш, заявляя: «Я хочу все это и если не получу, то для меня наступит конец света. Тогда все будет потеряно». Именно так выглядит истинное ядро личности, которое является источником страданий. Можно сказать, что все то, что в человеке является подлинным и по-детски наивным, становится для него источником страданий. Многие взрослые отделили от себя эту часть личности и тем самым остались в стороне от процесса индивидуации. Ведь если человек принимает внутреннего ребенка вместе со страданиями, которые тот причиняет, это значит, что происходит процесс индивидуации.

Похоже, что жена Сент-Экзюпери была истеричной женщиной с частыми перепадами настроения. Между ними происходили такие страшные ссоры, что писатель покинул ее и какое-то время жил с другой женщиной, научившей его употреблять опиум. Это тоже примечательный факт, который с точки зрения личности автора немного проливает свет на трагедию, описанную в истории о Маленьком принце: по-видимому, мать Сент-Экзюпери невзлюбила его жену и проявляла огромную приязнь к женщине, научившей его курить наркотик. Мать потеряла сына еще тогда, когда он должен был привыкать к капризам своей жены. Однако об этом мы знаем только со слов супруги писателя, а потому должны воспринимать их с некоторой долей критицизма.

Лекция 4

В повести о Маленьком принце есть небольшое отступление, позволяющее нам получить дополнительную информацию об астероиде В-612. Так, мы узнаем, что на планете есть три вулкана, два из которых действующие, а один потухший. Каждое утро Маленький принц просыпается и чистит вулканы, потому что, по его словам, мало ли что может случиться. На рисунке автор изобразил, как он чистит один из вулканов, а в это время на другом вулкане греется сковорода, на которой принц готовит себе завтрак. На рисунке есть и цветок под стеклянным колпаком, и вулкан с шапочкой, закрывающей потухшую вершину. Таким образом, на астероиде присутствуют четыре основных ориентира: три вулкана и цветок. Это мандала.

Как можно интерпретировать потухший вулкан? Вспомните, мы иногда сравниваем поведение некоторых людей с извержением вулкана.

Ответ: Ушло либидо!

Да. Энергия больше не находит выхода даже через извержение негативных эмоций. Можно также сказать, что если на небесном теле затухает вулкан, это значит, что пламя внутри вулкана медленно гаснет и исчезает, земля постепенно остывает и умирает, а внутренний процесс трансформации материи, происходящий в глубине породы, замедляется и становится менее интенсивным. Нам следует взглянуть на это, вспомнив о маленьких размерах планеты. Это крошечная звезда, на поверхности которой не могут уместиться слоны, что указывает на жизненную слабость. Итак, в какой-то части планеты иссякла жизненная сила, а вместе с ней – способность прямого выражения реакции.

Очень часто образ потухшего вулкана возникает в клиническом материале, имеющем отношение к психиатрии – в таком случае он служит иллюстрацией состояния, которое мы называем постпсихотическим. У людей в состоянии психоза случаются чрезвычайно сильные эмоциональные взрывы, после которых происходит регрессивное восстановление (*regressive restoration*) Персоны – вот тогда они в буквальном смысле становятся похожими на выгоревший вулкан.⁴³ Они разумно рассуждают, адаптируются к жизни, но огонь уже потух: разрушительный эмоциональный взрыв выжег внутри них часть личности. Изучая пациентов в постпсихотическом состоянии, вы заметите, что они не проявляют никакой реакции даже тогда, когда вы касаетесь наиболее серьезных для них проблем.

Как правило, если затронуть за живое обычного человека, его эмоциональность тут же реагирует: человек раздражается и нервничает, начинает лгать, смущаться или проявляет агрессивность; иными словами, демонстрирует различные эмоциональные реакции. Человек в постпсихотическом состоянии ведет себя по-другому: все происходит совершенно иначе, поскольку в тех случаях, когда там, где вы ожидаете появления высокого эмоционального накала, вы слышите: «Да, да, я все понимаю!» Именно в том самом больном месте, где предполагается появление эмоциональной реакции, она отсутствует. Такое состояние можно сравнить с потухшим костром. Эмоциональное разрушение оказалось таким сильным, что огонь иссяк. Тогда же в сновидениях могут появиться потухшие вулканы, символизирующие состояние, наступившее после воздействия разрушительной эмоции.

В меньшей степени подобный эмоциональный спад испытывают люди, перенесшие состояние сильного аффекта. Возможно, вам приходилось переживать упадок сил, неизбежно наступающий после бурного эмоционального взрыва. Это чувства усталости и безразличия. Все эмоциональные реакции истощились, человек просто выгорел.

В повести о Маленьком принце эмоциональное выгорание проявляется частично, так как отмирает только один из четырех ориентиров планеты – один из трех вулканов. Если сравнить четыре ориентира с четырьмя типологическими функциями [по Юнгу],

⁴³ Jung C.G. Two Essays. CW, pars. 252ff, 461ff.

окажется, что одна из них перестала действовать. Скорее всего, цветок олицетворяет чувственную функцию, и тогда противоположной ему является функция мышления, которую воплощает самый большой вулкан, он к тому же нарисован лучше других. Тогда нам нужно узнать, какая из двух оставшихся функций прекратила свое действие. В данном случае я бы сказала, что это функция ощущения и соприкосновения с реальностью. Однако вряд ли объяснение на основе типологических функций можно считать необходимым компонентом [в нашей теме]. Возможно, здесь есть указание и на другую проблему.

У Сент-Экзюпери был младший брат, которого он нежно любил. Он умер в возрасте четырнадцати лет. Смерть брата стала для Сент-Экзюпери тяжелым потрясением, от которого он никогда так и не оправился полностью. Личность мальчика нашла отражение во всей истории о Маленьком принце, и я думаю, что Сент-Экзюпери, сочиняя повесть, думал о своем брате. Для него история о мальчишке, появившемся на земле, а затем покинувшем ее, ассоциировалась со смертью младшего брата, с которым его связывали очень теплые отношения. Скорее всего, потухший вулкан символизирует потрясение, вызванное смертью брата, от которого он так и не смог до конца оправиться. Это, вероятно, и стало причиной эмоционального выгорания части личности писателя. Словно вместе с братом, который действительно умер, умерла какая-то часть инфантильной личности Сент-Экзюпери. После этого от самого писателя осталась только половина, поэтому, возможно, умерший младший брат стал воплощением части его собственной личности, его способности выражать эмоциональные реакции. Тогда Маленький принц может представлять собой внешний образ того, что произошло внутри Сент-Экзюпери, – проекцию того, что умерло внутри автора и отделилось от него.

Ответ: Им свойственно извержение эмоций.

Да, речь может идти о человеке, склонном к извержению эмоций: человеке горячем, эмоционально заряженном, с бурным темпераментом, готовым в любой момент взорваться от неуправляемых эмоций. Если же один из вулканов потух, что это означает?

Ответ: Может быть, он частично совладал со своими эмоциями?

Вы оптимист! Я думаю, что если бы он совладал с ними, рисунок выглядел бы несколько иначе. Когда вулкан гаснет, внутри него образуются несколько слоев застывшей лавы, а огненное жерло вулкана заполняется жестким тугоплавким веществом. Активность вулкана прекращается, и лава больше не извергается наружу. Не думаю, что Экзюпери удалось справиться с какими-то эмоциями, у меня создается впечатление, что исчезла возможность внешнего выражения внутреннего огня. Пламя внутри вулкана потухло в этой части астероида. Что это может значить в действительности? Изображение на самом деле катастрофично.

Вопрос: Сколько ему было лет, когда умер его брат?

Сент-Экзюпери погиб в возрасте сорока четырех лет, родился он в 1900. Насколько я помню, Франсуа был на три года младше, он умер в 1917 году, в четырнадцатилетнем возрасте.⁴⁴ Антуан был еще мальчиком, но достаточно зрелым, чтобы полностью осознать горе, связанное со смертью брата. Возможно, Франсуа умер вследствие давления неблагоприятной ситуации в семье, и, с точки зрения Сент-Экзюпери, его брат был единственным, который не смог выдержать окружающую обстановку, и ему пришлось покинуть землю, поскольку он так и не сумел войти в этот мир. То, что Маленький принц постоянно чистит потухший вулкан, потому что «мало ли что может случиться», указывает на слабую надежду, что вулкан когда-нибудь снова может стать действующим. Мне думается, это подтверждает нашу идею о том, что в глубинных пластах психологической планеты Сент-Экзюпери царит разрушение и отсутствие жизненных сил, и это, в конечном счете, стало причиной того, что он не смог пережить кризис среднего возраста – трагедию, которая часто случается с *пуэром*.

Маленький принц покинул астероид В-612 и вместе со стаей птиц путешествовал в космосе. Он прилетел на Землю не сразу, а посетил и изучил шесть соседних планет. Этот фрагмент повести кажется мне не слишком важным, поэтому я о нем лишь упомяну.

На первом астероиде жил король, который отдавал глупые и совершенно бессмысленные распоряжения. Чтобы сохранить лицо, он заранее узнавал, что должно случиться, например, зайти

⁴⁴ C. Cate. Sent-Exupery. pp. 19–47.

солнце, и после этого требовал, чтобы солнце зашло. (Я точно так же поступаю со своей собакой, которая никогда меня не слушает. Если я хочу ей показать, какая она послушная, то прошу ее сделать то, что она и так собиралась сделать. Затем я ей говорю: «Смотри, какая ты у меня послушная!»). Отдавая такие распоряжения, король поступает очень умно. Очевидно, что Сент-Экзюпери высмеивал бездействие комплекса власти и связанных с ним ложных претензий, противоречащих самой сути реальности. Все шесть персонажей, которых встречает на своем пути Маленький принц, можно назвать Теневыми фигурами или некоторыми внутренними возможностями адаптации Сент-Экзюпери к реальности, в которой он жил. Несколько позже мы поговорим об этом подробнее.

На следующей планете жил честолюбец – человек, жаждущий почитания, персонифицированный образ тщеславия. На третьей планете жил пьяница, который хотел утопить в вине свою печаль, потому что ему стыдно быть пьяницей. На четвертом астероиде жил делец, который считал звезды: они служили ему воплощением монет, и он считал их всю ночь напролет. Пятый астероид, на мой взгляд, самый интересный. Этот астероид очень маленький, на нем жил фонарщик, который должен был каждый вечер зажигать свой фонарь и каждое утро его гасить, как это было принято раньше в больших городах (кстати, в Лондоне только совсем недавно отменили статью бюджета, из которой расходовались деньги на содержание фонарщиков. Случайно обнаружилось, что, несмотря на то, что фонарей и фонарщиков в Лондоне уже давно не существует, деньги на их содержание все еще продолжают поступать! Типично по-английски!). Так получилось, что эта планета была такой маленькой и вращалась так быстро, что когда Маленький принц увидел фонарщика, тот каждую минуту зажигал свой фонарь и сразу же его гасил.

На шестой планете жил географ, который рассказал Маленькому принцу о Земле и посоветовал ему ее посетить.

Идея, которая заключается в том, что Маленький принц должен посетить ряд планет, прежде чем прилетит на Землю, представляет собой интересную версию архетипического мотива. В некоторых философских системах гностиков, сформировавшихся под влиянием идей Платона, считалось, что душа – это искра, обитающая на небесах. При рождении она спускалась на Землю через сферы всех планет, каждая из которых придавала ей какое-то ка-

чество. В конце своего пути душа оказывалась на Земле в человеческом теле, в котором она жила земной жизнью в соответствии со счастливой или несчастливой предрасположенностью, полученной ею от разных планет по пути на Землю. Такое представление тесно связано с астрологией: пребывающая в небесах искра души находится вне астрологического воздействия и обретает собственный уникальный гороскоп только во время путешествия на Землю. Так, от Венеры душа получала характерные для этой планеты качества в определенной констелляции, от Марса – присущие ему черты в другой констелляции и т.п. В результате, когда искра-душа достигала Земли, человек рождался уже со сформированным индивидуальным гороскопом. Возвращаясь обратно на небеса, душа умирающего человека возвращала все качества (у некоторых авторов – как будто снимая одежды), которые она получала, спускаясь на Землю, и полностью обнаженной прибывала к небесным вратам, чтобы вернуться к вечному свету. Таким образом, после смерти душа должна была избавиться от влияния планет. Можно сказать, что искра-душа – это символ Самости, а разные качества планет – унаследованные человеком психологические, или инстинктивные предрасположенности, с которыми он рождается, приняв, например воинственность и агрессивность Марса или сексуальные инстинкты Венеры во всех их разнообразных проявлениях, а также психологические и духовные качества.

Несколько позже я предоставлю вам материал, где эта же идея проявится в сновидениях человека, страдающего типичным комплексом *puer aeternus*. Он видит, как должен спуститься на землю, но сначала ему необходимо преодолеть звездное пространство.

Это говорит о том, что Сент-Экзюпери еще не был тем, кем ему было предназначено стать, он оказался отчужден от своего тела и от своей внутренней связи с Землей. В этом смысле он не являлся самим собой; в каком-то смысле, можно сказать, что он как бы не родился до конца.

Аналогично можно было бы взять образы короля, честолюбца, пьяницы и дельца и назвать их разными потенциальными возможностями взрослого человека. В описании Сент-Экзюпери они изображены несколько смешными, потому что получают удовольствие от взрослой жизни. Автор говорит, что один молится деньгам, другой – несуществующей власти, третий занимается дон-кихотством, сохраняя прежние ценности, которые уже больше не существуют. Можно утверждать, что король в чем-то воплощает

жизнь, которую Сент-Экзюпери мог бы прожить. То же самое можно сказать о честолюбце, ведь Сент-Экзюпери был очень тщеславен, что подтверждают свидетельства нескольких корреспондентов, с которыми он встречался – по их утверждению, он был большим позером со свойственным ему самомнением и тщеславием. К тому же иногда он увлекался спиртным. Я совсем не могу представить Экзюпери в качестве делового человека, но, наверное, он мог бы им стать. Следовательно, за исключением фонарщика, жители разных планет служат воплощением обычных возможностей развития его жизни по неправильному пути или олицетворяют его попытки найти псевдостиль взрослой жизни.

Фонарщик у меня вызывает особый интерес, так как если бы Сент-Экзюпери последовал семейной традиции, то стал бы личностью, очень похожей на Дон-Кихота. Среди высшей французской аристократии встречается много таких людей; они живут прошлой славой Франции, застряв в XVIII веке со всеми присущими ему идеалами аристократии и рыцарства, сформировавшимися на прочной католической основе. Они пребывают в прошлом по отношению к настоящему времени. Такова судьба поэта Лаверана (Lavarande), современника и коллеги Сент-Экзюпери. Он писал романы, восхваляя «старые добрые времена», времена рыцарства и благородства. Но я считаю, что Сент-Экзюпери был слишком чувствительным, умным и в каком-то смысле современным человеком, чтобы принять эту регрессивную форму жизни. Так, описывая фонарщика, он говорит о том, что темп жизни на земле ускорился настолько, что больше не оставляет места для идеалов помещика-аристократа или доблестного рыцаря-офицера; эти роли превратились в смешные иллюзии. Это свидетельствует о том трудном положении, в котором оказался поэт, так как он уже не может открыть ту форму жизни, которая бы ему подходила и давала бы ему коллективный паттерн для самореализации.

Географ является более позитивным персонажем. Сент-Экзюпери трепетно относился к географии, которую летчик должен знать очень хорошо. Образ географа можно интерпретировать как воплощение психологической функции ориентации – способности узнавать путь на земной поверхности и следовать ему. Власть, деньги, общественное признание и пьянство символизируют четыре элемента, которые он не мог обожествить и которым не мог поклоняться. Остается фонарщик. Автор так пишет о нем:

Вот бы с кем подружиться, – подумал он еще. – Но его планета уж очень крохотная. Там нет места для двоих...

Именно на этой планете он испытал минутное искушение, но потом отверг и его. Затем появляется положительный персонаж – географ.

Но история продолжается:

Итак, седьмая планета, которую он посетил, была Земля.

Земля – планета не простая! На ней насчитывается сто одиннадцать королей (в том числе, конечно, и негритянских), семь тысяч географов, девятьсот тысяч дельцов, семь с половиной миллионов пьяниц, триста одиннадцать миллионов честолюбцев, итого около двух миллиардов взрослых.

Он совершенно четко пишет, что думает о взрослых людях на Земле, на которую только что прилетел. Первым существом, которое ему встретилось, была змея.

Итак, попав на землю, Маленький принц не увидел ни души и очень удивился. Он подумал даже, что залетел по ошибке на какую-то другую планету. Но тут в песке шевельнулось колечко цвета лунного луча.

– Добрый вечер, – сказал на всякий случай Маленький принц.

– Добрый вечер, – ответила змея.

– На какую это планету я попал?

– На Землю, – сказала змея. – В Африку.

– Вот как. А разве на Земле нет людей?

– Это пустыня. В пустынях никто не живет. Но Земля большая.

Маленький принц сел на камень и поднял глаза к небу.

– Хотел бы я знать, зачем звезды светятся, – задумчиво сказал он. – Наверно, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою. Смотри, вот моя планета – как раз прямо над нами... Но как до нее далеко!

– Красивая планета, – сказала змея. – А что ты будешь делать здесь, на Земле?

– Я поспорился со своим цветком, – признался Маленький принц.

– А, вот оно что...

И оба умолкли.

- А где же люди? – вновь заговорил, наконец, Маленький принц.
- В пустыне все-таки одиноко...
- Среди людей тоже одиноко, – заметила змея.
- Маленький принц внимательно посмотрел на нее.
- Странное ты существо, – сказал он. – Не толще пальца...
- Но могущества у меня больше, чем в пальце короля, – возразила змея.
- Маленький принц улыбнулся:
- Ну, разве ты уж такая могущественная? У тебя даже лап нет.
- Ты и путешествовать не можешь...
- Я могу унести тебя дальше, чем любой корабль, – сказала змея.
- И обвилась вокруг щиколотки Маленького принца, словно золотой браслет.
- Всякого, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой он вышел, – сказала она. – Но ты чист и явился со звезды...
- Маленький принц не ответил.
- Мне жаль тебя, – продолжала змея. – Ты так слаб на этой Земле, жесткой, как гранит. В тот день, когда ты горько пожалеешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь. Я могу...
- Я прекрасно понял, – сказал Маленький принц. – Но почему ты все время говоришь загадками?
- Я решаю все загадки, – сказала змея.
- И оба умолкли.

Как можно интерпретировать образ золотой змеи? Что она предлагает Маленькому принцу?

Ответ: Помощь.

Да, и в какой форме?

Ответ: Смерть.

Да. Это искушение умереть; она предлагает помощь в той форме, которая означает один из способов совершения самоубийства. Змея говорит, что она возвращает людей обратно – туда, откуда они пришли. Она считает, что Земля слишком жестока для Маленького принца, что он не сможет на ней выжить, но она смогла бы помочь, имея в виду, что вернет его на планету. Змея говорит, что она решает все загадки, ибо смерть разре-

шает все проблемы. Это искушение смертью; змея предлагает способ уйти из жизни, окончательно решив неразрешимую проблему. Предложение достаточно прозрачно: змея могла бы убить его ядом, как, собственно, и случается в конце книги. Прежде чем перейти к особым качествам, которыми обладает змея в контексте книги, а именно, к искушению смертью, ее услужливости, нам следует рассмотреть общее значение, которое символизирует змея.

Как и все животные, змея представляет собой часть инстинктивной психики (*instinctive psyche*), однако этот инстинкт очень отдален от сознания. Вот что пишет Юнг о змее:

Низшие позвоночные с древних времен были излюбленными символами основы коллективной психики, которая, с точки зрения анатомии, локализуется в подкорковых центрах, мозжечке и спинном мозге. Форма расположения этих органов напоминает змею. Следовательно, змеи в сновидениях обычно появляются, когда происходит отклонение сознания от его инстинктивной основы.⁴⁵

Когда человеку снится змея, это становится сигналом, что сознание особенно отделилось от инстинкта; образ ее указывает, что сознательная установка становится неестественной, а значит, в каком-то смысле появляется искусственная двойственная личность (*artificial double personality*): с одной стороны, человек хорошо адаптирован к внешнему миру и слишком увлечен жизнью, но вместе с тем, в решающие моменты безнадежно пасует перед трудностями. В таких случаях, — продолжает Юнг, — мы узнаем, что всегда существует некая тайная притягательная сила к недостающему внутреннему двойнику, которого человек боится и любит как то, что могло бы сделать его цельным. Именно поэтому в мифологии змея имеет двойной смысл. Она вызывает страх, выделяет яд и приносит смерть; она — враг света и вместе с тем спаситель в животном обличье, символ высшего разума (Логоса) и Христа. Появляясь в облике высшего разума, змея воплощает возможность само-осознания и личностной целостности. Это животное предвещает рождение знаний не вследствие интеллектуального понимания, а непосредственно из внутреннего опыта, проникательности (*insight*), тайной мудрости.

⁴⁵ Jung C.G. Archetypes and Collective Unconsciousness. CW, vol. 9, pars. 282H.

Можно заметить, что в повести змея также играет двойную роль. Она предлагает убить Маленького принца, освободив его от земного бремени, но это предложение можно понять двояко: как самоубийство или как удачный поворот судьбы, помогающей ему уйти от жизни. Именно такова исходная философская установка автора, предполагающая, что смерть – это не горе и не несчастье, а просто последнее средство избавиться от нестерпимой реальности, понимаемой как что-то совершенно неважное и препятствующее осуществлению самых сокровенных желаний человека.

В античной мифологии змея очень часто появляется в сочетании с мотивом ребенка. Например, мифический бог и покровитель афинян, царь Эрихтоний, сын богини Афины и получеловека-полузмея Кекропа, в младенческом возрасте был помещен в корзину. Никому нельзя было смотреть на колыбель, а если кто взглянет, то увидит в ней ребенка, окруженного змеями. Найти точное объяснение этому мотиву достаточно сложно, но на юге Франции были найдены *coffrets gnostiques*,⁴⁶ относящиеся к средним векам, а может быть, и к более раннему периоду; на ларцах изображены обнаженные дети, играющие со змеями. Такое соединение божества-ребенка и божества-змеи можно встретить часто.

Образно говоря, бог-ребенок также является архетипом «отравителя». Античный Купидон носил в колчане ядовитые стрелы, которыми, как свидетельствуют поэты, он подчинял самого Зевса-громовержца, ведь Купидон мог пустить стрелу в Зевса, и тот совершенно безнадежно увлекался какой-нибудь земной женщиной, хотя такое положение вещей могло ему совершенно не понравиться. Купидон, таким образом, мог отравить людей. Поэты эпохи поздней античности, в форме так называемой *anakreontika*, посылали легкие укоры и упреки маленькому мальчику, который своими ядовитыми стрелами мог подчинить своей воле весь мир. Если Купидон пустит в вас стрелу, вы влюбитесь, но насколько вам понравится это, будет зависеть от вашей собственной реакции. Если вы желали этого, вы будете чувствовать себя счастливым и говорить, что вы влюбились. Если нет, вы можете сказать, что «отравлены» любовью; вам приходится делать то, что вам не нравится, и быть в ситуации, в которой ваше Эго ощущает себя зависимым или отравленным. Такова скрытая связь между змеей и вечным младенцем.

⁴⁶ (фр.) ларцы (шкатулки) гностиков.

Змея в повести – это Тень Маленького принца, его темная сторона. Следовательно, намерение змеи ужалить мальчика может означать процесс интеграции с Тенью. К сожалению, процесс этот происходит внутри Самости, а не внутри Сент-Экзюпери. Таким образом, все совершается в бессознательном, отделяя от реальности психологическое ядро. На самом деле змея должна бы отравить Сент-Экзюпери, это помогло бы ему отстраниться от Маленького принца. Вполне вероятно, что после смерти брата Сент-Экзюпери говорили, что Франсуа стал ангелом на небесах и очень счастлив, что не живет на грешной земле. Вероятно, Антуан поверил в это больше, чем мог бы поверить любой другой человек. Он понял, что смерть – несчастье лишь отчасти, и такое осознание могло сформировать его отчужденное философское отношение к жизни.

Пуэр часто имеет зрелую, свойственную, как правило, пожилым людям, отчужденную установку к жизни, которая развивается у него преждевременно. Суть ее заключается в том, что жизнь – это не все, что существует в мире. Обратная сторона бытия также достоверна, а сама жизнь относительна и представляет собой другую половину существования. В данном случае искушение смертью мешает Маленькому принцу опуститься на Землю. Не успел он коснуться поверхности, как появилась змея: «Если она тебе не нравится, я знаю, как ее покинуть». Даже до своего приземления у него уже было предложение принять смерть. Я встречала многих людей с подобной сложной констелляцией, которые ведут себя точно так же: они живут только «на определенных условиях» – это означает для них тайную игру с мыслью о самоубийстве. На каждом шагу своей жизни они думают, что попытаются сделать что-нибудь, а если не получится, они себя убьют.

Таков и *пуэр*: он всегда держит в кармане револьвер, постоянно играя с идеей ухода из жизни, если вдруг жизнь окажется для него слишком сложной. Ущербность такой установки заключается в том, что человек никогда полностью не вовлечен в ситуацию; у него постоянно имеется невысказанное условие, оговорка в духе иезуитов: «хорошо, я займусь этим, но, как любой человек, оставляю за собой право покончить с жизнью, если она покажется мне нестерпимой. Если страдания станут для меня невыносимы, я не пойду до мучительного конца, а демонстративно покину мир». Человек, отделяющий себя от целостного переживания, разделяет на части собственную индивидуальность и превращается в расщеп-

ленную (split) личность. Трансформация происходит только тогда, когда человек полностью включен в переживание ситуации.

В меньшей степени подобные проявления могут обнаружиться, например, когда пациенты в течение нескольких лет проходят анализ, упрятав «в потайной карман» психики что-то, о чем никогда не скажут аналитику. Таким образом, анализ всегда становится немного условным и не совсем «тем, чем нужно». Вы удивляетесь, почему процесс анализа затормозился и не двигается дальше... Как правило, вы замечаете, что тупиковые ситуации часто создаются Анимусом (у женщин) или Анимой (у мужчин), пытающимися воспрепятствовать анализу. Например: «Ну ладно, это только анализ, а жизнь – это что-то совершенно другое» или «Это отношения между аналитиком и пациентом. Необходимо поддерживать отношения переноса, но они не считаются настоящими, потому что отличаются от реальных отношений» и т.д. Такое скрытое отчуждение никогда не позволит процессу стать целостным. Человек играет роль пациента и, на первый взгляд, искренне участвует в аналитической работе. Но при этом он не раскрывает тайные мысли, а у некоторых людей они действительно связаны с идеей самоубийства. Пока вследствие особого внутреннего процесса эти мысли остаются заблокированными, все происходящее кажется не совсем реальным. Если вы живете с мыслями о том, как избежать жизни, то теряется возможность полноценного существования, так как эмоциональная сфера человека должна быть полностью включенной.

Змея в повести ведет себя умно. Как только Маленький принц прибывает на Землю и может оказаться вовлеченным в земную реальность, она подкрадывается к нему и предлагает: «Ах, видишь ли, жить на Земле сложно и одиноко. Я помогу тебе выйти из этого положения». Предложение неоднозначно. На мой взгляд, отравляющее свойство [«расщепленного» мышления] в том, что человек даже не замечает, что невысказанное условие смерти овладевает личностью. Иногда только косвенно можно обнаружить это свойство психики, задав себе вопрос, почему оказалось невозможно жить полноценной жизнью: «Почему я отрешен от жизни? Почему все, что происходит вокруг, не совсем реально для меня?» Тогда можно быть совершенно уверенным в том, что либо Анима, либо Анимус каким-то образом заслонили вас от реальности, причем сделали это очень умно. У мужчины обычно в этом участвует материнский комплекс, воздействие которого

можно сравнить с прозрачным пластиковым экраном, помещенным между личностью и реальной действительностью, с которой он не может войти в контакт. «Защитный экран» присутствует всегда, поэтому для мужчины ничего вокруг не имеет серьезного значения. У женщины это Анимус, нашептывающий ей подсознательное отношение к реальности вроде «ничего кроме...».

Вопрос: Как на женщину воздействует Анимус?

Предположим, вы стали общаться с женщиной, к которой испытываете теплые чувства, и, похоже, она отвечает вам взаимностью. Однако вас не покидает чувство, что вы не занимаете все ее чувства. Возможно, в этом есть и ваша вина, но, допустим, что причина в другом. Мне сложно описывать такие ситуации, — я сама женщина и не могу оказаться в роли мужчины, ухаживающего за женщиной. Но может случиться, что ко мне на прием придет женщина, которая, кажется, положительно настроена на решение проблемы. Она не обманывает, рассказывает все необходимое и полностью мне доверяет. Однако у меня постоянно остается неприятное впечатление, что что-то не склеивается. Я чувствую, что если несчастье или беда заставят эту женщину сломаться и помышлять о самоубийстве, я не смогу ее остановить. Иными словами, мы не привязались друг к другу. Такие пациенты могут вдруг прислать вам письмо, в котором будет написано, что по каким-то причинам они прекращают анализ: уезжают или испытывают недостаток в средствах. Они найдут любой повод или псевдопричину, чтобы прервать отношения, и тогда вы оказываетесь в замешательстве.

Вопрос: Как вы все это объясняете?

Я объясняю это наличием отцовского комплекса и одержимостью Анимусом. Мне вспоминается случай с одной девушкой, с которой у меня был очень хороший контакт, но однажды вдруг она повела себя по отношению ко мне чрезвычайно агрессивно. Когда мне удалось преодолеть эту агрессию, выяснилось, что она собиралась совершить самоубийство, и ссора со мной была своего рода прощанием. Она хотела убить свое чувство ко мне, чтобы потом оно не помешало ей наложить на себя руки. Для меня это было громом среди ясного неба. Накануне у нас был хороший се-

анс, в наших отношениях не произошло ничего плохого. Однако в силу других причин она решила, что уже не может выдержать жизненных трудностей, а потому тайно готовилась к тому, чтобы покончить с собой. Когда она поняла, что чувство ко мне становится для нее преградой к самоубийству, она решила повести себя со мной враждебно, чтобы я ее отвергла. Тогда бы она могла спокойно совершить то, что задумала. Эта мысль пришла к ней внезапно и поразила, как укус змеи.

Вопрос: Возможно ли, чтобы она все это осознавала?

Я ее предупреждала. Ей приснился сон, в котором одинокий старик, горький пьяница, катался по кругу на маленьком красном велосипеде. Так я узнала о присутствии в ее психике фигуры отцовского Анимуса, связанной с детской эмоциональностью (детский велосипед – красного цвета), и что эта одинокая фигура, вращается в ее психике. Хотя я, интерпретировав этот сон, сказала, что внутри нее есть что-то подобное, и она никак не сможет с этим справиться, девушка смотрела на меня отсутствующим взглядом. Но однажды все это прорвалось наружу. Вот что может случиться, если человеку приснится змея. Тогда следует ожидать, что люди начнут вести себя абсолютно непредсказуемо.

Мужчине часто снились змеи. Однажды после пятнадцати лет супружеской жизни, ему вдруг пришла идея немедленно развестись с женой, причем он даже не сообщил ей об этом сразу. Возможно, он мог бы так поступить через год после свадьбы, но не через пятнадцать лет супружества! Я видела его за неделю перед тем, как он принял решение, и ничто не предвещало таких событий, но уже на следующей неделе адвокат принялся за работу! Мужчина прожил с женой пятнадцать лет, и кроме трудностей в отношениях, связанных с противостоянием Анимы–Анимуса, которые были не хуже, чем во многих других семьях, их брак можно было назвать гармоничным. Но у него внутри жила змея! Я постоянно предупреждала его о том, что ему надо быть осторожным, потому что велика вероятность самоубийства или какого-то неожиданно резкого поступка, если такая идея вдруг овладеет им. Змея в сновидении указывает на возможность хладнокровных приступов или припадков, во время которых могут совершаться какие-то инстинктивные действия. На мой взгляд, возможно, сам по себе развод и не был таким уж неблагоприят-

ным событием, по крайней мере, такую вероятность следовало бы принимать всерьез. Однако внезапность и холодность, с которыми было принято решение о разрыве, поражают жестокостью. Ведь эта мысль никогда раньше не приходила мужчине в голову, а тут – он сразу настроился на развод и за двадцать четыре часа организовал весь бракоразводный процесс! Естественно, его жена могла справедливо пожаловаться на бесчеловечность поступка, поскольку так оно и было. Муж мог бы сначала объяснить с ней, сказав, например, что их брак превратился в привычные отношения, в которых он не видит смысла, или что-то в этом роде, чтобы как-то эмоционально ее подготовить к такому потрясению. Но он не сделал даже этого.

Пациентка, которая хотела совершить самоубийство, сделала больше, чем [эмоционально подготовила меня к событию]: она, по крайней мере, устроила прощальную ссору. Она была связана отношениями больше, чем [мужчина, инициировавший развод], потому что не захотела уйти из жизни, не разорвав нашу с ней связь – этот поступок говорит о ее вовлеченности. Если даже кто-то просто позвонит и скажет: «Я собираюсь уйти из жизни и хочу с вами попрощаться», это по-человечески; это значит, что какая-то часть личности человека все же не находится под влиянием змеи. В действительности же на девушку эмоционально воздействовала не змея, а старик на детском велосипеде; именно поэтому я сказала, что у женщины такое поведение связано с Анимусом, а в данном случае – с негативным образом отца. Фигура старика-пьяницы воплощала отсутствие человеческих отношений. Он катался по кругу в полном одиночестве, и она, оказавшись в его власти, делала то же самое. Я сказала пациентке, что если она совершит самоубийство, ее дух будет парить над телом, сожалея о том, что произошло! Скорее всего, это было бы самоубийство, мотивированное аффектом.

Замечание: Такая ситуация может довести до осознания вопроса жизни и смерти, и самоубийство будет способом его разрешения. Может ли так быть?

Да, если такое происходит, то человек может настроиться сознательно. Я не уговаривала пациентку не совершать самоубийства. Я лишь просила ее не делать этого впопыхах и под влиянием аффекта, поскольку такое решение было бы незрелым. Она

должна была все хорошо обдумать, и если бы она действительно настроилась на самоубийство, то не имеет значения, ждет ли она благоприятного момента или следующей недели, чтобы покончить с собой – решение уже принято. Подобные решения должны быть хорошо обдуманными и зрелыми, а не приниматься в аффективном состоянии, чтобы потом не пришлось сожалеть о том, что сделано – увы, если бы это было возможно! Незрелость внезапных решений ухода из жизни очевидна: недельная пауза могла бы привести девушку к размышлениям о том, действительно ли она хотела умереть или нет.

Многие люди живут против своей воли и никогда об этом не задумываются, что весьма опасно. Когда вы вступаете в контакт с такими людьми, вы постоянно ощущаете, что у них есть какие-то скрытые невысказанные условия (*mental reservations*). Если вы им скажете об этом, они вас не поймут, отрицательно покачав головой, поскольку условия живут отдельно от их сознания. Такой человек всегда кажется отчасти отсутствующим, в нем всегда что-то от вас ускользает. В случае с моей пациенткой мы смогли «поймать» неуловимое – старика на велосипеде – только тогда, когда наступил кризис. При этом он всегда жил внутри нее, делая все не совсем так.

Точно такое же воздействие оказывает материнский комплекс на мужчин, однако «поймать» его сложнее, потому что в мужской психике он не имеет четкой формы в виде образа или идеи. У девушки была определенная мысль свести счеты с жизнью, не устраивавшей ее: это можно считать разновидностью рефлексии. Материнский комплекс в таких случаях проявляется депрессивным состоянием, настроением «ничего, кроме...», смутными и неуловимыми ощущениями. Такие симптомы наблюдаются прежде всего у мужчин с негативными проявлениями комплекса и становятся заметны тогда, когда обстоятельства складываются особенно удачно (например, они нашли подругу, которая им подходит, или они добились какого-то успеха в профессиональной деятельности). Казалось бы, они должны быть счастливы, но вместо этого они бледнеют и произносят: «Да, но...». Они не могут описать словами свое настроение. Они постоянно переживают детское состояние непрекращающегося недовольства собой и окружающей действительностью. Такое состояние трудно уловить, но вместе с тем оно заразно для психики: человек легко впадает в депрессивное состояние и даже не

может проявлять какие-то реакции – для него все вокруг словно окутано влажной простыней.

Сент-Экзюпери является примером мужчины, у которого плохое настроение проявлялось в раздражении. Иногда он был в таком настроении, что целый день бродил туда-сюда по квартире, не выпуская сигарету изо рта и чувствуя себя в состоянии крайнего возбуждения, – он испытывал досаду на самого себя и на весь мир. Именно так у мужчины проявляется материнский комплекс: либо в постоянном брюзжании и ворчании, либо в депрессивном безразличии. Такова его реакция против жизни, и она имеет прямое отношение к матери.

У Сент-Экзюпери была склонность курить опиум. Как мне сказал один из тех, кто употребляет наркотики, психология наркомана тесно связана с постоянным заигрыванием со смертью, мыслями избегания реальности и связанных с ней проблем. Как правило, люди, принимающие наркотики, видят сны о змеях, побуждающих их вводить в себя яд, – они не знают или не видят способа избавиться от расщепления собственной личности. Иногда к наркотикам присоединяется и алкогольная зависимость, поскольку алкоголь действует так же как и наркотики. Вы помните, я рассказывала вам, что Сент-Экзюпери одно время жил с женщиной, научившей его курить опиум? Эта женщина очень нравилась матери писателя, и в этом факте можно усмотреть прямую связь с негативным влиянием материнского комплекса и склонностью отравлять себя ядом. Для Сент-Экзюпери полеты и наркотики стали возможностью избавиться от раздражения и депрессивного состояния, однако ему никогда не удавалось справиться со своим дурным настроением. Он пытался переключаться на полеты или на наркотики, но при этом никогда не опускался на самую глубину своего расстройств – иными словами, он никогда не проявлял склонности к самоубийству, вызванной серьезной внутренней слабостью, которую так и не смог преодолеть.

Продолжая свой путь, Маленький принц сталкивается со множеством удивительных вещей. Первое, что он для себя открывает на Земле – присутствие сотни роз, похожих на ту, которая есть у него.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!

«Как бы она рассердилась, если бы увидела их! – подумал Маленький принц. – Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, ведь иначе она и вправду бы умерла, лишь бы унижить и меня тоже...»

А потом он подумал: «Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух и, может быть, навсегда... какой же я после этого принц...»

Он лег в траву и заплакал.

Вероятно, вам известны произведения писателей-романтиков, например, «Золотой горшок» Э. Т. А. Гофмана⁴⁷ (о котором очень хорошую статью написала г-жа Аниэла Яффе) или роман Жерара де Нерваля «Аурелия»⁴⁸. Сочинения эти свидетельствуют о том, насколько трудно бывает человеку (а писателю-романтику в особенности) признать существование парадоксальной идеи, что Анима может быть воплощена не только в богине, но и в обычной земной женщине. В действительности Жерар де Нерваль, автор «Аурелии», влюбился в маленькую парижскую белошвейку. Быть может, из-за того, что в его жилах текла германская кровь, он всецело отдался поглотившему его всеобъемлющему чувству, и эта девушка казалась ему богиней, она значила для него, по крайней мере, не меньше, чем Беатриче для Данте. Писателя полностью захлестнуло чувство романтической любви. Однако циничная французская натура Жерара де Нерваля по линии Галуа не могла этого терпеть и позволяла себе высказывания о предмете любви как об *une femme ordinaire de notre siecle* – об обычной женщине нашего времени! В результате писатель сбежал от нее. Ему приснился нехороший сон: он попадает в сад, где видит статую пре-

⁴⁷ Эрнст Теодор Амадей Гофман (Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, 1776–1822) – немецкий писатель, художник, композитор, яркий представитель немецкого романизма, автор фантастических новелл, сказок, романов («Золотой горшок», «Щелкунчик и мышинный король», «Песочный человек», «Эликсиры сатаны» и мн. др.). Оказал заметное влияние на развитие европейской романтической традиции.

⁴⁸ Жерар де Нерваль (Gerard de Nerval) – псевдоним французского поэта-романтика Жерара Лабрюни (Gerard Labrunie, 1808–1855), автора сборников стихотворений, романов, исторических драм, оперных либретто и др. Все его творчество посвящено исканиям мистического образа совершенной женщины.

красной женщины, упавшую со своего постамента и расколовшуюся пополам. Сновидение сказало: если ты считаешь ее именно такой, то образ твоей души делится пополам: на верхнюю и нижнюю части. Верхняя часть – романтическая богиня, а нижняя часть – обыкновенная женщина, любая девушка. Воплощением твоей души является разбившаяся статуя, которой больше не существует. В дальнейшем наступила трагическая развязка в виде шизофрении, закончившаяся тем, что писатель повесился [на мосту] одного из парижских каналов.

Трагедия Нерваля заключалась в том, что он не смог смириться с парадоксальной идеей того, что, хотя любимая им женщина и была для него божественным и единственным в мире созданием, разумная сторона его личности утверждала, что он любит простую милую белошвейку, такую же, как и сотни других милых парижских белошвеек, что он – обычный юноша, такой же, как и сотни других молодых людей, влюбившийся в милую девушку! Это противоречие заложено в самой человеческой сути, в том, что мы являемся представителями человеческого рода среди миллиардов других таких же его представителей, и при этом каждый из нас уникален.

Как отмечает Юнг, думать о себе как о статистической единице – это самый пагубный образ мышления с точки зрения процесса индивидуации, так как эта точка зрения делает все относительным. Юнг говорил, что коммунизм менее опасен по сравнению с тем образом мыслей, когда мы привыкаем думать о себе как о статистических единицах. Мы верим в научную статистику, утверждающую, что в Швейцарии ежегодно образуется так много супружеских пар, что люди не могут найти себе квартиру; или что квартиру найти сложно, потому что в каждом городе проживает много людей, и т.п. Читая статистику, вы себе не представляете, как она на вас влияет. Статистика – разрушающий яд, хуже того, она лжет, фальсифицирует реальность. Если мы станем мыслить статистически, то перестанем считаться со своей уникальностью. Причем статистика – не только способ мышления, но и способ ощущения. Вот вы идете вдоль улицы и видите одни и те же глупые лица, а затем, взглянув в свое отражение в окне, замечаете, что выглядите так же глупо, как и другие, если не хуже. И вот уже в голову приходит мысль, что попади сейчас сюда атомная бомба, жалеть будет некого, и слава богу, что жизнь всех этих людей, включая и мою собственную, закончилась! Так статистичес-

кое мышление вызывает настроение, которое подавляет человека ощущением однообразности и заурядности жизни. На самом деле это далеко не так, ведь статистика основана на вероятности, а статистическая вероятность – это всего лишь один из способов объяснения реальности, в которой, как мы знаем, столько же уникальности и многообразия, [сколько и статистики].

Факт, что стол не летает, а остается на месте, объясняется тем, что многие миллиарды атомов и электронов, которые образуют этот предмет, статистически остаются неподвижными. Но сам по себе каждый электрон может делать что-то еще, [кроме того, чтобы обеспечивать неподвижность столу].

Или, предположим, в комнату, где находятся «испытуемые», запустили льва. Вы заметите, что каждый из находящихся в комнате будет вести себя по-разному. Один застынет на месте и воскликнет: «О!». Другой опрометью выскочит из комнаты. Третий может вообще не испугаться, потому что обладает замедленной реакцией, поэтому он сначала просто засмеется, а потом скажет, что не поверил в происходящее. Такие тестовые ситуации обнаруживают, что каждый из нас способен реагировать как характерным, так и особенным способами. Но если сейчас сюда впустить льва, я готова поспорить, что все кинутся в дальний конец аудитории, так как коллективная реакция на событие станет преобладающей. Именно поэтому статистики правы только наполовину. Они фальсифицируют картину, так как представляют среднюю вероятность реальности.

Мы гуляем по лесу, наступаем на муравьев и улиток, давим их. Однако если бы мы смогли написать историю жизни каждого муравья и каждой улитки, мы бы увидели, что смерть насекомого была весьма многозначительным событием – символической кульминацией обычной жизни простого муравья.

Эту действительно фундаментальную философскую проблему поднял американский писатель Торнтон Уайлдер в романе «Мост Короля Людовика Святого»⁴⁹. Роман начинается с того, что однажды в маленьком селении обрушился мост над рекой, и пятеро человек утонули – случай, о котором можно каждый день прочитать в газете. Но Уайлдер задается вопросом, действительно ли

⁴⁹ Торнтон Найвен Уайлдер (Thornton Niven Wilder, 1897–1975) – американский прозаик, драматург и эссеист, лауреат Пулитцеровской премии в 1937 г. и в 1943 г.

это простая случайность, и пытается показать, что каждый из пяти утонувших находился на символическом для себя этапе внутреннего развития, поэтому гибель в результате обрушения моста является для каждого из них значимой и драматической кульминацией жизни. Статистики стали бы утверждать, что крушение моста – вполне вероятное (вероятностное) событие, что ежедневно через этот мост проходят две сотни людей, что в момент обрушения на нем должно было находиться приблизительно пять человек, оказавшихся там по роковому стечению обстоятельств, что, вероятно, они могут утонуть и т.д. Эти доводы – искаженное представление о реальности, постоянно отравляющее всех нас.

Еще одна особенность, на которую следует обратить внимание. Например, Жерар де Нерваль не мог себе объяснить, что женщина, которую он любит, является для него единственной и неповторимой, потому что его статистически ориентированный рассудок утверждал, что она такая же, как тысячи других, что, было отчасти правдой. Но это лишь *полуправда*, которая хуже абсолютной лжи. Именно полуправда становится причиной стольких сложностей, переживаемых *пуэром*: он не желает работать, вести какую-то рутинную деятельность, не хочет быть рядом с женщиной. Внутри себя он проигрывает тысячи возможностей, которые могут появиться в его жизни, не может выбрать что-то определенное. Ему кажется, что его выбор будет означать лишь статистически-усредненную ситуацию. Признание того, что он является одним из многих тысяч, и что в нем нет ничего особенного, является для него интеллектуальным инсайтом (*intellectual insight*), от которого он защищается функцией чувствования (*feeling function*).

Внутренняя борьба между ощущением уникальности и статистическим мышлением, как правило, представляет собой борьбу между интеллектуализацией и стремлением чувственной составляющей занять собственное место в жизни. Чувство позволяет мне оценить, что важно для меня в противовес моей собственной значимости. Если чувства истинны, вы способны сказать себе: да, женщина эта – такая же, как все (вы видите, что она идет по улице, не отличаясь от других), но *для меня* она обладает высшей ценностью. Это значит лишь, что ваше Эго таким образом защищается и отстаивает свое право на собственные эмоции (чувства), не отрицая при этом и другую сторону вещей: «Да, с точки зрения статистики, все так, [она такая же как все], но моей жизни суще-

ствуют определенные ценности, и эта женщина занимает в ней определенное место и имеет определенную ценность». Это может означать, что Это настраивается на защиту собственного чувства, не отрицая и другой аспект. Решение заключается в том, чтобы сказать: «Да, так может быть с точки зрения статистики, но у меня в жизни есть определенные ценности, и в моей жизни эта женщина занимает значительное место».

Чтобы так сказать, нужно признавать у себя право на существование эмоций, иначе статистическое мышление приведет к расщеплению, раскалыванию личности. Вот почему рационалисты увлекаются коммунизмом и подобными идеологиями – они «отрезают» (cut off) себя от чувствующей стороны (feeling function) собственной личности. Именно эмоции, чувства делают вашу жизнь, ваши отношения и вашу деятельность уникальными, придавая им определенную ценность.

Если человеком овладевает статистический образ мышления, это значит, что либо у него вообще отсутствует чувственная сфера, либо она очень слабая, либо он склонен пренебрегать ею. Можно сказать, что мужчина, который не признает наличие эмоциональной стороны, слаб и беспомощен с позиции Эроса. Он не может прислушаться к своим чувствам, признать их, сказав: «Я намерен жить так, потому что я так чувствую». Вполне допустимо, что мужчине это сделать сложнее, чем женщине, поэтому мы и утверждаем, что мужчина слаб с позиции Эроса. Например, если вы говорите матери, что ее дети не уникальны, что такие плохо воспитанные дети встречаются на каждом шагу, она вам ответит, что *для нее* они единственны и неповторимы, потому что они *ее* дети. Женщинам свойственно иметь более индивидуальную установку.

Мужчина же должен думать более беспристрастно и объективно, а если он еще и человек нашего времени, то есть, мыслящий статистически, то эти качества становятся для него ядом. Особенно верно это в отношении мужчин, делающих военную карьеру, от росчерка пера которых подчас зависит жизнь, смерть и судьба многих людей. Высокопоставленный военачальник должен решить, какой батальон в какой бой отправить, заранее зная, что, возможно, кто-то из солдат не вернется, кем-то придется пожертвовать. Чтобы действовать в боевой обстановке, ему необходимо отстраниться от своих чувств, ведь если он станет думать о каждом солдате как об индивидуальности, давая волю эмоциям, он

просто не сможет выполнять свою работу. То же самое относится и к хирургу, который, делая операцию, не должен думать о конкретном человеке: ему необходимо осуществлять технические действия, которые могут повлечь жизнь или смерть пациента. Именно поэтому многие хирурги не оперируют родственников и членов своей семьи. Опыт показывает, что лучше этого не делать. Я знаю случаи, когда хирург, никогда не делавший ошибок, допускает неловкость или неточность, если на операционном столе находятся его жена или дочь – гораздо лучше, если такую операцию делает его коллега, которому он больше всего доверяет.

Способность отделять себя от своих чувств и эмоций – важная часть мужчины, так как ему необходимо сохранять беспристрастную позицию, научно-объективную точку зрения.

Но если мужчина лишен контакта со своей Анимой и пытается решить проблемы Эроса, он как бы делит свою душу на части. Именно поэтому мужчинам сложнее, чем женщинам, принять юнгианскую психологию. Юнгианцы настаивают на признании бессознательного, следовательно, мужчины вынуждены признать эмоциональную составляющую чувства и чувственную связь (Эрос), а мужчине подобные признания часто внушают отвращение; для него это равносильно тому, что его заставили нянчить детей: он ощущает, словно должен идти против себя, против своей природы. Но если мужчина хочет развиваться дальше, он должен сделать ответный жест и начать относиться более серьезно к своим чувствам и проблемам Эроса (как, впрочем, и женщина, чтобы научиться жить в мире мужчин, должна стать более объективной и беспристрастной). Это неизбежная часть человеческого развития, заключающаяся в том, что мы должны интегрировать другую, неразвитую сторону нашей личности. Если мы этого не сделаем, она овладеет нами против нашей воли. Следовательно, чем серьезнее мужчина относится к проблемам Эроса, тем *менее* женоподобным он становится, хотя ему может показаться прямо противоположное. Однако, «затвердевая» на своих эмоциях, не принимая их, он невольно уподобляется женщине.

В целом, можно утверждать, что у *пуэра* с его общей склонностью к женоподобию, будет больше возможностей нивелировать эту склонность в том случае, если он отнесется к своим чувствам всерьез и не попадет в ловушку статистического мышления. Например, если ему вдруг не придет мысль: «Боже мой! Есть сотни и тысячи таких же людей, как я!»

История о мальчике со звезды имеет очень логичное продолжение: следующим существом, которое встретит Маленький принц, будет Лис. Он просит приручить его.

Вот тут-то и появился Лис.

– Здравствуй, – сказал он.

– Здравствуй, – вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

– Я здесь, – послышался голос. – Под яблоней...

– Кто ты? – спросил Маленький принц. – Какой ты красивый!

– Я – Лис, – сказал Лис.

– Поиграй со мной, – попросил Маленький принц. – Мне так грустно...

– Не могу я с тобой играть, – сказал Лис. – Я не приручен.

– Ах, извини, – сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

– А как это – приручить?

– Ты не здешний, – заметил Лис. – Что ты здесь ищешь?

– Людей ищу, – сказал Маленький принц. – А как это – приручить?

– У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И еще они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?

– Нет, – сказал Маленький принц. – Я ищу друзей.

Таким образом, вы видите: Сент-Экзюпери знает, что существует проекция:

А как это – приручить?

– Это давно забытое понятие, – объяснил Лис. – Оно означает: создать узы.

– Узы?

– Вот именно, – сказал Лис. – Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков.

Далее он рассказывает, как избавиться от статистического способа мышления.

– И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

– Я начинаю понимать, – сказал Маленький принц. – Была одна роза... наверно, она меня приручила...

– Очень возможно, – согласился Лис. – На Земле чего только не бывает.

– Это было не на Земле, – сказал Маленький принц.

Лис очень удивился:

– На другой планете?

– Да.

– А на той планете есть охотники?

– Нет.

– Как интересно! А куры есть?

– Нет.

– Нет в мире совершенства! – вздохнул Лис.

Но потом он вновь заговорил о том же:

– Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живется мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом – смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

– Пожалуйста... приручи меня!

– Я бы рад, – отвечал Маленький принц, – но у меня так мало времени. Мне еще надо найти друзей и узнать разные вещи.

– Узнать можно только те вещи, которые приручишь, – сказал Лис. – У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

И тогда тот спрашивает:

– А что для этого надо делать? – спросил Маленький принц.

– Надо запастись терпением, – ответил Лис. – Сперва сядь вон там, поодаль, на траву – вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе...

Так они стали близкими друзьями. Когда пришло время расставаться, Лис поведал Маленькому принцу свой секрет, как и обещал.

– Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

– Самого главного глазами не увидишь, – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

– Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей всю душу.

– Потому что я отдавал ей всю душу... – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

– Люди забыли эту истину, – сказал Лис, – но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

– Я в ответе за мою розу... – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

Можно сказать, что Лис учит Маленького принца видеть ценность жизни «здесь-и-сейчас», а вместе с этим – учит его чувствовать. Чувство придает ценность настоящему, поскольку без чувства человек не может связать себя с ситуацией «здесь-и-сейчас». Чувство порождает ответственность, и благодаря этому у человека наступает осознание собственной индивидуальности.

Итак, мы снова встречаемся с часто повторяющимся мотивом помогающего животного, которое учит человека человечности, другими словами, учит его процессу индивидуации.

В эссе «Предвечный младенец в предвечные времена» Карл Кереньи приводит следующие строки из татарской сказки:

Однажды, давным-давно,
Жил мальчик-сирота,
Рожденный Богом,

Рожденный Пайаной.
Без пицци.
Без одежды:
Так и жил;
И не было женщины, на которой он мог бы жениться.
Пришел Лис;
Лис спросил Юношу:
«Как ты собираешься стать мужчиной?»
А юноша ответил: «Я не знаю сам,
Как я собираюсь стать мужчиной!»⁵⁰

И тогда, точно так же как Лис в нашей истории, животное из татарской поэмы учит мальчика-сироту, как ему стать человеком. Как и змея, лис (лиса) воплощает существующую в человеке инстинктивную энергию; и хотя эта энергия воплощена в образе животного, по существу она относится к человеку. В мифологии и средневековых аллегориях лис (лиса) играет весьма противоречивую роль. Например, Филиппо Пичинелли⁵¹ в труде "*Mundus Symbolicus*" («Символический мир») пишет: «Лис олицетворяет жестокое коварство, он лицемерный лжец. Лис – символ похоти, он очень осторожен и всегда выбирает кривую дорожку». Григорий Великий⁵² пишет: «Лисы – хитрые животные, которые всегда идут окольным путем, а следовательно, олицетворяют пронырливых, коварных демонов». Такое описание подтверждает поверья, существовавшие в Южной Германии, Австрии и Швейцарии, где считали, что лисы – это ведьмины души. У нас в некоторых местностях сохранились предания о том, что ведьма, покидая свое жилище, оставляет тело в полумертвом состоянии, а душа ее в облике лисы выходит наружу и причиняет людям разные беды. Есть множество легенд, рассказывающих о том, как охотник встречает лису, начинается ураган, и сильный ветер разносит по полю собранное в копны сено. Или о том, что охотник в горах замечает

⁵⁰ C.G.Jung, C. Kerényi, "Essays on a Science of Mythology", p. 41. Русский текст цит. по: К. Кереньи, К.Г. Юнг. Введение в сущность мифологии. //сб. К.-Г. Юнг. Душа и миф. Шесть архетипов. Пер. В.В.Наукманова. К.: Гос. библ-ка Украины для юношества, 1996. – с. 43

⁵¹ Philippus Picinelli. *Mundus Symbolicus* Ed. by A. Earth. New York: Garland Publ., 1976

⁵² Григорий Великий (Gregory the Great, Gregorius Magnus: ок. 540–604) – один из отцов католической церкви, св. папа римский, в православной традиции почитается как св. Григорий Двоеслов.

лису, и тут же сходит вниз снежная лавина. Охотник стреляет и ранит животное; вернувшись же наутро в деревню, он встречает старуху с перевязанной рукой (хромающую на одну ногу), и тогда он думает: «Вот она, та самая лиса!»

Может показаться странным, но в Китае и Японии также верят, что в лисе воплощается душа колдуньи или истеричной женщины; появление этого животного вызывает истерию и другие женские психологические нарушения. Немецкий психиатр Эрвин Бельц (Erwin Baelz), не знакомый с мифами и легендами, о которых я рассказывала, описывает случай из практики во время поездки в Токио в 1910 г. К нему привели женщину, у которой случались странные приступы. В своем обычном состоянии она была простой крестьянкой, недалекой, невежественной, глуповатой толстухой. Однако временами на нее находили состояния, которые окружающие называли «лисьими припадками», и она становилась другой. Сама она жаловалась на боли в груди, затем ей хотелось лаять, и она принималась визжать и лаять, как лиса. После этого, как сообщает Бельц, она впадала в состояние подобное трансу и становилась ясновидящей. Она рассказывала всем психиатрам клиники об их личной жизни, семейных проблемах и других личных подробностях. В эти минуты она становилась чрезвычайно пронизательной, умной, хитрой и сообразительной. Спустя какое-то время наступала усталость, женщина бледнела, снова лаяла по-лисьи, а затем впадала в сон. Когда она просыпалась, то снова превращалась в глуповатую женщину, от которой можно было добиться немногого. Это типичный случай расщепленной личности: она была либо ведьмой-лисой, либо невежественной крестьянкой. Учитывая существующие в этой стране народные поверья о том, что лисы являются воплощением душ ведьм, эта история представляет большой интерес.

В средневековой системе символов лис (лиса) имеет не только негативный смысл. Это животное бога Диониса, который среди множества прочих названий носил имя Бассарей (Bassareus) – однокоренное со словом «лиса» по-гречески. Идея связи лисы и бога нашла продолжение и в христианской аллегории. Пичинелли свидетельствует, что «лиса является символом веры и предвидения, ибо она обладает тонким слухом и воспринимает мир прежде всего на слух. Христиане также воспринимают божественное таинство только на слух – оно не воспринимается их зрением». У Пичинелли, таким образом, лиса – существо, познающее

незримое. Это интересно в связи с нашей историей, поскольку этими же качествами наделен и Лис у Сент-Экзюпери. (Совершенно независимо от Пичинелли! Трудно предположить, что Сент-Экзюпери читал столь далекие ему труды средневекового автора). Лис говорит: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». Лис верит в то, что есть вещи не очевидные, но постижимые чувством, а это противоречит статистической реальности.

Если бы Маленький принц понял, что сказал ему Лис, если бы он действительно это понял, а не просто автоматически повторял слова, явно в глубине души не приняв их, что с ним случилось бы тогда?

Мальчик вдруг понимает, почему роза, оставшаяся на его планете, очень значима для него. Он говорит: «Я потерял слишком много времени. Так вот почему она так много для меня значит! Вот почему я в ответе за нее и никогда не буду относиться к ней как к одной из многих». Такое осознание выглядит так, как будто мальчик правильно понял слова Лиса. Но что не хватает?

Ответ: Он хочет вернуться обратно на планету.

Это осознание помогает ему позже вернуться к розе, возможно, даже выбрать смерть. Однако он не замечает того, что у него на планете есть единственный друг, его роза, и у него есть единственный друг здесь, на Земле – это Лис! Если бы он действительно это понял, он не только настроился бы на то, чтобы вернуться обратно к своей розе, но у него должен был бы наступить внутренний конфликт, связанный с тем, как ему поступить. Лис находится здесь, на Земле, и эта дружба должна продолжаться, иначе она не имеет смысла: но теперь Лис доводит до его сознания то, что он несет ответственность перед розой. Опять возникает роковая конstellация! Ему не следовало осознавать, что он должен вернуться к своей розе; ему следовало прийти к внутреннему конфликту, ибо теперь у него есть друзья на той и другой планете. Но до него даже не доходит, что этот конфликт может случиться из-за Лиса! Его единственное решение заключается в том, что он должен вернуться к своей розе. Поэтому все учение Лиса, которое действительно могло как-то привязать Маленького принца к Земле, оказывает на него прямо противоположное воздействие, а именно, оно освобождает его от всех земных отношений и вызывает стра-

стное желание вернуться обратно на астероид. Это свидетельствует о том, что стремление Сент-Экзюпери к смерти было глубоким и роковым. Если бы он осознал, что здесь, на земле, он должен ответить Лису «да», и вместе с тем ответить «да» розе, оставшейся на его планете, это означало бы конфликт. Тогда он оказался бы в психологическом состоянии взрослого; в этом состоянии человек всегда находится в конфликте между своими обязательствами по отношению к тем, кто находится в Запредельном (т.е. к бессознательному) и обязательствами по отношению к человеческой реальности, т.е. к этому миру.

Например, если у мужчины есть обязательства по отношению к своей Аниме и вместе с тем по отношению к женщине, которая является его подругой или женой, то он оказывается в двойственной ситуации. В таком случае он постоянно будет находиться в состоянии конфликта, разрываясь на части; он всегда будет разрываться между обязательствами в реальной жизни и своими обязательствами и привязанностями, относящимися к внутренней жизни. Таким может быть осознание или распятие основной жизненной истины, а именно: жизнь – это двойное обязательство, и сама жизнь представляет собой внутренний конфликт, поскольку она всегда означает столкновение двух тенденций. Именно это составляет суть жизни, но как раз осознание этого и обходило стороной Маленького принца, или, возможно, он сам этого избегал. Это еще один из тех маленьких, но роковых поворотов в истории о Маленьком принце, которые указывают на ее трагический конец.

Лекция 5

На прошлой лекции мы остановились на фигуре Лиса, а именно, на том, как Лис учил Маленького принца, что чувственная функция формирует межличностные отношения и изменяет статистическое мышление (ведь именно чувство делает человеческую ситуацию и человеческие эмоции уникальными, разрушая магическую формулу статистического мышления). Тогда Маленький принц решил немедленно вернуться к розе, однако пока не осознал, что здесь, на Земле, он теперь связан какими-то отношениями с Лисом. Мальчик говорит автору:

– Пора тебе приниматься за работу. Иди к своей машине. Я буду ждать тебя здесь. Возвращайся завтра вечером...

Однако мне не стало спокойнее. Я вспомнил о Лисе. Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать.

Как видите, Маленький принц, расставаясь с Лисом, чувствует лишь легкую грусть. Ему не пришло на ум (и я говорила об этом на прошлой лекции), что он *мог бы* достичь внутреннего конфликта и, приняв этот конфликт всерьез, спросить себя, к кому он теперь по-настоящему привязан. Его же решение принимается в пользу розы и Запредельного.

Затем следует самый поэтичный эпизод всей книги. Сент-Экзюпери испытывает жажду и уходит в пустыню в поисках воды. Маленький принц идет вслед за ним и заставляет его найти воображаемый колодец, вода из которого освежает Сент-Экзюпери и приносит ему ощущение радости – это настоящая *фата моргана*. Они долго идут по пустыне, и Маленький принц говорит, что где-то должен быть колодец. Сент-Экзюпери начинает сомневаться в том, насколько правдивы слова мальчика, потому что знает, что если в пустыне находится источник воды, то рядом должна быть и какая-нибудь деревня. Однако колодец существует сам по себе,

рядом нет никакой деревни. Но Маленький принц поворачивается к колодцу, пытается повернуть ворот, и вскоре они оба пьют воду из воображаемого колодца. Вот как Сент-Экзюпери пишет о воде в «Планете людей» :

Вода!

У тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя не опишешь, тобой наслаждаешься, не понимая, что ты такое. Ты не просто необходима для жизни, ты и есть жизнь. С тобой во всем существе разливается блаженство, которое не объяснить только нашими пятью чувствами. Ты возвращаешь нам силы и свойства, на которых мы уже поставили было крест. Твоим милосердием снова отворяются иссякшие родники сердца.⁵³

В этом эпизоде автор снова обращается к тому времени, когда он потерпел крушение и оказался в пустыне вместе со своим механиком Прево. Они долго бродили по пескам, и у Сент-Экзюпери возникали видения *фата морганы*. В критический момент они встретили бедуина, который спас их, напоив водой. Тогда Антуан испытал ощущение, описанное впоследствии в «Планете людей». В истории о Маленьком принце он снова возвращается к этому ощущению. Оно было одним из самых глубочайших переживаний, а потому его описание повторяется и в этой книге.

Так как божественный младенец, воплощенный в Маленьком принце, является символом Самости, он символизирует источник жизни. Как и многие другие мифологические спасители или младенцы-боги, он *имеет* в своем распоряжении такой источник. Как это можно объяснить? Почему мотив источника жизни, живой воды, так часто соединяется с мотивом божественного младенца? Что представляет собой эта реальная связь?

Ответ: Он обладает энергией обновления и является символом Самости.

Да, но как это практически реализуется в жизни? Почему в образе ребенка воплощается поток жизни или возможность обновления?

⁵³ Русский текст цит. по: Сент-Экзюпери А. де. Планета людей. М: Детская лит-ра 1989.

Ответ: Потому что у ребенка наивный взгляд на жизнь.

Да, потому что у ребенка наивный взгляд на жизнь. Если вы обратитесь к своему детству, то вспомните, какой насыщенной была ваша жизнь. Нормального ребенка, если он не невротик, все время что-то интересует. Какие бы мучения он не переживал, он, как правило, никогда не страдает отчуждением от жизни. Если ребенок не отравлен родительским неврозом, он ведет себя очень живо, заставляя окружающих вспоминать свое детство и тосковать по наивной жизнерадостности, которую они во многом утратили, став взрослыми. Ребенок является воплощением внутренней возможности, возможности обновления, но как это вписывается в реальную жизнь взрослого человека? Например, что значит, если взрослому человеку снится девочка или мальчик?

Ответ: Это означает новое начинание или новые отношения.

Наверное, новые отношения. Я бы сказала, новое начинание на уровне тех функций, которые еще остались неразвитыми. Здесь проходит прямая связь с подчиненной функцией (*inferior function*), через которую приходит обновление – она остается инфантильной и совершенно неразвитой. Следовательно, она позволяет получить новый взгляд на жизнь, ее новое восприятие. Когда действие истощенной высшей функции подходит к концу, то подчиненная функция позволяет человеку получать все те наивные удовольствия, которые он получал в детстве. Именно поэтому мы должны снова научиться играть, но уже на уровне четвертой, или подчиненной, функции. Однако это не сработает, если, например, интеллектуальная личность начнет играть в какие-то интеллектуальные игры. Представьте человека мыслительного типа (*thinking type*), который, процитировав Библию «будьте как дети, и вам откроется Царствие Небесное», отправится в клуб играть в шахматы: его действия не будут иметь абсолютно никакого смысла, поскольку в своей новой деятельности он снова задействует основную функцию. Возникает огромное искушение поступить именно так, т.е. признать необходимость игры и смены деятельности, действуя в рамках своей основной функции. Я часто видела людей чувствующего типа (*feeling type*), у которых перестала действовать функция чувствования. Когда я настаивала, что им следует совершать какие-то бесцельные, несерьезные поступки,

они предлагали пойти работать в детский сад или найти другую подобную занятость. Однако это лишено смысла, поскольку в таких «играх» все равно будет задействована функция чувствования. Так одновременно человек наполовину принимает проблему и избегает ее.

Гораздо труднее обратиться непосредственно к подчиненной функции и начать игру; *она сама, а не вы*, решит, во что нужно поиграть. Подчиненная функция, как упрямый ребенок, будет настаивать, *как* она хочет играть, хотя вы можете сказать, что эта игра вам не подходит или что для нее нет необходимых условий. Например, подчиненная функция интуитивного типа личности (intuitive) может захотеть лепить из пластилина, но человек живет в гостиничном номере и предпочитает заняться какой-то более «чистой» деятельностью – пластилин оставит в гостиничном номере грязь! Но вы не можете диктовать свою волю подчиненной функции! Если вы – интуитивный тип, и ваша подчиненная функция желает лепить из пластилина или играть в камушки, вам следует приложить усилие, чтобы найти место, где это можно сделать. Это действительно трудно. Именно поэтому Эго всегда находит тысячи возражений, чтобы отвернуться от подчиненной функции. В этой области всегда сложно что-то воплотить на практике.

Подчиненная функция доставляет практически столько же неудобств, сколько доставляют дети – их ведь нельзя поместить в ящик и брать с собой тогда, когда вам это удобно. Подчиненная функция – живая сущность, предъявляющая собственные требования и причиняющая неудобство Эго, которое, в свою очередь, хочет жить отдельной жизнью. Половинчатые меры (уступить противнику, чтобы он только оставил вас в покое), которыми пытаются ограничиться большинство людей, когда им приходится обращаться к своей подчиненной функции, напоминают мне древних греков, которые всегда ходили с карманами, набитыми медовыми пряниками на случай встречи с темными силами. Приближаясь к пропасти или глубокому ущелью, они бросали вниз пряник в надежде, что злые духи их не тронут. Пряники играли роль жертвоприношения, позволяя грекам откупаться от темных сил. Даже герои древнегреческой мифологии, спускаясь в потусторонний мир, брали с собой медовые пряники, чтобы, скормив их Церберу, тем самым усыпить его, а затем проскользнуть мимо подземного стража.

Иногда подобная тактика срabатывает, но основной конфликт не удается разрешить. Невозможно усмирить собственные потребности, «кинув» подчиненной функции незначительную поддачку. Но если вы принимаете весь унизительный опыт, заставляющий Эго отвечать требованиям подчиненной функции или инфантильной части личности, тогда божественный младенец внутри вас становится источником жизни, тогда жизнь обретает новое лицо, человек открывает для себя новые переживания. Тогда все меняется.

Вместе с тем ребенок является символом, объединяющим разделенные, или диссоциированные части личности, и эта черта опять имеет отношение к наивной инфантильности. Если я доверяю своим реакциям, значит я – целостная личность, целиком вовлеченная в ситуацию и полноценно участвующая в жизни. Но подавляющее большинство людей не рискуют так поступать, так как в таком случае человек слишком обнажает свой внутренний мир. Это требует не только определенного мужества, но и особой пронизательности, чтобы не выставлять напоказ душу тем, кто не сможет этого понять. Человек должен быть умным, а не инфантильным.

Начиная играть с подчиненной функцией, вы соприкасаетесь с уникальностью собственной личности, [на достижение которой] направлены все психологические тесты! В тесте Роршаха вы просите людей делать то, что первым приходит им в голову, и они тут же разоблачают себя. Игра эта обнажает подлинные стороны личности, а значит, выражает ее уникальность. Вот почему детские психологи, прежде всего, вовлекают детей в игру – так в течение нескольких минут раскрываются все истинные проблемы, поскольку в процессе игры дети остаются самими собой. Я часто предлагаю [пациентам] чувствующего типа выделить из своих сновидений мотив самый необыкновенный и загадочный из всех и попытаться над ним поразмышлять. Не объяснить, пользуясь указателями в книгах Юнга, а выяснить, что они сами думают о символах выбранного мотива. Впоследствии они загораются идеей и формулируют поразительные мысли, которые оказались бы наивными мыслительному типу личности.

Я часто замечала, что когда люди чувствующего типа начинают размышлять, они мыслят подобно греческим философам, жившим до Сократа. Они формулируют идеи точно так же, как Гераклит или Демокрит, и заражаются этими идеями так же, как

древние греки. Если вы почитаете Эмпедокла или Гераклита, то обязательно найдете в их трудах рассуждения о вечной юности. Именно поэтому я так люблю этих философов. Нам их мышление кажется мифологическим, лишенным научной основы. Например, теория атомов Демокрита с позиции современной теории физики катастрофически наивна, однако невероятно целостна и изложена с огромным воодушевлением и заключением, что именно эта модель дает полную картину [мироздания]. Естественно, в этой философии много проекций символа Самости, поэтому чтение превращается в увлекательное занятие. Как весна дарит цветение природе, так и ранняя греческая философия дает начало человеческому духу, наполняя цветом юности и силой молодости философскую науку. Если человеку чувствующего типа удастся добраться до собственного уровня мышления, он переживает схожий опыт. Мыслительный же тип испытывает необходимость вернуться на свой уровень мышления и больше не обсуждать то, что было известно двадцать тысяч лет тому назад! Если человека мыслительного типа заставить распознать подлинное наивное чувство, а не какую-либо структуру, последует такая же реакция. Обычно человек мыслительного типа даже структурирует собственные чувства в четком соответствии с организацией своего мышления. В силу того, что «мыслитель» не способен жить в ладу со своими реальными чувствами, потому что они никак не приспособлены к его жизни, он, как правило, псевдоадаптируется к ним.

Я бы сказала, что главное, что может помочь вовлечь себя в игру, требуемую подчиненной функцией – это, прежде всего, стремление избавиться от псевдоадаптации, которая всем нам служит идеальной ширмой, закрывающей нас от подчиненной функции. Например, чувствующий тип хранит множество знаний, полученных в школе и университете, и ему кажется, что эти знания – его мысли. Однако они не его собственные, это лишь псевдомыслительные адаптации, прикрывающие его истинное мышление, которое в действительности бесконечно наивно и находится в состоянии эмбрионального развития. Это же утверждение справедливо в отношении неразвитых чувств «мыслителя», весь спектр которых ограничен фразами «я тебя люблю» или «я тебя ненавижу». Если он отправится по белу свету, выражая свои чувства только такими словами, или, к примеру, фразой «я не выношу тебя», можете себе представить, *что* именно станет камнем преткновения!

Его объяснения перестанут действовать через две минуты! Ведь даже в школе ученик не скажет учителю, что терпеть его не может! Я сама отношусь к мыслительному типу, и в свое время мне нравились одни учителя и не нравились другие. Но я никогда не могла в достаточной мере скрыть свои чувства, я их всегда проявляла. Я понимала, что было бы гораздо дипломатичнее не показывать слишком явное отвращение к тому или иному учителю, но оно всегда было очевидно. Став взрослым, человек научается скрывать явные реакции и приобретает псевдочувственную адаптацию. Вам кажется, что люди мыслительного типа всегда очень дружелюбны, проявляют ровные эмоциональные реакции. Никогда не верьте им! Это всего лишь псевдоадаптация, ибо их чувственная сторона настолько по-детски болезненна и беспомощна, что они не могут ее проявить. Но, проникнув внутрь «мыслителя», вы извлечете на свет наивность мышления или наивность реального чувства, которые сразу же скроются за слоем защитной псевдоадаптации.

Люди интуитивного типа часто лишены контакта со своим телом. Они склонны плохо или безвкусно одеваться, ходить неприятными. Но поскольку такое отношение к себе не принято в обществе, они учатся следить за собой и правильно одеваться, но в их манерах отсутствует индивидуальный стиль. Если извлечь наружу их истинный вкус, он может оказаться вполне артистичным, но весьма причудливым и крайне необычным. Люди интуитивного типа, погружающиеся в свои ощущения, не могут покупать готовую одежду, они могут носить только платье индивидуального пошива. По той же причине они не в состоянии питаться в отеле или ресторане: они должны либо иметь повара, либо сами готовить себе совершенно особую еду. Такое отношение к себе причиняет им много беспокойства, но что намного хуже, такое положение вещей весьма затратно и по времени, и в деньгах. Конечно, вы можете иметь собственного повара и портного, но все это не отвечает вашей истинной природе. Вы можете добраться до своей подчиненной функции, но это займет много времени, поскольку процесс будет в основе своей очень медленным.

Вы знаете, что в странах с примитивной культурой нельзя торопить людей. Если вы путешествуете по Египту, будет достаточно опрометчиво с вашей стороны, заказав такси на девять утра, ожидать, что в десять часов вы окажетесь на другом берегу Нила или у гробницы фараона. Каждый, кто бывал на Востоке,

знает, что необходимо принимать в расчет опоздание на два-три часа; вы не сможете прибыть вовремя в нужное место, как мы привыкли в Европе. Однако, стоит вам привыкнуть к этой особенности, жизнь покажется гораздо приятнее из-за большого количества разнообразных впечатлений: поломка машины вызывает бурю веселья, ведь вместо того, чтобы добраться до гробницы фараона, вы, мокрые от пота и от жары, оказываетесь в пустыне. Но ведь это тоже жизнь!

Вы не можете структурировать подчиненную функцию. Такое структурирование обходится необычайно дорого и занимает много времени: вот причина того, что подчиненная функция становится своего рода крестом, который мы несем всю жизнь: если мы пытаемся действовать, не обращая на нее внимания, она превращает наши попытки в бесполезное занятие. На ее изучение можно потратить все выходные и будни – и не получить ничего, за исключением того, что наша подчиненная функция наконец проявится. Однако в этом и суть. Человек чувствующего типа может лишь «воспитывать» свое мышление, думая о тех вещах, которые не пригодятся ни в дальнейшей учебе, ни при сдаче экзаменов. Но стоит начать размышлять о том, что действительно его интересует, дело сдвинется с места. Нельзя обуздать подчиненную функцию, имея чисто утилитарные цели.

Сущность игры заключается в том, что в ней нет явного смысла и она не приносит ощутимой выгоды. Я бы посоветовала чувствующему типу для успешной сдачи экзамена выучить предмет наизусть, не пытаясь обдумать и понять. Думать у них не получается, для этого им понадобится псевдоадаптация. Если мыслительный тип оказывается в ситуации, где он должен себя вести соответствующим образом (скажем, присутствовать на похоронах), не стоит рассчитывать на то, что он проявит свои истинные чувства. Ему следует вести себя в соответствии с традицией и общепринятыми правилами, например, возложить цветы и принести соболезнования. Для него это правильная псевдоадаптация. Чтобы добраться до своих истинных чувств, человек мыслительного типа должен оказаться в ситуации, где он сможет поиграть, – тогда его поведение окажется совершенно иным. Поэтому первое, что следует сделать – вывести ситуацию из поля возможной адаптации, сохранив псевдоадаптацию лишь для тех случаев, в которых она необходима.

Мне думается, никто по-настоящему не сможет развить подчиненную функцию, не создав предварительно *теменос*,⁵⁴ тайное, сакральное место, в котором он может играть. Самое главное – найти игровую площадку Робинзона Крузо, избавиться от зевак, и можно начинать! Став ребенком, человеку нужны время и место, свободные от воздействия взрослой аудитории.

Возвратимся к нашей книге. За кульминацией счастья, вызванного находкой источника воды, относительно быстро следует трагический финал. Маленький принц просит Сент-Экзюпери нарисовать ему намордник для барашка, чтобы тот не съел розу на его астероиде, и тогда Сент-Экзюпери догадывается, что Маленький принц хочет покинуть Землю. Сент-Экзюпери продолжает чинить мотор. Вечером, закончив с ремонтом, он слышит, как Маленький принц назначает кому-то ночное свидание. Он спешит узнать, с кем же разговаривает Маленький принц.

Неподалеку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда и еще издали увидел, что Маленький принц сидит на краю стены, свесив ноги. И услышал его голос:

– Разве ты не помнишь? – говорил он. – Это было совсем не здесь.

Наверно, кто-то ему отвечал, потому что он возразил:

– Ну да, это было ровно год назад, день в день, но только в другом месте...

Я зашагал быстрее. Но нигде у стены я больше никого не видел и не слышал. А между тем Маленький принц снова ответил кому-то:

– Ну, конечно. Ты найдешь мои следы на песке. И тогда жди. Сегодня ночью я туда приду.

До стены оставалось двадцать метров, а я все еще ничего не видел.

После недолгого молчания Маленький принц спросил:

– А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Я остановился, и сердце мое сжалось, но я все еще не понимал.

– Теперь уходи, – сказал Маленький принц. – Я хочу спрыгнуть вниз.

⁵⁴ *Темнос* (греч.) – священное, оберегаемое место. В античной Греции – место обитания богов (например, Олимп – теменос Зевса), или территория храма, где можно почувствовать связь с божеством. В аналитической психологии употребляется для обозначения личного пространства человека.

Тогда я опустил глаза, да так и подскочил! У подножья стены, подняв голову к Маленькому принцу, свернулась желтая змейка, из тех, чей укус убивает в полминуты. Нашупывая в кармане револьвер, я бегом бросился к ней, но при звуке шагов змейка тихо заструилась по песку, словно умирающий ручеек, и с еле слышным металлически звоном неторопливо скрылась меж камней.

Я подбежал к стене как раз вовремя, чтобы подхватить моего Маленького принца. Он был белее снега.

– Что это тебе вздумалось, малыш! – воскликнул я. – Чего ради ты заводишь разговоры со змеями?

Я развязал его неизменный золотой шарф. Смочил ему виски и заставил выпить воды. Но я не смел больше ни о чем спрашивать. Он серьезно посмотрел на меня и обвинил мою шею руками. Я услышал, как бьется его сердце, словно у подстреленной птицы. Он сказал:

– Я рад, что ты нашел, в чем там была беда с твоей машиной. Теперь ты можешь вернуться домой...

– Откуда ты знаешь?!

Я как раз собирался сказать ему, что, вопреки всем ожиданиям, мне удалось исправить самолет!

Он не ответил, он только сказал:

– И я тоже сегодня вернусь домой.

Потом прибавил печально:

– Это гораздо дальше... и гораздо труднее...

Все было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно малого ребенка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, проваливается в бездну, и я не в силах его удержать...

Он задумчиво смотрел куда-то вдаль.

– У меня останется твой барашек. И ящик для барашка. И намордник...

И он печально улыбнулся.

Я долго ждал. Он словно бы приходил в себя.

– Ты напугался, малыш...

Ну еще бы не напугаться! Но он тихонько засмеялся:

– Сегодня вечером мне будет куда страшнее...

И снова меня оледенило предчувствие непоправимой беды. Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеется? Этот смех для меня – точно родник в пустыне.

Маленький принц весь дрожит, когда Сент-Экзюпери подбегает к нему, берет на руки, ругает его. Однако Сент-Экзюпери

чувствует, что уже не сможет вернуть его: слишком поздно, уже ничем нельзя помочь. Ощущением беспомощности и невозможности спасти кого-то от смерти автор обязан кончине младшего брата. Если в своих произведениях Антуан описывает чью-то смерть, ей всегда сопутствует беспредельное чувство беспомощности. Прочитав описание, всегда остается чувство, что человек медленно сползает в небытие, уплывает от вас, а вы остаетесь совершенно беспомощными. Вам больше не удастся его удержать. В истории о Маленьком принце возникает такое же ощущение: Сент-Экзюпери осознает, что Маленький принц договорился о встрече со змеей, желая, чтобы песчаная гадюка нанесла ему смертельный укус. Осознает, но не в силах остановить ход событий.

И вот Маленький принц пытается успокоить своего друга вместо того, чтобы успокоиться самому или принять помощь взрослого. Сент-Экзюпери пишет:

– У каждого человека свои звезды. Одним – тем, кто странствует, – они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученых они – как задача, которую надо решить. Для моего дельца они – золото. Но для всех этих людей звезды – немые. А у тебя будут совсем особенные звезды...

– Как так?

– Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, – и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!

И он сам засмеялся.

– И когда ты утетишься (в конце концов всегда утешаешься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!» И они подумают, что ты сошел с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю.

И он опять засмеялся.

– Как будто вместо звезд я подарил тебе целую кучу смеющихся бубенцов...

Он опять засмеялся. Потом снова стал серьезен:

– Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

– Я тебя не оставлю.

– Тебе покажется, что мне больно... покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.

- Я тебя не оставлю.
Но он был чем-то озабочен.
– Видишь ли... это еще из-за змеи. Вдруг она тебя ужалит...
Змеи ведь злые. Кого-нибудь ужалить для них удовольствие.
– Я тебя не оставлю.
Он вдруг успокоился:
– Правда, на двоих у нее не хватит яда...

Хотя Сент-Экзюпери обещает не оставлять Маленького принца, он все же не следует за ним. Вот как это изложено в тексте:

- В эту ночь я не заметил, как он ушел. Он ускользнул неслышно. Когда я, наконец, нагнал его, он шел быстрым, решительным шагом.
– А, это ты... – сказал он только.
И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.
– Напрасно ты идешь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...
Я молчал.
– Видишь ли... это очень далеко. Мое тело слишком тяжелое. Мне его не унести.
Я молчал.
– Но это все равно, что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...
Я молчал.
Он немного пал духом. Но все-таки сделал еще одно усилие:
– Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звезды. И все звезды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиток...
Я молчал.
– Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубликов, а у меня – пятьсот миллионов родников...
И тут он тоже замолчал, потому что заплакал...
– Вот мы и пришли. Дай мне сделать еще шаг одному.
И он сел на песок, потому что ему стало страшно.
Потом он сказал:
– Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...
Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:
– Ну... вот и все...

Помедлил еще минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться.

Сент-Экзюпери садится, а Маленький принц внезапно встает и делает шаг. Далее следует ключевое предложение: «Я не мог шевельнуться». Сент-Экзюпери ничего не может поделать. Он продолжает сидеть.

Точно желтая молния мелькнула у его ног. Мгновение он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал – медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.

Спустя какое-то время Сент-Экзюпери с ужасом вспоминает, что он забыл нарисовать ремешок для намордника, поэтому Маленький принц никогда не сможет надеть его на своего барашка. С тех пор, мучаясь вопросом, съел или нет барашек розу, Сент-Экзюпери смотрит на звезды. Затем следует финальная часть повести. Автор пишет:

Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал еще раз, чтобы вы получше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез. Всмотритесь внимательней, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадете в Африку, в пустыню. Если вам случится тут проезжать, заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда – очень прошу вас! – не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся...

Эту часть повести мы должны обсудить подробнее, потому что в ней много символики. Сначала нужно сказать следующее: чтобы Маленький принц мог вернуться на свою звезду, он должен закончить свой земной путь, т.е. умереть, как обычный человек. Он говорит, что для возвращения на звезду его тело слишком тяжелое. Это очень странный мотив, ведь если считать Маленького принца внутренним психологическим образом – внутренним символом Самости Сент-Экзюпери – то его тело не должно бы его

обременять. Он уже существовал бы в психологической реальности и мог вернуться туда, куда захотел, он мог бы остаться на Земле или возвратиться на свою звезду. Он прилетел на Землю вместе со стаей птиц, и уже тогда у него было тело. Он не мог прилететь по воздуху или спуститься на Землю просто так: для того, чтобы это сделать, ему потребовалась стая птиц. Странно, что эта мысль не пришла к нему снова, но я хочу указать лишь на одно обстоятельство: у Маленького принца есть *и* душа, *и* тело. О чем это говорит?

Ответ Он проник в мир людей.

Да, в какой-то мере произошло его воплощение. Маленький принц не является содержанием бессознательного, которое остается в Запредельном, в бессознательном. Произошло его воплощение в мире людей, другими словами, он стал физически реальным. Это значит, что Маленький принц представляет собой смешанный символ, сочетающий в себе и инфантильную Тень, и Самость. В какой-то степени образ принца не является чистым символом; иными словами, он отчасти является и символом уже воплотившейся инфантильной Тени, и символом еще не проявившейся Самости. Как символ Самости он вечен и пребывает в Запредельном, где не существует понятия смерти – оттуда появляются и в нем исчезают. Точно так же к нам приходит и впоследствии пропадает переживание Самости. Но раз этот символ обрел телесность, значит, произошло его воплощение в нас, в нашем мире. Благодаря нашим действиям он стал видимым и слышимым, он стал частью нас самих, и это осложнило проблему. Змея убьет Тень, но змеиный укус может погубить только тело, освободив символ Самости от тела, в котором он пребывал. Другая возможность заключалась бы в дальнейшем перевоплощении символа. В этом случае Маленький принц продолжил бы развитие на другом, более взрослом уровне. Но на этом промежуточном этапе эволюция Маленького принца внезапно прекращается из-за смертельного укуса змеи.

Сент-Экзюпери талантливо описывает происходящее совпадение: в тот самый момент, когда он починил самолет и был готов вернуться к своим товарищам, Маленький принц принимает решение покинуть землю. Сент-Экзюпери возвращается в мир людей, а принц отбывает в Запредельное. Так как в повести с самого нача-

ла подлинная символика смешивается с ложной, никто не знает, считать ли уход обоих героев позитивным исходом событий.

Можно было бы ожидать, что после познания Самости и Запредельного, Сент-Экзюпери вернулся бы к своей нормальной деятельности в мире людей, а символ Самости, встреча с которым произошла в самый критический момент жизни автора повести, уйдет туда, откуда пришел. В этом может заключаться позитивный аспект столь драматичной развязки. И все-таки возникает ощущение, что конец повести трагичен, поскольку сам Сент-Экзюпери после встречи с Маленьким принцем так и не вернулся к обычной деятельности в этом мире, а последовал за ним в Запредельное. Поэтому мы можем сказать, что уход Маленького принца так и не состоялся или не был доведен до конца: они не смогли отделиться друг от друга. Земная, человеческая часть [идеального] (т.е. Сент-Экзюпери) последовала за неземным воплощением (т.е. Маленьким принцем), поэтому можно утверждать, что уход Маленького принца – это ожидание автором собственной смерти. Вот почему Экзюпери так и не принял расставание с Маленьким принцем, что очевидно из последних фраз книги:

И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда – очень прошу вас! – не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся...

Маленький принц не покинул Сент-Экзюпери. Автор не мог перенести самого расставания, хотя совершенно невероятно поверить в то, что Маленький принц может когда-нибудь вернуться. Сент-Экзюпери не принес в жертву своих отношений с мальчиком, прилетевшим с далекой звезды. Это еще один намек на трагическую развязку, ведь если человек не пожертвовал своим уже случившимся переживанием, у него останется постоянное влечение к смерти, к бессознательному в надежде снова их обрести.

Это очень опасное переживание, характерное для страдающих неврозом *puer aeternus*. Обычно, вследствие близости с бессознательным, *пуэр* испытывает переживание невероятной силы, что придает ему позитивное ощущение жизни. Но тогда человек не расстается с этими потрясающими переживаниями. Он просто сидит и ждет в надежде на то, что это переживание вернется к нему снова. Чем больше он сидит и ждет, тем менее доступно ему осознание, поскольку сущность этих переживаний каждый раз принимает новые формы. Переживание Самости повторяется не просто так, а обычно приходит в те отчаянные моменты жизни, когда человек уже теряет всякую надежду. Оно обращено к совершенно иной стороне личности и неожиданно предстает перед человеком в совершенно иной форме. Так как переживание есть сама жизнь, ее обновление и ее движение, оно *не может* повториться, это противоречило бы самой его сущности. Следовательно, если у человека возникает переживание Самости, единственная возможность не отравиться им и впоследствии не пойти по ложному пути заключается в том, чтобы с ним расстаться и от него отвернуться – повернувшись к следующей своей задаче и даже пытаясь забыть об этом переживании. Чем больше Эго цепляется за переживание, чем больше хочет его вернуть, тем быстрее его следует от себя отогнать вместе с соответствующими желаниями Эго.

Точно так же, например, следует поступать с положительными переживаниями – любовными или чувственными. Люди, предъявляющие инфантильные требования к другим, стремятся как можно дольше продлить возникшее положительное любовное или чувственное восприятие другого человека, вынуждая все время повторять события. Они говорят: «Давайте опять покатаемся на лодке, как в то чудесное воскресенье, когда прогулка была просто волшебной». Можно быть совершенно уверенным в том, что это попытка обернется самой большой неудачей. Вы можете попы-

таться это сделать для того, чтобы убедиться в том, что ничего *не выходит*. Это всегда свидетельствует, что Эго не может по-взрослому воспринимать Самость – тогда просыпается что-то, похожее на инфантильную жадность. Позитивное переживание порождает инфантильную установку по отношению к вызвавшему сильные эмоции событию: вот оно, сокровище, которое нельзя упустить! Как только вы заметите в себе подобную реакцию, гоните ее прочь, чтобы она никогда не возвращалась. Чем дольше тянете и стараетесь сохранить [воспоминания], тем быстрее попадаете в судорожное состояние сознательного желания вернуть эмоциональные переживания, тем более безнадежными оказываются ваши попытки.

Так, например, художник благодаря вдохновению, пришедшему от бессознательного, создает выдающийся шедевр, а затем ожидает, что и впредь он так же будет творить. Он достиг успеха, его произведение приводит всех в восхищение, и у него появляется чувство, что теперь он добился своего и создал нечто ценное. Он хочет, чтобы это повторилось, стремится что-то написать, повторив успех, – но все прошло! Второе, третье, четвертое его произведения ничего собой не представляют – исчезла божественная сущность, дух вышел из бутылки, и вернуть его туда невозможно. Часто происходит, что молодые музыканты создают какой-нибудь популярный хит, а затем в течение долгого времени не могут написать ничего стоящего: у них не получается, ими овладела жадность Эго. Подобное же случается и с *вундеркиндами*, поначалу чрезвычайно одаренными детьми, которые, однако, вскоре становятся творчески бесплодными, так как не могут преодолеть похожие трудности. Единственное решение заключается в том, чтобы отвернуться и больше ни на миг не оглядываться назад. Но Сент-Экзюпери оглядывается назад: «...очень прошу вас! – не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся...», – словно он надеется навсегда сохранить в себе это переживание. А это роковая ошибка.

Скорее всего, змея кусает Маленького принца за пятку, это одно из немногих мест, куда может укусить змея. Здесь опять заметен мифологический мотив. Все знают об ахиллесовой пяте – единственном месте, куда можно было поразить греческого Ахилла, да и многие герои-спасители, как правило, были ранены в ступню или пятку. Примером тому может послужить Филоктет, о котором писал Кереньи в статье «Heroes Latros» («Исцеляющий

герой»)⁵⁵. В этой статье он собрал материал, посвященный исцеляющим греческим богам и демонам: Асклепию, Хирону и др., которые, согласно некоторым мифологическим версиям, были ранены и впоследствии стали врачевателями. Чтобы стать целителем, сначала человек должен быть уязвлен. Это греческий образ общего мифологического мотива, который описан М. Элиаде в работе, посвященной инициации знахарей и шаманов⁵⁶. Он свидетельствует, что нельзя стать ни знахарем, ни шаманом, не будучи раненым: как правило, старейшины делают надрез на коже посвящаемого и помещают туда определенные магические камни. Ранение может быть также нанесено и в шею. Обычно такие обряды проходят в состоянии экстатического переживания: посвящаемым кажется, что сами звезды или духи-демоны наносят им раны. Одно неизменно: перед тем, как получить дар целителя, человек должен перенести испытание – быть раненым копьем или ножом. Иначе он не сможет обрести способность исцелять других. Как это можно интерпретировать с точки зрения психологии?

Ответ: Он должен познать страдания, почувствовать, что значит быть раненым и исцеленным.

Да. Но многие люди испытывают мучительные страдания и не становятся целителями. Если бы это зависело лишь от того, испытывал ли человек страдания, целителем может стать каждый. В каком случае может стать шаманом любой человек?

Ответ: Выдержавший страдания и исцелившийся от раны.

Да. Например, коренные жители крайнего Севера утверждают, что разница между обычным страдающим от болезни человеком и целителем заключается в том, что последний находит способ избавиться от страданий, он находит творческий выход из бо-

⁵⁵ Kerenyi, C. Heros latros. Über Wandlungen und Symbole des ärztlichen Genius in Griechenland. Zurich: Rhein Verlag, 1945

⁵⁶ Элиаде Мирче (Eliade Mircea, 1907–1986) – франц. философ культуры румынского происхождения, исследователь мифологии и религиовед, писатель. Известен научными исследованиями в области мистики и духовных практик Востока. Здесь автор ссылается на труд Элиаде “Шаманизм и архаические техники экстаза”, написанный в 1951 г. См., напр. Eliade, M. Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy. New York: Pantheon, 1964

лезни – исцеление, которое оказывается уникальным. Элиаде рассказывает историю об охотнике на северных оленей. Он слыл удачливым добытчиком и был, следовательно, весьма уважаемым человеком в своем племени. Он не имел никаких намерений стать шаманом. Однажды он заболел, и нервная болезнь мешала ему продолжать заниматься охотой. Он обнаружил, что болезнь отступает, как только он начинает бить в барабан, подобно шаману. Так, он начал «шаманить», бил в барабан, вызывая исцеляющих его духов, и – исцелился. Но выздоровев, он снова занялся охотой, и болезнь вернулась. В итоге, он прекратил попытки вернуться к занятиям охотой и стал шаманом, так как для него это был единственный способ сохранить здоровье. С охотой на оленей было покончено навсегда против его желания и вопреки его воле. Это поразительная иллюстрация того, как необходимость найти собственное исцеление от нервной болезни побудила человека заняться врачеванием.

Естественно, заболев, охотник позвал шамана, чтобы тот его вылечил. Но шаман не смог помочь. Ему пришлось исцелиться самому, начав «шаманить», и – выздороветь.

Итак, исцеляющий герой – это личность, которая находит какой-то творческий выход из болезни, до сих пор не известный другим и не связанный ни с каким исцеляющим паттерном. Обычно исцеление больных проходит по определенной схеме, однако шамана исцелить обычными способами нельзя. Он должен найти уникальный способ исцеления – единственный, который применим именно к нему. Творческая личность, которая может это сделать, сама потом становится целителем и получает признание своих соплеменников.

На мой взгляд, рассказанный пример может послужить самым убедительным и простым объяснением мотива [змеиного укуса у Экзюпери]. Однако можно посмотреть на это по-другому и еще раз вникнуть в нашу историю.

Когда Самость встречается с Эго и вступает с ним в контакт, кто из них получает травму? При их столкновении происходит обоюдное травматическое воздействие, так как соприкосновение с Эго наносит вред символу Самости, так же, как и соприкосновение с Самостью наносит вред Эго. Эти две сущности не могут соприкоснуться между собой, не причинив вреда друг другу. Самости наносится вред в следующем отношении: вместо того, чтобы быть потенциальной *целостностью*, она становится *частичной реальностью*.

стью; отчасти она обретает существование внутри личности, участвующей в процессе индивидуации, — т.е. в осознании ее действий и слов. Это становится ограничением Самости и ее возможностей. Это оказывается травмированным, так как в его жизнь вторгается что-то больше его самого. Именно поэтому Юнг говорил, что соприкосновение с процессом индивидуации вызывает много страданий. Иными словами, оно вызывает травму, так как мы лишаемся возможности устраивать свою жизнь в соответствии с нашими желаниями.

Если отнестись всерьез к бессознательному и к процессу индивидуации, то мы поймем, что больше не можем сами устраивать свою жизнь. Например, мы думаем, что нам хотелось бы куда-нибудь пойти, но сон говорит: нет, и нам приходится отказаться от этой мысли. Иногда мы воспринимаем это нормально, но иногда такие решения вызывают у нас раздражение. В том, чтобы отказаться от вечерней прогулки или от путешествия, нет ничего страшного, но есть более серьезные случаи, когда бессознательное налагает вето на то, что нам очень хочется. Мы ощущаем себя разбитыми и растерзанными, попавшими в западню или заключенными в тюрьму, распятыми на кресте. Всем сердцем и всей душой нам хотелось что-то сделать, но бессознательное наложило на это запрет.

В такие моменты вполне естественно испытывать серьезные страдания, вызванные встречей с Самостью. Но Самость страдает не меньше, ибо внезапно для себя становится ограниченной реальностью обыденной человеческой жизни. Вот почему в связи с этим Юнг ссылается на слова Христа в апокрифе Деяний Иоанна. Христос, находясь в кругу апостолов, говорит: «Ваши человеческие страдания хочу выстрадать». Это самый простой способ понять, о чем идет речь. Божество не испытывает страданий, если не соприкасается с человеком. Божество, которое стремится испытать человеческие страдания, не только очень этого хочет, но и вызывает их. Человек не испытывал бы страданий, если бы не имел связи с тем, что намного его превосходит, иначе он страдал бы так, как страдает животное: он принимал бы свою судьбу и погибал бы от ее руки. Если человек, подобно животному, подчиняется всему, что с ним происходит, он не испытывает сильных мучений: он страдает молча, не произнося ни слова. Животные принимают мир таким, какой он есть: в результате несчастного случая зверь повредил ногу, и теперь он хромает на трех лапах; если жи-

вотное ослепло, то пытается дальше жить без зрения и, наверное, испытывать голод. В природе такое встречается постоянно. Однако человек способен *чувствовать, что* с ним происходит. Так как у него больше развито сознание, у него значительно больше развита и способность к страданиям. Если его лишить ног или ослепить, его чувства становятся глубже и интенсивнее, так как в них больше участвует Эго, и, следовательно, появляется способность противостоять своей судьбе. Если вам когда-нибудь приходилось работать с пациентами, пережившими несчастье, вы наверняка замечали в них невероятной силы сопротивление собственной участи. Такие люди говорят: «Я не могу принять свою судьбу! Почему это случилось именно со мной? Уже ничего вернуть невозможно, но я не могу принять!»

Животное не проявляет силу своих страданий. Оно пытается их сдерживать, пока не умрет; даже если его задние лапы парализованы, оно пытается двигаться и обычно погибает в когтях хищников – что ж, быстрый и желанный конец. У нас дело обстоит хуже, так как современная медицина не позволяет людям умереть сразу. Нас кладут в больницы, и вот тут возникает проблема: что же все это значит? Почему я должен продолжать жить? В таких случаях страдания становятся более сильными и страшными, и по существу, эта проблема является проблемой веры.

Таким образом, можно сказать, что человеку присущи подлинные страдания, и они связаны с тем, что внутри нас есть что-то, считающее, что так не должно быть. Однако если несчастья – неизбежная часть моей жизни, тогда я должен знать, что это значит. Если я понимаю смысл происходящего, я могу принять страдания, но если я его не понимаю, то не могу принять ни жизнь, ни страдания. Мне встречались люди, которые могли принять случившееся с ними с необходимой долей терпения и самообладания. Но только в том случае, когда они понимали смысл того, что происходит. Хотя страдания продолжались, они оставались среди них неким островком спокойствия, так как получали облегчение от ощущения того, что они знают, почему страдают. Для того чтобы понять причину и смысл наших страданий, нам нужно следовать собственному пути индивидуации, поскольку причина уникальна в каждом конкретном случае и не похожа на причины, вызвавшие страдания других людей. Каждый человек должен найти свой собственный смысл несчастий. Именно по-

этому, занимаясь поисками причины своих мучений, человек занимается поисками смысла своей жизни. Он ищет общий паттерн собственной жизни, паттерн, который открывает причину того, почему раненый целитель является архетипом Самости (одной из ее характерных черт) и основой всех подлинных процессов исцеления.

Вопрос: Другими словами, Вы имеете в виду, что посредством принятия страданий можно установить связь с Самостью?

Это зависит от того, насколько правильно человек принимает страдания. Если их принимать со смирением и покорностью, исцеления не произойдет. Многие люди принимают свои страдания, но с известной долей смирения. Они молча сносят свои беды и терпят невзгоды, ничем не помогая себе. Принятие мук должно быть *позитивным*, и я бы сказала, что человек может постичь смысл происходящего только в том случае, если он принимает то, что с ним случилось. Как правило, примирение с судьбой начинается непримиримой борьбой с ней. А затем, когда получается принять смысл страданий, наступает обретение благодати. Вот тогда к человеку приходит осознание смысла произошедшего. Нельзя даже сказать, что происходит сначала, что потом. Иногда сначала постигается смысл, а затем происходит его принятие, или же сначала человек настраивает свой разум на принятие, и тогда, в тот же момент, ему становится ясным смысл. То и другое причудливо переплетено между собой.

Замечание: Существует христианская идея относительно ценности страданий, но, как правило, она несет в себе слишком много смирения. Разве не так?

Именно это я и пыталась сказать. Истинно верующий человек примет страдания без покорности, потому что он понимает суть и причины невзгод. Но человек, ограниченный в своей вере, лишь *пытается* верить, убеждая себя: «Я должен верить, потому что распятый на кресте Христос тоже страдал. Я должен принять эти мучения». Он повторяет то, что слышал на проповеди, но это ему совсем не помогает: человек лишь читает проповедь своему сознанию, но в силу отсутствия переживаний, такой метод не помогает исцелению.

Как можно интерпретировать то, что последний рисунок Экзюпери, самый трагичный, нарисован исключительно в черно-белых тонах? Можете ли вы его проанализировать? На нем нет ничего, кроме звезды и двух линий.

Ответ: Это отсутствие жизни. Жизнь его оставляет.

Да, чувственные переживания, эмоциональная вовлеченность уходят. Что же это значит? Что вы имеете в виду, говоря о том, что его оставляет жизнь?

Ответ: Когда Маленький принц и Сент-Экзюпери вместе отпавились в пустыню, появилась возможность какого-то реального события.

Да. Я лишь хотела узнать, у кого уходит жизнь. Сначала цвет рисунков был очень насыщенным; среди них был один, который сам Сент-Экзюпери назвал «внушительным рисунком». Речь идет о рисунке, на котором изображены баобабы: создавая его, автор очень старался, использовал много цвета. А этот, последний, совсем бесцветный.

Ответ: Это изображение его микрокосма в тот момент, разве не так? Он представляет собой некое подобие мандалы.

Нет. Я бы сказала, что это изображение одиночества, наступившего после расставания. На рисунке изображены две пересекающиеся песчаные дюны и звезда; идея заключается в том, что принц вернулся на свою звезду. Это картина одиночества, которое осталось после его возвращения, но что в этом плохого? В общем, нормально ощутить одиночество после расставания с Маленьким принцем, это естественно.

Ответ: Все происходит в безжизненной пустыне, где ничего не растет.

Да, возникает именно такое ощущение. Расставание ощущается так, словно человека покинуло божество. Я бы сказала, что рисунок выражает его обманутые надежды, а значит, грусть и опустошенность вполне оправданы. Но неприятно то, что его обману-

тые надежды и разочарование не слишком сильные. Это очень бледное и неадекватное изображение. Глядя на картинку, вы можете подумать о разочаровании и одиночестве, постигших автора рисунка, но не можете их ощутить.

Пусть каждый из вас попытается себе представить, как бы он почувствовал себя при расставании с божеством: попытайтесь это нарисовать, и вы увидите, я надеюсь, что ваше воображение окажется более живым, чем на этом рисунке. Это потребует неких творческих усилий, но, в конце концов, Сент-Экзюпери был художником, ему хватало мастерства, чтобы изобразить одиночество в пустыне. Нарисуйте широкую-широкую равнину, ощутите свое пребывание там и попытайтесь выразить холодную грусть неба, откуда светит одинокая звезда, испуская на землю холодный свет. Каждому из вас приходилось видеть изображения, при виде которых у вас сжималось сердце, при взгляде на которые вы ощущали потерянность, отчаяние и пустоту. Однако этого нет на рисунке Экзюпери. Постарайтесь представить, *что* же он попытался изобразить. Вы предполагаете, что на рисунке должно быть изображено одиночество, но оно не вызывает у вас щемящего чувства, не сжимает ваше сердце, так как на рисунке отсутствует цвет. Почему он не сделал его полностью серым? Если бы это была грусть, выраженная в сером цвете, наверное, вы могли бы ее почувствовать. Почему бы не изобразить небо в виде огромного цветного купола над головой – глядя на такой рисунок, вы ощутили бы озноб. Но в данном случае вы не ощущаете ни грусти, ни печали. Вы должны заменить свою чувственную реакцию своими собственными представлениями [об изображенных здесь эмоциях]. Здесь чего-то не хватает.

Замечание: Здесь все мертвое.

Да, это смерть – даже не разочарование! И не выражение грусти.

Замечание: Но в описании прощания очень много тоски!

Да, в описании ее много, но только не в рисунке, и хотя описание наполнено тоской по ушедшему, оно очень инфантильно. В нем явно выражена надежда на возможность все вернуть: «Пожалуйста, напишите мне, что он вернулся...» Он предлагает послать ему открытку – самый легкий и дешевый способ избавиться от

тоски. Такой же простой, как дать объявление по радио о том, что пропал человек, о его нахождении просьба сообщить в ближайший полицейский участок. Но кроме этого, существует капризный ребенок, желающий вернуть свою игрушку, и бледным выражением этого желания является очень бледное прощание.

Замечание: Может быть, он не осознавал, что встретился с богом. Иначе он никогда бы не попросил ему написать что-то подобное!

Совершенно верно! Весьма необычно было бы обратиться к миру с просьбой сообщить, как только «вы найдете моего бога!»

Замечание: Можно увидеть несоответствие между его мыслями и эмоциями.

Да. Вы снова сталкиваетесь с потухшим вулканом. Интенсивность эмоций не слишком велика, и это очень опасно; это типичная реакция человека, который в подобных трагических ситуациях просто говорит: «Да, да, конечно!» Иногда такие реакции всего лишь отговорка или замалчивание. Люди притворяются, что не испытывают чувств, но их холодные руки и другие симптомы говорят о том, что эмоции у них все же есть, и поэтому не важно, притворяются они или нет. Но если у них действительно нет эмоций, значит, их вулкан потух, а это очень опасно.

Замечание: На мой взгляд, сам Сент-Экзюпери относился к интуитивному типу личности, и он думал, что это всего лишь эпизод в его жизни, заканчивающийся так же, как катастрофа самолета в пустыне. На протяжении всей книги остается чувство, что переживание длится лишь короткое время, а затем проходит. Откровенность этого рисунка вместе с его восприятием вызывает у меня чувство, что у автора нет разочарования. Он знает, что это должно закончиться, и никак не может этому воспрепятствовать.

В данном случае сделан очень большой акцент на интеллект. Вы совершенно правы, но со стороны Экзюпери это нездоровая реакция. Предположим, человек, которого вы любите, умирает от неизлечимой болезни. Умом вы все это понимаете очень

хорошо! Вы понимаете, что переживание должно закончиться. Отношения с умирающим скоро должны закончиться – об этом вас предупредил врач, сказав, что пациенту осталось жить не больше трех недель, – но это не значит, что у вас не будет эмоциональной реакции. Даже если вы знаете, что отношения с ним неизбежно придут к концу, это не остановит ваши чувства. Так и должно быть! Ясно, что переживание, подобное тому, которое Сент-Экзюпери испытал в пустыне с Маленьким принцем, должно было закончиться – такого рода переживания обязательно подходят к концу.

Но здесь еще более очевидна слабость личности людей такого типа, как Сент-Экзюпери. Люди подобного склада отделяют себя от чувственной и эмоциональной сферы, чтобы избежать страданий. Иногда, вследствие своей неспособности чувствовать и страдать, они заменяют переживания рефлексией: они просто говорят: «Да, конечно, это должно было закончиться, примем это как факт».

Замечание: Сент-Экзюпери действительно готовил себя к тому, что все закончится. Всегда существует некая граница, которую приходится перейти, но постоянно подготавливая себя к этому, он, в конце концов, делает это почти с юмором, ведь для него это «только еще одно переживание, которое необходимо прожить, и оно обязательно закончится». Вообще говоря, в этой фразе можно увидеть отражение всей его жизни.

Совершенно верно, именно так выражается недостаточная сила чувства. Если человек постоянно проникается ощущением того, что жизнь преходяща, и, следовательно, всегда готовится к тому, что она преждевременно закончится, он проявляет отношение к жизни, свойственное *puer aeternus*. Например, если *пуэр* знакомится с девушкой, он уже уверен, что результатом отношений станет разочарование и разлука, поэтому он не позволяет себе полностью увлечься переживанием. Напротив, он в любой момент готов распрощаться с девушкой. С точки зрения здравого смысла, он прав, но это не позволяет ему жить; в его жизни слишком много места занимает рациональное. Он не учитывает того, что нерациональная часть его личности не готова отказаться от переживаний только из-за страха разочарования. Это недостаток душевной щедрости. Почему бы не сказать: «Разумеется, разочарование обяза-

тельно наступит, так как события в жизни не длятся вечно и могут закончиться неприятными переживаниями. Но не будем торопиться. Давайте полностью отдадимся позитивному переживанию состояния, пока оно есть у нас». Одно не исключает другого.

Не обязательно быть глупцом, не верящим ни во что, кроме счастья, и всякий раз падать с небес на землю. Но в том, чтобы с началом любых отношений прятаться и уходить от них в ожидании страданий, есть что-то патологически нездоровое. Именно так поступают многие невротичные люди. Они пытаются приучить себя к умению страдать тем, что постоянно находятся в ожидании неприятностей. Один пациент сказал: «Я всегда предвижу наступление страданий, и мне нравится, что я приучил себя к ним. Я все время пытаюсь предвосхитить их в своей фантазии». Однако такая позиция совершенно отчуждает человека от жизни. На самом деле, таким людям необходима двойная установка: понимание того, как могут развернуться события, не помешает полностью отдаться переживаемому в настоящий момент. Иначе жизни нет. Рациональное начало (reason) заранее организует события так, чтобы защитить личность от страданий, просто не позволив ощутить переживания полностью именно тогда, когда сам человек этого не ожидает. В таком случае и рациональное, и сознание слишком многое исключают из жизни. И именно так старается поступать *пуэр*. Он не хочет полностью отдаться жизни, пытаясь рассудком сделать ее недоступной для себя. Это нездоровая реакция.

Замечание: Если вспомнить картины Ван Гога, то все они, даже самые мрачные, полны энергии и эмоциональной силы.

Да, в отличие от рисунка Сент-Экзюпери, у Ван Гога даже внутреннее опустошение и утрата находят полное эмоциональное выражение.

Задумайтесь, насколько более жизнеспособными были бы такие люди, если бы они страдали! Если они не могут быть счастливы, то пусть будут несчастны, но по-настоящему несчастны хотя бы раз в жизни. Вот тогда они стали бы похожи на людей. Но *пуэры* не могут быть даже чуть-чуть несчастны! Им не хватает великодушия и мужества проявить себя в ситуации, которая может сделать их несчастными. Они трусливо ищут пути отступления, которые позволят им ускользнуть. Они ожидают разоча-

рования, чтобы не пришлось держать удар. Они отказываются от жизни.

Вопрос: Нельзя ли найти способ, которым внешне проявляется заблокированная эмоция? На мой взгляд, она должна как-то проявить себя, [у Сент-Экзюпери] должно присутствовать отвергнутое чувство.

Я здесь его не вижу, за исключением темпераментной непосредственности розы.

Вопрос: Чувств нет, потому что потух вулкан?

Мне думается, что в нем [в авторе] уже нет чувств, но эмоциональные проявления можно увидеть в очень темпераментных порывах розы – в них еще сохранилось некоторое чувство. Она полностью вовлечена в то, что делает. Гордясь, она гордится вся, гневаясь, она прямо обуреваема гневом, будучи высокомерной, она высокомерна с головы до пят. Она обладает определенной целостностью самовыражения. Можно сказать, что она полностью оказывается во власти своего сиюминутного настроения, но в этом, по крайней мере, уже что-то есть. Очевидно, что так вела себя жена Сент-Экзюпери. Она была паразитально, даже шокирующе непосредственна и спонтанна, полностью отдаваясь своим сиюминутным реакциям.

Замечание: Я думаю, что отсутствие эмоциональности проходит красной нитью через всю книгу в более негативном выражении – в качестве легкой сентиментальности.

Да, сентиментальность всегда указывает на недостаток чувства, поскольку служит заменой реальному чувству. Это другой аспект общей картины.

Как вы можете интерпретировать эпизод, в котором Маленький принц требует нарисовать для барашка намордник, чтобы тот не смог съесть розу? Вы видите, как, по мнению принца, все должно быть устроено: он хочет, чтобы барашек поедал ростки баобабов, и, естественно, если он позволит барашку свободно гулять по астероиду, тот, не отличив розу от ростков баобабов, съест и то, и другое. Поэтому, вероятно, Маленький принц планирует накрыть

розу стеклянным колпаком, а затем выпустить барашка уничтожать побеги; затем, надев на барашка намордник, снять с розы колпак. Таким образом, он наивно предполагает, что сможет не допустить барашка к розе!

Итак, Маленькому принцу нужен намордник. Рисование – способ сотворения его мира, поэтому он хочет, чтобы Сент-Экзюпери нарисовал намордник, тогда он сможет положить рисунок с намордником вместе с рисунком барашка и таким образом уберечь розу, не позволив барашку ее съесть. Но из-за горечи расставания Сент-Экзюпери забыл нарисовать ремешок для намордника, и когда вдруг вспоминает об этом, он говорит: «Что же теперь будет?» А затем добавляет, что теперь будет мучиться до конца своей жизни, размышляя над тем, съел барашек розу или нет. На этот вопрос он так и не получил ответа, но мысль об этом мучит его до сих пор. Как вы это интерпретируете?

Замечание: Животная часть его личности не ассимилирована, поэтому есть опасность, что она может стать деструктивной.

Да, но важно запомнить, что речь идет о Земле и Запредельном. Вспомните, когда речь шла о барашке, я говорила, что бывают случаи, когда одна маленькая ошибка вызывает неожиданно большие последствия, как, например, стадо овец, оказавшееся на летном поле. Одна из овец попадает под шасси самолета и служит причиной его гибели. Мы уже говорили о том, что овца является воплощением массового субъекта, человека толпы. Негативный аспект овцы заключается в инстинктивном проявлении коллективизма. Когда-то давно в стаде овец всегда паслись несколько козлов, поэтому, когда на стадо нападали волки, овцы всегда имели шанс спастись, потому что козлы никогда не поддавались панике. Если же во главе стада, на которое напали волки, был баран, он впадал в панику, и тогда все стадо погибало. Козлов держали для того, чтобы компенсировать природную глупость овец, однако волки научились сначала нападать на козлов, что приводило овец в замешательство. Если барашек служит воплощением элемента коллективизма и своей тягой к коллективизму нарушает процесс индивидуации, нет ничего удивительного в том, что он съест розу.

Роза – психологический символ мандалы, в этом качестве она служит центром для процесса индивидуации. В повести же

роза гибнет в другом мире – в Запредельном, и это один из самых страшных моментов книги. В нашем мире, на Земле, барашек служит воплощением не только негативного аспекта. *Пуэр* не нуждается в коллективной адаптации, ведь он – из рода «неправильных» (*wrong*) индивидуалистов, которые не могут успешно приспособиться к обществу. Например, большинство *пуэров* уклоняются от военной службы, не желая быть баранами, хотя иногда им было бы очень полезно побыть в стаде и научиться приспосабливаться к коллективу.

Но в данном случае коллективизм распространяется на звезду, на которой не должно быть никаких барашков. Это очень трагичный механизм: если человек слишком категоричен, то, отказываясь приспосабливаться к обществу, он испытывает коллективизацию исподволь и изнутри. Если вы притворяетесь, что вы индивидуальность в большей степени, чем есть на самом деле, избегаете социальной адаптации по причине своей особой исключительности (с невротическим тщеславием утверждая, что вы – уникальность, которую никто не понимает, а потому одиноки, поскольку все вокруг такие упрямые, бесчувственные, глупые овцы, тогда как у вас такая нежная душа), если у вас есть такие ложные притязания, из-за которых вы не можете приспособиться к другим людям, то вы – тот, которого никак нельзя назвать индивидуальностью.

Я уже упоминала, что когда я говорю о *пуэрах*, слушатели сразу вспоминают о том, что знают многих подобных людей, в памяти возникает целая галерея представителей этого типа, что служит наглядным свидетельством того, что *puer aeternus* вовсе не является уникальным явлением. На самом деле *пуэр* – типичный собирательный образ, социальный тип *puer aeternus*, и ничего больше. Другими словами, чем больше он играет роль принца с мыслью о том, что он представляет собой что-то особое, тем больше в нем признаков обычного представителя невротической личности *puer aeternus* – типа, поддающегося клиническому описанию, и это описание будет практически полностью соответствовать его индивидуальности. Именно потому, что *пуэр* культивирует в себе ложные притязания, он адаптируется к коллективу и социуму изнутри, и в результате этой социализации никакие его реакции по существу не являются ни слишком индивидуальными, ни слишком особенными. Он становится типичным представителем *puer aeternus*. Он превращается в архетип, а если вы стали ар-

хетипом, то вы уже не оригинальны, вы больше не являетесь самим собой и чем-то особым, вы – просто архетип. Попробуйте, встретив *пуэра*, сказать ему: «Разве не в том-то и том-то заключается ваша философия? Разве там-то и там-то у вас нет неприятностей? Не таким ли образом вы относитесь к девушкам?» И тогда он ответит: «Боже мой! Откуда вы все узнали? Откуда вы меня знаете?» Если вы полностью совпадаете с описанием архетипа, я могу точно охарактеризовать все ваши реакции, так как архетип – это определенная совокупность реакций. Легко можно предсказать, как будет себя вести *пуэр*, что он будет чувствовать. Он представляет собой всего лишь архетип вечно юного бога, а потому обладает всеми божественными качествами: у него есть тоска по смерти, он считает себя совершенно особым; он – единственное чувствующее существо среди окружающих его упрямых овец и баранов. У него будут проблемы с агрессивной, губительной Тенью, которую он не хочет проживать сам и обычно проецирует ее на других и т.д. В нем вообще нет ничего особенного. Чем больше он отождествляет себя с юным богом, тем менее индивидуальна его личность, хотя сам он чувствует себя совершенно особенным.

В тех случаях, когда люди действительно страдают шизофренией или сумасшествием, воображая себя Иисусом Христом, они обычно говорят одно и то же. Юнг описывает, что однажды у него в психиатрической клинике было два Иисуса Христа. Он свел их вместе и, представив друг другу, сказал: «Это господин Миллер. Он считает, что он – Иисус Христос. А это мистер Майер, который тоже считает, что он – Иисус Христос». Затем Юнг вышел из кабинета, оставив пациентов наедине друг с другом. Спустя некоторое время он вошел в кабинет и увидел, что один из них сидит в углу и барабанит пальцами по столу, а другой стоит у окна и барабанит пальцами по стеклу. Юнг спросил, выяснили ли они, кто из них настоящий Иисус Христос, и оба пациента повернувшись к доктору, сказали, указывая друг на друга: «Несомненно, у него мания величия!» Каждый из них очень ясно видел себя в другом. Если речь шла о другом человеке, шизофреник ставил диагноз совершенно точно.

Лекция 6

Чтобы проиллюстрировать многое из того, что мы увидели в «Маленьком принце», мне хотелось бы рассмотреть конкретный материал. Я не могу назвать его клиническим, так как мой контакт с представленным в материале *пуэром*, как увидите, был довольно странным, и этот процесс нельзя назвать лечением.

Речь идет о молодом человеке. Когда я впервые с ним познакомилась, ему был тридцать один год. Он приехал из одной из стран Центральной Европы; отец его, дизайнер и владелец небольшого цветочного магазина, совершил самоубийство, застрелившись, когда сыну было шесть лет. Я не могла понять, почему его отец покончил с собой, а мальчик ничего об этом не знал. Брак отца явно был неудачным, и молодой человек вспоминал, что в доме постоянно происходили ссоры. Его воспитала мать, которая после смерти отца продолжала содержать цветочный магазин. Мальчик хотел стать художником. Я считала, что в этой области он был на самом деле одаренным человеком. Приблизительно лет с восемнадцати он страдал «тюремной» фобией до такой степени, что если возникала необходимость поехать в другой город, он испытывал серьезные трудности. Как только он видел полицейского, на него нападал страх, заставлявший спасаться бегством, потому что ему казалось, что полицейский его сразу арестует и посадит в тюрьму. Эта фобия затрудняла ему жизнь, он постоянно убегал и прятался за углом, словно был настоящим преступником. Кроме того, он очень боялся темноты и всякий раз испытывал мучительные страдания при наступлении сумерек. Он боялся приближения вечера, по ночам не мог уснуть, лежал, не смыкая глаз от ужаса на протяжении всей ночи. Он мазтурбировал, что в его состоянии было почти естественно.

Другая фобия, которая проявилась намного позже, выражалась в том, что он не мог пересекать границу или даже любую разделительную линию, а если человек не может пересекать гра-

ницу, жить в Европе очень неудобно! Эта фобия, безусловно, связана с предыдущей проблемой.

Однажды я уехала в одну из европейских стран читать лекции на темы юнгианской психологии. Там я получила почтовую открытку, в которой говорилось, что в моей лекции было несколько тем, которые адресанту хотелось бы обсудить со мной, и для этого он придет ко мне в такой-то день и час. Я отвела в своем графике этому человеку определенное время, но никто не приехал! Позже я получила другую открытку, в которой было просто написано: «Это опять я, я приеду тогда-то и тогда-то». И опять никто не проявился! Как мне стало известно позже, каждый раз, подъезжая к границе со Швейцарией, мой собеседник был не в состоянии ее пересечь, а потому возвращался домой. Так как ему не хотелось объяснять это письменно, он просто не появлялся. Затем я получила третью почтовую открытку, опять безо всяких извинений, в которой снова говорилось, что он придет, но на этот раз я решила не выделять ему время.

И вот неожиданно в дверях моего кабинета появился молодой человек и очень вежливо объяснил, что это именно он писал мне дважды, но не мог приехать, потому что испытывал страх. Единственное объяснение, которое он дал своей фобии, заключалось в следующем: однажды он делал зарисовки на природе, находясь очень близко к государственной границе, но не подозревая об этом. Его арестовал пограничник и попросил предъявить паспорт, которого у него с собой не оказалось. Его задержали на два-три часа, звонили в город, где жил молодой человек, чтобы навести справки, после этого извинились и отпустили. Молодой человек сказал, что это происшествие его особенно не испугало и не расстроило. Позже выяснилось, что у него и раньше был страх, связанный с пересечением границы, поэтому мы не могли не отнестись со всей серьезностью к тому, что случилось. Описанный случай лишь заставил проявиться уже существовавшую фобию. Кроме того, очень невнятно он рассказывал мне о том, что какое-то время назад находился в психиатрической клинике и проходил лечение электрошоком, однако мне так и не удалось узнать подробностей, поскольку он не хотел говорить об этих событиях из своего прошлого.

В какой-то мере его состояние можно было назвать постпсихотическим. Он пытался проходить лечение у некоторых аналитиков-фрейдистов, но каждый раз он сбегал от них после второй или третьей встречи. Он не давал ни положительных, ни отрицатель-

ных оценок результатам лечения, он просто констатировал факт своего визита к аналитикам. Как я ни старалась узнать подробности его прошлого опыта, он так мне больше ничего и не рассказал.

Когда он появился у меня, оказалось, что у него практически нет денег, что он собирается жить в палатке неподалеку от моего дома и брать консультации. Он был чрезвычайно похож на прекрасного юного бога солнца, носил пальто в стиле Жана Кокто с капюшоном небесно-голубого цвета, что было ему очень к лицу. В тот день я беседовала с ним несколько часов и узнала все то, что только что вам изложила. По окончании нашей встречи он взял палатку и отправился ночевать на близлежащее поле. Дело было летом. Ночью разразилась гроза, и мой посетитель, испугавшись грома и молнии, вынужден был отправиться в местную гостиницу, заплатив за ночлег те небольшие деньги, которые у него оставались. На следующий день он уехал, и больше я никогда его не видела.

Во время нашей короткой беседы я рассказала ему о характерных чертах комплекса *puer aeternus* и определила некоторые из его проблем. Однако все это ему совершенно не понравилось. Я не думала, что услышу об этом человеке еще раз – он был похож на метеор, который внезапно появился в моей жизни и столь же внезапно исчез. Но две недели спустя я получила письмо, в котором он сообщал, что ему очень не понравилось все, что я ему сказала. Он очень сердился на меня и был разочарован тем, что его героическое и дорогостоящее путешествие закончилось безрезультатно. Однако затем он передумал и пришел к выводу, что я была не так уж не права в том, что ему рассказала. Более того, события, произошедшие с ним впоследствии, свидетельствовали, что мои предположения оказались правильными. Затем он изложил историю, о которой я расскажу чуть позже. Он спрашивал меня, может ли он время от времени писать мне письма, и буду ли я на них отвечать. Все это продолжалось около года: за это время мы обменялись тремя письмами, и после этого наша переписка прервалась. Это случилось десять лет тому назад,⁵⁷ и я лет пять ничего о нем не слышала, пока не встретила одного общего знакомого, который сообщил, что с молодым человеком все в порядке, он пишет картины. Потом я узнала, что он женился, а несколько лет спустя умер от рака в возрасте сорока пяти лет.

⁵⁷ Лекция прочитана 2 декабря 1959 г. (прим. изд.).

В конце своего первого письма он весьма вызывающим тоном сообщал, что вскоре после отъезда ему приснился сон. Он ничего не смог в нем понять и спрашивал, как бы я его объяснила. Сон был следующий:

«Я вижу себя на вершине горы: я прогуливаюсь с девушкой по отвесному хребту. Девушка мне не знакома. Вдруг снизу появляются двое мужчин, они на меня нападают. Между нами происходит яростная борьба, нападающие сталкивают меня вниз, в ущелье. Я чувствую, что мне пришел конец, но внизу растет одинокая ель, на ветви которой я падаю, не долетев до дна ущелья».

В этом сновидении сконцентрированы все его проблемы. Он находится слишком высоко – такова его жизненная установка. От каждого события своей жизни он стремился получить самый лакомый кусок – «снять сливки». Будучи донжуаном, он начал отношения со многими девушками, но через две-три недели, как правило, расставался с одной и уходил к другой. Как только отношения перерастали в более личные, близкие или обязывающие к чему-либо, он тут же избавлялся от них. Он не знал или не хотел знать, что такое поведение неприемлемо, наивно полагая, что всякий мужчина живет и поступает подобным образом. В какой-то мере он вел себя как невежественный простак в отношениях между людьми. Он не имел ни малейшего представления о том, что заурядность, в которой обычные люди живут, сталкиваясь с проблемами и решая их, сближает их, укореняет, делает сильнее.

Например, этот молодой человек никогда не испытывал проблем с деньгами. Он получал какие-то средства от матери и как-то на них жил, причем, надо сказать, жил весьма скромно, экономя деньги на всем, ночуя в палатке и т.п., однако ему никогда не приходило в голову самому заработать себе на жизнь, а ведь ему уже был тридцать один год. Когда я намекнула на то, что сексуальные отношения с женщиной могут в то же время быть и человеческими отношениями, т.е. с присутствием неких человеческих чувств и обязательств, он посмотрел на меня с изумлением, поскольку такая мысль явно никогда не приходила ему в голову. Ему она не понравилась, но, по крайней мере, в этом отношении он был совершенно невинным. Символическим воплощением такой отчужденности и была горная вершина, [приснившаяся ему]. Но если идти по горной вершине, то, в какую сторону вы бы не направились, рано или поздно придется спускаться вниз – под-

няться выше невозможно. Поэтому сон служит очень хорошей картиной его психологической ситуации, ведь он может или застрять наверху или как-то спуститься с вершины, на которой находится. Именно об этом я и написала. Однако очень опасно анализировать сны в процессе переписки с человеком, которого вы не знаете, и я старалась придерживаться общих фраз, например: «Вы поднялись слишком высоко. Находиться на такой высоте всегда означает, что каким-то образом вам придется спускаться вниз», оставляя за ним выбор практического осуществления цели, так как не имела никакого представления о существовавших у него возможностях.

Причиной его ночных страхов были галлюцинации, возникавшие, когда он оставался в темноте один, во время которых он видел грубого, сильного мужчину, стоявшего рядом с его постелью. По его словам, мужчина был похож на боксера, который стоял около него и смотрел, не спуская глаз. Это приводило молодого человека в ужас. Очевидно, фигура мужчины воплощала отщепленную часть его маскулинности. Молодой человек не казался слишком женственным, но был тревожен, беспокоен и не занимался никаким видом спорта. Было ясно, что огромный мужчина-боксер воплощал часть инстинктивной маскулинности, отсутствовавшей у молодого человека. Такой тип Тени достаточно часто встречается у *пуэра*, поскольку из-за наличия материнского комплекса мужчина оказывается отрезанным от физического проявления собственной маскулинности.

В случае с молодым человеком прогноз излечения был весьма утешителен, поскольку сам по себе образ грубого боксера не представлял особой опасности, как другие образы Тени, например, грабителя или бандита.

Анимус матери стремится отделить от личности сына природные проявления спонтанности (*physical spontaneity*). Маскулинная спонтанность и самопроизвольность – вот что мать желает сдерживать, разрушить, а сын, естественно, сопротивляется этому. Приведу один очень показательный пример. Четырехлетнему сыну моей соседки родители подарили на Рождество лейку. Поскольку зимой лейку сложно использовать по назначению, мальчику строго сказали, что в комнате лейкой играть нельзя. Возможно, мальчику и не пришлось бы в голову испытать подарок в гостиную, но как только мать вышла, он, разумеется, взял лейку и стал поливать ковер. Увидев это, мать в гневе влетела в ком-

нату, стала кричать и шуметь – в общем, устроив скандал на пустом месте, отшлепала сына. Услышав ссору, я решила вмешаться. Мальчик рыдал во весь голос. Когда я спросила мать, что случилось, и она рассказала мне о проступке сына, я не могла удержаться от смеха. Я сказала, что она сама подала ему идею поливать ковер, и, конечно же, мальчик не стал ждать до весны. Та ответила: «Возможно и так, но такое поведение необходимо пресекать в самом начале, иначе в шестнадцать лет он станет целоваться с девчонками!» Это был ее буквальный ответ. Мальчик проявил лишь немного спонтанности, независимости и непослушания, т.е. желания испытать от жизни радость и стремления сделать что-то самому, как мать тут же осознала, что в нем проявляется маленький *мужчина*, которого нужно немедленно подавить. Безусловно, символический образ лейки тоже имеет в данном случае особое значение – надо сказать, образ вполне очевидный, способный позже, в шестнадцать лет вызвать у мальчика желание «целоваться в темноте с девчонками». Фантазия матери предвосхитила будущие события, мать почувствовала, что появился маленький мужчина, проявляющий спонтанность поведения, – и не вытерпела.

Вы видите, как набрасывается материнский Анимус на проявления мужской самостоятельности: например, на то, что сын ходит в грязных ботинках, плюется или употребляет бранные слова. Мать не выносит, если сын унижительно отзывается о женщинах, словно женщины бог знает что, – он их презирает, потому что они его привлекают. Все это является примитивным, можно даже сказать, обезьяньим проявлением маскулинности. Для мальчика естественно проявление определенной дикости, связанной с отсутствием адаптации, и хотя в какой-то мере такое поведение следует сдерживать, все-таки мальчика необходимо оставить в покое. Женщина, обладающая здоровым материнским инстинктом, в таких случаях просто пожмет плечами и скажет: «Ах, эти мальчишки просто невозможны» или что-нибудь в этом роде. Она оставит сына в покое или постарается не обращать внимания на то, что он вытворляет, хотя всегда немного ворчит, потому что ей неприятны его выходки. Однако моя соседка выявила сущность содержания фантазии сына: в поступке малыша она ощутила зародыш его будущей независимости. Именно поэтому, «пожирая» сына, материнский Анимус разрушает такие проявления его маскулинности, как стремление быть неопрятным, буйным или агрессивным, же-

ление хлопнуть дверью. При этом такие поступки укрепляют у мальчика ощущение жизни.

В юности, возможно, вы все участвовали в шумных молодежных вечеринках, разгульных празднествах, во время которых чувствовали себя на вершине мира – у вас появлялись ощущение полноты жизни, уверенность в том, что вы способны сокрушить весь мир. Такое чувство жизнелюбия характерно для молодого здорового человека. Оно побуждает его чувствовать себя энергичным и предприимчивым, и именно это чувство больше всего ненавидит пожирающая мать. Это отвратительно для нее, поскольку импульс жизни лишает ее [права обладать] сыном, он, так сказать, бессознательно уходит от нее. Жизнь заставляет молодого мужчину забыть о матери, вот почему у такого сына обычно обнаруживается отщепленная Тень в образе гориллы, или огромного сильного боксера, или преступника – все они воплощают отчужденную маскулинность. К тому же образ отщепленной Тени компенсирует слабость Эго.

В сновидении моего молодого пациента проявляется двойной смысл Тени. На сновидца нападают двое мужчин и вступают с ним в драку. Я уже отмечала, что если образ в сновидении обнаруживает двойной смысл, это значит, что сон приблизился к порогу сознания. В данном случае у Тени два аспекта: опасный и позитивный (регрессивный и прогрессивный), что в данном случае совершенно очевидно. Например, образ Тени мог бы войти в жизнь сновидца в качестве гомосексуалиста-соблазнителя, и пациент мог легко поддаться искушению со стороны сильного мужчины-гомосексуалиста. Действительно, как мы узнаем позже, у молодого человека был друг, и в отношении к нему отмечался оттенок некоторого легкого очарования, хотя никакой гомосексуальной связи между ними не было. Следовательно, можно утверждать, что Тень в образе грубого боксера имеет двойную констелляцию в бессознательном. С одной стороны, Тень может раствориться в личности и таким образом добавить в сознание отсутствующую маскулинность, усилив ее; с другой стороны, Тень может остаться вовне, проецируясь на других людей, и в этом случае, молодой человек, скорее всего, станет гомосексуалистом и последует за Тенью, отраженной в личности другого человека. Итак, [образное] наполнение расщепленной части личности (split-off content) может как повредить юноше, вывести на ложный путь реализации, так и помочь ему.

По тому, как ведет себя расщепленная часть, также видно, насколько Теневая фигура неоднозначна: двое мужчин бросают сновидца вниз с обрыва. Если бы не дерево, он бы упал и разбился насмерть. Тень, внезапно нападающая на эго-сознание, становится причиной катастрофы или внезапной смерти человека, страдающего комплексом *puer aeternus*. Тень может его спасти, а может и погубить. У меня есть примеры, когда происходило последнее.

Мне вспоминается случай с молодым человеком, которого полностью «сожрала» его собственная мать так, что он наполовину превратился в девушку. Он был так же, как и предыдущий мой пациент, творчески одаренным и так же совершенно далек от реальности. Когда его родители умерли, и юноша оказался в трудном материальном положении, к нему неожиданно приехал двоюродный брат – циничный и практичный молодой человек. Он предложил повернуть махинацию и обманом получить деньги со страховой компании. Молодой человек раньше никогда не работал, не сталкивался с реальной жизнью и оказался выброшенным на берег без средств к существованию. И вот появляется брат, убеждает его, что все ведут себя так или иначе, [обманывая друг друга], поэтому нужно всего лишь подписать бумагу и затем получить страховку. Юноша сделал то, что ему сказали, не совсем осознавая моральных последствий своих действий, и очень скоро оказался в тюрьме. Его циничный брат тщательно предусмотрел, чтобы *самому* не быть замешанным в аванюре, зато молодой человек, *пуэр*, угодил в тюрьму за попытку мошенническим путем присвоить себе деньги страховой компании.

Другой случай, когда Тень внезапно раздавила молодого человека, произошел с юношей, также имевшим сильную связь с матерью. Покинув дом впервые в жизни, а до этого проведя большую ее часть под прозрачным колпаком матери, он отправился в большой город. Чрезмерно культурный юноша, прежде никогда не имевший полной свободы – ни сексуальной, ни какой-либо другой – в большом городе на какое-то время вышел из-под контроля. Он связался с «друзьями природы» (*Natur Freunde*) – группой людей коммунистического толка, жившими очень свободной жизнью в лачугах на окраине города, вместе с которыми он стал выпивать и, дав себе волю, каждую ночь менял женщин. Он полностью «переключился» на свою Теневую сторону. В этом не было ничего плохого, за исключением того, что его жизнь приняла сверхмерный характер, слишком нервный и лихорадочный. Я ви-

дела его лишь однажды, и тогда сразу заметила, как сильно он изнурен и как заметно ухудшилось его здоровье. Я сказала, что не имею ничего против того, что он делает, но предупредила, что он перегибает палку в такой степени, что наносит непоправимый ущерб своему здоровью, подвергая себя серьезному риску. Он насмешливо взглянул на меня как на назойливую тетку, и кроме этого взгляда я ничего не получила в ответ. Однако спустя три недели молодой человек мне позвонил. Он заболел полиомиелитом и стал калекой на всю жизнь. Я уверена, что плохое состояние его здоровья сыграло свою роль в печальном исходе болезни.

Вот так в реальной жизни Тень поражает *пуэра*: он погибает в авиакатастрофе или в результате несчастного случая в горах, попадает в аварию или в тюрьму, как правило, в большинстве случаях оказываясь только частично виновным в том, в чем его обвиняют.

Вот примеры того, какой смысл может иметь сон о падении с горы или низвержении в пропасть. Ясно, что Тень имеет двойной аспект: она содержит необходимую жизненную силу и маскулинность, но вместе с этим – и возможную гибель, то есть то, что на самом деле может погубить сознательную часть психики.

Во сне моего пациента две Теневые фигуры, с которыми у него не было никаких особых ассоциаций, сбрасывают его вниз. Он должен был упасть еще глубже, и такое падение может быть для него удачным или губительным. Если бы он упал слишком глубоко, было бы плохо, а если, как в данном случае, что-то помогло ему спастись, это оказывается хорошим знаком. На примере этого сновидения можно еще раз убедиться в том, что я уже однажды обсуждала в связи с «Маленьким принцем». Анализируя материал, относящийся к комплексу *puer aeternus*, мы наблюдаем, как часто образ странным образом становится двойственным: исцеляющие и пагубные аспекты соединяются вместе, так что практически все имеет двойную интерпретацию. Оптимист мог бы сказать, что был слишком высоко и, слава богу, его схватила Тень и опустила его ниже; там находилось дерево, символ роста, поэтому развитие должно было происходить именно так. Но в той же степени, в какой дерево является символом жизни, оно является и символом смерти. Можно сказать, что *puer aeternus* находился слишком высоко, и неоднозначная Тень его подавила и сбросила вниз, несмотря на его сопротивление; он не спустился вниз по собственной воле. Это *похоже* на несчастный случай. На самом деле

молодой человек находился в том состоянии, в котором я его видела, и когда ему приснился этот сон, он подвергался серьезной, даже смертельной опасности. Он мог в любой момент погибнуть, а следовательно, для себя я интерпретировала этот сон с вероятностью 50 на 50, что также можно обнаружить в двойной фигуре Тени. Мы не можем сказать, как все может закончиться, но мы точно знаем, что это выздоровление, разрешение проблемы (lysis). Тот факт, что он не упал на дно пропасти (тогда он бы скорее всего погиб), но был спасен на полпути одиноким деревом, которое росло именно там, где он падал, крона которого задержала его падение, позволяет нам говорить об исцелении.

Как известно, в Малой Азии и Сирии существовали различные культы матери, главным из них был культ богини-матери Кибелы. Позже Кибелу отождествляли с богиней Афродитой. Ее сын Аттис (а в некоторых версиях мифа возлюбленный богини, ее жрец-любовник) – прекрасный юноша, увлекся нимфами и перестал обращать внимания на свою богиню-мать. Она, полная ревности, довела Аттиса до сумасшествия, и он себя оскотил. Он совершил это под елью.

Согласно другим версиям, Аттис подвергался преследованию со стороны возлюбленного богини-матери Кибелы, бога войны Ареса. Можно сказать, что юного бога убил или кастрировал агрессивный Анимус богини-матери. В Риме, а также в некоторых городах Малой Азии существовал праздник весны, во время которого жители носили по улицам молодые ели, на их верхушках располагалось изображение Аттиса – чаще всего только голова и торс. Кроме того, существуют версии мифа, согласно которым после смерти юноша превратился в хвойное дерево. Все сказанное непосредственным образом связано с мифологическим циклом юного бога солнца – умирающего, оплакиваемого, а затем воскрешаемого, а также с весенними обрядами и ритуалами, сопровождающими культ этого бога. В данном случае главной проблемой является дерево. Аттис, подвешенный на материнском дереве, и Христос, висящий на древе жизни и смерти, выражают одну и ту же идею.

Можно сказать, что произошла регрессия Аттиса к дочеловеческой форме; он стал деревом-нуменом, растительным духом, заключенным в дереве. Он возникает из дерева – т.е. источником его жизни служит материнский комплекс, его связь с коллективным бессознательным, а внутри него самого отсутствует собствен-

ная жизнеспособность. Он в чем-то похож на паразита, обитающего на дереве.

Эта проблема весьма серьезна и заслуживает особого рассмотрения. Есть случаи, когда молодые люди связаны с матерью настолько, что нарушение связи с материнским комплексом может привести их к гибели. Иными словами, они могут выжить только благодаря паразитической связи с материнским деревом. Если их поместить на землю как независимую систему жизни, как плод этого дерева, они не смогут выжить вследствие недостатка жизненной силы, они не способны стать независимой индивидуальностью. Это говорит о том, что к решению проблемы следует подходить без предубеждения. Если молодой мужчина ухаживает за женщиной старше себя, многие люди говорят, что он просто ищет себе мать, поэтому его следует окунуть в жизнь и т.п. Однако никогда не следует потакать общему мнению, основанному на здравом смысле – такая позиция оказывается губительной. Вместо этого нужно отслеживать сновидения и другой материал бессознательного, так как только анализ может показать, возможен ли процесс отделения от материнского дерева или нет. Если нет, процесс отделения может привести к гибели человека.

Образ юноши, подвешенного на дереве, неоднозначен. Можно дать позитивную интерпретацию сновидения, утверждая, что дерево является символом жизни: оно укоренено, растет и занимает свое место на земле. В таком случае мы можем сказать, что в результате столкновения с Тенью молодой человек получает побуждение укорениться, найти свое место в жизни, начать собственное становление и личностный рост. Но если интерпретировать сон негативно, с точки зрения материнского символа, тогда дерево становится гробом и воплощением смерти, и можно говорить о том, что столкновение с Тенью отбрасывает молодого человека обратно, к символу матери-смерти. Он возвращается к истокам жизни, к матери, другими словами, к смерти.

Вместе с тем *пуэр* в какой-то мере противопоставлен дереву, так как он представляет собой существо парящее и странствующее. Он всегда отказывается быть в настоящем времени и бороться за жизнь здесь-и-сейчас, именно поэтому он избегает вступать в близкую связь с женщинами. Женщина для мужчины воплощает связь с землей, в особенности в том случае, когда она хочет иметь детей; для *пуэра* же семья навсегда олицетворяет связь с землей. Для порхающей птички – *пуэра* женщина символически

воплощает дерево. Принимая эту сторону жизни, он принимает именно такую жизненную ситуацию, которую он постоянно старается избегать, поэтому символ дерева ясно показывает, что будучи связанным какими-либо узами, *пуэр* навсегда теряет свободу и возможность странствовать. *Puer aeternus* и символ дерева тесно связаны между собой. Дерево его останавливает и привязывает к земле: либо к гробу, либо к реальной жизни.

В тот день, когда я встретила молодого человека, о котором говорила, он в основном рассказывал мне о своей внешней жизни, причем очень поверхностно, не обозначив связи ее с бессознательным. В середине нашего разговора он отметил, что однажды, будучи в каком-то городе на родине, он заметил, что у него вдруг исчезли все болезненные симптомы. Он жаловался на свой страх по ночам, на свою «полицейскую» и «пограничную» фобии, на свою нестерпимую жизнь в силу этих причин; но когда он оставался в том месте, где он не испытывал этих симптомов, он переставал мастурбировать, его страх попасть в тюрьму исчезал, пропадал и страх перед полицией. Затем он печально посмотрел на меня и сказал, что через три месяца все это начнется снова, возможно, будет даже хуже. Я ответила, что нам следует сконцентрировать свое внимание на этих трех неделях, потому что всегда очень интересно, когда у человека временно пропадают симптомы, так как это значит, что на короткое время он оказывается в ситуации, когда его жизнь идет нормально, а это очень важно. Поэтому я его спросила, чем он занимался в то время, когда не испытывал страха. Кажется, он сказал об оздоравливающем воздействии этого города и его атмосферы, но затем выяснилось, что он проводил там время с девушкой, а затем, спустя три недели, бросил ее и отправился куда-то еще. Я его спросила, не кажется ли это ему странным и не видит ли он какой-то связи между своей жизнью с этой девушкой и исчезновением симптомов. Такая мысль никогда не приходила ему в голову. Я спросила его, почему он ее бросил, он ответил, что просто взял и ушел. Задав ему еще несколько вопросов, я узнала от него все то, о чем рассказывала вам раньше.

Он знал эту девушку с детства. Она была дочерью богатого соседа, и он всегда ею восхищался со стороны. Она была интровертом, держала себя неприступно и с большим достоинством, и он всегда относился к ней как к красивой девушке, вызывающей его восхищение, которой он никогда не сможет добиться. Когда ему было чуть больше двадцати лет, он подружился с очень силь-

ным мужчиной маскулинного типа – скульптором, который чем-то был похож на мужчину из ночного кошмара. Они часто общались и однажды в мастерской заговорили об этой девушке и о возможности ее соблазнить. Скульптор, будучи донжуаном, выразил твердую уверенность в том, что ему удастся это сделать – зная, как действовать, можно соблазнить любую женщину. Однако молодой человек сказал, что в данном случае это невозможно, и немного выпив, они решили поспорить, получатся у них или нет. Тогда мой знакомый устроил у скульптора вечеринку, пригласил девушку и тем самым помог тому реализовать свой план. Таким образом, бедная девушка попала в западню, и скульптору удалось провести с ней ночь. Каким-то образом девушка бессознательно почувствовала, что стала жертвой интриги, поняла, что скульптор ее не любит, и все это представляет собой холодный, расчетливый и коварный замысел. После этой ночи она в ужасе убежала от скульптора и стала избегать общения с обоими мужчинами.

После того как скульптор добился успеха и провел ночь с девушкой, молодой человек испытал сильное потрясение не только потому, что проиграл спор. Он не знал, почему с ним произошло такое сильное потрясение и не слишком об этом задумывался. Он никогда не пытался общаться с девушкой, пока вдруг не встретил ее в том самом городе, где прожил с ней три недели. Именно в этот период времени исчезли его симптомы, которые вернулись сразу, как только он ее оставил.

В процессе разговора стало ясно, что на самом деле именно ему нравилась эта девушка, но у него не было ни мужества, ни энергии к ней подступить, поэтому он и заставил своего Теневого друга сделать то, чего сам сделать не мог. В данном случае проекция сыграла такую большую роль, что он даже не понял, что если его Теновой друг добьется у девушки успеха, тогда ему самому ничего не достанется! Под влиянием спора и выпитого алкоголя он настолько идентифицировал себя со своим другом-скульптором, что у него появилось представление, словно он сам овладел этой девушкой. Затем, когда после своей победы скульптор-триумфатор хвастал «трофеем», до молодого человека дошло, что он здесь абсолютно не при чем, что победу одержал другой, а он заставил его прожить жизнь собственной отчужденной Тени. Для меня именно это обстоятельство стало объяснением потрясения, которое он испытал.

Затем – и вновь плавание по бессознательному – он снова вступил в отношения с девушкой, и его симптомы исчезли, но он по-прежнему не задумывался о том, что это значит. Мне казалось, что эта девушка играет очень важную роль в его жизни, поскольку с ней он чувствовал себя счастливым. Но когда я предположила это, он счел меня сводницей и ведьмой. Следовательно, мне пришлось отступить и сказать, что я не хочу толкать его к отношениям с ней, но, на мой взгляд, было бы неплохо, если бы он снова подумал о ней и, быть может, вступил с ней в контакт или попытался подумать о том, как возобновить с ней отношения. Но даже этот очень аккуратный совет вызвал у него такой гнев, что он ушел от меня. Он мне написал, что эта часть нашей беседы стала одной из причин, по которой он решил прекратить общение со мной. К тому же у него не было денег.

Он вернулся в свою студию и решил, что не было никакого смысла встречаться со мной и тратить на это столько средств. Но спустя две недели он подумал, что, возможно, в моем предложении было что-то разумное, и решил, что мог бы написать своей подруге письмо и пригласить ее встретиться – ничего больше. В то время она жила в другом городе. Вечером он написал письмо, но не отправил его, так как хотел еще подумать.

Когда он на следующее утро открыл свой почтовый ящик, в нем оказалось письмо от девушки! Она никогда не проявляла инициативы в отношениях, поэтому ее письмо чрезвычайно поразило его, ведь накануне он решил ей написать, хотя и не отправил письма. И вот, на следующее утро он получил письмо от нее. Оба в своих посланиях предлагали одно и то же: им надо бы встретиться еще раз, а поскольку на следующей неделе праздник, то было бы вполне разумно провести его вместе. Вот вам типичное проявление синхронии. Разумеется, он ничего не знал о явлении синхронии, [описываемом Юнгом], но тем не менее, воздействие было очень убедительным. Тогда он подумал, что, наверное, я была не так уж не права. После этого он меня простил и обо всем этом написал. Он никогда снова не вступил бы со мной в контакт, если бы не это синхронное явление, ведь он испытывал отвращение к тому, что я ему сказала.

Летним днем он встретился с подругой, и они отправились кататься на велосипедах. Остановившись на опушке леса, они легли отдохнуть на траву. Его голова лежала на ее плече, он задремал, и ему приснился следующий длинный архетипический сон:

Он стоит на краю утеса. (В письме он нарисовал, как стоит на краю утеса и смотрит на долину, которая открывается внизу, — это изображение очень похоже на вид Большого Каньона с равнинами по обеим его сторонам). Он смотрел вниз: по обеим сторонам долины — горные отроги, располагающиеся уступами; на дне долины — небеса с небосклоном и звездами. Он медленно падал вниз по направлению к этой долине, совершая ногами круговые движения, словно ехал на велосипеде, чтобы еще больше замедлить и без того медленный спуск и сохранить равновесие. Напомним, что наяву он катился на велосипеде, поэтому отчасти этот сон является реакцией на физический стимул, но сон имеет и более глубокий смысл. Во сне он чувствовал тоску и немного боялся того, что происходит, но все же сохранял контроль над ситуацией. Его не покидало ощущение, что рядом с ним кто-то есть, но очертания фигуры были очень размытыми, вполне возможно, что это могла быть собака. Вдруг внизу произошел какой-то взрыв, и из-под земли вырвалось очень яркое световое пятно. Пятно было однородным, и у него появилось ощущение, что оно его поглощает, но при этом он по-прежнему продолжал падать вниз. Затем сон изменился: все исчезает, и он видит под собой уже не небосклон, а четырехугольник, похожий на части земного ландшафта, который можно наблюдать через иллюминатор самолета. Вокруг нет ни одного дерева. Затем сон снова меняется, и он видит тот же ландшафт. На дне долины располагается водоем, вода в котором не проточная, а стоячая. Она грязная и серая, от нее не отражается свет. Молодой человек просыпается и говорит себе: «Я не боюсь, но эта вода символизирует мать, и я не хочу в нее упасть». (Он когда-то проходил фрейдистский анализ и знал про свой материнский комплекс, но только в узком, фрейдистском понимании этого термина). «Этот водоем, как слой льда на дне долины, не отражает свет». (Он дважды повторил эту фразу). Он немного испугался. Вдруг в долине вновь появилась вспышка света. Свет казался заполняющим все пространство, но его границы были несколько размытыми. Он лопнул, как мыльный пузырь, и в световом пятне сновидец увидел череп и подумал про себя: «Как смешно! Что в данном случае означает смерть? Что она значит здесь?» Нельзя сказать, что он очень испугался, он просто продолжал падать на такое же пятно (что значит, что он падает и вместе с тем не падает — это парадокс сновидения). Затем все исчезает, и на дне долины появляется пол, покрытый линолеумом — желтый с ко-

ричевыми пятнами. (Сначала это был небосклон с яркими звездами, а теперь желтый линолеум с коричневыми пятнами.) Ландшафт полностью утратил свои гигантские размеры, и он себя спросил, почему этот кусок линолеума находится на поверхности долины? (Это действительно сюрреалистическая картина). Он мог видеть ее очень ясно. Вид линолеума вызвал у него смех.

Затем в своем письме он добавил, что ему не нравится линолеум, он считает этот материал холодным и неэстетичным. Ему было очень трудно связать линолеум какими-то ассоциациями. Я не могла использовать те из них, которые шли не от него, поэтому приходилось комментрировать те, о которых он рассказывает в своих достаточно поверхностных письмах. Это все, что он сказал о линолеуме.

Сновидение в скрытой форме демонстрирует драму *puer aeternus*, вынужденного спуститься вниз, в жизнь. Как правило, если в снах появляется ландшафт, особенно если он имеет много подробностей или связан с любовными чувствами, как в данном случае, то его можно назвать ландшафтом души. Он отражает тот аспект романтического периода, в котором ландшафт впитывает в себя разные состояния души художника – будь то гроза, тихий вечер или темная лесная чаща, таящая в себе опасность. Эти типичные пейзажи привлекают человека и в какой-то мере отражают то или иное его настроение или передают атмосферу его психологического состояния, настроения. Следовательно, если в сновидении присутствует подробная картина ландшафта или пейзажа, ее всегда можно рассматривать как описание психологического состояния.

В данном случае, как и в сновидении с горной вершиной, молодой человек находится на краю пропасти, рядом со смертью. В ситуации, в которой он оказался сейчас, он не мог идти дальше, а потому на очень короткое время «приземлился» по соседству – словно птица, которая присела на ветку дерева, а затем полетела дальше. Он чувствовал, что летит к своему концу и не мог продолжать так лететь дальше. В его психике присутствовало расщепление, которое было очень глубоким. Но с клинической точки зрения мне было важно отметить, что его ландшафт нельзя было назвать типичным для шизофреника. В ландшафтах шизофреников бывает несколько трещин или ущелий: всюду проходят каньоны, указывающие на распад поля осознанной реальности. В какой-то мере случай этого молодого человека нельзя назвать и психотическим,

поскольку в его сновидении оказалось только одно ущелье – поверхность земли не распалась на части. Я часто сталкивалась с таким типом расщепления при неврозах навязчивости, которые рассматриваются как пограничные состояния между неврозом и психозом. В таких случаях расщепление является очень глубоким, но при этом – одним-единственным; естественно, в таких случаях есть гораздо больше надежды на излечение, так как проблема, с которой надо работать, всего одна.

В данном случае можно сказать, что за «пограничной» фобией моего знакомого стоит одна большая проблема, но общая психическая структура пока остается целостной и еще не распалась на части.

Я не дала никаких комментариев в отношении символического значения фобий юноши, так как считаю их очевидными: полицейский, сажающий его в тюрьму и границы, [которые необходимо преодолеть]. Пересечение границы другого государства вызывало у него проекцию о том, что он вот-вот попадет в «ущелье» собственной психики. «Тюремная» фобия также однозначна. Молодой человек похож на птицу: никогда не привязан к земле, никогда не сохраняет постоянства ни в отношениях с конкретной девушкой, ни в своей профессии, ни в чем-либо другом. Он даже не может оставаться все время в городе, а бродит вокруг него с палаткой. Поэтому, с одной стороны, тюрьма для него является негативным символом материнского комплекса, во власти которого он фактически все время находится. С другой стороны, тюрьма, а именно, тюрьма реальности – это то, что он всегда ожидает, то, куда ему необходимо попасть. Но, стремясь избежать тюрьмы реальности, он оказывается заключенным материнского комплекса. Куда бы он ни направился, он в любом случае окажется в тюрьме. Однако у него есть выбор, где оказаться заключенным – либо в тюрьме собственного невроза, либо в тюрьме реальности. Вот так он и оказывается между молотом и наковальней. Такова его судьба, и вместе с тем это судьба мужчины, страдающего комплексом *puer aeternus*. Все зависит от того, что же он предпочтет: остаться во власти материнского комплекса и своего невроза или жить «просто так» в земной реальности.

Итак, мой молодой пациент [во сне] оказался в ситуации конфронтации со своим внутренним расщеплением. Он медленно совершает ногами движения, словно крутит педали воображаемого велосипеда, чтобы замедлить скорость падения. Здесь вполне

возможна и сексуальная интерпретация, но воздействие физического стимула очевидно, поскольку перед тем, как заснуть, он несколько часов ехал на велосипеде. Кроме того, есть некий позитивный смысл в том, что движение продолжается: он не просто пассивно погружается в ситуацию, а сам способствует продолжению движения, и таким образом его падение замедляется. Это очень важно, ведь когда человек подвержен внутреннему расщеплению, – депрессии или какому-то внутреннему стрессу – опасность становится меньше в том случае, если эго-комплекс способен сохранять какую-либо деятельность и может продолжать движение. Такое очень часто может случаться с людьми, подверженными приступу психоза. Одна из последних попыток спастись от недуга (а мне пришлось несколько раз с этим сталкиваться) заключалась в том, что они пытались лихорадочно записать все свои фантазии. Они писали сутки напролет, пока не выходили из болезненного состояния. Это кажется диким, но в действительности люди предпринимали последнюю попытку сохранить какую-то деятельность, поддерживаемую эго-комплексом, стараясь сделать что-то с потоком бессознательного материала, обозначив его и выразив на бумаге. Эго-комплекс тонет, сохраняя вместе с тем инстинктивную потребность бороться и двигаться. Если этому процессу можно оказать поддержку, появляется возможность пережить опасный момент. До тех пор, пока Эго будет сохранять хоть какую-то инициативу, оно полностью не утонет и не превратится в инертное в бессознательном.

Если связать это с реальной ситуацией, вся суть такого движения заключается в велосипедной прогулке молодого человека с девушкой. Не став ждать, пока он станет жертвой злого рока, юноша впервые самостоятельно пошел навстречу этим отношениям с девушкой и проявил инициативу в том, чтобы возобновить связь на более чувственном уровне; именно такое движение помогло ему не упасть в расщелину. Можно заметить: излагая содержание сна, он продолжал повторять, что не боится, или что только чуть-чуть испугался. Такая настойчивость означает, что *люди боятся*, и сам факт, что они утверждают прямо противоположное, свидетельствует об их невероятном страхе падения в пропасть, а также о том, что путем самовнушения они пытаются избавиться от этого страха.

В этом сне наблюдается серьезное улучшение по сравнению с другим сном, в котором его бросают в ущелье две Теневые фи-

гуры, а он спасается волей случая. На этот раз он в какой-то мере движется сам, и это движение замедляет падение. Хорошо видно, насколько важно слишком резко не выталкивать в реальность мужчину, оказавшегося во власти этой конstellляции, так как это может привести к тому, что Тень станет сталкивать Эго в пропасть. Так самолет, у которого кончается топливо, должен снижаться медленно и постепенно, чтобы не допустить крушения. В таких ситуациях возникает существенная сложность: с одной стороны, необходимо помочь *пуэру* приблизиться к реальному миру, с другой – настойчивость и давление в этом случае грозят катастрофой. [Описанное мной] сновидение дает очень точную и верную картину того, как человек может падать медленно, словно парашютист. Вместе с тем, сон демонстрирует, что расщепление психики пациента столь серьезно, что требует очень осторожного обращения.

Авиакатастрофа в данном случае означало бы то же самое, о чем я говорила в связи с молодым человеком, заболевшем полиомиелитом, или о юноше, арестованном за мошенничество. Такая же катастрофа может произойти с человеком во внутреннем, а не во внешнем мире. Тогда вместо того, чтобы оставаться блестящим *пуэром*, человек вдруг превращается в циничного, разочарованного старика. Блеск превращается в цинизм, а мужчина становится слишком старым для своего возраста и уже больше ни во что не верит и ни к чему не проявляет интереса. Он полностью и навсегда лишается всяких иллюзий и фантазий, следовательно, утрачивает все свои творческие возможности, весь свой *élan vital*⁵⁸ и всю связь с духовностью. Тогда деньги и конкуренция с коллегами становятся для него приоритетом, а все остальное проходит вместе с юношеской романтикой. У таких людей очень часто можно заметить озлобленное выражение лица. Следующий сон может послужить очень хорошей иллюстрацией того, о чем я говорю.

Очень романтичный молодой человек, дон-жуан, имевший позитивный материнский комплекс, женился и добился определенного уровня профессионализма. К сожалению, он решил вернуться вместе с женой и детьми в тот город, где жили его родители. Естественно, между невесткой и родителями мужа стали возникать ссоры. У мужчины были хорошие сексуальные отношения с женой, но их эмоциональную связь нельзя было назвать очень

⁵⁸ Букв. «жизненный порыв» (франц).

тесной; по существу, он совсем не знал свою жену. Он сохранил глубокие иллюзии по отношению к матери, которую вследствие своего позитивного материнского комплекса слишком идеализировал, как, впрочем, и свою жену. Попав в ситуацию, когда две женщины оказались в состоянии конфликта, он ничем не смог помочь; его очень разочаровало поведение ссорившихся женщин – ложь, злословие и аффективные взрывы; они обе перетягивали его на свою сторону и говорили ему гадости друг о друге – обычное средство, которое в таких ситуациях используют женщины. Он в буквальном смысле спустился с небес на землю и полностью закрыл на все глаза: он целиком погрузился в работу и изво всех сил старался не обращать внимания на «дерущихся кошек», которые превратили его жизнь в ад. Вместо того, чтобы время от времени прикрикнуть то на одну, то на другую, ему едва удавалось отстаивать самого себя. Когда я встретила его снова, то была совершенно потрясена произошедшей с ним переменой. Это был расстроенный, бледный мужчина, лицо которого выражало глубокое разочарование. Я спросила его, как идут дела у него на работе; он ответил, что на работе все хорошо, что ему пришлось много трудиться, и рассказал мне об этом целую историю. На уровне сознания он не чувствовал разочарования. Он считал, что такова жизнь, и ему практически удастся справляться с ситуацией, но при этом он совершенно не осознавал своего эмоционального потрясения. Затем он рассказал мне свой сон, явно архетипический.

Он приезжает в странный город, где живет принц, который полюбил очень красивую женщину. Та стала кинозвездой и бросила его, и тогда он вступил в любовную связь с другой женщиной. Но очень сомнительно, что он так же сильно любит эту женщину, похоже, он по-прежнему обожает кинозвезду. На прощание принц дарит ей драгоценный камень, сделанный специально для нее, – огромный бриллиант в форме слезы. Затем сновидец вдруг оказывается на улице этого странного города и видит принца, уходящего с другой женщиной. Принц ее обнимает. На улице поток машин, и сновидец думает о том, как эта пара станет переходить улицу, но они пересекают ее без проблем, а затем попадают в городские трущобы и заходят в какой-то темный двор. После этого он видит, как с крыши соседнего дома прыгает какой-то человек с намерением напасть на принца. Но затем сновидение прекращается, и сновидец видит себя лежащим на тротуаре в неудобной позе, избитым, но не мертвым; он думает о том, находит-

ся ли поблизости напавший на него человек, и кого можно позвать на помощь.

Можно заметить, что в этом сновидении архетипом *puer aeternus* является принц, которому сновидец больше не идентичен. Идентификация мужчины с принцем нарушается, а потому он больше не является *puer aeternus*, и теперь его автономным внутренним образом является принц. Можно сказать, что десять лет назад он сам был принцем, типичным *пуэром*, а теперь вступил в реальный мир. Он перестал идентифицировать себя с этим архетипом, и его образ, ранее представлявший собой смесь инфантильной Тени и Самости, становится чистым символом Самости. Приведенная им ассоциация заключалась в том, что принц полюбил прекрасную женщину, которая теперь стала кинозвездой и нашла свое выражение в чистой экстраверсии. Такой тип развития можно считать нормальным, а именно: одна часть Анимы побуждает мужчину жить внешней жизнью, заставляя его жениться, делать карьеру, быть вовлеченным во внешний мир, создать семью, найти квартиру и т.д. Другими словами, он становится очарованным частью собственной личности, стремящейся жить. Все складывается нормально, но у него внутри остается образ романтического принца, который не вовлекается в эту часть жизни. Поэтому принц выбирает другую женщину, а это значит, что теперь устанавливает связь с Самостью уже другая часть его Анимы – возможно, теперь уже не экзогамный, а эндогамный ее аспект.

Часто у юношей в процессе развития Анимы уже в школе есть подруга, которую они обожают, но на которой они не могут жениться, потому что еще не достигли возраста, позволяющего вступить в брак. Впоследствии, однако, они женятся на женщине совсем другого типа. Затем, в процессе жизни, возможно, между сорока и пятьюдесятью годами, этот чарующий образ Анимы часто возвращается, выполняя, как правило, символическую функцию внутренней связи с Самостью. Этот аспект Анимы играет ту же роль, которую для Данте играла Беатриче, а именно, роль проводника к внутренней маскулинности, тогда как другой аспект Анимы побуждает мужчину к браку и внешней жизни. Поэтому можно сказать, что подобный брак является экзогамным, он обычно обуславливает вовлеченность во внешнюю жизнь, а эндогамный аспект этого образа остается во внутреннем мире личности мужчины и впоследствии становится проводником к развитию внутренней жизни и ее осознанию. Новая невеста моего разочаро-

ванного пациента могла бы стать этим экзогамным аспектом жизни, но она еще не поддается описанию, а потому остается ему неясной, и он не может уловить, что она значит.

Принц дарит кинозвезде бриллиант в форме слезы, что явно свидетельствует о печали, связанной с расставанием, а также указывает на то, что она все еще сохраняет для него высокую ценность, и расставание с ней является для него тяжелым ударом. Если бы она его не бросила, то, вероятно, он продолжал бы за нее цепляться. Хотя внешне у этого мужчины не было заметно ни глубокой грусти, ни горького разочарования, он осознал всю глубину своего разочарования жизнью в прошлом. Он ощущает предательство, связанное с тем, что теперь ему приходится быть вовлеченным в обыденную, «слишком» человеческую, земную жизнь. В какой-то мере принц, находящийся у него внутри, все еще тоскует по утраченному *elan vital*, увлекшему его во внешнюю жизнь и теперь иссякнувшему. Соединяясь с этой новой формой Анимы, которая обернулась к внешнему развитию, он должен пересекать дорогу, лавируя между множеством машин.

В нашей цивилизации у нас до сих пор сохраняется мнение, одобряющее молодого человека покинуть родительскую семью, чтобы создать свою собственную. В данном случае мать сопротивляется этому, но такое развитие одобряется коллективной установкой. Но когда мужчина обращается к своей внутренней жизни, темп внешней жизни работает против него. Жизнь требует: если мужчина создал семью, он должен продолжать делать карьеру, зарабатывать больше денег, добиваться более высокого социального статуса, стремиться стать начальником, потом самым главным боссом. Но в случае, о котором я рассказывала, мужчина средних лет должен от всего этого отказаться и обратиться к иной сфере своей жизни. Однако эта потребность мужчины не получает поддержки: он чувствует угрожающе высокий темп и требования внешней жизни. По существу, мужчина оказывается в ситуации, когда он переработал. Он очень успешен, но, несмотря на несомненную успешность своей жизни, ему достаточно сложно увидеть раздраженное лицо пожилого человека – свое собственное.

Принц не погибает под колесами автомобилей, символизирующих работу, которой сновидец перегружен. Принц проявляет мужество и уходит в темноту городских трущоб, т.е. углубляется в чувство собственной неполноценности и человеческого страда-

ния. Он идет навстречу своей подчиненной функции, к нищете и упадку, туда, где питаются отбросами бездомные псы, орут коты и сплетничают женщины. Городские трущобы служат воплощением скрытой жизни большого города – прекрасный образ игнорируемого бессознательного.

Словно в сказке, принц должен войти в темную сторону жизни, и тут же на архетипического принца нападает Тень-грабитель. Это указывает на опасное состояние психики сновидца, опасность, которая возникнет, если он цинично откажется от тайного стремления к осмысленной жизни. По существу, он уже начал это делать. Цинизм нападает на принца, живущего в нем, и ему грозит опасность отказаться от поиска внутренних идеалов, или внутренней истины, или того, что когда-то он считал целью и смыслом своей жизни.

Затем неожиданно сновидец оказывается в образе самого принца, беспомощно лежащего на земле. Я сказала пациенту, что, видимо, он сильно подавлен и ослаблен. В течение пяти минут он мне ничего не мог ответить – настолько велико было его удивление моим заключением. Но я сказала: «Хорошо, вы лежите на земле, сбитый с ног ситуацией, в которой вы оказались, и не знаете, что делать. Вы чувствуете себя беспомощным. Для вас лучше бы принять это состояние и попытаться исправить ситуацию. Вы можете позвать людей на помощь или найти людей, которые вас поднимут или помогут». Мои слова нашли отклик, и он это почувствовал. Сновидение действительно хотело, чтобы мужчина сначала осознал, что ничего не изменится, пока он не увидит, как сильно он разочарован жизнью и в какой глубокой депрессии он оказался.

Такова типичная ситуация, в которой пребывают люди среднего возраста. Характерна она и для *пуэра*, который, успешно избавившись от невроза *puer aeternus*, сталкивается с другого рода сложной проблемой. Так бывает всегда: стоит вам решить одну проблему и почувствовать, что что-то сделали – ждите! На очереди уже стоит следующая проблема.

Итак, мой пациент не смог вспомнить события более чем двухлетней давности, потому что бессознательное не позволило ему совершить полный оборот круга [памяти]. Он оценил события по-новому и поступил с точностью до наоборот. Мужчина был очень раздражен, услышав мою интерпретацию событий, но во всяком случае, ситуация для него прояснилась.

В описываемом сне мы также видим опасность упасть и разбиться. При этом, если вам удалось упасть, это не значит, что в вашей истории наступил счастливый финал, ведь вам надо снова встать. Падение – только одна сторона жизненного ритма. Сначала искра славы подобна звезде, падающей с небес на землю, в грязь. Однако затем звезда должна возродиться из грязи.

Теперь мы перейдем к необычной теме другого сновидения молодого человека – к звездам под ногами. Однако эту сложную тему я предпочла бы обсудить в следующий раз. Сейчас же вы можете отнести к ней как к архаичным представлениям о земле-плоскости, а не земле-сфере. Когда-то считали, что земля похожа на блин или на какой-то другой плоский предмет круглой формы, и поэтому в расщелинах земной поверхности можно увидеть звезды под ногами. Сновидение приводит нас к выводу о том, что мир сновидца – плоский, иными словами, реальность кажется ему не сферической, а плоской, что действительно так. В его психике не существует ни математических измерений, ни полярностей, что подтверждается его поведением в различных жизненных ситуациях и в отношениях с девушками, которые он строит и разрывает, не желая о них задуматься. Естественно, что в жизни этого мужчины не хватает любого рода конфликта или полярности – его жизнь ровная и плоская.

Лекция 7

На прошлой лекции мы остановились на основной идее сновидения, заключающейся в том, что сновидец видит звезды под ногами. Он смотрит вниз на долину и видит, что она преобразилась, но прежде всего он обращает внимание на появившиеся в долине звезды. Я отметила, что мир сознания сновидца не сферический, а плоский. В качестве примера синхронии могу сказать, что на днях я прочитала в газетах сообщение члена парламента о том, что в Англии живут люди, до сих пор полагающие, что земля плоская. Член парламента сообщает, что получил письмо, сообщающее о существовании особого Клуба. Его участники, двадцать четыре человека, искренне полагают, что наш мир плоский! Фотография в газете подтверждает, что в представлениях этих людей земля действительно плоская. Мир моего пациента такой же формы. Иными словами, его личность не сферична, поле его сознания подобно тонкому слою льда над пропастью коллективного бессознательного. Он не создал внутри себя никакой прочной реальности. Эту картину также можно назвать иллюстрацией слабости Эго. В центре его плоского мира существует глубокая расщелина, глядя в которую он видит находящиеся под ногами звезды, как если бы он смотрел сквозь земную твердь.

Существует известное алхимическое изречение:

Небеса наверху
Небеса внизу
Звезды наверху
Звезды внизу.

Все, что наверху,
То и внизу.
Возьми это
И возрадуйся.⁵⁹

⁵⁹ Русский текст цит. по: Юнг К.-Г. Психология переноса. Интерпретация на основе алхимических изображений. Пар. 384. см также: Jung C.G. The Practice of Psychotherapy. CW vol. 16. par. 384.

Я сразу же вспомнила эту старую алхимическую поговорку, происхождение которой мы не знаем. Мы знаем только, что она заимствована из древних герметических рукописей, но нам необходимо понять значение этого текста. Как правило, звезды интерпретируют как архетипы коллективного бессознательного, как ядро на темном небосклоне психики. Мы считаем их источниками света, отдельными световыми точками, и обычно их называют богами, вкладывая в это понятие архетипическое содержание. Таков, например, Саваоф⁶⁰ – хозяин небесных сил, предводитель небесной армии. Небесное войско – это звезды, и Бог ими управляет. Затем звезды стали считать разными богами, их небесный порядок отражал скрытую структуру коллективного бессознательного. В мифологии также существуют мотивы множества глаз и множества звезд. Например, змей Аргус был многоглазым, а иногда образы мифологических чудовищ также проецировались на звездное небо.

Считалось, что Зодиак представляет собой огромного змея, пожирающего собственный хвост – Уробороса⁶¹, изображавшегося в чешуе, покрытой звездами. В трактатах гностиков на древнем рисунке Уроборос представлен в виде черной кусающей собственный хвост змеи с головой, усыпанной звездами. Так рисунок иллюстрировал двойную природу бессознательной целостности, совмещающей в себе как низкий (греховный, темный) аспект, так и возвышенный (светлый) аспект [бессознательного], который воплощали звезды. Точно такое же изображение можно найти в алхимическом трактате о так называемых «Законах Меркурия», где содержатся рисунки, представляющие «целое в едином».

Хвост Уробороса – это физически воплощенный и таящий опасность символ конца; именно в хвосте Уробороса, в отличие от настоящей змеи, накапливается яд. Голова мифического змея –

⁶⁰ Саваоф (Цебаот, др.-евр.) – одно из имен бога в иудаистической и христианской традициях. В библейских пророческих книгах встречается в сочетании «Господь воинств», «Пантократор», «Вседержитель». Под «воинством» Саваофа подразумеваются солнце, луна и звезды, «все воинство небесное» (Втор. 4, 19), выступающие стройно и послушные «уставам неба» (Иов 38, 32–33).

⁶¹ Уроборос (греч., букв. «пожирающий [свой] хвост») – мифологический мировой змей, обвивающий кольцом Землю, ухватив себя за хвост. Считался символом постоянного возрождения, одним из первых символов бесконечности в истории человечества. Также было распространено его изображение не в виде кольца, но в виде «восьмерки». Подробнее – см., напр. Керлот Х.Э. Словарь символов. Мифология. Магия. Психоанализ. М.: REFL-book, 1994 – с. 533.

светлый, духовный аспект. Это изображение проецировалось и на небо, поскольку Уроборос всегда появлялся на границе человеческого познания. Например, в эпоху античности считали, что небосклон представляет собой огромного змея – Уробороса, на теле которого располагались знаки Зодиака. В представлениях о мире как о плоскости, океан окружает землю, образуя такую же форму, как и свернувшаяся в кольцо змея, кусающая собственный хвост. На старинных картах [«плоского» мира] Уроборос изображал самый дальний внешний круг земли; когда человек желал достичь границ своего сознания, он должен был мысленно представить себе Уробороса. Как только он приближался к отметке неизвестности, ему являлось изображение змеи, усыпанной звездами. Вы видите, в какой мере мотив звезд связан с бессознательным, особенно с коллективным бессознательным.

Так что же говорят алхимики?

Небеса наверху
Небеса внизу.
Звезды наверху
Звезды внизу.
Все, что наверху,
То и внизу.
Возьми это
И возрадуйся.

При наивном толковании этого изречения мы увидим, что оно, по-видимому, связано с двойным аспектом коллективного бессознательного, находящегося над нами и под нами, словно окружающего нас в двух различных ипостасях. Сколько раз при анализе мифологического материала и толковании сновидений люди совершают ошибку, называя сознанием то, что находится сверху, а бессознательным (*Urbewusstsein* – подсознательным) – то, что находится снизу, тем самым подразумевая, что вверху находится сознание! Если в сновидении человек спускается вниз, говорят, что он погружается в бессознательное, а если поднимается вверх, то утверждают, что уровень его сознания повышается. Это поверхностные выводы, бессмысленные заблуждения.

Если посмотреть на мифологическую карту мира, то можно увидеть над собой таинственный мир, недостижимый для человека, обитель богов. На горе Олимп боги жили как вверху, так и

внизу. У шумеров и в Вавилоне существовал миф о человеке, попытавшемся взобраться на небо вместе с орлами; он не смог преодолеть определенный предел и, наказанный богами, упал на землю. С такими же трудностями мифологический герой сталкивается, пытаясь добраться до богов, живущих внизу.

Итак, если быть объективными, нам следует допустить, что и над нами, и под нами существует область бессознательного. Это двойственность также свойственна в толковании символа дома: подвал часто служит воплощением особой области бессознательного – сферы влечений и инстинктов. Разные люди часто видят сновидения, свидетельствующие, что в подвале дома хранится уголь и огонь, там живут ужасные чудовища, иногда через подпол в дом проникают грабители. Однако то же самое происходит и на чердаке. Например, сумасшедший, одержимый бессознательным, рассказывает, что «в башне живут летучие мыши», летучие мыши также обитают и на чердаке. Под потолком, над нашей головой духи бряцают цепями. Поэтому темный, затянутый паутиной чердак под крышей дома так же, как и подвал, относится к области бессознательного; попадая туда, мы почти сходим с ума. Людям часто снятся воров, спускающиеся в дом по крыше, или демоны, которые, усевшись наверху, снимают с дома черепицу и т.д.

Таким образом, нам следует рассматривать верх и низ с разных точек зрения и понять, существует ли качественная разница между различными типами бессознательного – в тех случаях, когда оно представляет собой высшие структуры и в тех, когда оно воплощает низшие силы. Конечно, есть и исключения, но, как правило, верх ассоциируется с мужским началом: упорядоченностью, светом, а иногда и духовностью, а низ – с женской природой: плодородием, темнотой (но не злом, в изначальных мифологических противоположностях не существовало моральной оценки), а также с хаосом и животным миром. Высшая сфера связана с птицами и ангелами – с крылатыми существами духовного мира. Например, если во сне какой-либо образ возникает внизу, то можно ожидать его проявления на эмоциональном уровне или в качестве физического симптома, например, бессонницы, аффективного расстройства симпатической нервной системы и т.п. Довольно часто этот образ воплощается в качестве явлений синхронии, которые материализуются во внешнем мире.

Если же вторжения бессознательного происходят сверху, они принимают вид увлеченности идеей или даже одержимости, на-

пример, идеей коммунизма или фашизма. Такое «верхнее» бессознательное проникает в психику в виде архетипической идеи. Если она считается позитивной, мы говорим, что человека посетил святой дух; если же идея негативна, то она имеет отношение к крылатым демонам, летучим мышам в башне и другим неприятным летающим тварям. Как разрушительные, так и созидательные идеи такого рода обладают мощной коллективной энергией. Активные образы [сновидений], как правило, относятся к «верхнему» аспекту бессознательного, а эмоциональные, инстинктивные импульсы – к его «нижнему» уровню.

Есть, однако, и исключения. Например, в египетской мифологии, эти же самые аспекты имеют обратный смысл. Так, в сексуальной символике [у древних египтян] феминное начало воплощали небеса (верх), а маскулинность была заключена в земле (низ). Возможно, это связано с существовавшей у египтян «обратной» концепцией жизни, согласно которой основной смысл жизнь приобретает после смерти, тогда как земное существование имеет очень незначительную ценность. Например, строительство поражающих воображение пирамид непосредственно связано с жизнью после смерти – при том, что вплоть до конца эпохи синкретизма в Египте не было ни одного более-менее пригодного для проживания дома, за исключением дворца фараона. Для египтян идеи являлись конкретными и реальными, тогда как формы реальной жизни – абстрактными, а значит, маскулинными. Изучая египетскую религию, поражаешься феномену, который можно назвать идеологической конкретностью: так, например, идею бессмертия следовало реализовывать, подвергая человеческий труп химическому бальзамированию для того, чтобы он как можно дольше сохранился. Мы считаем бессмертие символическим, но в египетской мифологии, как и в магии первобытных народов, жизнь после смерти отнюдь не была отвлеченным символом, и процесс мумифицирования означал сохранение бессмертия.

Все сказанное выше свидетельствует о конкретности идей. Для древних египтян земля была [абстрактной], маскулинной, тогда как дух и идеи были конкретными, [отражающими феминность]. Несмотря на то, что подобные представления характерны для древнеегипетской цивилизации, мы находим следы похожих противоположных констелляций и в некоторых других культурах. Таким образом, сталкиваясь с понятиями верха и низа, мы должны мыслить качественными категориями и тщательно изу-

чать контекст, избегая буквального отождествления сознания с тем, что находится наверху, и бессознательного – с тем, что находится внизу.

В статье «О природе психе»⁶² Юнг сравнивает психику человека со световым спектром, на одном конце которого находится инфракрасный полюс, а на другом – ультрафиолетовый.

Юнг использует это сравнение для того, чтобы объяснить связь психики и тела, а именно, архетипов и инстинктов. По Юнгу, наше сознание подобно лучу света, ядром которого является Эго; оно, словно световое поле, может смещаться от одного края спектра к другому. Инфракрасный полюс означает психосоматическую область, итогом деятельности которой становятся конечные физические реакции. На этом полюсе психика каким-то образом (хотя мы точно не знаем, каким именно) связана с физическими процессами: здесь психическая деятельность утрачивает свою активность, постепенно переходя в физические процессы: сначала в психосоматические, а затем – в соматические. Инфракрасный полюс воплощает телесность.

На другом, ультрафиолетовом полюсе, находятся архетипы. Изнутри мы не знаем, что представляет собой тело, и даже внешне мы можем его представить лишь в определенной мере. Здесь возникает важный вопрос о таинстве живого организма. На ультрафиолетовом полюсе эта загадка находит решение в виде репрезентаций (representations): они осознаются как мысли, эмоции, фантазии и т.д., источником которых является наше тело.

Вы знаете, что природа активных фантазий и мыслей, возникающих в человеческой психике, нам незнакома, однако мы приписываем наличие этих фантазий действию архетипов. Вполне возможно, что эти два полюса как-то связаны между собой, хотя нам не известно, как именно; может быть, это две стороны одной реальности. Один полюс означает тело, а другой – идеи и представления, которые внезапно появляются в человеческой психике. Как правило, наше сознание движется между этими двумя полюсами.

Нам известно, что соматические процессы и физическое поведение управляются инстинктами. Назову наиболее очевидные из них: это сексуальный инстинкт и связанные с ним гормональные

⁶² Jung C.G. The Structure and Dynamics of the Psyche. CW vol. 8, par. 343ff. Русский текст цит. по: Юнг К.-Г. «О природе психе» Пер. С. Удовик, 2001.

и физиологические процессы в теле; это инстинкт самосохранения, выражающийся в произвольных защитных реакциях; это инстинкт избегания, который является частью инстинкта самосохранения, позволяющий человеку совершать машинальные действия в некоторых жизненных ситуациях, не вникая глубоко в их сущность. Такое, например, случается, когда человек скрывается от опасности или отдергивает руку от горящего предмета. Этот автоматизм реакции или телесный рефлекс мы называем инстинктом.

Разница между инстинктом и архетипом такова: инстинкт проявляется в физическом поведении, в схожей для всех людей форме, архетип проявляется в психических реакциях, также схожих у всех людей. Иными словами, во всем мире представители *homo sapiens* в той или иной степени одинаково спариваются, умирают, убегают от опасности и возбуждаются, но некоторые паттерны поведения отличают нас от других живых существ. Представители *homo sapiens* также склонны проявлять эмоции, выражать мысли и религиозные чувства, отражать в снах мифологические мотивы – все эти реакции одинаковы во всем мире. Таким образом, на одном полюсе спектра находятся инстинкты, а на другом – соответствующие инстинктам внутренние переживания.

Юнг не утверждал, но говорил, что не встречал такой архетипической констелляции, у которой не было бы соответствующего инстинкта. Следовательно, можно сказать, что у каждого архетипа есть соответствующая полярная противоположность, связанная с инстинктом. Возьмем, к примеру, архетип, названный Юнгом конъюнкцией (*coniunctio*), который можно обнаружить, в частности, в мифах о происхождении мира: слияние мужского и женского божеств ради сотворения мира, соединение в вечном объятии, как Шива и Шакти. Этот же архетип проявляется и в целостном мистическом переживании в соединении души с Богом и ощущается как *слияние (coniunctio)* в маскулинной или фемининной форме. Конъюнкция в том или ином виде существует в символике большинства мировых религий. На физическом уровне конъюнкция соответствует сексуальный инстинкт.

Самосохранение как борьба с антагонистом связано с архетипической идеей Тени, врага или противника, выступающей в сновидениях в образах агрессора и преследователя. На физическом уровне самосохранение воплощается в инстинктивной агрессии или инстинктивном избегании, которые являются у нас физическими врожденными.

Таким образом, получается (и пока мы не встречали исключений), что любое архетипическое содержание имеет соответствующую ему форму инстинкта. Таков наш способ понимать вещи, окружающие нас. Иными словами, инстинктивные проявления – это то, что мы видим извне, тогда как репрезентации – мысли, сновидения, фантазии и образы – это то, что мы видим изнутри. Наблюдая за человеком с внешней стороны (так, как если бы фотографировали его деятельность), мы судим о нем с позиций инфракрасного полюса. В настоящее время такой «взгляд со стороны» часто можно встретить в трудах антропологов, чье внимание сосредоточено на том, чем человек отличается от других живых существ: как он находит пару для продолжения рода, как строит свое жилище, как борется за выживание и т.п. Авторы такого подхода пытаются описать человека объективно, сравнивая его со слонами, тиграми и другими животными, как будто человек – один из многочисленных подвидов представителей животного мира. Так мы получаем точную научно-обоснованную картину физически-инстинктивного поведения человека.

Однако, попытавшись отследить те же процессы изнутри (а именно этим мы и занимаемся), мы откроем внутренний источник человека – его мысли и репрезентации. Мы узнаем его «внутреннюю» анатомию, получая своего рода интроспективную картину человека. Этот «взгляд изнутри» помогает нам раскрыть загадку архетипов.

Непонятным образом эти две картины становятся единым целым – одной и той же реальностью, наблюдаемой извне и изнутри. Если принять заимствованную из мифологии идею о том, что сознательное и бессознательное представляют собой два полюса – небесный вверху и подземный внизу – то, сопоставив ее с научной моделью психики, мы можем назвать инфракрасный полюс спектра «небесами внизу», а ультрафиолетовый полюс – «небесами наверху».

Состояние психики нашего сновидца соответствует средней области обычного человеческого сознания: во сне он через расщелину видит небо под ногами, и сновидение развивается так, что заставляет его тонуть в этом небе. вспомните, как Маленький принц, спускаясь на землю, исследовал, а скорее отрицал определенные [личностные] качества повстречавшихся на его пути людей. Как правило, *пуэр* прочно связан с областью архетипических

репрезентаций, которые получают над ним реальную власть через материнский комплекс. Это значит, что он недооценивает реальное восприятие жизни, т.е. инфракрасный полюс [психики]. Существует значительная разница между тем, чтобы думать о бифштексе и тем, чтобы его есть; мысли о мясе под соусом беарнез могут доставлять мне большое наслаждение, но если я ем это блюдо, у меня появляются совершенно иные ощущения. То же самое справедливо в отношении архетипа *конъюнкции*. Одно дело фантазировать о любовной связи, представляя в воображении каждую деталь переживаемого, но другое дело – испытать это внутреннее переживание в реальной действительности..

Обычно *пуэр* стремится избежать немедленной реализации своих идей. Он не спускается к «небесам внизу» – он недооценивает их значение, как впрочем, и преуменьшает важность инстинктивной деятельности и инстинктивной сферы жизни. Вот почему Маленький принц встречает на земле Лиса и вот почему он так нуждается в барашке. Однако в подобных случаях понимание и осознание (*realization*) «небес внизу» не происходит. Впрочем, это всего лишь обобщение, ведь *пуэр* иногда позволяет себе поддаться инстинктам, он, образно говоря, препятствует их психологическому осмыслению. Он отделяет себя от инстинктов, переживая свой опыт автоматически – как события, совершаемые его отщепленной Тенью (*split-off shadow*).

В этом смысле архетипическая идея великой любви и *конъюнкции*, так привлекающие *пуэра*, остаются лишь его желанной фантазией: однажды ему встретится женщина, которая подарит совершенную любовь, душевное тепло, полную гармонию, определенность отношений и т.д.; фантазия эта – очевидная иллюзия образа матери. Тем временем он не отказывается от сексуальных отношений, поскольку отказ от физической любви явился бы сильной фрустрацией для него. Поэтому он заводит двадцать, тридцать романов с женщинами, как это было в описываемом мной случае, но не позволяет себе вовлекаться в них эмоционально. Он не «проживает» эти отношения. О таких людях можно сказать, что они невинны в худшем смысле этого слова, словно не живут вовсе, так как существуют в жизни, не вовлекаясь в нее эмоционально. *Пуэр* оправдывает себя, убеждая, что хотя женщина, с которой он состоит в связи – не та, что ему нужна, она временно заменяет подходящую. Физическая связь в таких случаях не имеет для них особого значения – ни на уровне мысли (*mentally*), ни на уровне внут-

ренного воображения (inner fantasy), ни в собственных чувствах. Однако, если человек не принимает отношения всерьез, не позволяет чувственному опыту повлиять на его душу, тогда он как бы и вовсе не проживает эти отношения.

Однажды я проводила психоанализ с профессиональной проституткой, которая вела себя как старая дева. В ее сновидениях всегда появлялись юные девственницы или женщины, у которых не было никакого опыта отношений с мужчинами. Это была чистая правда! Пациентка изолировала себя от того, чем жила. Ей были нужны деньги, сама она находилась вне того, чем занималась, не испытывая ни удовольствия от физической любви, ни отвращения по отношению к другим [людям]. Она приняла для себя рациональное решение: ей нужны доллары, а все остальное она послала к черту. Таким образом, в какой-то мере она осталась «нетронутой» жизнью. И хотя у нее наблюдались признаки серьезного психического нездоровья, она не выглядела жалкой и несчастной. Одним из результатов лечения явилось то, что она вдруг осознала свое печальное положение, о чем раньше не догадывалась. Она вела себя в соответствии со своим рациональным решением, не позволяя себе ни презирать мужчин, ни увлекаться ими, потому что это могло бы повредить ее бизнесу. Таким образом, будучи очень эмоциональной женщиной, она не позволяла себе иметь эмоциональные переживания, связанные с тем, что с ней происходило. Если бы она это позволила, ей пришлось бы отказываться некоторым мужчинам, и тогда ее заработок был бы существенно меньше.

То же самое иногда происходит с *пуэром*, который хотя и живет инстинктивной жизнью, проживает ее как бы отсекая от себя. Он создает искусственный эмоциональный барьер, отделяя переживаемое им от своего истинного «Я». В этом случае *пуэр* не видит звезд под ногами, а сновидение требует, чтобы он собирал их и наслаждался ими. Жизнь не наполнена, если проживаешь ее только в своем воображении, она должна быть проживаема и на инстинктивном уровне. Но это означает *действительно* принять жизнь, позволив себе испытывать боль от собственных переживаний, не ограничиваясь определенными условиями. Жить с внутренними оговорками значит не жить вообще; именно поэтому *пуэр* зачастую отрезает себя от звезд под ногами. Вот почему решение проблемы, предложенное сновидением, – в том, чтобы утонуть в мире находящихся внизу звезд.

Замечание: Доктор Х.Г. Байнс рассказывал мне, как его друг, изучая поведение парижских проституток, обнаружил, что у всех этих женщин без исключения доминирует отцовский комплекс. Они всегда ставят определенные условия [клиенту], таким образом «отстраняясь» от мужчины: например, просят, чтобы мужчина не целовал их в губы или еще что-нибудь подобное. Главное – у них всегда есть оговорка.

Да, для того, чтобы «отделить» чувства и эмоциональные переживания от происходящего в реальности. Точно так же человек может иметь жизнь полную приключений, но по существу не жить, поскольку приключения в его жизни не значат ничего.

Поэтому я думаю, что звезды внизу означают живое переживание инстинктивного или архетипического паттерна. Человек должен *проживать* свою жизнь для того, чтобы понять себя и осознать реальность.

Замечание: Часто случается, что мужчинам, которых знакомые считают нуэрами (как, например, пациенту, о котором Вы рассказывали), часто завидуют. Завидуют их способности отдаваться жизни с невероятной энергией, а потому их жизнь кажется полноценной. Мы же знаем, что все это – деятельность Тени, мы знаем, что на самом деле они отрезаны от реальности. Но как им удастся создать видимость столь активной и яркой жизни?

Они притворяются! Люди в большинстве своем актеры, для многих притвориться означает просто сыграть роль. Насколько мне удалось понять *нуэров*, они играют роль даже для самих себя, пытаюсь убедить себя в том, что живут. И только в ходе психоанализа им удается спуститься на землю и признать, что на самом деле такое существование не приносит им счастья. Окружающие могут считать их успешными, но сами они этого не чувствуют. На самом деле, критерий прост: чувствуешь ли ты, что ты живешь? Люди, которые не чувствуют, что живут, описывают свою жизнь как существование в постоянном притворстве, словно они все время играют роль. Даже для самих себя.

Замечание: Или надевают маски.

Да, и окружающие попадают на эту удочку, если только они не обладают некоторыми знаниями в психологии или, заглянув

пуэру в глаза, не увидят истинное их выражение. Тогда они говорят: здесь что-то не так, хотя этот человек кажется весьма успешным.

Замечание: Если бы человек смог закрепиться на ультрафиолетовом полюсе и при этом переживать многочисленные впечатления на другом конце спектра, то мне кажется, что ультрафиолетовый полюс был бы «слишком хорош» по сравнению с инфракрасным. Даже если человек переживает несколько десятков эмоций, они кажутся ему слишком жалкими и убогими, ведь он всегда будет стремиться к ультрафиолетовому полюсу, так?

Именно так. Это очень точное высказывание. Можно сказать, что если вы живете только одним полюсом спектра, отделив себя от другого, то полярные части спектра оказываются никак не связанными между собой. Проще говоря, вы испытываете переживание, но оно вам кажется неважным, а то, что кажется человеку неважным, для него не существует. Оно становится реальным, только если имеет связь с эмоциональным восприятием смысла. Если такого восприятия нет, человеку становится скучно. Я знала одного мужчину, у которого было множество любовных связей, но он был настолько отчужден от своих чувств, что в середине полового акта мог посмотреть на часы, чтобы узнать, который час! Очевидно, эти отношения для него ничего не значили, кроме того, он был чрезвычайно нарциссической личностью, поскольку все его переживания сводились к маскулинной роли.

Вопрос: А какие проблемы возникают у женщины, которая вступает в отношения с такой мужчиной?

Как правило, она точно так же отчуждается от собственного Анимуса. Например, проститутка, о которой я упоминала, считала, что если она попытается заработать себе на жизнь, работая машинисткой в офисе, ей придется приходиться на службу каждый день в девять утра и сидеть до шести вечера в течение всей недели и даже работать в выходные, поэтому у нее больше ни на что не хватит времени. Так как она была очень неорганизованной и инфантильной женщиной, эта работа оказалась для нее неприемлемой. Ее Анимус утверждал, что так будет продолжаться всегда, и это мнение – мнение ее Анимуса – было основополагающим.

Она могла бы работать и найти себе друга, но согласно логике ее Анимуса, если бы она сидела в офисе, то ей пришлось бы подчиняться дисциплине (а она ненавидела дисциплину), а значит, у нее никогда не было бы любовной связи. Никому неизвестно, почему одно исключает другое, но так полагал ее Анимус. Затем, как она считала, ей стукнет пятьдесят, и она превратится в старую уродлину, печатающую на машинке в том же офисе!

Итак, ей хотелось жить, но она вовсе не желала проводить свои дни в офисе. Однако ей были нужны деньги, поэтому она не могла позволить себе просто жить с мужчинами, которые ей нравились. Анимус сказал, что оба желания можно совместить, поставив к черту все моральные предрассудки. В данном случае женщина подчинилась [голосу Анимуса], поскольку принимала только логику и не верила ни в какую иррациональность.

Она отправилась в Нью-Йорк но, увидев этот огромный город, почувствовала, что пропадет в нем. Она не верила ни в себя, ни в жизнь, ни в свои возможности, ни в Бога. Подумав немного, она решила стать проституткой.

Жизнью любой женщины руководит Анимус, а он всегда является профессиональным пессимистом, не принимающим правило *tertium quod non datur* (исцеляющего третьего)⁶³. Анимус говорит женщине, что ему известны только ограниченные возможности; он говорит, что это можно сделать только так, а не иначе, тем самым препятствуя создать любую другую возможность.

Вопрос: Вы имеете в виду, что женщина, у которой существует хорошая связь с собственными инстинктами, не увлечется таким мужчиной?

Да, я думаю, что это так. Или она может начать отношения на уровне, далеком от реальности, но затем так или иначе постарается вовлечь мужчину в определенные или значимые для нее отношения. Я приведу вам пример, хотя он, может быть, не совсем подходит к тому, о чем мы говорим, так как в этом эпизоде инициатива принадлежала мужчине.

Итак, одна женщина имела много любовных связей, в которые она вступала, следуя решениям Анимуса. Она встретила муж-

⁶³ См. Jung C.G. "Archetypes and the Collective Unconscious", vol. 9, part i, "The Psychology of the Child Archetype", в особенности pats. 285ff (прим.перев.).

чину, который действительно ее полюбил; его инстинкты оказались значительно прочнее и крепче, чем у других мужчин. Он был чуткий человек и ощущал, что в постели с ним она зачастую не была самой собой, не чувствовала его. Поняв автономность (autonomy) ее сексуальности, он взбунтовался против этого. Он почувствовал к ней отвращение, так как ее отношение к нему причиняло ему боль. Он сказал, что ощущает себя одним из ее любовников, к которым ревновал, поскольку она вела себя с ним так же, как и с другими мужчинами. Он не имел никакого понятия о психологии, поэтому вел себя грубо и бестактно, называя ее «дешевкой» и т.п. В действительности же она вовсе не была такой, как он ее называл, просто ее чувства оказались отрезанными от нее самой. И все же, обладая мощной эмоционально-инстинктивной реакцией, он, зрелый мужчина с большим опытом и здоровым чувством физического самоконтроля, смог помочь своей возлюбленной реанимировать чувства – поистине трудновыполнимая задача! Как правило, мужчина в сексуальных отношениях настолько импульсивен, что не может себя сдерживать, но в этом случае партнер говорил женщине, что не станет продолжать с ней отношений, пока они не выйдут на [подлинно] чувственный уровень.

Ей приснился сон, что ее возлюбленный, нырнув в грязную, отравленную нечистотами яму, достал со дна золотой ключ и подарил ей. Думаю, можно утверждать, что в этой истории мужчина действительно спас чувства женщины, потому что любил ее как индивидуальность, а не пользовался ею. Он хотел обладать ею целиком, вместе с ее чувствами и негодовал, когда она их не проявляла. Благодаря его возмущению, многочисленным ссорам и перепрягам, ему удалось взрастить в ней чувствующую личность.

Естественно, эту тему можно обсуждать бесконечно, расширяя ее рамки, ибо по существу она является ключом ко всему сновидению. В одной из моих лекций, посвященных теме зла (evil), я приводила в пример отрывок из русской народной сказки, иллюстрирующий проблему.

Как-то раз царь собрал своих троих сыновей и сказал им, что теперь они должны жить своей жизнью. Сыновья попросили у него благословения, оседлали коней и отправились в путь на поиски своей судьбы. Подъехали они к столбу на дороге и увидели надпись: «Пойдешь направо – сам сыт будешь, но конь голодным останется. Пойдешь налево – самому голодать придется, но конь сыт будет. Прямо пойдешь – погибнешь» Первый брат [по-

вернул направо]: ему не хватит инстинктивного чутья, следовательно, конь его останется голодным. Этот брат нашел на горе змею, сплошь покрытую медью. Когда он привез ее отцу, царь разгневался на сына за то, что он привез домой зло и опасность, и посадил его в темницу. Иными словами, все, что нашел первый из царевичей – это часть застывшей [в меди] жизни и темницу традиционного духа, т.е. вновь попал под власть своего отца.

Второй брат повернул налево. Он встретил блудницу, которая пригласила его к себе на ложе-ловушку. Как только царевич возлег с нею, она спрыгнула с ложа и быстро привела в действие скрытый механизм. Кровать перевернулась, и царевич очутился в подвале, где томились другие мужчины-пленники, ожидающие своей участи. Так сложилась судьба брата, выбравшего путь налево.

Затем наступил черед Ивана-царевича, героя русских народных сказок. Подъехав к столбу, он стал причитать, что тот будет бедным малым, кто выберет путь, ведущий напрямик к смерти, не добыв ни чести, ни славы. Однако, пришпорив коня, он поскакал вперед. Его конь погибает и вновь оживает, Иван встречает ведьму (Бабу-Ягу) и одолевает ее. Затем он находит принцессу, возвращается домой и становится царем. Иван-царевич достигает обычных для сказки счастья и успеха, потому что решает оставаться в конфликтной ситуации, которую Эго считает смертью, ведь эго – сознание всегда хочет знать, что будет дальше.

Если бы моя пациентка, приехавшая в Нью-Йорк, обладала достаточной силой и психологическим мужеством и смогла принять факт, что ей придется страдать независимо от того, что она предпримет, что будет время, когда она не сможет увидеть даже проблеска света впереди; если бы она смогла пойти навстречу нравственной смерти, оставаясь самой собой, – вот тогда началась бы ее сказка, ее путь индивидуации. Но она не смогла этого сделать, решив повернуть налево. Кто-то принимает решение повернуть направо.

Таким образом, можно сказать, что человеческое сознание должно всегда находиться между двумя полюсами, быть как бы распятым между ними: если человек оказывается на каком-то одном из частей спектра, он погибает. В сущности, жизнь есть распятие; рациональному Эго оно кажется смертью – именно это обстоятельство очень хорошо отражено в русской сказке в прекрасной и доступной для понимания форме. Третий сын выбирает путь, который Эго представляет как путь к смерти, но на самом

деле (что понятно из сюжета сказки) это путь к жизни. Двум другим братьям, которые желали поступить умнее и выбрали наименьшее зло, – и тому, кто свернул направо, и тому, кто свернул налево, – не хватает душевных сил и мужества, чтобы встретиться лицом к лицу с неизвестным, поэтому они объясняют ситуацию с рациональной точки зрения.

Несомненно, встретиться лицом к лицу с неизвестным, не понимая, что ждет тебя впереди, не зная, сможешь ли ты выстоять во мраке неизвестности, – труднейшая задача. Именно с неизвестностью связаны самые глубинные человеческие страхи и паника. Дикарь бежит прочь при виде самолета или автомобиля, поскольку все незнакомое вселяет в него ужас. Этот древнейший паттерн проявляется и в процессе психоанализа.

Сталкиваясь с ситуацией, в которой люди по каким-то своим внутренним причинам не способны увидеть, что произойдет дальше, они начинают паниковать. Это состояние весьма болезненно, но оно не имело бы такого большого значения, если бы люди не торопились тут же принять какое-либо решение – повернуть налево или направо и сразу оказаться во власти бессознательного, поскольку им не удается выдержать напряжение от неизвестности того, что ждет их впереди.

Если бы *пуэр* менял направление, слишком часто выбирая путь то направо, то налево, все было бы не так плохо. Ведь порой сначала нужно найти змею из меди, оказаться в темнице блудницы, чтобы затем, приняв единственно верное решение, понять, что лучше отправиться по дороге, ведущей к смерти. Но на самом деле *пуэр* поступает намного хуже: он никогда не отважится поставить на карту все, что у него есть: он рискует понемногу – и там и здесь, на всякий случай. Он делает ставку на одну лошадь, однако при этом ставит и на другую, а это саморазрушающие действия. Поступать так намного опаснее, чем выбрав одну из дорог, зайти далеко вперед; за подобные действия приходится платить – человек неизбежно осознает это и поворачивает обратно. Естественное взаимодействие психологических противоположностей всегда вносит коррективы в любую одностороннюю деятельность. Жизнь вынуждает человека выбирать путь посередине [из предложенных]. Однако *пуэр* жульничает, чтобы избежать страданий, и это психологическое жульничество возвращается ему бумерангом: он расщепляет себя тем, что бросив подачку дракону, отчасти переходит к нему, однако внутренне остается на другой стороне. Пи-

тая иллюзии в отношении самого себя, *пуэр* тормозит процесс жизни и увязает в ней, потому что нарушается взаимодействие психологических противоположностей. Слабая личность увлекает *пуэра* в этот обман для того, чтобы он не испытывал страданий.

Мой пациент назвал меня ведьмой-сводницей, и в этом качестве я попыталась подтолкнуть его к отношениям с девушкой, с которой у него уже был роман, и он разорвал эту связь. Однако потом, когда он захотел написать ей письмо и написал его, выразив желание снова ее увидеть, произошла синхрония событий: как вы помните, она тоже написала ему письмо – с таким же содержанием, как и то, что он еще не отправил, – и тогда он впервые на мгновение почувствовал значимость этой женщины в его жизни. После этого странного случая он уже не мог не думать о том, что эта женщина важна для него, что между ними произошло что-то особенное, что в их отношениях скрыт какой-то смысл. Таким образом, он впервые принял то, что ему заранее не было известно. Если бы не синхрония, сомнения, которые я в нем заронила, ничем бы не помогли, однако переживание странного совпадения, показавшееся ему таинственным и удивительным, коснулось и его жизненной установки. Таким образом, на велосипедную прогулку с девушкой он отправился не с прежним убеждением, что он обо все имеет полное представление, а с другим отношением к жизни. В первый раз он задумался о том, что связывает их обоих, и вы помните, какова была реакция бессознательного, когда он заснул в объятиях девушки. До него дошел смысл и значимость его сексуального переживания, вот почему он медленно падал в небо под собственными ногами, совершая движения, как будто крутил педали на велосипеде.

Следующая тема в сновидении – световой взрыв в небесах под ногами, что может означать внезапное осознание и озарение, идущие снизу. Мотив очень интересен, если сравнивать его с переживанием средневековых мистиков, которые описывали свои ощущения от нисходящего на них света. Во сне молодого человека свет исходит снизу, а это означает принятие неизвестных сторон жизни и неизведанного бессознательного.

Вместе с алхимиками мы могли бы сказать «Небо вверху, небо внизу». Однако свет этот исходит от полуночного, а не от полуденного солнца.

Известны описания Апулеем мистерий Изиды, во время которых он проходил инициацию. Он свидетельствует, что когда он

спускался в потусторонний мир, путь ему освещало не полуденное, а полуночное солнце, которое он созерцал собственными глазами. Этот свет – переживание, достигаемое не интеллектуальными усилиями, не упражнениями но концентрации воли, не йогой и духовными практиками, а только переживанием Самости, которое можно обрести, приняв жизнь, полную неизвестности, признать собственное бессознательное, согласиться с трудностями проживания внутренних конфликтов.

В продолжение сна сновидец опускается еще ниже, небо у него под ногами затвердевает и становится похожим на землю, расчерченную на четырехугольники полей – такую, какой мы видим ее из иллюминатора самолета. Это очень позитивный образ, поскольку теперь расщелина начинает закрываться. Однако разница уровней по-прежнему существует, поскольку между верхом ущелья и его дном сохраняется разница по высоте – такое часто встречается в психо-географической картине некоторых сновидений, где два уровня высоты не соединены между собой никакими ступенями. Люди такого типа могут переключаться с интеллекта на инстинкт без соединяющей их связи, но я не вижу в этом большой опасности, так как это часто встречается у молодых людей, еще не сумевших гармонизировать отношения между двумя полюсами [своей психики].

Психическая травма нашего сновидца вполне излечима, потому что уровень земли в его сне поднимается. Он осознает это благодаря тому, что сначала принимает неизвестную ему ситуацию, а затем идет на риск и впервые соприкасается с человеческой реальностью. Другими словами, соприкасается с землей, на которой мы живем. Как вы можете это интерпретировать? Он мог бы видеть внизу лес или просто поверхность земли, но видит поля.

Ответ: [Это указывает на] отношения человека и земли.

Да. Поле – это обработанная земля, которая распределяется между людьми, на ее культивацию затрачен человеческий труд; однако поле имеет ряд недостатков в виде многочисленных стен, заборов и дорог, а также всевозможных регулирующих норм, контроля доступа и соблюдения прав собственности. Вместе с тем это окультуренная, обработанная земля, поэтому вполне уместно напомнить мнение Юнга, что работа служит средством исцеления расщепления у страдающих неврозом *puer aeternus*. Работа – даже

если это обыкновенная вспашка участка земли – помогает *пуэру* справиться с собственными проблемами. Я вспоминаю, как Юнг сказал однажды одному *пуэру*: «Совершенно неважно, какой работой вы займетесь. Задача заключается в том, чтобы вы выполняли что-то тщательно и добросовестно, независимо от того, чем вы занимаетесь». Мужчина же настаивал, что он бы обязательно работал, если бы нашел подходящую деятельность, но при этом никак не мог найти такую работу. Ответ Юнга был такой: «Не думайте об этом, а просто возьмите любой участок земли, перекопайте его и посадите на нем что-нибудь. Неважно, чем вы займетесь: бизнесом, преподаванием или чем-то еще. Просто посвятите себя той части земли, которая перед вами».

У каждого человека есть сфера деятельности, в которой он мог бы трудиться, если имеет желание это делать. За словами: «Я бы работал, если бы работа мне подошла» скрыта всего лишь детская уловка, один из многочисленных самообманов, благодаря которым *пуэр* остается внутри материнского лона и сохраняет свою маниакальную идентификацию с богом – а боги, как известно, не работают. В греческой мифологии обитатели Олимпа, за исключением Гефеста, презираемого остальными богами, не утруждали себя работой.

Кроме того, квадраты полей [в сновидении] означают ограничения. Это один из недостатков соприкосновения с действительностью, поскольку в реальной жизни всегда действуют правила, ограничивающие человека. Для *пуэра* это означает жалкое существование, когда он оказывается связанным по рукам и ногам, лишенным возможности делать то, что ему бы хотелось. Именно это обстоятельство создает *пуэру* особый дискомфорт. В своей деятельности человек неизбежно сталкивается с собственными ограничениями – как интеллектуальными, так и физическими – но все, что он создает своим трудом, ничтожно по сравнению с теми фантазиями, которые рождаются в голове *пуэра*, лежащего на кровати и мечтающего о том, *что бы он сделал, если бы смог!*

Далее в сновидении картина резко меняется, и долина превращается в застывшее озеро, покрытое льдом. Сновидец полагает, что оно олицетворяет материнский комплекс, во власть которого он не хочет попасть вновь. Все вокруг предательски изменчиво, и то, что раньше казалось взрывом света, теперь похоже на мыльный пузырь с находящимся внутри черепом. То же самое

пространство, в которое он погружался, теперь проявляет свои деструктивные качества, причем сновидение не содержит ничего, позволяющего оправдать такие резкие изменения. Если во сне сновидец делает что-то или думает о том, что вызывает негативные изменения картины сна, мы предполагаем, что это вызвано отрицательными мыслями самого человека. Стоило сновидцу подумать, что ему не нравится реальность, куда он погружается, как тут же происходят изменения. Этот сон легко интерпретировать. Если человек отказывается от земли, то земля застывает для него навечно, а сам он оказывается преследуемым материнским комплексом и в конечном счете, умирает. Однако это был бы довольно легкий и поверхностный способ интерпретации сновидения. В нашем случае во сне присутствует нечто таинственное, ведь сновидец продолжает свой путь (кто-то скажет, что он делает это совершенно правильно) и падает на дно долины, т.е. на землю. То, что само по себе казалось таким позитивным фактом, превращается в нечто совершенно злое: в застывший лед и мыльный пузырь с находящимся внутри него черепом. Я не претендую на понимание всех аспектов сновидения, однако я бы хотела рассказать, что думаю об этом.

Начнем с застывшего льда. Неподвижная вода означает стагнацию реальной жизни, состояние, когда поток жизни иссяк. Лед означает замерзание. Очевидно, что сновидец – холодный, равнодушный человек, ведь если бы он не был таким, он вел бы себя иначе по отношению к своей подруге. Его чувства или не развились вовсе, или исчезли в атмосфере родительской семьи, а может, он был так сильно привязан к матери, что у него не появилось чувств к другим людям. Как вы помните, я встречалась с ним лишь один раз, поэтому точнее о его чувствах ничего сказать не могу: привязан ли он к матери, или просто бесчувственный человек, но можно сказать совершенно точно, что в своих поступках он проявлялся холодным и бездушным.

Он ассоциирует мир под ногами с материнским комплексом, во власть которого не хочет попасть вновь. Думается, здесь мы можем увидеть причину расстройства. Как правило, мыльный пузырь сравнивают с иллюзиями, которые со временем исчезают, лопнув, как и мыльный пузырь. Он большой и красивый, и когда лучи солнца падают на его поверхность, его красота очаровывает. Но внутри он совершенно пуст и при соприкосновении с каким-либо реальным предметом превращается в ничто. Вот почему

мыльный пузырь символизирует иллюзии. Возможно, только у маленьких детей, пускающих мыльные пузыри, это занятие сопровождается радостью и фантазиями. Строительство воздушных замков, фантазирование похоже на просмотр внутреннего кинофильма, в котором вы играете роль благородного кавалера или красавицы. Все эти прекрасные грезы – ничто иное, как мыльные пузыри, которые рано или поздно лопнут.

В сновидении внизу появляется то, что означает стагнацию, застывание, холодность, иллюзию и смерть – и все это возникает без видимых причин и усилий со стороны сновидца, за исключением того, что, увидев застывший лед, он думает о материнском комплексе, во власть которого не хочет попасть вновь. На мой взгляд, это дает нам ключ к разгадке.

Не следует забывать о том, что молодой человек проходил фрейдистский анализ. Какое воздействие этот метод оказывает на человека? Он создает интеллектуальную установку, лишаящую пациента ощущения таинства жизни: человек знает о жизни все, а если не знает он, то знает доктор в белом халате, сидящий у него в изголовье. Фрейдистский анализ все объяснит вам с точки зрения Эдипова комплекса и других [постулатов], убедит вас в том, что в сновидениях нет никакой тайны: все очевидно! Все продолговатые предметы рассматриваются как фаллические символы, противоположные им – символы женской природы, а остальные образы имеют тот или иной сексуальный смысл. Если вы хотя бы немного знакомы с анатомией, вам все понятно, и остается только установить нужную связь. Поэтому интерпретация сновидений [по Фрейду] становится весьма легким и однообразным занятием. Как-то раз Фрейд даже жаловался Юнгу, что не в силах больше работать со сновидениями, потому что такая работа слишком нудна и монотонна. Конечно! Он знал, что получится в результате, поэтому устраивал фокусы: сначала клал кролика в шляпу, а затем его оттуда доставал! Такова фрейдистская интерпретация сновидений: человек уже знает, к чему должен прийти, например, к ситуации Эдипова комплекса – вот тот случай, когда вы сначала кладете разгадку в шляпу, а затем с триумфом ее вынимаете. Ваш разум больше не признает тот факт, что существует что-то, о чем вы можете не знать, а во сне можете видеть что-то до сих пор вам неизвестное. Таким образом Эго питается сознательной иллюзией того, что все можно узнать. Вот тогда в вашей жизни наступает полная стагнация.

Есть определенного типа мужчины с выраженным материнским комплексом, испытывающие повышенный интерес к фрейдистской психологии, так как ее воздействие на человека похоже на воздействие самого материнского комплекса. Другими словами, психоанализ по Фрейду становится для мужчины еще одной тюрьмой, но на этот раз мужчина становится пленником ситуации, понятной его интеллекту. Фрейдистский анализ имеет свои недостатки, но основатель психоанализа их не признавал. Фрейд создал систему, полностью опирающуюся на уже известное знание, за исключением, пожалуй, физического аспекта, чем предоставил удобную возможность для развития биохимии. Но с точки зрения религии или философии система психоанализа Фрейда не знала недостатков: все было четко определено и хорошо известно. Вот почему фрейдистский анализ так привлекает мужчину с развитым материнским комплексом, с тревожной и мелочной установкой, – ведь он предлагает мужчине другой способ защиты. Языку психоанализа легко научиться, и любой человек, изучавший фрейдистский анализ, за полгода может изучить все его особенности. Если у вас есть пациент, который проходил такой психоанализ, он будет рассказывать вам сновидения с уже простыми, готовыми интерпретациями. Вас его сновидение озадачит, вы задумаетесь над его смыслом, но пациент прервет ваши рассуждения и спросит, не проявляется ли в его сне очередной Эдипов конфликт. Такие люди не меняют своих позиций, и поток жизни для них останавливается.

Фрейдистский анализ часто оказывается жестоким; бесчувственность зачастую проявляется и в самом процессе терапии, поскольку врачу не позволено питать каких-либо личных привязанностей к своим пациентам, и, надевая белый халат, садясь в изголовье своего подопечного, он избегает всяких эмоциональных проявлений. Любые личные привязанности или эмоциональная реакция вызывают подозрение. (В данном случае я говорю об ортодоксальной школе фрейдистского психоанализа. Сейчас существует множество различных направлений и ответвлений фрейдизма, но я имею в виду классическую установку школы.) Если функция чувствования (*feeling function*) уже травмирована, ситуация может оказаться катастрофической – расщепление будет только углубляться.

Наш сновидец, как умная обезьяна, приспособил точку зрения Фрейда для оправдания своего дон-жуанства. Я не обвиняю

в этом фрейдистский анализ; полагаю, что это была собственная уловка молодого человека. Точно я не знаю. Но всякий раз, сближаясь с девушкой, он думал, что таким образом снова проявляется его материнский комплекс, поэтому он ее бросал: так фрейдистский способ мышления помогал ему оправдывать и объяснять свое поведение. Самое ужасное заключается в том, что такие объяснения даже являются правдивыми! Естественно, увлекающийся разными женщинами дон-жуан (который, по точному выражению Гете, «в каждой женщине видит Елену»), имеет выраженный материнский комплекс, поэтому для него вполне оправданно начинать отношения, а затем рвать их, опять же объясняя все наличием материнского комплекса. Вот прекрасный повод бросать женщин! Правда и то, что первое очарование и притягательность, испытываемые мужчиной при каждой новой встрече, также вызваны наличием материнского комплекса (т.е. игрой Анимы), что еще раз доказывает иллюзорный характер этих переживаний. Мне не встречался ни один мужчина, который, вступая в связь с женщиной, испытывая сильное чувство, не страдал бы от разочарования и утраты иллюзий, и в конце концов, не осознавал того, что земная жизнь мимолетна и несовершенна.

Итак, я предлагаю отнестись к обсуждаемому сновидению по-философски. Если вы идете на риск, погружаясь в жизнь, в реальность, вместо того, чтобы держаться в стороне от действительности с целью избежать страданий, вы обнаружите, что земля и женщины схожи. Это плодородное поле, которое можно возделывать. Вместе с тем вы понимаете, что жизнь и есть смерть, поскольку, окунувшись в реальность, вы избавляетесь от собственных иллюзий, и смерть станет окончательной точкой в этом избавлении. (Я слышала, что молодой человек, сон которого мы обсуждаем сейчас, умер в возрасте сорока пяти лет. Таким образом, сновидение можно рассматривать и как предчувствие.)

Принимая свою жизнь, вы по существу принимаете и смерть в самом глубоком смысле этого слова. Однако *пуэр* не желает этого осознавать. Он не хочет принимать свою смертность, а потому не желает погружаться в реальность, ведь в таком случае ему придется признать и собственную слабость, и собственную смертность. *Пуэр* отождествляет себя с бессмертными и не хочет принимать своего смертного двойника. Окунись он в жизнь, ему придется ассимилировать двойника. Следовательно, в сновидении скры-

та особая философия жизни, которая не удивила бы жителя Востока. Индусы сказали бы: «Конечно, если вы живете реальностью, если вы любите женщину, значит, вы находитесь во власти иллюзии, а любая иллюзия, проявляясь как величайшая иллюзия мира – Майя, – всегда заканчивается смертью».

Для тех, кто знаком с восточной мифологией и философией, в этом нет ничего удивительного. Поразительно, однако, что глубинная восточная философия проявилась в сновидении молодого европейца! Идея раскрывается перед ним со всей очевидностью: жизнь и встреча с женщиной есть принятие действительности, работа означает соприкосновение с земными реалиями, т.е. избавлением от иллюзий, стагнацией и смертью. Вот честный ответ тем, кто сомневается в том, стоит ли жить. Не нужно забывать, что молодой человек еще в детстве встретился со смертью при весьма трагических обстоятельствах (самоубийстве отца). Отец застрелился, когда мальчику было шесть лет, и поскольку семья жила в маленьком городе, ребенок слышал всякие сплетни и слухи. Вполне вероятно, он краем глаза видел отца, лежавшего в гробу и, даже если он не слышал замечаний посторонних, то возможно, мог быть свидетелем разговоров прислуги на кухне.

Таким образом, смерть уже существовала в переживаниях молодого человека, потому что он встретился с ней в раннем детском возрасте. Об этом следует помнить, поскольку, может быть, эти обстоятельства и повлияли на то, как нерешительно он вступал в жизнь. И сейчас бессознательное не приносит ему ни успокоения, ни исцеления от боли тех событий, а демонстрирует чистую правду: жизнь есть смерть, и если вы принимаете жизнь и живете (например, пытаетесь вступить в отношения с девушкой), значит, вы движетесь к своей смерти. Цель жизни – это смерть.

Это сновидение заинтересовало меня с терапевтической точки зрения. Дело в том, что аналитику необходимо, рассматривая одну сторону жизни пациента, попытаться повлиять на другие ее стороны и заразить его определенной долей оптимизма: необходимо окунуться в жизнь, необходимо верить в то, что она имеет смысл и т.п.

Но посмотрите, что в случае с описываемым сновидением творит бессознательное! Оно потрясает сновидца существованием двойственного аспекта действительности. Если он хочет сказать «да» [реальности], ему следует избавиться от всяческих иллюзий – такова жизнь. У него есть возможность честно выбрать «да»

или «нет». А если он предпочитает свести счеты с жизнью, это будет честный выбор!

Впоследствии сновидец вновь расстался со своей подругой, и это несмотря на то, что произошло ранее. В каком-то большом городе он попал в руки русской проститутки, основными клиентами которой были чернокожие. Они ненавидели молодого человека, поскольку тот был ее единственным белым любовником, и несколько раз пытались его убить. Русская проститутка олицетворяла для него материнский комплекс, аспект Матери-Земли, который не смогла воплотить девушка, в объятиях которой он спал, потому что она была чувствительной, робкой и застенчивой, а не земной женщиной. В объятиях русской проститутки он погрузился в застывшее озеро материнского комплекса и почти встретился со смертью. Материнский комплекс заставил бросить девушку, отношения с которой были сложными, но человеческими, и полностью оказаться во власти самого комплекса.

Лекция 8

На предыдущей лекции я остановилась на комментариях сновидения молодого человека, уснувшего в объятиях девушки. Во сне он медленно падает в глубокую расщелину. Помните, сначала он видит звезды на небе у себя под ногами, затем происходит взрыв света; потом он видит поля, словно глядя на землю из иллюминатора самолета, а затем – грязное мутное озеро с застывшей, похожей на лед водой, не отражающей свет от поверхности. Он наполовину просыпается и говорит себе, что не боится воды, потому что она – символ матери, и падать в озеро он не хочет. Далее, на дне ущелья появляется круглое пятно света, границы которого несколько размыты. Оно взрывается, как мыльный пузырь. В этом световом пятне он видит череп, что кажется ему странным, поскольку непонятно, какое отношение смерть имеет ко всему происходящему. Он повторяет про себя, что ему не страшно, но продолжает медленно падать вниз. Затем, по словам сновидца, все исчезает и сменяется полом из желтого линолеума с коричневыми пятнами. Ландшафт полностью утрачивает свой гигантский масштаб, и сновидец, удивляясь тому, что поверхность долины покрыта линолеумом, называет картину сюрреалистичной. Он видит предметы очень ясно и может их четко различить. Его немного рассмешил линолеум, а в письме, описывающем сон, он добавляет: «Мне не нравится линолеум. Он всегда холодный и неэстетичный. Я его не люблю». Очевидно, линолеум вызывал в нем возмущение и неприязнь.

Мы обсудили образ черепа и сказали, что в какой-то мере сновидец прав, утверждая, что падение в воду и падение в долину с черепом одно и то же – это было бы падением к собственной смертности, в лоно застывшей материи. На прошлой лекции я отмечала, что молодой человек все-таки бросил девушку, в объятиях которой ему приснился этот сон. Впоследствии он имел связь с русской проституткой, у которой было несколько чернокожих

любовников, и они пытались его убить. Образно говоря, он действительно упал в грязное озеро, подвергшись смертельной опасности и полной стагнации. Русская проститутка была полной грубоватой (земной) женщиной – явным воплощением материнской фигуры. Несмотря на нежелание оказаться в таком состоянии (так показывает сон), он все равно пришел к этому и, образно говоря, навсегда потерял свои крылья. Встречаясь с подругой, он уже тогда испытывал страх, что женщины «приземлят» его чувства, именно поэтому он и боялся продолжать отношения с девушкой. По этой же причине он быстро бросал женщин, чувствуя, что в каждой из них скрыт водоворот земной жизни, засасывающий всех мужчин. Падение в смерть не всегда принимает такую конкретную форму, как в этом сне, хотя и встречается, ведь многие *пуэры* умирают в возрасте от тридцати до сорока пяти лет. Но есть и другой способ попасть к смерти.

Стоит *пуэрам* утратить восторженно-романтический порыв юности, как возникает опасность впасть в состояние энантиодромии, выражающееся в откровенно циничном отношении к женщинам, жизни, к работе вообще, а также к деньгам. Многие из них внезапно принимают установку циничного разочарования. Они утрачивают свои идеалы, романтические импульсы и, конечно же, присущий им творческий подход, списывая все это за ненужностью как фантазии юности. Они становятся мелочными, приземленными, умственно ограниченными людьми, которые хотят иметь только деньги, семью, карьеру. Все остальное они считают романтической чепухой: то, что человек желал раньше, чем он занимался в юности, теперь следует вычеркнуть. Выходит, что Икар упал в грязь, и жизнь тут же остановилась. Все это происходит из-за неразвитого сознания (*weak consciousness*) *пуэра*, не способного даже представить себе, что существует возможность преодолеть жизненные трудности, не жертвуя своими идеалами, а испытывая их на прочность с помощью реальной жизни. Такие люди выбирают самый легкий путь и говорят, что идеи лишь усложняют жизнь, а значит, не стоит обращать на них внимания. В этом заключается огромная опасность.

Как известно, у нашего сновидца слабо развита эмоциональная, чувствующая сторона [психики] (*feeling side*). Холодный лед на дне ущелья отражает его собственную фундаментальную установку равнодушия и бесчувственности. Именно эмоциональная сторона придает жизни яркость и ценность. В данном случае оче-

видно, что в раннем возрасте молодой человек пережил сильнейшее потрясение, вызванное самоубийством отца. Тогда его жизнь застыла и заледенела. Люди, пережившие подобные потрясения, утверждают, что в жизни нет ничего кроме человеческих отходов, поэтому они каждое утро встают, завтракают и... просто продолжают свое существование.

В прошлый раз я вам рассказывала о мужчине, оказавшегося в подобном состоянии. Он увидел во сне принца, за которым ему нужно было следовать. Это был образ *puer aeternus*, вновь появившийся в его личности и требовавший подчинения. Однако здесь он возникает как фигура, отделившаяся от Эго. Сначала сновидец отождествляет себя с принцем, и после того, как он падает в придорожную грязь, происходит разделение двух фигур. Затем принц появляется вновь, но уже в качестве самостоятельного образа: он все также влюблен в свою невесту и преподносит ей драгоценный камень в форме слезы. Сновидец должен последовать за ними, но оказывается сбитым с ног Теневыми фигурами.

Итак, можно сказать, что для того чтобы избежать застоя в развитии, необходимо снова и снова обращаться к своей Тени. Если человек идентифицирует себя с архетипом *puer aeternus*, то ему придется встретиться с Тенью для того, чтобы опуститься на землю, стать ближе реальности. Но если человек отождествляет себя с Тенью, ему необходимо, вновь обратившись к архетипу *puer aeternus*, воссоединиться с ним, поскольку встреча с обратной стороной [собственной личности] ведет к новой ступени развития. Я сталкивалась с несколькими случаями, когда разочарование жизнью происходило не столько в интеллектуальной или духовной области *пуэра*, сколько влияло на установку мужчины в отношении брака.

Когда Икар, теряет крылья, он падает в застойное лоно матери и материи. Поэтому независимые мужчины не могут настроить себя на брак. Они считают, что брак станет для них тюрьмой – такие мысли типичны для проявления материнского комплекса и психологии *пуэра*. Юнг говорил о *пуэрах*, вступивших в брак, так: «Словно маленький щенок, он свернулся в клубок на дне корзинки и больше не пошевелился». Женившись, они больше не шевелятся: они даже не отваживаются смотреть на других женщин и обычно женятся на женщине типа пожирающей матери (даже если в молодости она может очень хорошо замаскироваться). Если же женщина другого типа, они заставляют ее играть роль пожира-

ющей матери, полностью подчиняясь ей, словно сын или маленький мальчик. Вот тогда брак для *пуэра* становится похожим на уютно-ленивую тюрьму привычек, с пребыванием в которой он мирится, хотя и вздыхает. В профессиональной сфере такие мужчины продолжают действовать довольно эффективно, превращаясь в честолобцев, ведь дома все скучно и однообразно. Это – корзинка для щенка: сексуальная проблема, как и проблема еды, у них решена, поэтому все амбиции и вся энергия уходят на карьеру, которую они делают довольно успешно. Вместе с тем в области Эроса у них происходит полный застой. Здесь больше ничего не развивается, поскольку брак – это окончательная ловушка, в которую они попали.

Такова еще одна возможность для *пуэра* утонуть в стоячей воде: или «умереть» в интеллектуальной сфере, отказавшись от своих творческих способностей, или «застыть» в сфере Эроса, избегая осознанных чувственных отношений и сворачиваясь клубком в привычной для него условной ситуации.

Мы говорили о том, что было бы естественным связать образ черепа [в сновидении] со знаком смерти. Один из аспектов этой проблемы заключается в том, что, вступая в жизнь, *пуэр* обязательно должен признать факт собственной смертности и несовершенности мира. Ему необходимо осознать неизбежность собственной смерти. Такова разновидность древнего психологического мотива: покинув рай – воплощение архетипической материнской утробы, человек сталкивается с осознанием своей неполноценности, несовершенства и собственной смертности. В сновидении именно из черепа (воплощения смерти) извергается новый поток света, демонстрируя, что именно череп как образ смерти может в дальнейшем служить источником света. Другими словами, если сновидец задумается о неизбежных реалиях жизни и примет их, то наступит просветление.

Далее, ландшафт полностью изменяется, теряя свои гигантские масштабы; теперь поверхность долины покрыта линолеумом. Сначала сновидец смотрит вниз, в расщелину, и видит звезды у себя под ногами; затем появляется желтый линолеум, а вместо звезд – коричневые пятна. Он снова смотрит на ту же картину, но цвет в ней переживает энантиодромию: то, что было темным, стало светлым, и наоборот. По словам сновидца, это действительно сюрреалистично.

Я не располагаю какими-то либо амплификациями линолеума, за исключением того, что сновидцу не нравится его холод и

отсутствие эстетизма; мы могли бы добавить собственное толкование, хотя оно может оказаться произвольным.

Можно сказать, что линолеум – покрытие, типичное для маленьких буржуазных квартир и домов бедных людей. Это дешевый материал, и на ум приходит довольно отвратительная атмосфера крохотных дешевых квартир, в которых пахнет кислой капустой. В любом случае земля во сне впервые покрыта не природным материалом. Вместо природной поверхности мы видим искусственное создание человеческих рук во всей его малости, что только дополняет картину потери пейзажем гигантского масштаба и выравнивание всего ландшафта. Звезды стали темными пятнами, а то, что раньше было коричневой землей, стало желтым линолеумом. Это говорит о том, что у сновидца вновь существует опасность впасть в пошлость и банальность, так как земля стала искусственно-рукотворной. Природа всегда противится стагнации, запуская для этого различные компенсаторные механизмы. В качестве примера этого процесса я приводила историю мужчины, впавшего в состояние стагнации, чье бессознательное вывело во сне образ принца. Это встряхнуло его и заставило вновь обратить внимание на то, что жизнь прекрасна. Однако он выпал из нее, предпочтя свернуться клубком и не замечать пошлости супружеской жизни и избитости профессиональной деятельности. Таким образом, банальности всегда сопутствует утрата естественности.

Тем не менее (и мы говорили об этом прошлый раз), общая картина сна демонстрирует положительный аспект, ведь в начале сновидения мы наблюдали опасное расщепление психики, но как только под ногами сновидца появилась земля, зазор в конце концов сузился. Теперь молодому человеку не грозит падение в бездонное пространство (что на самом деле означает угрозу сумасшествия или самоубийства), потому что под ногами появляется пол, хотя и с двумя уровнями.

Я обсуждала с Юнгом эту часть сна, он написал следующее: «Линолеум – это самая сущность неэстетической, обыденной, убогой буржуазной реальности: брак, налоги, жилье, молочник, уборщица, рента... Земля в форме квадрата с жестко очерченными углами, в которой не увидишь никакой символики. Именно это давит, удушает человека и, как и положено, заключает его в тюрьму. Это та самая демоническая сила реального символа, которой *pater aeternus* хотел бы избежать, которая притягивает его, как магнит, но которой он должен поклониться. Тот, кто идет навстречу стра-

ху, преодолевает страх. Тайнство бытия скрыто в банальном; тот, кто убегает, становится жертвой страха, порожденного воображением. «Как нужно» – это «портной» сродни Самости. Человек должен стать маленьким и ничтожным, чтобы избавиться от скорлупы бардо.⁶⁴ Только достигнув запредельной малости можно видеть величие и его достичь. Он должен сидеть на линолеуме и повторять: *tat tuum asi* (во твое наследство). Сын матери может себя обрести только в материи»⁶⁵.

Исчезнувшие гигантские пропорции и выравнивание ландшафта сна может означать, что даже если сновидец и впадает в обыденность, то полярные стороны его психики сглаживаются и невероятное психическое напряжение (какое бывает у слабой личности) спадает, а противоположности становятся ближе друг к другу. Однако звезды, олицетворяющие собой светящиеся образы архетипических комплексов, теперь превратились в темные пятна.

Попробуйте отвлечься от конкретной ситуации и подумайте о тех, кого мы называем нормальными людьми: как соответствующие комплексам архетипы проявляются у них? Они могли бы сказать, что жизнь ясна и недвусмысленна за исключением немногих неприятных моментов – темных пятен, т.е. комплексов! Действительно, когда Юнг открыл комплексы бессознательного, он говорил о них как о темных пятнах, а именно, как о дырах, зияющих в поле сознания. Проведя ассоциативный эксперимент, он узнал, что в поле сознания существуют тесные и прочные связи, что мы можем давать ясные и точные ассоциации до тех пор, пока не затронут комплекс: тогда в поле сознания возникает дыра. Если в ассоциативном эксперименте затрагивался комплекс [испытываемого], то никаких ассоциаций не возникало вовсе. Таким образом проявляется нормальная точка зрения бессознательного: все понятно, за исключением этих неприятных темных пятен – комплексов, за которыми скрываются архетипы. Это всегда осознает чело-

⁶⁴ Бардо – одно из представлений о судьбах умерших в тибетской мифологии. Видение бардо таково: *освобождение от сансары* возможно в первый момент при появлении изначального света. Сансара имеет трехчленную структуру: небо – место пребывания богов; верх земли – люди, животные; низ земли – обитатели ада. Таким образом, под избавлением от скорлупы бардо Юнг имеет в виду уход от масштабов Вселенной и переход к малому масштабу, который как раз и происходит в последней части этого сновидения (*прим. перев.*).

⁶⁵ Перевод автора из неопубликованного письма, датированного 28 августа 1952 года. Цитируется с любезного разрешения семьи Юнга.

век в случае сильной энантиодромии. Если после приступа психоза люди переживают состояние, называемое регрессивным восстановлением Персоны,⁶⁶ то потом они называют то, что раньше означало для них озарение (источник слишком яркого инсайта, который человек испытывает, погрузившись в коллективное бессознательное), темным пятном, которое следует избегать. Это очень нездоровое состояние. Если вы помогаете людям снять приступ психоза с помощью медикаментов, они впоследствии стараются отвергнуть все переживание коллективного бессознательного вместе с порождающими его возбуждением и просветлением, назвав бессознательное темным пятном, о котором они больше ничего не хотят слышать. Такая компенсация характерна для тех случаев, когда Эго слишком слабо, чтобы выдержать напряжение противоположностей, рассмотреть проблему с обеих сторон и увидеть, что с одной стороны, архетипы являются источником озарения, но с другой стороны, человеку необходимо прочно стоять на земле обеими ногами. Исходя из сновидения можно подумать, что сновидцу угрожает «падение» в противоположность – абсолютную обыденность. Однако в своем письме я писала, что в его жизни наступил период, через который он обязательно должен пройти; что, попав в такую ситуацию, он должен довериться бессознательному и сделать следующий шаг; что в данный момент он должен остановиться именно там, и этот процесс нельзя останавливать; что иначе он впадет в пошлость и обыденность, вычеркнув все свои прежние идеалы, – станет ангелом, потерявшим свои крылья.

Замечание: Можно сказать, что если он не может пройти по небу, он, по крайней мере, мог бы пройти по такому полу.

Да, конечно, и он мог бы точно так же прогуляться по полям, которые возникли в сновидении сначала, затем ландшафт сменился черепом, и тогда сновидец снова не мог наступить на поверхность, а уже потом появился линолеум, по которому опять же он смог бы пройти. Таким образом, на самом деле во сне мы видим две перемены: плодородная земля, затем смерть, а затем то, на что человек может наступить. На мой взгляд, жалко, что сон не закончился на появлении полей, ведь тогда проблема была бы полнос-

⁶⁶ C.G.Jung. Two Essays. CW, pars. 461ff.

тью решена. Дело в том, что в реальной жизни сновидец не видел ничего, что он смог бы изменить своей деятельностью, поскольку его собственная природа слишком пассивна. Он искал для себя точку опоры, на которую можно встать, но при этом не мог принять маскулинную установку по отношению к реальности; если ситуация его не устраивала, он был не в состоянии приложить усилия для того, чтобы изменить ее. Он не способен на проявления мужской творческой силы, заключающейся в том, чтобы взять глину и вылепить из нее то, что соответствует его собственным идеям. Он остается пассивным и принимает реальность, но в этом случае не получает от нее поддержки, и жизнь не превращается для него в точку опоры. Однако в дальнейшем ситуация улучшится по сравнению с той, когда сновидец падал в бездонную пропасть – у него уже появилась точка опоры. Но из этого сновидения я заключаю, что молодой человек еще не обрел связи со своей маскулинностью, он по-прежнему зависим от материнской основы. Насколько проблематично то, что он все еще не установил связь с маскулинностью, станет ясно из следующего сновидения.

Вопрос: Может ли желтая поверхность означать интуицию?

Реальность для интуитивной личности – постоянный источник затруднений, жизнь ослабляет и утомляет человека такого типа. Желтый цвет мог бы иметь связь с интуицией, но в нашем случае я не могу связать линолеум желтого цвета с интуицией, за исключением того, что сновидец совершенно точно принадлежит к интуитивному типу личности. [Желтый цвет] может означать, что молодой человек наконец обрел основу для своей главной функции. Он настолько не развит психологически, что у него не были даже развиты высшая и подчиненная функции. Его Эго-комплекс слаб, сознание неразвито, и интуиция стала той основой, на которую он мог опереться. Ее противоположностью могла быть реальность (с которой он был связан через функцию ощущения), а интуиция никогда не согласуется с реальностью. Для интуитивного типа земная реальность – настоящий крест.

Вопрос: Можно ли сказать, что проживая один аспект, человек достигает другого? Мне кажется, что если бы он встал на свой линолеум, то мог бы достичь и звезд, ведь во сне одно заменяет другое, один цвет сменяет другой.

Я бы сказала, что первый шаг в рождении его сознания должен был состоять в том, чтобы развить высшую функцию, и только гораздо позднее, спустя много-много лет, он мог бы соприкоснуться с другой функцией. Практически это означает, что человеку с неразвитой психикой необходимо сосредоточиться не на соприкосновении со своей подчиненной функцией, а на развитии основной функции, что, как правило, должно происходить в возрасте от десяти до двадцати лет. Однако молодому человеку придется добиваться развития основной функции, после которой он может перейти к подчиненной функции и разрешить трудности, вызванные раздражающим воздействием реальности.

Он мне написал еще об одном сновидении. Ему приснилось, что он попадает в облаву (полицейский налет, в ходе которого полиция преследует людей). Он и не пытается убежать, так как считает, что его невиновность обязательно обнаружится. Его закрывают в комнате, но спустя какое-то время он открывает дверь и видит, что его охраняет женщина. Он спрашивает, может ли она его отпустить, так как он ни в чем не виноват, и она отвечает: «Да, конечно, я могу тебя отпустить, потому что ты невиновен, но сначала тебе придется ответить на несколько вопросов». Затем он слышит стоны, которые доносятся из-за стены и понимает, что вопросы будут сопровождаться пытками; действительно, людей бьют в солнечное сплетение. Он пугается физической боли и просыпается.

Он не дал мне никаких других ассоциаций, но это сновидение явно связано с его «тюремной» и «полицейской» фобиями. Как вы помните, он не мог пересечь швейцарскую границу, так как боялся попасть в тюрьму, а увидев полицейского, всегда убегал прочь. Чтобы понять образ женщины-охранника нужно вспомнить о том, что сновидец был художником. Он написал мне, что однажды нарисовал портрет воображаемой незнакомки. Работа продолжалась четыре года, и портрет стал для художника таким живым и значимым, что ему пришлось накрывать изображение, особенно по ночам, так как автор боялся, что женщина на портрете может ожить и стать для него опасной. По этой причине он не мог спать, когда портрет находился в одной с ним комнате, ему приходилось рисовать и тут же быстро накрывать холст; бывали периоды, когда художник не смотрел на него несколько недель, потому что для него он был живым. Это может быть действительно очень яркий пример самой Анимы. Картина не напоминала ему никакую кон-

кретную женщину. Это было изображение его Анимы, образ его внутренней женщины, который стал столь живым, что привел его в ужас. Древний мотив Пигмалиона!

Теперь нам следует обратиться к странному «тюремно-полицейскому» комплексу, который в реальности проявлялся как некая разновидность фобии. Описанное сновидение очень важно, так как оно связано с выводами, к которым я пришла в конце предыдущей лекции. Здесь мы сталкиваемся не только с индивидуальными трудностями, но и с вопросом, имеющим прямое отношение к нашему времени: полицейское государство, тоталитарная система, истязаящая тысячи людей, становится все более серьезной проблемой современности. Странно, что именно пугры являются и мучениками, и создателями такой деспотично-кровавой полицейской системы. Поэтому между пугром и полицейским государством есть скрытая связь, и один из них приводит к появлению другого. Люди именно такого типа создали фашизм и коммунизм. Таким образом, оказывается, что настоящий деспот и палач, пытающий людей, подавляющий человеческую индивидуальность, в основе своей сущности имеет неразрешенный материнский комплекс. Такие люди становятся одержимы этим комплексом и, находясь в состоянии одержимости, совершают жестокие и безжалостные поступки.

Так как сновидец находится на улице, можно сказать, что он находится в обществе. В тот момент в реальной жизни у него не было социальных отношений, поскольку он – одинокий человек с совершенно асоциальной установкой. У него отсутствует связь со своими чувствами, у него нет настоящих друзей – лишь тот молодой человек, которому он уступил свою девушку, однако между ними не было никакой эмоциональной близости, следовательно, он остался потерянным для общества. На улице его никто не узнает, и именно на улице он оказывается пойманным полицией. Всякий, обладающий слабой психикой и не развивающий свою индивидуальность, оказывается в двойной опасности: он может быть уничтожен не только коллективным бессознательным, но и существующим социумом. Человек со слабым Эго-комплексом оказывается между Сциллой и Харибдой, между молотом и наковальней. Он попадает в плен или коллективного бессознательно-го, или конвенциональности (скорее всего, его увлекают какие-то социальные движения). Таким образом, идентификация с Персоной, то есть идентификация с коллективным движением – это

столь же характерный симптом слабой личности, как и сумасшествие, когда человек находится во власти коллективного бессознательного. Это только две разновидности одного феномена, а потому участники социальных абсолютистских движений с точки зрения Эго-сознания, как правило, слабые люди.

Я вспоминаю, как один врач мне рассказывал, что в начале Второй мировой войны, когда он считался одним из лучших специалистов по желудочным заболеваниям, к нему на прием пришел фашистский чиновник высокого ранга с жалобами на язву желудка. Доктор его вылечил, и в результате фашисты стали считать врача очень хорошим специалистом в этой области. Во время войны он частным образом лечил многих высокопоставленных фашистов. Следуя *religio medici* (кодексу врача), он, разумеется, не мог отказать им в приеме. По его словам, самым поразительным было видеть, как эти палачи, создатели концлагерей, так называемые «герои», снимали красивую униформу и нижнее белье, обнажая натренированное загорелое тело, чтобы разоблачить подспудный невротический страх, вызвавший болезнь желудка. Эти псевдогерои на деле были изнеженными, слабыми, испорченными маменькиными сынками. Многим из них пришлось отказать в чисто медицинской помощи, потому что расстройства имели явную психологическую природу – истерическую. Для доктора эти обстоятельства стали откровением, совершенно неожиданным открытием, а для нас они имеют значение. Он выписывал больным лекарства и рекомендовал особый режим, который вызывал у них небольшое ощущение дискомфорта, но они даже не пытались выполнять его рекомендации. Более того, если он посвящал их в тонкости болезни, большинство из них начинало плакать. По словам доктора, как только спадала маска героической Персоны, перед ним возникала истерическая женщина. Всмотритесь в лица тех, кто и сегодня рисует свастику, и вы увидите тот же тип людей.

Наш сновидец думает, что он будет освобожден из-под стражи, так как невиновен. Он все еще находится в плену старомодных идей о справедливом Государстве и власти закона, которые, например, существуют в Швейцарии, где человека можно арестовать, только если он совершил какое-то преступление. Человек не должен бояться полиции, ведь он будет отпущен, если не нарушал закон. Из конца сновидения совершенно ясно, что вопрос о степени его виновности в данном случае не играет никакой роли. Его

отпустят, но до этого полиция все равно подвергнет его пыткам. Любая попытка объяснить свою невиновность окажется бесполезной. Как можно интерпретировать идею невиновности?

Помните, что я рассказывала о нем – красивом, белокуром, вежливом молодом человеке, одетом в пальто небесного цвета? Если вы спросите, что плохого он сделал в своей жизни, я отвечу, что он практически не сделал ничего плохого, за исключением того, что он вообще ничего *не сделал!* Он был грешен тем, что не грешил. *Он не жил.* Если вы живете, значит, вы просто вынуждены грешить: если вы едите, значит, другие люди уже не могут есть эту пищу. Мы закрываем глаза на то, что тысячи животных гибнут, чтобы обеспечить нам существование. Жить значит убивать, и чем активнее я живу, тем больше зла я совершаю.

Жизнь связана с чувством вины, а так как сновидец не жил, он не накопил в себе достаточно «активной» вины, зато аккумулировал много вины пассивной. Вспомните о тех девушках, которых он бросил. Правда, он на них не кричал и не оставлял им незаконнорожденных детей. Он не сделал ничего того, что мог бы сделать более энергичный мужчина; он бросал женщин, просто исчезая из поля их зрения, что так же жестоко и аморально, как и совершить по отношению к ним поступок, который мы называем недостойным. Он совершил грех, заключающийся в том, что не жил, но такой грех типичен для мужчины, имеющего с точки зрения материнского комплекса преувеличенную эстетическую и духовную установку к жизни, считающего, что, отчуждаясь от внешнего мира, он может сохранить иллюзию чистоты и невинности. Однако при этом такой человек попадет в ловушку, устроенную ему жизнью. Он не может продолжать жить, как маленький невинный мальчик, который ни разу в жизни не сделал ничего плохого, но если бы даже и хотел сделать плохое, жизнь все равно захочет поймать его в ловушку. Следовательно, он оказывается во власти коллективных сил в их негативном проявлении. Можно сказать, что в фигуре полицейского воплощается собственная маскулинность сновидца. Так как он не проживает жизнь сам, она оборачивается против него. Все, что есть у человека внутри, и то, что он сам не проживает, оборачивается против него, поэтому теперь сновидца преследуют пытки и полиция, и он открывает для себя, что истинным дьяволом оказывается фигура Анимы, которую он так долго изображал на портрете. Именно она и есть его настоящий мучитель, скрытый за кулисами. Очевидно, что фигура Анимы

является разновидностью его собственного внутреннего материнского образа. У этой Анимы *sensu stricto* (*строгие чувства*); это действительно Анима, но идентичная с образом матери – дьяволом, скрытым за сценой. Известны ли вам какие-то мифологические разновидности фигуры матери и мучительно неразрешимых вопросов, которые она ставит перед человеком?

Ответ: Сфинкс.

Да, естественно. Сфинкс – это образ Великой Матери, задающей мучительные вопросы тем, кто хочет оставаться невинным. Эдип тоже захотел быть невинным: он покинул дом, чтобы избежать исполнения пророчества, состоявшего в том, что он убьет своего отца и женится на матери. Однако, пытаясь бежать от судьбы и уклониться от вины, он сам того не ведая, нашел ее. В данном сновидении мы сталкиваемся с версией Эдипова мотива: сновидец думает, что может убежать от судьбы, и, как и многие другие, попадает в объятия Сфинкса, который задает ему вопросы, не имеющие ответа.

Мотив Сфинкса, загадывающего загадки (или, в данном случае, мотив сфинксоподобной женщины, задающей вопросы в то время, когда сновидцу наносят удары в солнечное сплетение) подводит к очень важной, широко распространенной архетипической проблеме, о которой я пока сказала очень мало. Она связана с так называемой псевдофилософией – ложной интеллектуализацией, обусловленной материнским комплексом. Самый удачный пример такой философии можно найти в русской сказке «Царь-девица», о которой я говорила на прошлой лекции. Это сказка о трех царевичах, которые по воле отца отправились искать свою судьбу. Как вы помните, два старших царских сына на развилке повернули направо и налево. Тот, который повернул налево, доверился блуднице и оказался в темном подвале, другой царский сын в конце концов оказался в темнице по приказу отца (один попал в тюрьму своего сексуального влечения, а другой регрессировал к традиции). Третий сын, несмотря на предупреждения, поехал прямо. Его конь сначала умер, потом вновь ожил, но сам герой остался жив. Затем он приехал к самой страшной ведьме – Бабе-Яге, хитрящей старухе с зоркими глазами и таким длинным носом, что она выгребала им пепел из печи. Баба-Яга жила в маленькой избушке на курьих ножках с петушиным гребнем на крыше, которая

могла поворачиваться вокруг своей оси. Сначала Иван-царевич произнес волшебные слова: «Избушка-избушка, встань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом!». Затем он вошел в избушку и увидел ведьму, выгребавшую из печи пепел. Она повернулась к Ивану и спросила: «Фу-фу! Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел. Волей али неволей, добрый молодец?» По существу она спрашивала: «Добровольно или насильно ты отправился в свое странствие?» В каком-то смысле царевичи отправились в путь не по собственной воле, ведь их побудил к этому отец, назвав своих сыновей бездельниками: т.е. побуждение пришло из традиционного прошлого и распространилось на будущее. С другой стороны, это странствие является добровольным, в особенности странствие младшего сына, над которым все смеялись, полагая, что он ничего не добьется, и лучше бы ему оставаться дома, на печи. Хотя можно сказать, что на самом деле царевич отправился в странствие по собственной воле, все-таки в вопросе старухи кроется какой-то подвох. Но сначала я скажу ответ царевича, так как из него станет ясно, как он справился с возникшей проблемой. Иван отвечает: «Заткнись, старая ведьма. Не задавай добру молодцу таких вопросов. Лучше напои-накорми меня да поторапливайся!» И заканчивает ответ угрозами в адрес Бабы-Яги – весьма вульгарно и восхитительно! Как видите, он очень хорошо знает, что ведьме не нужен ответ, а ее вопрос – всего лишь уловка, имеющая целью усыпить его бдительность. Если бы он стал отвечать на вопросы ведьмы, то попал бы впросак. Это только отвлекающий маневр, не требующий дальнейшего обсуждения.

Вопрос свободы воли относится к той философской проблеме, которую человеку никогда не удавалось решить. Свобода воли – субъективное ощущение. С интеллектуальной и философской точки зрения существуют «за» и «против», и правоту той или иной стороны доказать невозможно. Задавая себе вопрос, делаете ли вы что-то потому, что должны или потому, что хотите это сделать, вы никогда не получите ясного ответа. Вы можете сказать, что чувствуете желание сделать что-то, однако, возможно, это чувство вызвано бессознательным комплексом. Так как же вы можете вообще определить [желание и необходимость]?

Свобода воли – субъективное чувство, но для Это исключительно важно в какой-то мере ощущать себя свободным. Настроение, в котором каждый из нас находится в определенный момент –

это лишь вопрос ощущений. Если вы не верите в то, что Это обладает свободой воли, а значит и инициативой, то вы лишены возможности что-либо предпринять. Вам необходимо изучить свои внутренние мотивы: заглянуть в прошлое и глубже проникнуть в бессознательное, однако избавиться вам от него не удастся. Это паутина материнского комплекса. Именно так ведьма пытается заманить героя в ловушку; она хочет, чтобы он сел и спросил себя, действительно ли он хочет [идти дальше] или нет: да или нет – вопрос, связанный с противодействием отцовской воле. Если сын совершает определенные поступки, то подчиняется ли он приказу отца или же пускает пыль в глаза, потому что его дразнили дома? В конечном счете, действительно ли он хочет совершить поступок? Если бы он сел и спросил себя об этом, можно с уверенностью сказать, что он навсегда остался бы сидеть там, попав в западню к ведьме. В этом и состоит знаменитая уловка материнского комплекса.

Одни *пуэры* спасаются от матери, улетая от нее, поднимаясь в небо на самолетах прочь от Матери-Земли и плоской реальности. Другие делают то же самое, но мысленно, покидая землю в своем воображении. Вместо самолета они используют философскую теорию или интеллектуальную систему. Я не очень много размышляла на эту тему, но меня поразила одна вещь, особенно распространенная у латинян. В латинской культуре материнский комплекс соединялся с особой разновидностью сильной, но пустой интеллектуализации: склонностью обсуждать небо, землю и еще бог знает что. И делалось это в резкой рациональной манере при полном отсутствии творческого воображения. Может быть, в подобном философствовании прячется последняя попытка некоторых мужчин спасти свою маскулинность. На практике это выражается в том, что некоторые молодые люди, подавленные своими матерями, попросту ускользают от них в интеллектуальную сферу. В этом случае мать, особенно если она земная женщина, обладающая неразвитым и глупым Анимусом, за ними не поспекает. Следовательно, такова первая попытка *пуэра* уйти в мир книг и философских обсуждений, которые, как он считает, не понятны матери. Эту попытку нельзя назвать деструктивной. Мир *пуэра* слишком тесен: обсуждая с другими мужчинами свои интересы, он охотно допускает, что эти темы не доступны женскому пониманию. Так он бежит прочь от феминности, но при этом теряет в объятиях матери свою земную маскулинность.

Спасая маскулинность на ментальном уровне, мужчина жертвует своим фаллосом, т.е. земной мужской силой и творческим началом. Он отрекается от энергии действия, от той маскулинности, которая как глину, лепит, формирует и преобразует мир. Для него это слишком сложная задача, и он отказывается от нее, ускользая в сферы философии, педагогики, метафизики и теологии – области, которые по существу представляют собой нежизнеспособную деятельность. За всей его философией не стоит ни одной реальной темы. Такие люди не задают себе настоящих вопросов. Для них философия – разновидность игры в слова и понятия, не имеющая никакой убедительной силы. Даже бабочку нельзя привлечь подобной философской чепухой. Никто не станет слушать пустые рассуждения.

Псевдофилософская интеллектуализация неоднозначна, поскольку, как я уже отмечала, она является способом, позволяющим мужчине избежать доминирующих объятий материнской фигуры. При этом интеллектуализация всегда остается неполной, так как порождается только интеллектом и освобождает только интеллект. По существу в этом можно убедиться на примере трагического мифа об Эдипе, когда Эдип совершает ошибку, пытаясь ответить на вопрос Сфинкса вместо того, чтобы сказать чудовищу, что оно не имеет права задавать такие вопросы, и что если оно задаст еще хотя бы один вопрос, Эдип сбросит его в море. Но Эдип дает хороший интеллектуальный ответ. Сфинкс очень умно продолжает игру, на глазах у всех совершив самоубийство. Эдип сам проигрывает поединок и попадает прямо в ядро материнского комплекса, вовлекаясь в разрушительную трагедию только потому, что обрадовался, что ему удалось преодолеть препятствие, правильно ответив на вопрос.

На мой взгляд, фрейдистская психология использовала этот миф неправильно, неверно обобщив его смысл. Миф об Эдипе нельзя понимать вне контекста древнегреческой культуры и вне того, что в целом случилось с греческой цивилизацией. Если поразмышлять над философией Сократа или Платона, то можно увидеть, что они открыли область философии чистого разума с присущими ему маскулинными, рациональными умозаключениями. Но узнав, что случилось с Платоном и его учениками, когда они пытались воплотить свои идеи в жизнь, вы обнаружите, что они избегали реальности, не находя способа, с помощью которого они могли бы формировать действительность. Идеи Платона от-

крыли чистую философию, но не нашли философию, способную выдержать проверку реальностью. Вместе с тем рассуждения философа легли в основу фундаментальных физических и химических понятий, что, однако, не помешало римлянам и египтянам в экспериментальной науке позднее изменить эти понятия, поскольку грекам так и не удалось воплотить свои идеи в химических экспериментах. Их наука, даже в самой совершенной форме, оставалась чисто спекулятивной; а между тем происходила бесконечная борьба маленьких греческих городов, что привело наконец к трагическому распаду древнегреческой цивилизации.

Как только возникло противостояние Древней Греции маскулинным нациям с культом военной и физической самодисциплины (римлянам), греки оказались в растерянности. Таким образом, хотя греческая цивилизация несла в себе великое философское начало всей средиземноморской цивилизации, греки не смогли творчески реализовать свои идеи, поскольку не отгадали загадку Сфинкса. Миф об Эдипе – это по существу миф о [древнегреческом] периоде развития цивилизации; в то же время – это миф о юношах, начинающих жизнь с решения той же самой проблемы. Именно поэтому история Эдипа может считаться общим мифом.

Вопрос Бабы-Яги – не вовремя заданная философская задача – это уловка пожирающего материнского Анимуса; позже, когда мужчина встает на ноги, эта уловка становится обманым приемом материнского комплекса, который ставит философские вопросы там, где нужно *действовать*. Подобный трюк часто встречается и в реальной жизни: например, юноша хочет покататься на лыжах, пойти куда-то со своими друзьями, он полон юношеских порывов, которые выталкивают его из гнезда, побуждая оказаться вместе со своими сверстниками. Желая взять лодку и вместе с друзьями спуститься вниз по Рейну, прямо до Голландии, парень рассказывает матери о своих планах. Так проявляется его юношеский максимализм, однако мать начинает беспокоиться, что сын покинет родной дом. Мальчик будет жить и, естественно, познавать жизнь только в том случае, если на него не давит материнская опека. Но если опека все-таки существует, то начинается следующее: «Разве тебе стоит это делать? Я думаю, тебе это не нужно. Я не хочу тебе мешать, я думаю, что тебе было бы очень хорошо, например, заняться спортом, но не считаю, что это нужно делать прямо сейчас!» Для матери никогда не будет время сделать «прямо сейчас» то, что сын придумал первым, – это любимый

прием материнского Анимуса. Ей необходимо для начала все обсудить. «В принципе, – говорит она, – я ничего не имею против, но именно эта твоя затея мне кажется немного опасной. Неужели ты действительно хочешь так поступить?» Если юноша слишком труслив, то его поглощают раздумья, а затем паруса его корабля перестают наполняться ветром, и наступает полный штиль. В воскресенье он остается дома в то время как его сверстники отправляются на прогулку: его маскулинность потерпела очередное поражение. И это вместо того, чтобы ответить матери, что его не волнует, прав он или нет, что он просто хочет уйти! Момент действия – не время для обсуждений.

В этом отношении я испытываю негативное чувство к поколению, воспитанному родителями, прошедшими курс аналитической психотерапии – неважно, фрейдистский анализ, юнгианский, или относящийся к любой другой психологической школе, – во всех случаях я вижу, что материнский Анимус использует даже психологические знания, чтобы изуродовать сына: «Я не знаю, насколько было бы правильно тебе поехать кататься на лыжах с точки зрения психологии» или что-нибудь в этом духе. В следующем поколении даже психология может стать опасной: дети не сведущих в психологии родителей оказываются счастливее: в отличие от отпрысков родителей, чей разум испорчен психологией, эти дети смогут начать что-то новое. То же самое относится и к аналитику, который удерживает пациента в момент, когда тот хочет совершить какое-то действие: едва человек собирается что-то предпринять, как аналитик говорит, что сначала нужно исследовать сны пациента и посмотреть, насколько он прав. Эту роль (если ее не берут на себя ни мать, ни аналитик) часто выполняет Тень *пуэра*. Каждый раз он будет желать что-то сделать, и каждый раз он будет доказывать себе, что не стоит ничего предпринимать, пока не обдумает все как следует. Этот процесс я назову невротическим философствованием; философствование излишне, если нужно действовать. Этот смысл кроется и в мифе о Сфинксе, и в хитроумных вопросах Бабы-Яги из русской сказки. Именно материнский Анимус говорит: «Да, конечно, ты можешь пойти, но необходимо задать тебе несколько вопросов!» И независимо от того, ответит испытуемый на эти вопросы или нет, его пытаются.

Однако в сновидении моего пациента есть и позитивный аспект. Вы помните, что людей во время пыток бьют в солнечное

сплетение, в синус. В стране, где жил этот молодой человек, язык имеет латинские корни, и он знал, что *sinus* на латыни означает кривую береговую линию (или вообще любую кривую), но в особенности «женскую кривую» – линию груди. Следовательно, когда его бьют в синус, его бьют по скрытой феминности. Кроме того, синус является полостью, в которую может попасть инфекция, что хорошо известно не только медикам.

Таким образом, *sinus* – это пустое пространство, связанное со скрытой феминностью и областью ментального. Это означает, что такие виды деятельности как псевдофилософствование и псевдоинтеллектуализация подразумевают скрытое в них женское начало. Быть философом такого рода значит обладать скрытой феминностью, и хотя именно дьявольская мать искушает мужчину мыслить таким образом, она же потом за это его и бьет. В жизни можно увидеть, как матери делают все возможное, чтобы подавить своих сыновей: удерживают дома, превращая их в женоподобные существа, а после этого всем вокруг жалуются, что сын стал гомосексуалистом или что в сорок три года он еще не женат, что она была бы безмерно счастлива, если бы он наконец женился, что ее так раздражает, когда сын сидит дома в подавленном настроении, и как она от этого страдает, – пусть случится, что угодно, лишь бы он не находился дома в таком ужасном состоянии... Однако стоит появиться подруге, как мать меняет тактику. Эта женщина никогда ее *не удовлетворит*. Эта женщина никогда не сделает счастливым ее сына (она гарантирует!). Эти отношения следует немедленно прекратить.

Таким образом, мать действует в обоих направлениях. Она подавляет своего сына, а затем постоянно наносит удар его в слабое место, критикуя его и постоянно на него жалуясь. Именно так все это выглядит на индивидуальном уровне, так же происходит и на уровне архетипического комплекса, поскольку исцеление от недуга можно найти только там, где находится деструктивный комплекс.

Пытки в сновидении можно рассматривать как бессмысленную деятельность бессознательной психики, провоцирующей невроз. В то время молодого человека действительно мучили симптомы его болезни, ведь он не мог ездить и передвигаться из-за своей «тюремной» фобии. Вместе с тем в мучительном симптоме материнского комплекса содержался вопрос, и если бы ему удалось этот вопрос осознать, он мог бы себя спросить: что хочет от него

материнский комплекс, какое расстройство за ним скрывается? И тогда он бы нашел ответ. Такие пытки явно имеют двойной аспект: если человек осознает их как вопрос, заданный ему судьбой, то может решить проблему, но если он бежит от него прочь, то материнский комплекс обрекает страдальца на вечные муки. Решение полностью зависит от человека. К сожалению, сон моего пациента заканчивается так: «Я очень испугался физической боли и проснулся», что свидетельствует о том, что [страх] физической боли – одна из основных его проблем. Такие несложные расстройства очень распространены у мужчин, чрезвычайно подавленных материнским комплексом, они не могут переносить физическую боль. Обычно именно с физической боли начинается свою шумную протестующую заботу мать, собирающаяся поглотить своего юного сына. Она смазывает бальзамом больное место, т.е. убеждает сына не дружить с грубыми мальчишками, которые плохо себя ведут и т.п. Затем, когда сын приходит домой побитым в драке, она говорит, что расскажет родителям этих мальчишек об ужасном поведении их детей, – и это вместо того, чтобы убедить своего собственного сына не быть трусом и давать сдачи обидчикам! Таким образом, она уже превращает его в труса, страшась физической боли, и этот страх становится основой для дальнейших расстройств, потому что человек, испытывающий страх перед физической болью, не имеет в жизни точки опоры. Я знала пятидесятилетнего мужчину, который не мог себе позволить выйти куда-нибудь со спутницей. По его словам, если он пойдет с ней в бар, то к нему пристанет какой-нибудь пьяный, и ему придется драться, несмотря на то, что он не дрался никогда в жизни.

Замечание: Но вспомните Юлия Цезаря! Он боялся физической боли, но при этом его нельзя назвать трусом!

Но ведь он никогда не уступал своему страху. Есть люди с обостренным ощущением физической боли, но вопрос заключается в том, насколько человек поддается этой боли. Я могу вам рассказать одну историю об англичанине и французе, воевавших во время Первой мировой войны. Они сидели в окопе. Француз ходил вдоль окопа туда-сюда и нервно курил одну сигарету за другой. Англичанин спокойно сидел, а затем сказал, насмешливо глядя на француза: «Ты что, боишься? Ты нервничаешь?» Француз ответил: «Если бы ты боялся так, как боюсь я, то уже был бы дав-

но далеко отсюда». Вопрос не в том, боится человек или нет: есть толстокожие люди, практически полностью лишенные чувств, им не хватает чувственных ощущений, и их трудно чем-либо уязвить или ранить. Другие же ощущают боль гораздо острее. И вопрос заключается в том, есть ли у них запас жизненных сил, чтобы ее выдержать. Цезарь, без сомнения, сталкивался с физической болью, но терпел, несмотря на то, что боялся и ненавидел ее. На мой взгляд, он был настоящим героем. Как сказал англичанину француз, героизм заключается не в том, чтобы не бояться. Англичанин не был столь впечатлительным, и, следовательно, оставался спокойным. Многие люди крайне мужественны только потому, что они не чувствительны и не впечатлительны, они не могут себе представить, что может случиться, и потому не нервничают. Очень взвинченные, впечатлительные люди, естественно, страдают гораздо больше. Однако, истинная проблема мужества заключается в том, способен ли человек вынести страдания, или, по крайней мере, сохранить желание бороться, не потеряв чувство самозащиты и не утратив достоинство.

Это глубоко укорененный инстинкт, который существует не только у людей (у мужчин), но и у всех видов животных. Самцы многих животных не могут расстаться со своей самооценкой и своим достоинством, не заплатив за это. Эта черта относится к сущности маскулинности, а ее утрата связана с глубинным и очень болезненным ощущением кастрации.

Самцы-цихлиды (*cichlidae* – разновидность рыб) не могут спариваться с самкой, превосходящей их по размеру. Причина в том, что у этих рыб слабое зрение, кроме того, различия между самцами и самками этого вида не сильно выражены. Они плавают в стае, и первое, что замечает самец – рыбу рядом с ним, превосходящую его в размерах. Это вызывает у него некоторую тревогу, связанную с тем, что может возникнуть борьба, и он потерпит поражение; когда он приближается и видит, что это самка, то не может с ней спариваться. Самка, которой встречается самец, превосходящий ее по размеру, тоже пугается, но она спариваться может. В результате зоологи пришли к выводу, что у самцов секс может сочетаться с агрессией, но не со страхом. У самок секс может сочетаться со страхом, но не с агрессией. Вот вам в двух словах описание проблемы Анимуса и Анимы.

Исследования в других областях показали, что если у некоторых видов животных самцы теряют свою самооценку, они уми-

рают. У Э. Сетона-Томпсона⁶⁷ есть прекрасная история о вожаке волчьей стаи, промышлявшей охотой на домашний скот. С большим трудом люди поймали матерого волка, но, поскольку он был весьма известен, его не убили, а связали и привезли в деревню. Сначала он выглядел совершенно свирепым зверем с диким бешеным взглядом, но вдруг, к изумлению автора, прекрасно его знавшего и наблюдавшего за волком, успокоился, его взгляд устремился куда-то вдаль; зверь смирился. Он по-прежнему оставался привязанным во дворе дома, и хотя за его голову правительство предложило огромную сумму, никто из жителей деревни не знал, что с ним делать. На следующее утро волк умер, и причину его смерти долго не могли понять. Зверь погиб от унижения, и это весьма распространенная причина смерти, в особенности, если речь идет о самцах животных.

То же самое происходит в примитивных маскулинных сообществах. Во время Второй мировой войны провели статистическое исследование с целью узнать, кто лучше переносит тюремное заключение: дикари или цивилизованные люди. Оказалось, что чем примитивнее человек, тем выше вероятность того, что он в отчаянии совершит самоубийство. Эти статистические данные собрал Красный Крест, а я получила информацию от своей сестры, которая работала в этой организации. Известно, что в большинстве первобытных племен совершались массовые самоубийства – люди находились в состоянии амока, сумеречного состояния психики. В одном американском лагере для японских военнопленных происходило много самоубийств, которые люди совершали в приступе отчаяния. Африканцы не могут выдержать пребывания в тюрьме более трех дней. Например, бушменов вообще нельзя помещать в тюрьму, поскольку независимо от отношения к ним как к узникам, они на глазах теряют силы и умирают. Утрачивая надежду, пленники погибают по психологическим причинам.

Поэтому можно сказать, что мужчине очень важно иметь ощущение свободы, а также обладать самоуважением и достоинством, плюс к тому – некоторой агрессивностью и способностью к самозащите. Все эти черты имеют прямое отношение к жизненной силе

⁶⁷ Эрнст Сетон-Томпсон (Ernest Thompson Seton, 1860–1946) – канадский ученый-натуралист и писатель, автор увлекательных и остроумных рассказов о мире дикой природы.

мужчины, и если они уничтожены матерью, он становится легкой добычей материнского Анимуса. Если мать наказывает сына, унижая его, она лишает его самоуважения.

Еще один хитрый способ унизить мужчину – сделать его предметом насмешки. Я знаю мать, которая своим злым языком в буквальном смысле изуродовала своего сына. Каждый раз, когда юноша стремился утвердить свою маскулинность и что-то предпринять, она вставляла свое насмешливое замечание, которое гасило порыв, выставляя его в смешном свете. Юноша, отправляющийся на подвиги, взрослому человеку кажется смешным и несерьезным, однако он заслуживает уважения, ведь такие поступки способствуют развитию его мужского начала. Игры мальчиков в полицейских и бандитов выглядят нелепыми, но следует относиться с уважением к необходимости формирования и подкрепления их мужской самооценки, а также ощущения свободы и независимости. Это очень важно, и не следует заострять внимание на том, что вам кажется смешным. Поэтому во многих первобытных мужских сообществах, пытающихся сохранить свою независимость и маскулинность, женщинам запрещено смотреть на мужчин во время ритуала, когда они ходят по кругу, надев маски и прицепив сзади хвосты животных. В первобытных племенах женщин не допускают к большинству мужских инициаций, так как они просто могут себе позволить какое-нибудь насмешливое замечание в отношении героев или что-то в этом духе, и тогда весь обряд полностью нарушается. Мужчины прекрасно понимают, что, демонстрируя свою маскулинность таким образом, они выглядят нелепо со стороны, именно поэтому женщинам не разрешается присутствовать при исполнении ритуала. Женщины, однако, тоже имеют свои таинства. Девушка, впервые использующая косметику или сделавшая модную прическу, подвергается обидным насмешкам со стороны братьев. Они смеются над ее первыми стыдливими усилиями стать маленькой женщиной, поэтому, как правило, девочки предпочитают собраться группой, например, в школе, и предпринимать эти попытки сообща. Это тоже вызывает смех, поэтому они скрываются от мальчиков.

Вопрос: Существует ли какая-нибудь связь между синусом и носом, а если да, имеет ли это какое-то отношение к дыханию жизни? Разве при нарушении синуса не останавливается дыхание? Можно ли удар в синус считать ударом по дыханию жизни?

Нет, я так не думаю. После удара у человека прерывается дыхание. Сам по себе синус является полостью, но я никогда не узнавала, в чем заключается его медицинская функция. Синус – наследие, доставшееся от предков, нечто похожее на аппендицит. Может быть, доктор Мемке (Dr. Mehmke) расскажет нам об этом. Насколько мне известно, синус не обладает никакой жизненно важной функцией.

Ответ: Я думаю, что его функция состоит в том, что он может подвергнуться заражению!

Должно быть, он, как и аппендицит, довольно бесполезный орган. Сам по себе синус не обладает никакой функцией. На мой взгляд, это обстоятельство делает синус более значимым, а интерпретацию его смысла – более ожидаемой. В сновидении женщина наносит удар не по дыханию жизни, а в область, которая не является жизненно необходимой, и это придает сновидению не только отрицательный смысл. Иначе говоря, если бы у сновидца не было этой полости, если бы он не имел в себе этой ненужной фемининной слабости, женщина-охранник не смогла бы подвергнуть его пыткам. Можно сказать, что если бы он был сильным и мужественным, а не зараженным (следовательно, слабым), она не смогла бы ничего сделать. Отсутствие маскулинности в личности сновидца отражено в почти детском плаче о том, что он невиновен. Как будто в этом все дело! Вместо того, чтобы говорить о своей невиновности, ему следовало бы прийти в ярость и постараться вырваться на свободу. Но сновидец реагирует пассивно, надеясь на то, что невиновность его спасет, – как будто в нашем мире это имеет какое-то значение!

Христианство учит, что на самом деле зла не существует, и если человек невиновен, у него все будет хорошо. Но если толковать этот постулат неверно, он лишь сделает нас инфантильными, лишив нас инстинктивного отношения к жизни. Все мы стараемся быть невинными овцами, но став ими, вполне естественно превращаемся в беспомощных существ. Здесь мы снова сталкиваемся с проблемой барашка Сент-Экзюпери, психологией овцы и инфантилизмом. Такова одна из разновидностей ложной христианской установки, которая состоит в том, что если человек невиновен, с ним ничего не случится, поскольку он находится под защитой своего ангела-хранителя. Но реальная жизнь входит в проти-

воречие с таким учением, так как невинность не помогает жить ни в человеческом мире, ни в дикой природе. Невинность лишь служит приманкой для волков.

Итак, у меня не много информации по обсуждаемому случаю, поэтому мы перейдем к вопросу о том, как проблема комплекса *puer aeternus* отражена в Германии. С этой целью я возьму книгу Бруно Гетца «Царство без пространства» (*Das Reich ohne Raum*), впервые изданную в 1919 г. Второе издание увидело свет в 1925 г. Примечательно, что книга была написана и издана до зарождения нацистского движения в 1933 г., задолго до того, как Гитлер начал формулировать свои болезненные идеи.

Без сомнения, Бруно Гетц обладал пророческим даром и, как мы увидим, его история во многом предугадала события, связанные с нацистским движением, пролив свет на проблему фашизма с точки зрения *пуэра*. Гетц предсказал даже то, что происходит в Германии в настоящее время, и я уверена, что с помощью этой истории мы доберемся до цели, которую я поставила: мы выясним религиозную сторону и раскроем временной аспект проблемы *puer aeternus*.

Лекция 9

Бруно Гетц родился 1885 г. в Риге. Повествование в романе «Царство без пространства» начинается с двух стихотворений, которые я хочу процитировать:

*Когда все, что мы знали, распадётся и превратится в руины,
Заклоченный в объятия всеильной смерти
Наш пылкий дух устремится вперед
Благодаря мечте, ведущей нас вперед.*

*Вдали от дома и родной земли,
Наш корабль мчится по коварным волнам.
Весело смеясь, мы смело мчимся вперед,
Так же, как викинги плыли к неизвестным землям.
А если ночью нас охватит ужас, Ты споешь
Нам песни о других берегах,
И тогда в слабой дымке тумана исчезнут призраки,
И мир растворится в ритме танца,
Звездный свет укажет нам на долгожданную удачу,
И солнце осветит нам Царство без пространства.*

Затем следует второе стихотворение, посвященное Фо, который, как мы впоследствии увидим, является в романе персонажем-пуэром..

*Когда темная туча
Не скрылась с небес,
И от всего мира,
Солнце исчезло,*

*Из глубины
Появился новый свет,
И даже во сне мы знали,
Что там был Ты.*

*О, восходящее солнце
Из глубины твоих глаз!
О, потоки любви,
Струящиеся из твоих губ!*

*Сквозь пучину океана вечности
Сияние твоих рук
Воспламеняет нас
Отвагой и мужеством.*

*Вечная юность,
Окруженная музыкой сфер,
Дарительница умиротворения,
Сияющая, свободная и прекрасная.*

*Мужчины и женщины
Танцуют, осененные твоей славой,
Направляясь к смерти,
Чтобы тебя узреть.*

*Всегда объятые светом,
Твои белые очертания вызывают
Одну волну за другой,
И мы не состаримся никогда⁶⁸.*

Как я уже сказала, второе издание этой книги было опубликовано в 1925 г. Мне не удалось достать первое, но в конце второго издания сказано, что роман впервые публикуется в неискаженном варианте. Первое издание книги вышло в отсутствие автора, и либо потому что произведение слишком потрясло издателя, либо по какой-то другой глупой причине тот изъял некоторые главы (я скажу позже, какие именно), поэтому первое издание книги оказалось неполным. Тогда роман произвел ложное впечатление политического памфлета.⁶⁹ Вернувшись, автор настоял на том, чтобы произведение было напечатано в полном объеме и, давая комментарии к обоим изданиям в конце последнего, отметил, что никогда не считал свой роман политическим памфлетом.

⁶⁸ Здесь и далее перевод текста романа Б.Гетца осуществлен с пересказа М.-Л. фон Франц, приведенного в оригинальном издании.

⁶⁹ FEaton, "Der Deihter Bruno Goetz", Riga University Studies, vol. 57, no 4, 1972.

Следует вспомнить, что эта книга была написана сразу после Первой мировой войны, закончившейся полным поражением Германии, во время массовой безработицы и других послевоенных бедствий. Как раз в это время один безумный мечтатель, солдат по имени Шикельгрубер (позже известный под именем Гитлер) пытался собрать вокруг себя группу молодых людей, привлекая их экзотическими, почти сумасшедшими политическими заявлениями. Книга Гетца была издана за четырнадцать лет до того, как фашисты захватили власть в Германии, хотя во время написания романа они уже вели подпольную работу. Это был период оознанного социального отчаяния и отсутствия цели, время полной социальной дезориентации; тот период, в некотором смысле похож на то, что мы переживаем сейчас. Так как первое издание книги появилось в 1919 г., и автору понадобилось время, чтобы ее написать, можно предположить, что роман был создан сразу после войны, поэтому руины, о которых говорится в первом стихотворении, скорее всего, отражают катастрофу того времени. Автор упоминает мечту, исполнения которой он так страстно добивается, устремляясь через моря к новым землям, к какому-то неведомому ужасу, а затем пишет о тех, кто поет о новой земле и о том, что его взору открывается «царство без пространства».

Второе стихотворение в книге начинается с того же мотива: небо закрыто темными тучами, и хотя солнце исчезло, сквозь темноту пробивается исходящий из глубин новый свет, невидимое присутствие которого ощущают все еще спящие люди. Это невидимое присутствие описывается как «вечная юность, охваченная музыкой сфер». Автор дает понять, что в «царстве без пространства» правит вечная юность, и для того чтобы лицезреть правителя, нужно умереть: мужчины и женщины танцуют экзотический танец смерти, чтобы всецело ощутить трансцендентную сферу. Таким образом, становится очевидно, что автор переманивает людей из одного мира в другой, искушает их смертью.

В первой главе под названием «Shimmelberg» («Гора белой лошади») говорится, что жители маленького городка Шиммельберг, в котором есть Шиммельбергский Университет, хорошо помнят старого морского капитана Вильгельма ван Линденгуса (Wilhelm van Lindenhuis). Это имя, распространенное в северной Германии, имеет датские корни и образовано от слов Linde (lime – лимон) и Huis (house – дом), т.е. «дом из лимонного дерева».

О его внезапной смерти ходили разные слухи. Сначала умерла его добрая, печальная и болезненная жена, и люди заметили, что сразу после ее смерти он перестал вечерами выходить на прогулку. Но когда они увидели, что в доме зажегся свет и в окне появилось его худое, покрытое глубокими морщинами лицо, они подумали, что, должно быть, он какое-то время болел, но теперь поправился, и перестали беспокоиться о нем.

Однажды вечером появились двое неизвестных в кожаных кепках и в одежде, которую автор называет «надетой по погоде», то есть с поднятыми воротниками для защиты от дождя и ветра. Они позвонили в колокольчик капитанского дома. Прохожие говорили, что, заметив юношей, он сначала отпрянул от окна, как бы поразившись чему-то, затем впустил их в дом, а через четверть часа они снова вышли из дома.

На следующее утро почтальон, позвонив утром в дверь, не получил никакого ответа; ответа не было ни днем, ни вечером, поэтому он известил соседей. Взломав дверь, они обнаружили старика сидящим мертвым в кресле. Было очевидно, что умер он ненасильственной смертью от сердечного приступа. В доме на столе его сына Мельхиора (Melchior) нашли корону с рогами и крест из слоновой кости. Так как на предметах не было пыли, люди пришли к выводу, что их положили недавно, потому что все остальное в доме было покрыто толстым слоем грязи. Были предприняты многочисленные усилия сообщить Мельхиору (Мельхиор – главный герой нашей истории) о смерти отца; ему посылали в Рим письма и телеграммы, но они вернулись, не найдя адресата. Его так и не удалось найти. Люди всегда называли Мельхиора странным молодым человеком и рассказывали о нем следующую старую историю.

Когда ему было лет пятнадцать, он дружил с Отто фон Лобе (otto von Lobe) и Генрихом Вундерлихом (Heinrich Wunderlich). Отто фон Лобе был худым, вежливым, белокурый юным аристократом, а Вундерлих – смуглым, сильным, отважным юношей. Став друзьями, они организовали тайный клуб. Друзья читали много алхимической и масонской литературы и проводили алхимические опыты с целью найти эликсир, выпив который, человек мог бы изменить свой внешний вид. После многих попыток они поверили в то, что им удалось создать этот эликсир. Каждый из друзей хотел испытать его первым, и так как они не могли прийти к согласию, то созвали заседание всего своего мистического клуба. Другие юноши были скорее очарованы романтическим ужасом самого предприя-

тия, чем его деталями, оставив их на откуп троим друзьям, которые не имели никакого представления о ядовитом воздействии эликсира. Бросили жребий, и он выпал Отто фон Лобе. Друзья решили устроить ночное празднество, во время которого их фантазии устремились в будущее: они представляли, какие возможности сулит им эликсир, мечтали, что, подобно волшебникам, они смогут менять свой внешний вид; они грезили о начале новой эры – эры трансформации всего человечества. Они впадали в экстаз все больше и больше, а ранним утром побежали к морю и обратили лица к востоку. При первых лучах солнца Отто фон Лобе вскочил на ноги, рывком сорвал на себе одежду, и, счастливо смеясь заре нового дня, выпил эликсир. Спустя несколько минут он умер.

Было проведено строгое расследование. Мельхиора исключили из школы, не дав ему сказать ни слова в свое оправдание; другие участники тоже понесли суровое наказание.

Вундерлих, стройный смуглый юноша, который был третьим в их союзе, очень изменился после этого происшествия. Бросив все мистические опыты, он стал приземленным циником, при этом язвительным и высокомерным. Он изучал медицину, а по окончании университета уехал врачом общей практики в маленькую деревню, где вел жизнь циничного, весьма практичного человека, не имея никакого желания иметь дело с мистическими фантазиями.

В этом описании мы можем узнать многое из того, о чем говорили на предыдущих лекциях, а именно: Икар, испытавший порыв творческой фантазии и потерпевший неудачу, окончательно впал в обыденность и банальность жизни.

Итак, Отто фон Лобе погиб, а третьего члена трицы, Мельхиора, исключили из школы. Он отправился домой, заперся в своей комнате и не выходил оттуда в течение долгих месяцев. Его отец, который очень интересовался магией, трудами розенкрейцеров и алхимией, простил сына. Даже мать тихо оплакивала трагедию, но не сказала сыну ни слова. На самом деле отец был польщен, что сын, разделяя его интересы, сможет довести до конца дело, которое долгие годы увлекало его самого.

Сначала Мельхиор, предоставленный своим мыслям, часами сидел в своей комнате, куда ему приносили еду. Постепенно у него стало появляться доверие к отцу, с которым он вел научные споры; его отец, при всем своем интересе к магии и подобным вещам, не ве-

рил в возможность химических превращений человека. Он считал, что если бы даже такое превращение было возможно, оно все равно не имело бы смысла. Но такова была фантастическая идея его сына: только ради самой идеи и безо всякой далеко идущей цели он желал превратить в пепел изначальную форму человека, сделав его прозрачным, «зеркалом звезд», как он это называл.

Отец Мельхиора больше интересовался астрологией, и сын считал, что отец засорил себе мозги. Вскоре они стали ссориться все чаще и чаще. Несмотря на общие интересы, они не соглашались друг с другом. Они постепенно отдалялись друг от друга, и наступило время, когда они совсем перестали разговаривать.

Затем Мельхиор стал заходить в гости к Генриетте Карлсен (Henriette Karlsen), пятнадцатилетней дочери директора местного музея. Это была очень красивая, белокуроя и стройная девушка с бледным лицом, янтарными глазами и аристократически безвольными длинными пальцами. Однажды, сидя в своей комнате, Мельхиор увидел, как она переходит улицу. На следующий день он впервые вышел из дома, и они встретились в музее. Она к нему подошла, взяла его за руки и долго на него смотрела, не говоря ни слова; в глазах ее стояли слезы. Мельхиор отвернулся от девушки и заторопился домой. После этого они ежедневно встречались в музее, но на протяжении их встреч Генриетта становилась все бледнее и печальнее. Однажды старый директор случайно услышал, как Мельхиор рассказывал ей о том, что с раннего детства его преследует видение: каждую ночь он видит лицо, заглядывающее в окно его дома. Еще ребенком он однажды вечером услышал стук в окно. Подняв голову, он увидел смотревшего на него через окно смуглого мальчика с глазами, похожими на его собственные. Когда он подбежал к окну, видение исчезло. Он сел и проплакал несколько часов.

Со временем видения прекратились, но когда он с друзьями создавал смертельный эликсир, мальчик появился вновь, на сей раз в компании других мальчиков, смотревших на него через окно и строивших ему рожи. После смерти несчастного Отто они исчезли.

«Слава Богу», – сказала Генриетта.

Ее ответ привел Мельхиора в ярость: как же она могла такое сказать, ведь с тех пор как исчезли мальчики, он оставался в полном одиночестве, и никто из окружающих не мог ему помочь! Отто погиб исключительно потому, что слишком торопился принять эликсир, в силу которого верил недостаточно. Генрих предал их дружбу. Отец ничего не смыслит в алхимии. Он, Мельхиор, бесконечно одинок.

Генриетта ответила, что если он любит ее, то должен пообещать ей забыть обо всем, а если мальчик-видение позовет его за собой, Мельхиор за ним не последует.

В отчаянии Мельхиор изумленно спросил, как же он может ей это пообещать, да и как она могла просить его об этом! Все, что он хочет – это отправиться вслед за ним, взяв с собой Генриетту, и разгадать все загадки.

«Никогда! – закричала Генриетта, и в ее голосе слышался смертельный страх. – Ты хочешь меня убить так же, как убил Отто?»

Мельхиор пришел в ярость и, назвав ее трусихой, бросился вон из комнаты мимо испуганного директора музея.

В этот же день Мельхиор упросил отца отослать его в школу соседнего города, и отец согласился; в дальнейшем Мельхиор приезжал домой лишь изредка, всего на несколько дней, но, поступив в университет, совсем перестал навещать родительский дом. Все, что о нем знали, было то, что Мельхиор изучал химию, весьма успешно, и в конце концов получил степень доктора наук в Оксфорде. В тот же год, когда он стал доктором наук, Генриетта умерла от туберкулеза. Она, не желавшая смерти, переставшая общаться с Мельхиором, потому что понимала, что мальчик-видение – не что иное, как воплощение смерти, умерла.

За год до смерти матери Мельхиор вернулся в Шиммельберг и прожил там три дня, а затем уехал за границу и долго путешествовал по Индии и Китаю. Вскоре в газетах напечатали, что известный профессор Кукс (Сух) из университета Шиммельберга пригласил Мельхиора к себе в качестве ассистента для участия в химических исследованиях. Мельхиор вернулся в родной город, где всем было любопытно посмотреть на человека, о юности которого ходило так много странных слухов.

Когда Мельхиор вернулся, то к всеобщему разочарованию, казался совершенно нормальным. Он был холоден, безучастен и необычен, и если бы не странный взгляд его серых неподвижных глаз, он казался бы человеком вполне приятным и даже производившим глубокое впечатление.

В первый же день профессор Кукс рассказал Мельхиору о смерти отца и о странном появлении двух юношей, оставивших в доме рогатую корону и крест из слоновой кости. Когда профессор упомянул о юношах, Мельхиор, казалось, был поражен, но, быстро взяв себя в руки, заявил, что не имеет об этом ни малейшего представления. Он лишь заметил, что у отца иногда возникали странные идеи, по-

этому ему приходилось общаться с незнакомцами, но Мельхиор ничего не знает об этих людях.

Мельхиор переехал в отцовский дом, отремонтировал его и стал вести весьма светскую жизнь. В его доме собирался весь свет города, прежде всего из любопытства, но, как мы увидим впоследствии, и по другим причинам. Каждый день устраивались многолюдные приемы, но сам Мельхиор рано их покидал и, извиняясь, поднимался в свой кабинет, где оставался далеко за полночь.

Постепенно назревал скандал: Мельхиор перестал уделять внимание своей научной деятельности и стал все больше принимать участие в общественной жизни, которой увлеклась его жена. Благодаря его вмешательству жизнь города совершенно изменилась. Людей возмущала насмешливая манера, в которой он отзывался о государственных и церковных институтах, но больше всего их расстраивало постоянно возрастающее влияние Мельхиора на студентов, которых он пытался настроить против науки и научного мышления, внушить им радикальный скептицизм в отношении научных основ и результатов исследований, а также института церкви. Он рассуждал о науке как о современной форме интеллектуальной иллюзии, утверждая, что в ней не больше определенности, чем в вере, поскольку наука, как и вера, также является псевдорелигией. Сначала люди считали, что этому может положить конец профессор Кукс, но постепенно они убедились в том, что тот совершенно очарован своим ассистентом. В конце концов, они оба были вынуждены прекратить лекции, потому что профессор поддерживал Мельхиора в его взглядах на науку. Он говорил, что его ассистент совершенно прав: что представляет собой наука? Ничего! Люди принимали все это за шутку до тех пор, пока престарелый профессор втайне не женился на молоденькой танцовщице. Горожане покачали головой и решили, что он совершил это под роковым влиянием идей определенного круга лиц. Постепенно люди отстранялись от Мельхиора, только несколько человек оставались верны ему.

Этот «определенный круг лиц» продолжал встречаться раз в неделю в доме Мельхиора ван Линденгуса. Говорили, что собрания носили весьма эксцентричный, разнузданный характер, и хотя слухи были преувеличены, говорили, что на этих вечеринках царит распущенность. Люди были просто изумлены, узнав, что господин Сильверханиск (Silverharnisk – silver harness, «серебряная сбруя»), либерально настроенный пастор лютеранской церкви, тоже присоединился к этому кружку, оправдывая свои посещения

тем, что изучает дезориентацию и оторванность современной души от корней! Как можно догадаться, истинная причина его посещений была иной.

Сам Мельхиор становился все более эксцентричным, он полностью отстранился от диких вечеринок, проходивших в его доме. В ноябре жители заметили странных, необычно одетых молодых людей. Вот тогда горожане вспомнили загадочные обстоятельства смерти отца Мельхиора и рассказы старого директора местного музея о разговоре Мельхиора с Генриеттой, когда той было шестнадцать лет. Люди пришли к выводу, что за всем этим кроется какая-то страшная тайна, а потому напряжение и раздражение только возрастало.

Вторая глава романа называется «Встреча».

Мельхиор в дурном расположении духа сидел на скамейке, наблюдая за тем, как падают крупные капли дождя. Он не мог заставить себя пойти домой, так как был уверен в том, что его жена намеренно забыла затопить камин в его кабинете, чтобы вынудить его присоединиться к вечеринке. Поэтому он предпочитал мерзнуть на улице.

Звук шагов по гравию дорожки вывел его из состояния апатии. Мельхиор в полном изумлении и даже потрясении увидел мальчика в кожаной кепке и пальто с высоко поднятым воротником. Мальчик, не торопясь, двигался по аллее городского парка вдоль деревьев, с которых уже облетела листва. Когда мальчик приблизился, Мельхиор увидел маленькое смуглое лицо, на котором отчетливо выделялись робкие, блестящие серые глаза, смотревшие прямо перед собой. Мальчик дошел до сидящего на скамейке Мельхиора, поравнялся с ним и, бросив на него быстрый взгляд, улыбнулся и исчез. Мельхиор тихо вскрикнул, его охватила внезапная дрожь. Затем на другом конце аллеи появился высокий мужчина. Он неуверенно огляделся вокруг, сделал несколько шагов, затем снова остановился и снова огляделся.

Прежде чем мужчина смог заметить мальчика, тот вдруг быстро подбежал к Мельхиору. Он шепнул Мельхиору, чтобы он взял его за левую руку, быстро надел перчатку, ничему не удивлялся и ничего никому не говорил.

В голосе мальчика чувствовалась паника, глаза лихорадочно блестели, а когда он говорил, его прекрасно очерченные губы дрожали от страха. Мельхиор невольно взялся за руку, протянутую мальчиком. В тот же момент ребенок исчез, словно растаял в воздухе, а

Мельхиор увидел, что на большом пальце его руки оказалось массивное серебряное кольцо. Все еще находясь под влиянием внезапной просьбы мальчика, Мельхиор вытащил перчатку и надел ее на руку. Затем, не зная почему, он вдруг испытал ощущение огромного счастья: наконец исполнилось то, о чем он так долго мечтал. Его депрессия исчезла совсем, и он, совершенно уверенный в себе, смотрел на высокого мужчину, от которого прятался мальчик.

Увидев Мельхиора, незнакомец в нерешительности остановился. Он был гладко выбрит, хорошо пострижен, у него были несколько поблекшие черты лица и выдающийся вперед, энергичный подбородок. Крупный тонкий рот, небольшой кривоватый нос, впалые щеки и глаза, похожие на яркие прозрачные камни, завершали общий портрет. Когда незнакомец поднял шляпу, Мельхиору открылся высокий лоб и густые светлые волосы.

«Простите, – произнес незнакомец, – Вы не видели здесь мальчика?»

«Я никого не видел», – рассеянно ответил Мельхиор.

«Неужели? – сказал мужчина. – Простите. – Он сел на скамейку рядом с Мельхиором. – Я немного устал. Целый день бегаю по городу в поисках своего ученика».

«Как он выглядит?» – спросил Мельхиор, улыбнувшись против своей воли.

Незнакомец весьма подозрительно посмотрел на Мельхиора и сказал: «Но ведь Вы его видели? Он с Вами разговаривал? Ведь это был он?...»

«Я никого не видел, – прервал его Мельхиор. – Я уже сказал Вам об этом».

«Судя по вашему вопросу, я решил, что Вы что-то вспомнили, – сказал незнакомец. – Значит, не видели... Как жаль! Простите мою назойливость, но я крайне обеспокоен».

Сидя рядом, Мельхиор продолжал рассеянно разглядывать незнакомца. Лицо мужчины, которое внешне казалось застывшим, уже за секунду могло сменить свое выражение. Оно то казалось лицом старика, то вдруг на нем появлялась детская улыбка, но иногда его выражение становилось строгим и грозным, а взгляд – сверкающим, холодным, пронизательным.

Мужчина встал и произнес: «Еще раз прошу прощения. Хочу попросить вас об одном одолжении. Не знаю почему, но меня не покидает ощущение, что мальчик встретится именно Вам. Я знаю, он заговорит с Вами. Не слушайте его: то, что он скажет, будет неправ-

дой. Не берите его за руку, если он попросит об этом. Это может навлечь на Вас беду. Предупреждаю вас! А если все-таки Вы его увидите, будьте так любезны, сразу сообщите мне. Не откажите мне в моей просьбе».

На это Мельхиор ничего не ответил.

«Меня зовут Ульрих фон Шпат, – сказал незнакомец. (Ulrich von Spät, spät значит «поздно»). Я остановился в Гранд-отеле и занимаюсь поисками ребенка. Вы можете принять меня за сумасшедшего, и я не могу Вам всего объяснить, но, пожалуйста, поверьте мне на слово и сделайте, о чем я прошу. Если Вам повстречается мой ученик, Вы узнаете его по худому смуглому лицу, твердому взгляду серых глаз. Он носит кожаную кепку и пальто с высоко поднятым воротником. Вы обязательно его узнаете. Его появление может поразить Вас...»

В этот момент Мельхиор задумчиво склонил голову, но ничего не ответил. Фон Шпат на секунду задержался, посмотрел на Мельхиора, вздохнул, а затем повернулся к нему и сказал: «Что ж, будем надеяться! До свидания!»

Внезапно Мельхиор ощутил огромную симпатию к этому человеку, почувствовал глубокую внутреннюю связь. Забыв о предупреждении мальчика, он снял перчатку и тепло пожал руку господину фон Шпату, и тогда тот увидел кольцо. На какой-то момент его глаза вспыхнули, но он подавил в себе волнение и быстро пошел прочь.

Вспомнив о кольце на пальце, Мельхиор почувствовал себя так, словно предал мальчика. Только осознав, что незнакомец мог не заметить кольца, он немного успокоился, но так и не простил себе своей беспечности.

«Что все это может значить? – подумал он. – Я теряю над собой контроль. Все это происходит со мной, словно во сне. Кто такой этот незнакомец? Какую власть он имеет надо мной, что я так его полюбил, забыв, кто он такой? Он – мой враг!»

Третья глава называется «Фо» («Fo») – по имени таинственного мальчика.

По дороге домой у Мельхиора появилось ощущение, что он дематериализовался. Окружавшие его улицы, стены, дома казались высокими и странными, будто сделанными из воздуха. Ему чудилось, что он проходит сквозь них. Стены раздвигались перед ним,

как занавеси, и снова смыкались, словно облака или туман. Все изменилось: стоявшие раньше здания исчезали, а потом вдруг появлялись снова. Этот город был уже не тем, по которому он шел недавно.

Казалось, что и люди тоже изменились. Он ловил на себе беглые взгляды и чувствовал себя так, словно смотрел в свое зеркальное отражение. Улыбка и взмах руки казались ему полными особого значения, приветствием, знаками скрытого смысла.

У железнодорожной станции под гигантским зонтиком сидела толстая торговка яблоками. Он купил пару яблок, положил их в карман, а затем похлопал ее по сморщенным щекам, вызвав ее необычайное изумление. «Да, да, – сказал он, сияя. – Мы знаем друг друга. Мы старые друзья. Вы видите у меня на пальце это кольцо? Раньше вы никогда его не видели. Его больше никто не может видеть. Это значит, что я собираюсь убраться прочь отсюда очень далеко. Вы знаете, как это бывает, когда кто-то хочет отправиться далеко-далеко, и вот это время приходит, и человек исчезает».

Похоже, женщина ничего не поняла и чувствовала себя очень неловко.

«Я знаю, – продолжал он, – что мне не следует Вам все это говорить. Мы так хорошо знаем друг друга. Мы с Вами уже давным-давно знакомы, с самого детства...»

Женщина, которая, видимо, нервничала все больше и больше, осмотрелась вокруг и наконец, придвинувшись к Мельхиору, превала его. «Как вам не стыдно все это говорить пожилой женщине?» – спросила она.

«Вы меня не знаете? – удивился Мельхиор. – Почему это вдруг Вы делаете вид, что не знаете меня? Вы всегда сидите на этом углу, когда я прохожу по улице. Я всегда вижу Вас, когда прихожу куда-то или откуда-то ухожу. Разве не помните, как Вы сидели на станции в Генуе с пестрым попугаем на плече, и как я купил у вас апельсины? А в Вене? В Санкт-Петербурге? В Стокгольме? В сотне других городов! Вы всегда сидите и протягиваете мне фрукты, когда я приезжаю и смотрите мне вслед, когда я уезжаю».

Мельхиор посмотрел ей прямо в глаза и покачал головой. Затем, понизив голос, он сказал: «Я понимаю. Вы осторожны. Вы не хотите, чтобы нас подслушали. Наш враг, незнакомец, находится где-то здесь. Заговорив с Вами, я проявил беспечность. За Вами могли следить. Я был так рад, что увидел Вас. Теперь мне понятно, что я должен уйти».

В это время он заметил мальчика, проходившего за палаткой женщины, который пристально на него посмотрел и предупредительно приложил палец к губам, а затем быстро повернул за угол. Это никак не мог быть тот, исчезнувший мальчик, поскольку лицо нового мальчика казалось мельче, смуглее и наглее. Похожим оставался только спокойный взгляд серых глаз.

Мельхиор кивнул женщине на прощанье и быстро пошел прочь. «Кто же меня предупреждал? – думал он. – Он был одет так же, как и исчезнувший мальчик. В какой круг я попал? Что окружает и так пленяет меня? Иногда я все это вижу во сне. Много доверчивых лиц на улице, много подмигиваний, кивков и приветствий, два мальчика, незнакомец... Но я не могу вспомнить... А торговка яблоками... Зачем я ей все это сказал? Это полный идиотизм! Откуда ей меня знать? На железнодорожных станциях всегда сидят старухи. Но при этом одно и то же лицо, одни и те же волосы, те же морщины, тот же голос...»

Придя в сумерках домой, Мельхиор неподалеку увидел группу мальчиков, которые при виде его разбежались в стороны, спрятались за угол дома и с любопытством за ним наблюдали. «Все становится еще больше запутанным, – подумал он, – теперь уже их целая ватага!»

Вдруг в окнах его дома на первом этаже зажегся свет. Оттуда слышался смех, обрывки фраз, музыка. Ему показалось, что среди этого множества голосов он узнал голос фон Шпата. Затем до него дошло, что он никогда не называл фон Шпату своего имени и не говорил, где живет, поэтому откуда ему здесь взяться? Мельхиор решил, что ошибся.

Чтобы остаться незамеченным, он прошел с черного хода и поднялся прямо к себе в кабинет. Там было темно и холодно. Он включил свет и, не снимая с себя мокрого пальто, лег на диван; кольцо свободно соскользнуло у него с пальца и упало на пол. Испугавшись, он стал его искать.

Исчезнувший мальчик стоял и, улыбаясь, смотрел на него. «Тебе холодно, – сказал он. – Я развею огонь». Он разжег в камине огонь, затем сбросил свое пальто, снял кепку и встал перед Мельхиором.

«Я знал, что найду тебя, Мельхиор, – сказал он. – По твоим глазам я видел, что ты мне поможешь. Ты один из нас, даже если сам не знаешь этого. Я благодарю тебя. Мы все тебя благодарим».

«Кто ты? Кто вы все? – спросил Мельхиор. – Я не понимаю, что происходит. Кто этот незнакомец? Как ты узнал мое имя?»

«Я уже давно знаю тебя. Меня зовут Фо. Я не могу открыть свое настоящее имя. Никто из нас не может этого сделать. Мы дали друг другу псевдонимы и так между собой общаемся. Кто мы? Об этом ты узнаешь, когда станешь жить среди нас. Тебе следует только произнести вслух, что хочешь все это покинуть, мы придем и унесем тебя. Но с незнакомцем будь осторожен! Это наш злейший враг! Он увидел у тебя на пальце кольцо и попытается подловить тебя. У него есть тайна, которая делает его сильным. Однажды я оказался в его власти и смог спастись, только обманув его. Я расскажу об этом позже, когда ты к нам присоединишься. Но пока ты живешь с другими, мне нельзя ничего рассказывать. А теперь еще раз спасибо и позволь мне удалиться. Меня ждут другие».

Мельхиор услышал за окном шум и увидел много лиц, прижавшихся к оконному стеклу.

«Я не отпущу тебя, – закричал Мельхиор, – пока ты все мне не расскажешь! Откуда мне знать, что ты появишься, как только я тебя позову? Как я последую за тобой, если я не знаю, где ты находишься? Как я могу сопротивляться незнакомцу, если я не знаю его тайны?»

«Кто мы, ты узнаешь из жизни, а не из разговора. Ты последуешь за нами тогда, когда сердце подскажет тебе. Мы всегда оказываемся там, куда нас позовут. Мы сами не знаем тайны незнакомца; если бы мы ее знали, он бы уже не имел над нами власти. Я ответил. Позволь мне уйти».

«Ты хочешь от меня убежать, – сказал Мельхиор, – но я знаю, как задержать тебя с помощью кольца».

«Кольцо не поможет, Мельхиор, – засмеявшись, сказал мальчик. – Оно перевернет твою жизнь, обратив ее к тайнам, неразберихе и переменам. Но ты никуда от них не скроешься. Если бы ты надел кольцо, то город навсегда остался бы таким, каким он был для тебя сегодня по пути домой. Ты не раскроешь никакой тайны; ты будешь принимать друзей за врагов, а врагов за друзей, ибо не сможешь понять знаки, по которым их можно отличать друг от друга. Идем с нами, и ты станешь свободным. Позови нас, если захочешь быть с нами. А пока открой окно и отпусти меня».

Некоторое время Мельхиор пребывал в нерешительности. Затем он молча встал, бросил долгий взгляд на Фо и открыл окно. Мальчик выпрыгнул на улицу, и его окружила толпа других мальчишек. Они взялись за руки. Затем в центре круга возник сноп пламени, и они исчезли.

Как видите, история полна скрытых смыслов и намеков. В этом она похожа на рассказы Э.А. По⁷⁰ и, вероятно, была написана под влиянием романа А. Кубина «Другой мир»⁷¹ и сказок Э.-Т.А. Гофмана. Эта история – тот тип литературного произведения, в котором обыденная реальность вдруг тает в таинственных событиях другого мира, где, говоря нашим языком, бессознательное проникает в мир сознания, растворяясь в нем, вызывая тем самым совершенно невероятные происшествия.

Г-жа Фолькхардт (Mrs.Volkhardt) как-то обратила мое внимание на то, что не только А. Кубин был современником Б. Гетца. Приблизительно в то же время в Мюнхене жил и писал Густав Мейринк (Gustav Meyrinck).⁷² Таким образом, в начале 20 в. в Германии существовала целая школа авторов [мистического] направления.

Мейринк серьезно интересовался алхимическими опытами и даже приобрел в Пражском гетто заброшенную общественную уборную, где намеревался найти мистическое составляющее философского камня, которое, по сведениям алхимических книг, содержится в перегнивших человеческих экскрементах. Ему удалось приготовить требуемое вещество (рецепт которого он приводил в письме), однако во время опыта экскременты взорвались у него в руках, испачкав ему лицо!

Кроме того, писатель умел вызывать призраков и разговаривать с ними. Большое количество людей в то время проводили различные эксперименты с бессознательным или пытались описывать подобные опыты с точки зрения парапсихологии. Для них бессознательное представляло собой мир духов, с которым они пытались войти в контакт, используя парапсихологию и магию. Они обращались к учению розенкрейцеров и масонской традиции, откуда черпали знания о мире Запредельного. Не зная ни одного

⁷⁰ Эдгар Аллан По (Edgar Allan Poe, 1809 – 1849) – американский писатель, поэт, литературный критик и редактор. Представитель американского романтизма, получивший наибольшую известность благодаря своим «мрачным» детективным рассказам («Падение дома Ашеров», «Приключения Ганса Пфяля», «Убийство на улице Морг» и др).

⁷¹ Альфред Леопольд Изидор Кубин (Alfred Leopold Isidor Kubin, 1887–1959) – австрийский писатель и художник-экспрессионист, график, книжный иллюстратор. Роман «Другая сторона» («Die andere Seite») написан в 1909 г.

⁷² Г. Мейринк (G.Meyrinck, также G.Meyer, 1868–1932) – немецкий писатель-мистик, автор фантастических романов («Der Golem», «Das grüne Gesicht», «Der weiße Dominikaner», «Der Engel vom westlichen Fenster» и др.).

ключевого понятия психологии, они считали магию единственным способом достижения [бессознательного]. Бруно Гетц, без сомнения, принадлежал к такому кругу людей.

В названии города Шиммельберг («Гора белой лошади») скрыт особый смысл. Белая лошадь известна как спутница, а то и воплощение древнегерманского бога Вотана,⁷³ изображавшегося верхом или на Слейпнире, восьминогом коне, или на мифической белой лошади. Те, кто читал «Другой мир» А. Кубина, помнят, что в романе в схожей роли выступала безумная белая лошадь, скачущая по развалинам мира. По преданию, Вотан удалился на высокую гору, но когда наступит конец мира, он вернется и установит на земле вечную империю счастья.

Линденгус – фамилия главного героя – дословно означает «дом из лимонного дерева». В прежние времена в центре большинства маленьких городков Германии обычно сажали лимонное дерево, вокруг которого происходила вся городская жизнь. Это феминный символ, посвященный женскому природному божеству Перхте (Гульде, Холле плюс множество других ее имен). Считалась, что под кроной лимонного дерева обитают души нерожденных детей, и это мистическое растение, посаженное на главной площади города или деревни, служило центром деревенской жизни, что [по функции] очень похоже на главный столб в ритуалах американских индейцев. Старик Линденгус, отец главного героя – бывалый моряк, его имя и другие названия и имена этой истории суть существительные, заимствованные из северногерманских диалектов и датского языка, хотя и немного искаженные. Это намек читателю на то, что действие романа происходит в северной Германии, в непосредственной близости от моря.

В стихотворениях в начале книги содержится упоминание о людях, переплывающих море, на сохранившийся дух викингов, воплощающий одержимость и неуемность, свойственные германскому народу. Пока мы еще не можем дать комментарий к содержанию романа, ведь мы до сих пор не знаем, в чем кроется смысл креста из слоновой кости и рогатой короны. Это объяснение можно найти только в следующих главах.

⁷³ Вотан, Водан (Wodan, Wuotan) – верховный бог западно-германской мифологии, в скандинавских мифах ему соответствует фигура Одина. В генезисе Вотан – покровитель воинов и воинских инициаций, бог-колдун.

В слухах, которые распространяются о главном герое повествования, можно найти весьма характерные особенности. Вот, например, три юноши: Отто фон Лобе – аристократ, обреченный на смерть (он описывается в романе как вежливый и утонченный молодой человек), Генрих Вундерлих – жизнелюбивый и энергичный юноша, а также Мельхиор. Первые два определенно представляют собой Теневые противоположности Мельхиора: фон Лобе можно назвать воплощением аристократической, чувствительной личности с выраженной склонностью к самоубийству, а Вундерлих воплощает жизнелюбивую сторону личности Мельхиора, которая стремится приспособиться к жизни и следовательно, отторгает от себя все юношеские романтические устремления. Отто фон Лобе погибает, выпив эликсир; испытав потрясение, Вундерлих становится циничным и весьма практичным человеком. Можно сказать, что одна часть личности Мельхиора умирает, а другая реагирует на смерть обращением к цинизму. Эго-комплекс, воплощенный в образе Мельхиора, находится где-то посередине. Как мы знаем, после смерти друга (умирает Отто фон Лобе, истинно существующий в нем *пуэр*) герой удаляется в свою комнату и после пережитого потрясения впадает в состояние глубокой депрессивной интроверсии. Вы знаете, что молодые люди в период от пятнадцати до двадцати лет (критический период взросления личности, когда любые проблемы кажутся неразрешимыми) часто совершают попытки самоубийства, поскольку в этом возрасте стремление к смерти оказывается трудно преодолимым, что, как правило, имеет непосредственную связь с трудностями комплекса *puer aeternus*.

Мельхиор рассказывает, что с раннего детства ему является двойник (он видит его в окне). Что это значит? Я воспроизведу этот фрагмент дословно:

«Отец находился в море или же был чем-то занят, мать склонялась над Библией, а сам он в такие минуты ощущал себя печальным и потерянным. Тогда он слышал стук в окно и видел бледное лицо и глаза, похожие на его собственные. Это всегда заставляло его горько плакать. Мать ни о чем не догадывалась. Однажды Мельхиор рассказал об этом отцу, но тот только улыбнулся и ничего не ответил».

Естественно, вы можете сказать, это раннее детское переживание Мельхиора предвосхитило события, произошедшие позднее. Но я думаю, нам следует амплифицировать это обстоятельство с

другим хорошо известным фактом. В раннем возрасте дети, чувствующие себя одинокими, стремятся создать себе двойника, который развлекает и успокаивает их. Двойник – это своего рода оживление бессознательной личности, переживающей одиночество. Вполне символично объяснить [появление двойника] тем, что герой чувствовал себя брошенным ребенком, и в тот момент, когда он с грустью осознает свое одиночество, появляется видение. Есть дети, которые придумывают себе двойника, наделяют его человеческими качествами и играют с ним часами. Очень часто этот образ-фантазия (*fantasy figure*) раннего детства позднее появляется в сновидениях и по существу становится олицетворением бессознательного в целом. Это Тень, Анима и Самость, вместе взятые. Это абсолютно другая сторона личности.

Мы всегда были склонны представлять бессознательное в терминах различных юнгианских категорий и могли бы сейчас спорить, является ли видение двойника появлением Самости или это воплощение Тени, однако нам не следует забывать, что все понятия юнгианской психологии достоверны только в определенных психологических ситуациях. Поэтому первое переживание от встречи с бессознательным было бы лучше называть *другой стороной [личности]*. На ранней стадии это переживание приобретает различную персонификацию, поэтому разумнее было бы в ходе анализа не вводить никаких формальных категорий, а позволить пациенту ощутить этот опыт как другую сторону Эго и обыденного мира. И только по истечении некоторого времени, когда произойдет осознание того, что существует *другая сторона личности*, что во внутреннем мире человека обитает еще кто-то, – только после этого мы постепенно начнем различать фигуры в полумраке бессознательного: вот низшая фигура, условно называемая Тенью, вот фигура гетеросексуального партнера, которую мы условно могли бы назвать Анимой, – все это только для того, чтобы привнести некую упорядоченность в *другую часть личности*. Вы обнаружите, что первая встреча с бессознательным всегда происходит именно через образ-олицетворение или с помощью двойника, в фигурах которых Тень, Самость и Анима (если речь идет о мужчине) соединены в единое целое.

Та же самая идея существует и в персидском учении. Оно гласит, что благородный человек после смерти встретит или юношу в точности похожего на него (так как смерть вновь превращает человека в прекрасное благородное создание), или пятнадцати-

летнюю девушку (Аниму). На вопрос, кто он (или она) такой (такая), они ответят: «Я есть твоё Я». Если человек вел добродетельную жизнь, то фигура, встретившаяся ему, будет прекрасна, от нее будет исходить сияние. Живя праведно, человек создает в Запредельном двойника, и смерть становится для него моментом соединения со своей второй половиной. Отголоски персидского мифа можно найти в некоторых гностических и манихейских традициях эпохи поздней античности, однако здесь (у гностиков и манихейцев) уже не важно, будет ли сияющая фигура юношей или девушкой, важен ее ответ умершему: «Я есть твоё Я, твоё вторая половина».

Это первобытная, архетипическая идея. Многие примитивные сообщества сохраняли веру в то, что при рождении на свет появляется лишь одна половина человека, вторая же (та, которая не вступает во внешний мир) остается в плаценте. Существовали ритуальные похороны плаценты, иногда ее высушивали и носили в надетой на шею ладанке как магическую сущность, в которой, как считалось, находился двойник ее владельца (трансцендентный двойник, другая личность). И только после смерти происходило воссоединение [двух частей личности].

Существует миф о том, что самый первый человек существовал на небесах как единая сущность, однако в реальном мире воплотилась только одна его половина. Первого человека, который в мифологии представляет собой то же самое, что и библейский Адам, называли «Половина Единого». Итак, можно утверждать, что любое человеческое существо является только половиной целого. Другая его половина находится в стране мертвых, в Запредельном, и после смерти они воссоединяются. Мы не знаем точно смысла этого древнего архетипического представления, смысл которого интеллектуально неисчерпаем. Однако мы можем сказать, что среди прочего, оно отражает основное понимание того, что рост сознания, начинающийся в ранней юности и продолжающийся постепенно [в течение жизни], является только половиной целостной личности; чем больше возрастает человеческое сознание, тем больше человек теряет свою вторую половину, которая живет в бессознательном. Таким образом, представление [о личности как двух половинках одного целого] отражает расщепление человека на две части: на сознающую и бессознательную стороны личности, причем такое расщепление осознается именно в ранних юношеских переживаниях.

Однажды в газете New Zürcher Zeitung я прочитала рассказ, который может послужить иллюстрацией этому переживанию. Автор – венгерский офицер рос единственным ребенком в аристократической семье. Он был одинок, ему было не с кем играть; тогда он придумал себе брата по имени Стефанек, которого он представлял себе плотным рыжеволосым мальчуганом. В его воображении брат совершал поступки, о которых он мечтал или которые ему нравились, но на совершение которых у него не хватало смелости. В своих фантазиях он представлял себе то, что в том или ином случае сделал бы Стефанек.

Когда мальчик пошел в школу и встретил настоящих сверстников, яркость образа поблекла, и он исчез из памяти. Далее автор рассказывает (я только повторяю его слова), что был ранен во время Первой мировой войны. Он потерял сознание и какое-то время лежал, истекая кровью, в очень тяжелом состоянии. Когда раненый очнулся, он увидел наклонившегося над ним человека – рыжеволосого мужчину лет тридцати. Он подумал, что за ним пришла помощь, и произнес: «Кто вы?». Человек прошептал: «Стефанек!». Все, что автор рассказа помнил потом – это госпиталь, в котором он медленно возвращался к жизни заботами врачей. Его интересовало, насколько все рассказанное им относится к галлюцинации – в какой мере он спроецировал знакомый образ на того, кто вынес его с поля боя, возможно, на черноволосого медбрата Красного креста. Офицер пытался выяснить, кто же доставил его в госпиталь, но ни врачи, ни медицинский персонал не могли сказать ничего определенного! Сиделка сказала, что его нашли во дворе госпиталя лежащим на носилках, но никто не знал, как он попал туда, и он так и не смог этого узнать!

Он пишет, что не хочет строить никаких домыслов на эту тему, сообщая только факты. Я же могу дать этому рациональное объяснение. Как ясно из рассказа о детстве, Стефанек представлял собой заурядную, но жизнелюбивую часть личности рассказчика, ее подчиненную сторону. Этот рыжеволосый парень осмеливался делать то, на что не отваживался он сам. Рассказчик же был интровертным и чувствительным мальчиком, и мне кажется вполне вероятным, что тяжело раненый, он в полубессознательном состоянии смог сам доползти до госпиталя: фактически его спасла внутренняя инстинктивная личность – Стефанек. Затем он потерял сознание во дворе госпиталя, где его и нашли. Рана была не слишком тяжелой, и он быстро шел на поправку. Такое объяснение мне

кажется единственно возможным. Другое объяснение заключается в том, что его мог подобрать на поле боя медбрат госпиталя, и в полубоморочном состоянии рассказчик спроецировал на своего спасителя образ Стефанека. Кто знает!

Я рассказала эту историю для того, чтобы проиллюстрировать, как часто одинокий ребенок находит себе компаньона в другой, бессознательной половине своей личности, переживая таким образом собственное бессознательное. Но, как правило, в этом возрасте Теневые фигуры и другая сторона личности обычно проецируются на реальных детей, принимающих на себя роль «другого». На этом примере также видна проблема некоторой диссоциации личности, проявляющаяся, в частности, и в преувеличенном романтическом порыве, который испытывают мальчики, когда Отто фон Лобе умирает, выпив эликсир. Мысль о том, что человека в его телесной форме можно дематериализовать, и тогда он превратится в «зеркало звезд» (как утверждал Мельхиор в беседе с отцом), завораживает. Таким образом, в основе идеи, охватившей мальчиков, лежит алхимическая трансформация, однако при попытке воплотить ее в реальность происходит несчастный случай. И здесь мы видим, что двойник [героя] – мальчик-*пуэр* – имеет прямое отношение к Самости, а осознание Самости (так, как оно представлено в алхимическом процессе) и есть настоящее *fascinosum*.⁷⁴ Кроме того, мы наблюдаем и возникновение двух противоположных ритмов: жажды смерти, выраженного в образе Отто фон Лобе и циничного стремления к реальности, воплощенного в фигуре Генриха Вундерлиха. Пока мы не знаем дальнейших событий, мы не можем сказать больше.

Далее. Во время пребывания Мельхиора в запертой комнате происходит его первая встреча с феминностью. Исключенный из школы, запершись в доме, он переживает потрясение, вызванное смертью фон Лобе и открывает для себя Генриетту Карлсен, которая позднее умрет от туберкулеза. Как вы помните, он ссорится с ней, так как девушка не желает следовать за ним к смерти. Она чувствует, что видения мальчиков, являющиеся Мельхиору, не что иное, как романтическое стремление героя к смерти, и не хочет идти вслед за ним. Она предостерегает юношу от опрометчивого шага, но этим лишь провоцирует разрыв. Вместе с тем она умирает. Забегая вперед, скажу, что герой никогда по-настоящему

⁷⁴ нечто пленительное, завораживающее (лат.) – прим. перев.

не соединяется с женщиной. Брак для него ничего не значит: вместо близких отношений с обеих сторон появляются разочарование и ненависть. Его брак – полное фиаско.

Таким образом, здесь мы наблюдаем ту же проблему, что и в «Маленьком принце»: у героя нет никакого контакта с Анимой. Только в данном случае мы сталкиваемся с другой разновидностью отсутствия этого контакта. Вы помните, что принц тоже ссорится с розой и оставляет ее в одиночестве. В «Маленьком принце» Анима не аристократична и болезненна, а инфантильна и высокомерна, с ней трудно ладить. [У Гетца] девушка воплощает более привлекательный тип Анимы: она аристократична как хрупкая «сломанная лилия». Как это можно интерпретировать с точки зрения психологии?

Первая любовь всегда очень значима для мужчины, ведь девушка в этом случае является скорее воплощением Анимы, чем реальным человеком, и, как правило, такие любовные отношения не доходят до свадьбы. Пленительное очарование связано с Анимой и с матерью (в нашей истории – с грустной, болезненной женщиной, склонившейся над Библией), и вполне очевидно, что Генриетта Карлсен во многом повторяет материнский образ. Иногда у мужчин бывает несколько разновидностей Анимы: одна из них может быть похожей на ту, что я описала, а другие служат ей в качестве компенсации. Если такой тип Анимы является доминирующим, какой отсюда можно сделать вывод? Что это предсказывает?

Ответ: Что его жизненные силы на исходе.

Не обязательно жизненные силы, но [как правило], вся область чувствования (feeling side) человека истощена, его Эрос слаб. Сам человек необязательно чувствует себя слабым (Генрих Вундерлих полон жизни, однако он стал приземленным циником), а потому Эго сохраняет возможность оставаться совершенно реалистичным. Что можно предположить, встретив человека восемнадцати-двадцати лет с таким образом Анимы? Я бы сказала, что у него равные шансы стать гомосексуалистом и остаться холостяком. У него существуют только две возможности, поскольку общее отношение к феминности и к чувствам (к Эросу и близким связям) оказывается слабым, и с большой долей вероятности оно умрет или, другими словами, поблекнет. Среди мужчин такого типа

мне приходилось встречать больше убежденных холостяков, чем гомосексуалистов.

Я знала мужчину, который трижды был обручен с девушками, умирающими от какой-либо болезни, не ведая, что причина трагического исхода отношений кроется в нем самом. После похорон третьей невесты он решил, что его преследует злой рок и перестал общаться с женщинами. Он – прекрасный человек, но старый холостяк – не понимал, что конstellация его Анимы побуждает выбирать именно таких женщин, и инстинктивно предпочитал обреченную. Каждый раз он обручался с возлюбленной, намереваясь жениться, и каждый раз невеста умирала: одна от туберкулеза, другая стала жертвой несчастного случая, причину смерти третьей я не помню. Больше всего в этом пожилом человеке поражала его невероятная чувствительность, которую он прятал за странным поведением и грубостью. Он ходил неопрятный, от него несло табаком; его квартира скорее напоминала пещеру, украшенную красивыми вещами, но все поверхности и пол были покрыты пеплом сигар. Малейшее замечание домработницы приводило его в ярость, и он разражался бранью на женщин (особенно на домработниц) которые нарушали порядок. Он был фантастически артистичен и имел прекрасное собрание произведений искусства, он понимал и чувствовал искусство лучше многих, которых я когда-либо встречала. Это был тип одухотворенного, высокообразованного холостяка!

Однако было ясно видно, что его Анима настолько чувствительна, что он никогда близко не подходил к женщине и никогда не дружил не только с женщинами, но даже с мужчинами – столь утонченными и уязвимыми были его чувства. Единственный способ выживания заключался в избегании тесных контактов с другими людьми. Однако его спасало огромное чувство юмора; он всегда относился с иронией к своей чувствительности, скрывая ее за саркастическими замечаниями в свой адрес (эта уловка весьма характерна для чувствительных людей); чтобы не вылезать из своей скорлупы, он всегда выставлял себя в смешном свете. Это обычное поведение мужчин, испытывающих особую предрасположенность к обреченным женщинам.

Другая возможность – вступить в связь с представителем своего пола, стать гомосексуалистом. В этом случае можно установить определенную дистанцию и придать отношениям особую утонченность, избежав сложного переплетения чувств, страсти,

необходимости жениться и неприятной, ранящей действительности. И в этом случае находимо сходство с Маленьким принцем в том смысле, что проблема комплекса *puer aeternus* связана со слабой фигурой Анимы и уязвимым Эросом, что влечет за собой трудности в общении с противоположным полом.

При этом возникает странный парадокс: девушка Генриетта, единственный образ Анимы, который встречает Мельхиор до брака, хочет помешать ему последовать романтическому влечению к Запредельному и умирает. Как это можно интерпретировать? В каком-то смысле она поступает правильно, поскольку предупреждает его об опасности и стремится привлечь на эту сторону, к жизни. Но она умирает.

Замечание: Он спроецировал на нее нездоровую Аниму.

Да, и когда девушка сопротивляется, проекция Анимы исчезает. Если бы Генриетта разделила романтические устремления Мельхиора, она взяла бы на себя роль Анимы, но отвлекая юношу от его планов, она отказалась выступить в этом качестве. Почему [она не согласилась], из текста романа не ясно, но в тот момент, когда девушка отказывается [следовать за героем], проекция Анимы устраняется. Для Мельхиора важно, чтобы она так же, как и он сам, стремилась к смерти – тогда он продолжал бы проецировать на девушку Аниму. Более того, Мельхиор выбрал ее потому, что она была обречена, хотя сама девушка не подозревала об этом и сознательно не желала смерти.

Этот пример также иллюстрирует характерную манеру поведения молодых людей, указывающую на определенную слабость: так ведет себя юноша, который при устранении проекции Анимы более не стремится продолжать отношения, что является еще одним признаком слабости Эроса.

Некоторые люди, осознавая, что другой человек не отвечает их ожиданиям и предположениям, стремятся выяснить причины этого, движимые обычным естественным любопытством. Мужчине кажется странным, что он мог так увлекаться женщиной, вдруг переставшей его волновать, поскольку она оказалась не такой, как он ожидал. Однако он стремится выяснить, что же произошло, почему исчезла ее привлекательность, и в этом случае у него есть шанс осознать и понять существующую проекцию. Те, кто просто разрывают отношения как только испытали разочарование, оста-

ются во власти проекции навсегда. Человеку, обманутому в своих ожиданиях, стоит продолжать отношения, по крайней мере, какое-то время для того, чтобы осознать происходящее. Именно так Юнг открыл собственную Аниму. Разочаровавшись в женщине в очередной раз, он задал себе вопрос, почему же все-таки он ожидал от нее других отношений? Что побуждало его ожидать совсем иное? Задавая вопросы и осознавая собственные надежды, не соответствовавшие реальному человеку, Юнг обнаружил наличие внутреннего образа у себя.

Таким образом, иногда даже полезно разочароваться в отношениях – причем не только в гетеросексуальных, чтобы задать себе несколько вопросов. Почему я не видел этого раньше? Что я ожидаю? Почему у меня возник другой образ этого человека? В чем причина ошибки? Ведь ошибка тоже представляет собой некую реальность. Если человек может задать себе такие вопросы, это свидетельствует о его желании вникнуть в межличностные отношения и расстаться со своими иллюзиями. Если человек сохраняет отношения, прикладывая усилия к тому, чтобы сформировать их на соответствующем уровне, то иллюзии остаются тем, что представляет чисто исследовательский интерес. Но люди со слабой чувственной сферой стремятся разорвать отношения сразу, как только разочаровываются в своем партнере. Они просто уходят, так как отношения больше им не интересны, и тогда отпадают все вопросы относительно ложных ожиданий и уязвленных чувств.

Вопрос: Но в другом человеке есть что-то, играющее роль «крючка», за который цепляется проекция, разве не так?

Да, но это вы можете понять, только продолжая отношения после разочарования. Сначала вам кажется, что вы прекрасно понимаете партнера, поскольку в процессе воздействия проекции у вас появляется ощущение, что вы хорошо знаете этого человека. При первой встрече нет никакой необходимости в разговоре: вы все друг о друге знаете (в случае полной проекции), вот откуда возникает поразительное ощущение единения и уверенности в том, что вы знакомы уже много лет. Затем партнер вдруг начинает вести себя неожиданным для вас образом, и наступает разочарование; вы возвращаетесь с небес на землю и чувствуете, что «это не то». Если вы намерены продолжать отношения с этим че-

ловеком, следует сделать две вещи. Вам предстоит игра на два фронта: необходимо выяснить, почему возникли иллюзии в отношении этого человека, и понять, что же ваш партнер представляет собой на самом деле, перестав отвечать вашим ожиданиям. Какой он/она в действительности? Это очень длительная работа, и когда вы ее проделаете, обнаружив источник своей иллюзии и посмотрев на другого человека в отсутствии проекции, только тогда вы можете задать себе вопрос, почему же ваши ожидания решили зацепиться за этого человека. Это очень трудно, ведь «крючок» может быть крупным или мелким, поскольку у другого есть всего несколько черт, которые отвечают проекции, а остальное завершают ваши собственные ожидания. Иллюзии могут иметь различную степень выраженности.

Очевидно, Мельхиор принадлежал к тому типу личности, который уходил, как только иллюзия исчезала, как только другой человек переставал отвечать его ожиданиям. Он даже назвал Генриетту трусихой, оскорбил и оставил ее. Субъективно это свидетельствует о слабости отмирающей функции Эроса. Нельзя даже сказать, что он жалеет о несчастной любви или что она вызывает у него страдания и разочарование. Другой в его возрасте, пережив подобный опыт, сел бы и написал длинное письмо, обвиняя бывшую подругу в глупости, непонимании и т.п. только для того, чтобы довести отношения до логического конца. Это была бы попытка сопричастности (relatedness) к другому человеку, хотя и основанная на ошибках и проекции; это была бы попытка проявить неподдельный интерес к партнеру. Но у Мельхиора нет и намек на такой исход: так же, как и Маленький принц, он просто вычеркивает событие из своей жизни, хотя и в несколько иной форме. Маленький принц покидает свою планету и розу, потому что она прогоняет его из гордости. «Да, да, уходи, уходи!» – говорит она, хотя и жалеет о расставании. Если кто-то слишком быстро вычеркивает из памяти свои отношения, можно быть уверенным в том, что он так же быстро вычеркнет сам себя. Так ведет себя человек, имеющий склонность к самоубийству.

Здесь мы видим слабость Анимы, характерную для суицидальной склонности бессознательного. Именно по этим признакам можно в той или иной мере заранее распознать склонность человека к самоубийству. Мне встречались два типа людей: люди одного типа на самом деле не обладают такой склонностью, но могут свести счеты с жизнью в порыве гнева, это своего рода несчаст-

тный случай. Бывают вспыльчивые люди (на самом деле в них есть что-то от убийцы), которые в случае внезапного приступа ярости могут направить агрессию против самих себя, и тогда они убивают себя «по ошибке». В таком состоянии они теряют голову, и если им удастся выжить, они испытывают затем глубокие сожаления! Все это не проявление подлинной склонности к самоубийству, а обращенная на себя агрессия, аутоагрессия. Такая агрессивность не интегрируется и может внезапно обратиться против самого человека, поразив его, словно жало скорпиона.

Однако Мельхиор принадлежит к настоящему суицидальному типу личности, а такие люди тайно, разумно и беспристрастно вычеркивают из своего окружения близких, знакомых, самих себя. Они никогда не доверяют ни себе, ни своему окружению, у них ни с кем нет настоящих отношений. У Мельхиора не возникает ни одной привязанности – именно это характерное качество героя проявляется на протяжении всей книги, это его роковая черта, которая прослеживается с самого начала повествования.

После разрыва с Генриеттой Мельхиор ссорится с отцом. Эта ссора оказывается важным моментом [истории]. Мельхиор по-прежнему поглощен идеей трансформации личности, однако его отец – астролог, маг, также увлеченный оккультными науками, – занимается ими не ради трансформации, а просто из любопытства, псевдонаучного интереса. Именно это послужило причиной эмоционального конфликта, в результате которого отец и сын «вычеркнули» друг друга из своей жизни, прекратив всякое общение. Вот вам еще одна реакция на события, направленная на разрыв отношений.

Ссора отца и сына важна еще и потому, что указывает на основную проблему, а именно, враждебность мальчика Фо по отношению к Ульриху фон Шпату. Сначала фон Шпат представляет как учитель Фо, он желает поймать мальчика и тем самым уберечь Мельхиора от его влияния. С другой стороны, ребенок боится фон Шпата и каждый раз спасается от него бегством. Мальчик старается повлиять на Мельхиора, и, как видите, состязание взрослого и ребенка продолжается бесконечно. В какой-то момент Мельхиор испытывает сильную приязнь к Ульриху фон Шпату – когда снимает перчатку и пожимает незнакомцу руку, обнаруживая кольцо на пальце. Однако, в общем, он ненавидит его и старается избегать общения. Постараемся взглянуть в это глубже.

Имя Ульрих фон Шпат (Spät – «Опоздавший») указывает на то, что незнакомец старше всех, и по отношению к мальчику должен играть роль отца. Он пытается быть его духовным наставником, учителем или отцом, и очевидно, что конфликт между ним и Фо является дальнейшим продолжением той ссоры между отцом и сыном, о которой мы говорили раньше. Если сын верит в трансформацию личности (правда, в абсолютно нереальной и фантастической форме), а отец, проявляя интерес к магии и оккультизму, не разделяет веры сына, то какого рода конфликт возникнет? Мы станем свидетелями столкновения двух миров. Каких?

Ответ: Двух поколений.

Да, отец возражал против трансформации, желая сохранить статус-кво, тогда как сын стремился к обновлению. Если соотнести это с идеей трансформации личности в алхимии, что мы тогда получим?

Ответ: Материальное и духовное отделены друг от друга. Отказавшись от своего отца, герой отрекся от материальности. Мельхиор сознательно занимался духовным поиском, но в таком случае материальная сторона жизни становится Тенью.

Да, но здесь есть тонкость. В какой-то мере отец является воплощением материальной стороны жизни. Но если разобраться, какому, по-вашему, сторону жизни он воплощал?

Ответ: Обе стороны, ведь он был мудрым старцем и магом!

Понимаете, в какой-то мере он является воплощением обеих сторон! Так как он читает книги, он воплощает духовность – постигает мир своим разумом, что представляет собой скрытый материализм. С другой стороны, вы может утверждать, что архетип духовности в романе – мальчик Фо. Действительно, Мельхиор – воплощение жажды духовной жизни, но вместе с тем его образ также материален, ведь друзья хотели преобразить человека с помощью настоящего яда. Это материализм. Поэтому в обоих образах [и отца, и Мельхиора] материальное и духовное разделены. Когда один из них уходит в сторону материализма, другой принимает духовную установку и разрывает отношения; но когда

склонность к материализму проявляется у другого, тогда [появляется] Фо и увлекает к духовности. Поэтому я согласна с тем, что в данном случае происходит негативное отделение материального от духовного, но у обоих сразу! А чего не хватает?

Ответ: Анимы.

Да, психики (psyche), находящейся между двух противоположностей. Вот почему происходит разделение материального и духовного на обоих (враждебных друг другу) полюсах, и нет уз любви (vinculum amoris), чтобы их соединить, ведь Анима отсутствует. Поэтому отец занят духовными исканиями, в основе которых лежит скрытый материализм, а сына привлекают материалистические химические опыты, несущие в себе духовную основу. Их интересы сталкиваются, и отец и сын не понимают друг друга.

В известном смысле мы сегодня сталкиваемся с такой же проблемой. Взять, к примеру, различные течения в антропософии. В Лос-Анджелесе недавно была образована новая секта, основанная Мэнли Холлом (Manely Hall), члены которой считают себя чем-то вроде новых розенкрейцеров. Возрождается интерес к магии, к символике масонов и розенкрейцеров, к астрологии и оккультизму, при этом последователи всех подобных движений отрицают психологию. Они желают называть Запредельное миром духа, а проявления Анимуса – ангелом, явившемся из Запредельного; причем тем факторам, которым мы пытаемся дать определения с точки зрения психологии, они приписывают старинные названия, заимствованные из древних традиционных книг.

В Базеле живет человек по имени Юлиус Швабе (Julius Schwabe), основатель Конгресса Символизма, который проводится ежегодно. Он приглашает специалистов с докладами, посвященными символизму, а также ученых и представителей различных школ и направлений. Так, например, некоторые из них рассказывают о тибетской медицине.

Однажды я тоже была приглашена с тем, чтобы сделать доклад о юнгианской психологии. В конце моего выступления Швабе, председатель Конгресса, подвел итоги, используя терминологию оккультизма и прикрывая это фразами типа: «вот это и это – не что иное, как древний образ X Запредельного», назвав бессознательное «трансцендентным духовным миром» и т.п.

Вот он, настоящий господин фон Шпат (господин Опоздавший), поскольку его толкование [непонятого] – это шаг в прошлое. Такие объяснения возвращают нас к средневековым, даже шумерским и вавилонским магическим понятиям. Докладчики употребляют термины XVI века, понятия, введенные Парацельсом, и все это у них совершенно перепутано. Получается искусная мешанина, прекрасное поурри из древних понятий, изъятых из контекста и употребляемых для обозначения феномена, который мы называем бессознательным. И таким образом истолковывается и объясняется любое понятие, а древние названия используются для того, чтобы привязать их к тому или иному [современному] явлению. Однако за всем этим ощущается присутствие огромной силы. Например, Швабе в данном случае мог бы сказать: «Итак, Фо – это пример *Hermes infans*, *Mercurius infans*, юного Меркурия»⁷⁵. И вам кажется, что сказано нечто важное! Вот он, фон Шпат!

Это пример того, как распадаются на части внешняя и внутренняя реальность, материя и дух, все остальное. Мужчина, имеющий обязательства перед Анимой и испытывающий чувство долга по отношению к женщине (подруге или жене), всегда попадает в характерную жизненную ситуацию реального конфликта, разрываясь между двойными обязательствами как перед внутренней, так и перед внешней сторонами своей жизни. В такие моменты наступает осознание того, что жизнь есть распятие – а это базовая истина! Жизнь двойственна: это двойные обязательства, это конфликт, поскольку жизнь есть противоречие, столкновение двух направлений. Но именно этот конфликт и делает жизнь такой, какая она есть!

Такое понимание жизни недоступно фон Шпату, или он сам остается закрытым для него. Этот факт даже не приходит ему в голову, что становится еще одним из тех незначительных, но роковых поворотов в нашей истории, указывающих на ее трагический конец.

⁷⁵ Гермес Трисмегист (*Hermes Trismegistos*) – вестник богов, проводник душ умерших в др.-гр. мифологии, отождествленный с др.-егип. богом мудрости Тотом – знатоком магии, астрологии, обладателем тайного знания. Считается родоначальником оккультизма (герметизма), алхимии, космографии. Меркурий (*Mercurius*) – имя Гермеса у др. римлян. Также *Mercurius* – название ртути, одного из важнейших элементов и понятий алхимии. *H. infans* (Г.-младенец) *M. infans* (М.-младенец) – зд. вновь рожденный маг, обладатель тайного знания.

Лекция 10

На предыдущей лекции я постаралась вам наметить в общих чертах образ Ульриха фон Шпата, одной из самых загадочных фигур в этой книге. Его конфликт с мальчиками, происходящий на сверхличностном (superpersonal) уровне, как в зеркале отражает межличностный (personal) конфликт Мельхиора с отцом. Мельхиор изучает черную магию в поисках эликсира трансформации, а отец интересуется этим же предметом из любопытства (или из жажды знания, хотя нельзя сказать, что он стремился как-то творчески осмыслить полученное). По этой причине сын и отец ссорятся и перестают общаться. Однако теперь этот конфликт проявляется в гораздо большем масштабе: между фон Шпатом, воплощающем отца-покровителя, и мальчиком, давшим Мельхиору кольцо (фон Шпат намекает на то, что ищет мальчика затем, чтобы снова получить над ним власть).

Но перед тем как подробно комментировать значение этих образов, я приведу текст еще нескольких глав романа.

Вы помните, когда Мельхиор вернулся к себе домой, он снова увидел мальчика, который стал предостерегать его от общения с фон Шпатом. Он сказал: «Ты один из нас. Оставайся с нами и не попадайся в ловушки, расставленные фон Шпатом. Он знает тайну, с помощью которой может заставить всех нас стать неподвижными». Мельхиор спросил, что же это за тайна, а мальчик ответил, что если бы они знали секрет фон Шпата, они все давно были бы свободны. Потом он снял кольцо с руки Мельхиора, сказав, что оно запутает его еще больше и ввергнет в хаос. Затем в окне появился луч света, и мальчик исчез.

Следующая глава начинается с того, что в дверь его кабинета постучали. Мельхиор не отозвался.

Дверь приоткрылась, и Софи, жена Мельхиора, осторожно заглянула в комнату. Она невысокая брюнетка приятной внешности. Ее

зеленые глаза смотрели прямо на Мельхиора, а губы, – чувственные, но лишённые четко очерченной формы, – слегка дрожали.

«Ты снова здесь, – произнесла она, – один в холодной комнате. Может быть, спустишься вниз? У нас так весело и интересно».

«Ты же знаешь, я не хочу иметь ничего общего с этими людьми, – печально ответил Мельхиор. – Почему ты не зажгла камин в кабинете?» (Он знал, что этой хитростью она хотела заставить его присоединиться к вечеринке.)

«Извини, я забыла», – сказала Софи.

«Ты всегда забываешь об этом, когда собираются твои гости, – возразил он. – Ты хочешь, чтобы я общался с людьми, которые не оставляют меня в покое. У меня нет на них времени».

«На меня у тебя тоже нет времени, – сказала Софи. – С теми людьми я хотя бы могу разговаривать по-человечески, но на тебя это наводит скуку».

«Да, обсуждать и пережевывать одно и то же – это занятие действительно наводит на меня скуку, – ответил Мельхиор, – вы говорите всякую чепуху и над всем смеетесь».

На мгновение лицо жены приняло гневное выражение, но она сдержалась и спокойно ответила: «Я люблю чувствовать себя в знакомой обстановке, но ты этого не переносишь. Ты всегда хочешь заставить меня и всех остальных чувствовать себя в напряжении, пытаешься выбить почву у нас из-под ног. После встречи с тобой люди начинают чувствовать себя глупо, с ними невозможно серьезно разговаривать – они начинают молоть чепуху».

«Нет, ты меня совсем не понимаешь, – сказал Мельхиор. – Ты всегда ведешь себя слишком самоуверенно. Я могу только сказать, что твоя свобода – абсолютная иллюзия, так же, как и свобода твоих друзей – самообман. Самая ничтожная вещь их огорчает, потому что ни над ними, ни за ними нет ничего. О свободе может говорить только человек, испытавший смерть, хаос. Я не верю ни в неизбежность, ни в целостность, ни в постоянство, ни в свободу».

Софи с нетерпением произнесла: «Нас ждут гости. Пойдем вниз! Сегодня там царит абсолютная неразбериха, потому что у нас в гостях человек, который у всех вызывает смятение большее, чем ты. Он говорит очень странные вещи: утверждает, что стоит ему приказать, и целая армия духов подчинится ему».

Мельхиор улыбаясь, спрашивает: «Он говорит о духах? Ты скорее поверишь в мир духов, чем в духовность мира. Кто же он, этот повелитель духов?»

«Мой старый знакомый, – ответила Софи. – Он родом из того же города, что и я. Мы вместе играли, когда были детьми. Но всякий раз мы должны были ему починяться, поэтому с ним нам не удавалось играть так, как хотелось. Он был маленьким и слабым, однако никто не осмеливался вступать с ним в драку. Я очень рано уехала из родного дома и с тех пор никогда о нем не слышала. Теперь, спустя пятнадцать лет, он вдруг появился, и я попросила его остаться на чай».

«Как его зовут?»

«Ульрих фон Шпат!»

(Так мы узнаем, что фон Шпат был другом детства жены Мельхиора).

Мельхиор произнес: «Ах да, он остановился в Гранд-Отеле, не так ли?»

«Откуда ты знаешь? Вы с ним знакомы?»

«Я случайно с ним познакомился пару часов назад, а теперь он пробрался к нам в дом на вечеринку под предлогом давнего с тобой знакомства!» – Мельхиор был очень взволнован.

Софи насмешливо заметила: «Как ты сразу оживился! У тебя тут же появился интерес. Теперь я поняла, что должна приглашать на наши вечеринки всяких сумасшедших, чтобы хоть как-то тебя заинтересовать».

Мельхиор не дал ей закончить. «Ладно, пошли на вечеринку», – сказал он.

Войдя в комнату, они услышали, как фон Шпат говорил собравшимся: «Дамы и господа, вы будете смеяться над моими словами, но я уверяю, что могу показать вам вещи, похожие на воплощение сказки в реальной жизни. Каждого из вас я смогу поместить в маленькую бутылку – такую, какую сейчас держу в руке».

В комнате раздался взрыв смеха. Мельхиора и Софи сразу окружили люди, и наш герой заметил, что все они взволнованы и возбуждены. Он удивился: неужели фон Шпат так повлиял на гостей?

«Здорово, старик! – крикнул толстый, вульгарный искусствовед Генрих Трумпельштег (Trumpelsteg), хлопая Мельхиора по плечу. – Ты пришел как раз вовремя: твой знаменитый друг готов показать нам пару фокусов».

Но в этот момент в дверях появился шеф Мельхиора, профессор Кукс в очках в золотой оправе и представил свою жену – танцовщицу (молодую девицу, похожую на юношу). Лицо ее было покрыто зеленой пудрой, а губы накрашены фиолетовой помадой.

Мельхиор поразился, увидев эту компанию, а профессор Кукс бес­тактно произнес: «Взгляните на мою жену! Смотрите, как она пре­красна! Взгляните на ее ноги!» Он задрал юбку жены выше колен: «А то, что повыше, выглядит еще очаровательнее!»

Все засмеялись его шутке, громче всех – госпожа Кукс. Тут все женщины стали поднимать юбки, демонстрируя свои ляжки, при этом каждая сообщала, что ее ноги – самые красивые. Трумпель­штег произнес: «Прекрасно, леди, я предлагаю устроить конкур­с красоты. Так разоблачитесь же и покажите себя во всей своей кра­се, а мы решим, кто из вас прекраснейшая. Как и древние греки, мы не хотим ничего, кроме красоты и еще раз красоты!»

Раздались крики «Ура!», и тут же замелькали руки, ноги, пред­меты одежды и нижнего белья; через несколько минут все женщины оказались обнаженными. Мельхиор искоса взглянул на жену и уви­дел, что и она тоже разделась и насмешливо посматривает на него.

«Что же здесь происходит? – изумился Мельхиор. – Это по­хоже на сумасшедший дом. Должно быть, это результат странного воздействия господина фон Шпата. Неужели и мои идеи вызывали у людей такую же реакцию?» (Мельхиор всегда заставлял людей сомневаться в себе, разрушая их уверенность и буржуазную само­надеянность, однако теперь он спрашивал себя, могло ли все про­исходящее сейчас явиться результатом его влияния).

Обнаженная госпожа Кукс кружилась в танце, обнимаясь со всеми гостями. За ней следовали остальные женщины – они шле­пали, царапали, кусали, щипали и целовали друг друга – мужчины же им неистово аплодировали. Мельхиор отвернулся от этого зре­лища и оказался рядом с фон Шпатом, который направился к нему, раскрыв объятия.

«Мы встретились раньше, чем ожидали, – сказал фон Шпат. – Поразительно, что Вы по воле случая оказались мужем подруги моей юности!»

«Я не верю в случайные совпадения, – ответил Мельхиор, гля­дя фон Шпату прямо в глаза. – Так или иначе, мы сами осуществ­ляем эти случайности».

Хотя разговор казался весьма обычным, Мельхиор понял, что в этот момент слова имели глубокий скрытый смысл, известный только ему и фон Шпату.

В это время появился Трумпельштег. Услышав последние сло­ва, он громко заявил: «Да здравствует философия!». Он произнес это так громко, что все замолчали.

«Случайности! Случайности! – продолжал искусствовед. – Естественно, не бывает случайностей для таких магов, как Вы. Человек создает случайности, а господин фон Шпат управляет целой армией духов!» – захохотал Трумпельштег.

Затем господин Сильверханиск, пастор с выпученными глазами, пришедший сюда изучать дезориентацию современной души, сказал: «Да, господин фон Шпат убедил нас в том, о чем вы говорите. Но ни слова больше! Мы – современные, просвещенные люди и верим только фактам! Фактам, господин фон Шпат!»

Все остальные хором закричали: «Давайте факты!»

«Факты, – сказал школьный учитель Шульце (Schulze), присоединяясь к остальным, – нас убедят только факты! Мы верим только фактам, как учит нас великое время, в котором мы живем!»

«Браво!» – закричал хор голосов.

Трумпельштег, у которого не было больше сил сдерживаться, вскочил на стол и, по-обезьяньи замахав руками, завопил: «Дамы и господа, а как же искусство? Вы забыли об искусстве!» И пустился в пространные объяснения о том, что они не желают фактов, закончив словами: «Факты ничтожны. А мы хотим именно иллюзии! Да здравствуют рыцари Духа!» (в том смысле, что иллюзия уводит нас от реальности).

Все хором скандировали: «Да здравствуют рыцари Духа!», отбивая такт ладонями. Даже Софи, которая прежде молча стояла в углу, понемногу возбуждаясь всеобщим весельем, хлопала себя по бедрам, присоединяясь к смеху.

Мельхиор и фон Шпат, улыбаясь, смотрели друг на друга. Мельхиор чувствовал себя так, будто от всего происходящего его отделяла тонкая завеса. Крики, визг и остальной шум казались ему не слишком громкими; все представлялось каким-то далеким, необычным и странным. Только с фон Шпатов он ощущал тесную связь.

В следующей главе ситуация становится спокойнее. Собравшиеся в доме Мельхиора постепенно приходят в себя, но атмосфера становится напряженнее, и люди начинают шептаться между собой. Ульрих фон Шпат выходит из комнаты и через некоторое время возвращается. Он открывает дверь и медленно входит в комнату с полуприкрытыми глазами. Он находится в облаке голубоватого сияющего тумана, из которого видна его белая голова. В одной руке он держит удивительную маленькую бутылку, а в другой – сверкающий нож. Кажется, он никого не замечает. Скользящей танцую-

щей походкой он направляется в противоположный угол комнаты и, сделав в этом направлении два шага, устремляет на Мельхиора полный неприязни взгляд, который наш герой лишь время от времени замечал на себе.

Искусствовед Трумпельштег и танцовщица госпожа Кукс, которые до этого делали друг другу какие-то знаки, при приближении фон Шпата, вышли из группы гостей и, держа что-то в руках, спокойно последовали за ним. Тем временем фон Шпат подошел к окну, поставил бутылку на маленький столик и повернулся к присутствующим; его бледное лицо выглядело как у лунатика.

Вдруг в руке Трумпельштега оказался револьвер; хриплым от гнева голосом он закричал: «Стойте! Вы хотите убить всех нас. Это уже не шутки!»

Фон Шпат быстро поднес к горлышку бутылки указательный палец, и на дно упала капля его крови. В тот же момент Трумпельштег стал размером с большой палец и оказался внутри сосуда, в стеклянной тюрьме.

От страха и ужаса госпожа Кукс замахнулась ножом на фон Шпата, но тот снова, быстро надрезав кожу, поднес указательный палец к горлышку бутылки, и на дно упала вторая капля крови. Госпожа Кукс сразу уменьшилась в размерах и тоже оказалась за стеклом.

Сначала все замерли от изумления, но затем раздался взрыв хохота: смеялись все, кроме профессора Куksа, который завыл как раненый зверь: «Верните мою жену или я позову полицию!» Но он не отважился подойти близко к фон Шпату.

«Полиция! Полиция! – закричали все присутствующие. – Где здесь телефон?»

А школьный учитель Шульце бегал от одной группы к другой и громко шептал: «Ради Бога, не раздражайте его! Он может посадить в бутылку всех нас, даже полицию, что тогда будем делать? Тогда мы все пропадем! Сохраняйте спокойствие!»

Застыв в оцепенении, никто не знал что делать; Софи вцепилась в мужа: она держала его за руку и умоляла уговорить фон Шпата освободить узников. Она старалась сдержать слезы и лепетала: «Почему я должна все это терпеть? Мельхиор, что ты от меня хочешь?»

Даже не взглянув на нее, Мельхиор ответил: «Что я от тебя хочу? Ничего! Ты сделала выбор много лет назад. Нас с тобой больше ничего не связывает». Всплеснув руками, Софи без чувств упала на пол.

Тогда заговорил пастор, господин Сильверханиск: «Дорогие братья во Христе, наступил день Страшного Суда. Внемля своей гордыне, мы усомнились в Его всемогуществе, и теперь мы за это наказаны. Опустимся на колени, и может быть, Его недосыгаемая доброта освободит нас из ловушки Сатаны. Помолимся!» Все пали на колени.

Фон Шпат взял со столика маленькую бутылку и поднял ее вверх. Подойдя поближе, гости увидели, как в бутылке ногой Трумпельштег заигрывает с госпожой Кукс. Они стали танцевать, делая круг за кругом, все больше сближаясь, пока, наконец, не слились в страстном объятии.

Когда пастор увидел это, молитва застряла у него в горле, а глаза почти вылезли из орбит. Все сгрудилось вокруг фон Шпата, чтобы увидеть, что происходит в бутылке. Кто-то тихо засмеялся, через несколько минут раздался общий смех, и люди стали падать друг другу в объятия, целоваться, смеяться и танцевать. Устав от хохота, они еще раз подходили посмотреть на беззаботную, сливающуюся в экстазе парочку и снова обнимались, целовались, кружились в танце.

Только профессор Кукс вне себя от ярости намеревался напасть на фон Шпата, но его удержали, усадили в кресло, привязав веревкой так, что он не мог двинуться с места. Фон Шпат поставил маленькую бутылку на стол и хлопнул в ладоши. Комната тут же наполнилась белым туманом, оттуда появились семь девушек в белом и склонились перед магом. Откуда-то из-под земли раздался звук танцевальной музыки. Фон Шпат взял за руку одну из девушек и впервые за все время открыл глаза, излучающие серебристый свет. Как только его глаза полностью открылись, все увидели, что фон Шпатов стало семь – по количеству девушек, и семь иллюзионистов тут же закужились в танце с незнакомками. Когда танец закончился, все исчезло, и маг снова оказался одним фон Шпатов.

После этого большая дверь в стене комнаты неслышно отворилась, и собравшиеся увидели стол, богато сервированный напитками и закуской. Голос, показавшийся Мельхиору знакомым, приглашал войти и сесть за стол. Это была торговка яблоками. Она стояла на пороге комнаты и протягивала яблоки входящим гостям.

Обнаженные женщины составили пары с мужчинами и, смеясь и беседуя, вошли в зал. Софи проскользнула рядом с Мельхиором, фон Шпат был с одной из девушек в белом. О профессоре Куксе просто забыли. На столе стояли изысканные лакомства и напит-

ки, а торговка яблоками переходила от одного гостя к другому и обслуживала всех. Наливая вино в бокал Мельхиора, она шепнула ему на ухо: «Ты молодец, что узнал меня, но все же ты не очень умен. Будь осторожен! Я желаю тебе добра, но ты должен быть послушным!»

«Кого мне нужно остерегаться?» – тихо спросил Мельхиор.

«Ты должен знать это сам, – прошептала старуха, – я не имею права ничего говорить!»

Мельхиор схватил ее за руку и заявил, что не отпустит ее, пока она все не расскажет. Но старуха проявила значительную силу, она вырвала руку и произнесла:

*Кольцо на пальце,
Лица в окне,
Пути пересекаются,
Дуют южные ветры.
Скоро наступит время.
Они ждут! Они ждут!*

Мельхиор повторил про себя эти слова. Он вдруг ощутил великую тоску и тревогу, к его горлу подкатил комок подавленных слез. Но он взял себя в руки и осмотрелся вокруг: никто, кроме Софи, ничего не заметил. Но жена грустно смотрела на него – она все слышала и решила, что Мельхиор ее бросит.

Семь девушек сидели за столом с закрытыми глазами, словно погрузившись в сладкий сон. Фон Шпат тоже закрыл глаза; его голова казалась безжизненной, высеченной из камня. Мельхиор взволнованно смотрел по сторонам и думал: «Почему я так ненавижу и вместе с тем так люблю его? Почему от него спасаются мальчишки? В чем заключается его сила? Что побудило его продемонстрировать свою силу этим людям? Хотел ли он мне сказать то, что я и так знаю? Я уже давно превзошел этих людей. Меня влечет другое общество. Чего я выжидаю? Этот незнакомец притягивает меня. Что он от меня хочет?» Тут его взгляд остановился на окне, и он увидел в нем лицо Фо. Мальчик задержался у окна около минуты, а затем исчез.

Гости по-прежнему продолжали есть. Ульрих фон Шпат открыл глаза и вновь, превратившись в семерых себя, оказался около каждой из семи девушек. Вдруг школьный учитель Шульце отодвинул стул, встал из-за стола и, подняв свой бокал, начал речь: «Дамы и господа! Даже самые удивительные чудеса кажутся вполне естествен-

ными, если человек дорос до того, чтобы к ним привыкнуть. Сегодня на какой-то момент мы испытали потрясение от неожиданностей, показавшимися нам чудесами. Но сейчас, думая обо всем этом – об этой воображаемой еде, напитках, о людях и обо всем остальном, – мы чувствуем себя в этой обстановке совершенно спокойны! Чудес не бывает. Бывают только факты, а по своей сути факты являются разумными, поэтому нам не стоит больше так волноваться. Дамы и господа, мы можем просто оставаться самими собой: такими, какими мы были всегда. Давайте поднимем наши бокалы и...»

Его прервал ужасный звук. Все семь форм фон Шпата застонали и закрыли глаза. Семь девушек тут же растворились в тумане, а фон Шпат, вновь превратившись в одного человека, оказался на полу без сознания. Появился Фо: он стоял в угловом окне и смеялся. Фон Шпат лежал на полу, корчась от боли, его голубые глаза были открыты, но ничего не видели. Казалось, все его тело разрывается на части от невыносимых страданий.

«Теперь ты чувствуешь! Теперь ты чувствуешь? – вопил Фо. – Ты перестарался! Ты захотел на минутку отдохнуть, а затем продолжить игру, правда? На минуту сила твоя уснула? Теперь ты видишь, что не можешь позволить себе спать? Теперь мы хозяйева!»

Мальчик пустился в пляс вокруг тела фон Шпата, он скакал и прыгал. Его фигура светилась, волосы были подобны яркому пламени. Все быстрее и быстрее мальчик кружился вокруг мага, издавая победные крики.

Мельхиор смотрел в лицо лежащего на полу человека, и ужас, охвативший его, боролся с любовью. Почти неосознанно он захотел броситься к Фо и попросить его остановиться, но Фо, сияя от радости, приближался к окну.

«Забирай его, Мельхиор! – кричал мальчик. – Мы перед тобой в долгу. Мы отдаем его тебе! Он твой!» – Фо вновь пронзительно засмеялся, а затем, глядя на Мельхиора, произнес мягко и настойчиво: «Мельхиор, мы ждем тебя!» – и сразу исчез.

Постепенно боль отпустила фон Шпата. Он задышал спокойнее – казалось, он просто заснул. Голубой туман исчез, и маг лежал на полу совсем нагим. Какое-то время Мельхиор смотрел на великолепно сложенное тело фон Шпата, а затем, пока не подошли другие гости, стянул со стола скатерть и набросил ее на лежащего. Он поднял мага с пола, понес в свой кабинет и положил на диван. Подвинув стул к изголовью дивана, Мельхиор сел, глядя на неподвижное тело. Сон снял напряжение с лица фон Шпата, и теперь

Мельхиору стали видны истинные черты, которые до сих пор скрывались за изменчивым выражением его лица. Это было лицо прекрасного бога, только слегка изможденное.

Спустя несколько минут на лице фон Шпата вновь появилось напряжение, спящий пошевелился и с огромными усилиями открыл глаза – они казались бесцветными и похоже, ничего не видели. Спустя некоторое время он сел. Заметив Мельхиора, он позволил себе откинуться на спинку дивана и произнес хриплым голосом: «Я пришел слишком поздно. Теперь Фо снова свободен. Вы поверили в то, что я – Ваш злейший враг. Я пришел в Ваш дом, чтобы забрать колоду, но сон одолел меня. Зачем Вы меня защитили?»

«Спящий человек не мог быть моим врагом, – ответил Мельхиор. – Я понял, что вы – мой брат».

Фон Шпат вскочил и закричал: «Я теперь никогда не засну!»

«Никогда не заснете? – озабоченно спросил Мельхиор. – Как Вас понимать? Вы же не имеете в виду буквальный смысл этих слов?».

«Я теперь никогда не засну, – повторил фон Шпат, и его глаза сделались шире и темнее. – Если я засну, мои враги разорвут меня на части. Сон будет подстерегать меня везде. Я заигрался всего на минуту, и вот он меня одолел. Но я – его хозяин. Наши тела состоят не из земной плоти. Они состоят из музыки, мы – отражения звезд».

Мельхиор почувствовал тяжесть в голове и вежливо сказал: «Я люблю земную плоть, я не хочу быть хозяином. Я хочу оставаться самим собой».

Фон Шпат беспокойно заерзал: «Вы говорите в точности, как мальчишки», – зло сказал он.

«Кто эти мальчишки? – быстро спросил Мельхиор. – Кто такой Фо?»

Фон Шпат помедлил, и наконец нехотя произнес: «Никто не знает, кто они, никто не знает их настоящей формы. Они являются вам в облике бродячих мальчишек, озорных девчонок или животных. Они искушают, желая погрузить вас в хаос и мрак. У них есть свое царство, вход в которое я никак не могу найти (книга называется «Царство без пространства»), но там они не живут. Они всегда здесь. Может быть, они одновременно находятся и здесь, и там. Они увлекают всех в экстатический танец. Я должен найти дорогу к ним. Я должен разрушить это царство. Эти свободные, необузданные люди должны оказаться в моей власти. Все они должны быть мои».

ми. Фо, самый свободный из них, самый сильный и самый смелый, сбежал от меня. Им больше не удастся скрыться от меня в темноте ночи. Они не будут больше менять свой облик, принимать различные обличия. Вокруг них будет только свет. Их дикая любовь должна умереть. Необходимо лишить их источника сна. Больше никто не будет спать!»

Фон Шпат окончательно пробудился. Его тело казалось прозрачным, сохранив лишь неясные сияющие очертания. Он поднял голову, и потолок в комнате вдруг исчез. Сверху из темноты показалось лицо, похожее на лицо мага, оно смотрело вниз, отражая неясный свет. «Кто ты? Кто ты?» – дрожа, закричал Мельхиор. Фигура фон Шпата поднялась вверх на невообразимую высоту, ее очертания постепенно становились все более смутными. Мельхиор ощущал, как кровь стынет у него в жилах, но не мог прогнать навязчивое.

«Выбирай, Мельхиор! – крикнул фон Шпат, и его голос был похож на звон далекого стеклянного колокольчика. – Если ты хочешь присоединиться к мальчикам, тебе нужно только их позвать, и они забудут все: кто ты был и кто ты есть. Если захочешь прийти к нам, просто постучи в стену этой комнаты, и дорога к владению светом откроется тебе. Обдумай это. Твой путь опасен, он лежит через все ужасы мира. Но пока ты свободен в своем выборе. Сделай выбор и прими решение. Возвращение назад будет означать гибель. Мы не сможем тебя защитить».

Пока фон Шпат говорил, его очертания полностью исчезли. Потолок закрылся, люстры снова загорелись, диван опустел. Мельхиор остался один в своей комнате.

Итак, разговор Мельхиора с женой Софи свидетельствует о том, что их брак висит на волоске: они живут совершенно разной жизнью, не понимают и не любят друг друга. Очевидно, что у Софи накопилась много горечи и разочарования в любви, она чувствует, что Мельхиор никогда не принимал участия в ее жизни, не любил ее, и, как многие женщины, которые не чувствуют себя любимыми, в своем разочаровании она полностью подчинилась Анимусу. Вместо близких отношений с Мельхиором она пытается добиться своего с помощью различных ухищрений. Например, чтобы заставить мужа присоединиться к вечеринке, она не затопила камин в его кабинете. Софи пытается поймать и одолеть Мельхиора хитростью; следовательно, любовь превраща-

ется в борьбу за власть. Из их отношений исчез Эрос. Она ненавидит своего мужа за его мистические изыскания и за то, что он противопоставляет себя буржуазному миру, но из-за этих противоречий и невысказанных желаний постоянно мучается сама. Он же ищет нечто совершенно иное, не принимая во внимание ее потребность в мире и безопасности. Она хочет быть женой профессора, иметь свой избранный круг людей, играть в нем ведущую роль; он же, по ее словам, разрушает тот свободный и безопасный мир, который она хочет построить. Таким образом, во время семейной ссоры они спорят о свободе или ее отсутствии. Она обвиняет его в том, что, разрушая их жизнь, он лишает ее всякой свободы. А он, наоборот, пытается доказать, что свобода ее буржуазного мира не является истинной свободой, что подлинной свободой обладают только люди, которые могут отважиться на иррациональный риск. Но этот разговор между ними не имеет никаких последствий, поэтому они его прерывают и присоединяются к вечеринке.

Затем появляется фон Шпат, оказавшийся другом детства Софи. Выясняется, что в юности они были близкими друзьями, но впоследствии он уехал, исчез. Как вы помните, в последний раз мы пытались показать, что фон Шпат воплощает отцовскую ипостась, дух традиции, источником которой является родительский мир. Для мужчины фигура отца выступает воплощением культурной традиции, и фон Шпат служит ее олицетворением. Традиции противодействуют обновлению, и (если я смогла вам правильно объяснить) именно традиция воплощает знания в наиболее отравляющей форме «мы все это уже знаем». В каждой культурной обстановке существует скрытый яд, включающий в себя претензию на знание ответов на все вопросы. В примитивных обществах это закреплено в обычаях инициации, когда старейшины племени рассказывают юношам историю Вселенной: как был сотворен мир, какова сущность зла, есть ли жизнь после смерти, в чем цель жизни и т.д. Например, ответы на все вопросы можно найти в мифологических или религиозных знаниях, эти знания старейшины племени сообщают молодым соплеменникам, которые, как правило (за исключением нескольких творчески мыслящих юношей), принимают все на веру, проглатывая целиком. В результате молодые люди также знают *все*: все расставлено по своим местам, и если вдруг приходит миссионер и пытается их в чем-то убедить, ему просто рассказывают о том,

как все происходит на самом деле: «Да, конечно, мы знаем: мир был сотворен так-то и так-то; зло исходит оттуда и оттуда; цель жизни заключается в том-то и том-то». Мы [в нашем обществе] делаем в точности то же самое, правда, в нашем случае форма несколько усложняется, но суть одна.

Ульрих фон Шпат воплощает архетипическое начало традиционного знания, передаваемого по наследству, а оно находится в постоянном противоречии с духом *puer aeternus* и принципом постоянного обновления, нового созидания. Софи Линдгуст тайно связана с фон Шпатам, который оказался другом ее юности. Таким образом, с точки зрения ее психологии, фон Шпат является воплощением отцовского Анимуса. Именно отцовский Анимус порождает в женщине убеждение в том, что на все есть свой ответ, создает уверенность в том, что все само собой разумеется и не требует доказательств; другими словами, дарит иллюзию всеобщего знания.

Именно эту установку критиковал Юнг, когда негативно отзывался об Анимусе, а именно, установку абсолютной убежденности, с которой женщины распространяют «мудрость», порожденную мнением «все так делают» и «все это знают». Но если пристально посмотреть на подобную «женскую мудрость», увидим, что женщина просто повторяет однажды произнесенное отцом (или кем-то другим), не приняв, не ассимилировав значение слов. Дочь стремится воспроизвести знания прошлого, полученные ею от отца. Передавать традиционные знания, не пропустив их смысл через собственное индивидуальное сознание, не ассимилировав их – опасное занятие, граничащее с одержимостью.

Кроме того, очевидно, что яркой чертой фон Шпата является комплекс исключительного стремления к власти. Софи рассказывает, что даже ребенком он пресекал в игре любые творческие устремления своих сверстников, и детям приходилось играть так, как хотел он. Основа [личности] фон Шпата – власть, а власть в широком смысле слова аналогична инстинкту самосохранения.

На животном уровне есть два основных естественных влечения, которые в определенной мере противоречат друг другу: сексуальный инстинкт со всеми его функциями, включая рождение детей и заботу о потомстве, и инстинкт самосохранения. Эти два влечения противоположны. Рождение и воспитание потомства означают смерть прошлого поколения. В живой природе существует немало примеров, когда самец погибает сразу после воспроиз-

водства потомства. У некоторых видов пауков, например, самка пожирает самца сразу после оплодотворения, т.е. после выполнения им своей биологической функции. После этого самец становится совершенно бесполезным, годным только на то, чтобы быть съеденным паучихой и таким образом послужить кормом для будущего потомства. Это крайний случай, но часто животные-родители полностью истощают себя ради своего потомства, вплоть до собственной гибели.

Сексуальное влечение также заставляет животных полностью забыть о самосохранении, и охотники это знают. Животные, движимые сексуальным инстинктом, перестают ощущать опасность: самец косули, например, преследующий самку, может попасть прямо в руки человека. Охотник может просто встать за деревом – и косуля, самое пугливое животное, не чувствует опасности, если им движет сексуальное влечение. Секс означает продолжение рода, а ради него в существенной мере (или полностью) можно пожертвовать самосохранением отдельной особи или отдельного человека. С точки зрения рода важно, чтобы жизнь продолжалась. В обычном состоянии, когда сексуальность не играет доминирующей роли, преобладает инстинкт самосохранения (который принимает форму или борьбы, или избегания). Животное занимается тем, что ищет пищу и спасается от смерти, т.е. сохраняет себя как отдельная особь.

Эти два инстинкта, секс и самосохранение, являются основными тенденциями в жизни животных; у человека они проявляются в виде двух божественно-противоположных сил, а именно: любви (включая сексуальность) и власти (включая самосохранение). Таким образом, как отмечает Юнг, Эрос и власть противостоят друг другу. Как пример, брак Мельхиора и Софи превратился в борьбу за власть, в которой каждый из них пытается сохранить собственный мир от угрожающего воздействия мира супруга; они утратили способность поступиться своими интересами ради другого, проявить великодушие, позволив другому проникнуть в свой собственный мир. Оба супруга борются за жизнь. Так как жена утратила способность к любви, она становится жертвой стремления к власти и влияния фон Шпата. Жажда власти – вот тот черный ход, через который фон Шпат проникает в дом, поскольку маг в равной степени воплощает и стремление к власти, и самого Мельхиора. Так как же жажда власти влияет на Эрос, т.е. на другое влечение?

Ответ: Насмехается над ним, выставя его на всеобщее обозрение.

Да, в бутылке. А что такое бутылка? Он помещает его в бутылку, а затем над ним насмехается и выставяет его на всеобщее обозрение; это классическая иллюстрация того, как влечение к власти поступает с другим влечением: оно заключает его в темницу! Люди заключают в тюрьму любовь и секс, ведя себя так, словно они являются их собственниками. Так, например, женщина использует свою красоту, чтобы сделать мужчин зависимыми; она применяет все свое очарование, чтобы заполучить богатого мужа. Это значит, что она его не любит; она использует это чувство или то, что в данном случае подразумевается под любовью, чтобы сделать карьеру, получить богатого мужа или что-то еще. Она ведет себя, словно владеет этим влечением или управляет им. Женщина, попавшаяся на удочку фон Шпата, будет подавлять любое спонтанное чувство любви. Если она вдруг испытает влечение, например, к трубочисту, она подавит свое чувство *in statu nascendi* (в самом зародыше), так как считает, что любить человека, не обладающего высоким социальным статусом, ниже ее достоинства.

С другой стороны, она может обманываться, убеждая себя, что любит господина N., у которого много денег. Она может верить в то, что любит мужчину, соответствующего ее рациональным и властным установкам, поэтому будет подавлять любое спонтанное извержение Эроса. В таких случаях любовь обычно низводится до элементарного уровня сексуальности. Другими словами, попав в ловушку интеллектуального планирования, любовь деградирует до *prima materia*⁷⁶, до физической сексуальности, которая, в свою очередь, используется как крючок для помимки подходящего партнера, соответствующего определенным критериям. Настоящее чувство, разрывающее оковы, разрушающее границы, создающее новую жизнь, — такая любовь полностью подавляется.

Вопрос: Важно ли, что речь идет именно о бутылке, а не о коробке или каком-нибудь другом [предмете, выступающего в роли] темницы?

⁷⁶ букв. первоматерия (лат.)

Да. Что представляет собой стеклянная бутылка?

Ответ: Ее можно использовать как реторту или что-то ей подобное.

Естественно. Бутылка вместе с ее содержимым напоминает алхимическую реторту, в которой соединяется обнаженная пара, но все происходящее [в романе] имеет совершенно иной смысл. Здесь бутылка используется не по своему назначению, а в качестве циничной насмешки над алхимическим таинством.

Замечание: То есть имеется в виду установка «ничего кроме».

Да, это использование идеи или интеллектуального конструкта с оттенком «ничего кроме»: «ничего, кроме сексуальной свободы», «ничего, кроме тела», или «ничего, кроме меня и господина такого-то» и т.д., тем самым исключая любую возможность проявления эмоций.

Как правило, стекло прозрачно, сквозь него можно видеть, но оно плохо проводит тепло. Можно говорить о том, что стекло имеет отношение к интеллекту, поскольку символизирует интеллектуальный конструкт, позволяющий что-то увидеть, но отсекающий все эмоциональные (чувственные) отношения. Например, Белоснежка, лежащая в стеклянном гробу, не полностью отрезана от внешнего мира, как если бы она находилась в усыпальнице из дерева или камня. И все же она изолирована не столько от сознания, сколько от чувств и самой жизни. Если вы находитесь в доме из стекла, вы способны видеть и осознавать все происходящее за его стенами, но вы не в состоянии уловить запахи, почувствовать температуру, дуновение ветра и т.д. Все это остается совершенно недоступно чувственному восприятию (perception), а следовательно, и чувственным отношениям – как во внешнем, так и во внутреннем мире. Интересно, что помещая животных в стеклянные клетки и вольеры зоопарков, мы таким образом предохраняем себя от опасного влияния реальности, но при этом мы можем изучать поведение животных, находясь от них на определенной интеллектуальной дистанции.

Как известно, в алхимии стеклянная реторта отождествлялась с философским камнем. Сосуд – это феминный аспект философского камня, который, в свою очередь, является маскулинным аспектом Самости, поэтому оба эти предмета означали одно и то

же. В романе стеклянный сосуд в руках фон Шпата представляет собой мистический феномен. Что это может значить? Какая разница существует между стеклом – позитивным алхимическим символом – и бутылкой, этой пародией на алхимический сосуд? Небольшое отличие можно увидеть, сначала рассмотрев, в чем заключается позитивный аспект алхимической реторты. Что значит, если что-то поместить в реторту?

Ответ: Тем самым мы подвергаем страданиям ее содержимое.

Это лишь часть целого; а что представляет собой реторта с психологической точки зрения? Большинство из вас читали книгу «Психология и алхимия»⁷⁷. Что значит, если в реторте имеется некое содержание?

Ответ: Это значит, что происходит трансформация.

Да, реторта – то место, где происходит трансформация. Какие существуют предпосылки для психологической трансформации? Предпосылка заключается в том, чтобы посмотреть на себя, причем это должен быть взгляд изнутри. Это значит, что вместо того, чтобы смотреть на внешние факты – т.е. на других людей, мне следует изучить собственные реакции. Символически это значит поместить себя в стеклянный сосуд. Предположим, что я на кого-то злюсь. Но если я отстраняюсь от источника моей злости и говорю: «теперь я, пожалуй, посмотрю на свою злость. Что она такое и что за ней стоит?», это значит, что я помещаю свою эмоцию в реторту. Поэтому реторта воплощает психологическую установку на самопознание, служит символом попытки личности осознать себя, не оглядываясь на других.

Если речь идет о воле, [от человека] требуется решительность; если речь идет об интеллектуальной деятельности, требуется интроверсия, т.е. стремление к внутреннему самопознанию любой ценой, а также объективное (не субъективное) размышление о своих внутренних проблемах, желание сосредоточить усилия на том, чтобы посмотреть на себя непредвзято. К сожалению,

⁷⁷ C.G. Jung, "Psychology and Alchemy", vol. 11, CW Princeton: Princeton University Press, 1958; 2-nd ed., 1969. См. также: К.-Г. Юнг, «Психология и Алхимия», Рефл-бук, 1997.

способов достичь такого уровня [сознания] нет, и в тех случаях, когда это происходит, мы говорим, что на человека сошла благодать. Например, если человек одержим любовью или испытывает сумасшедшую злость в отношении каких-то проблем (например, с деньгами), тогда лучше всего попытаться отвлечь его от конкретной проблемы, какой бы она ни была, и посмотреть на нее отстраненно. Изучив сны, можно понять, как проблема выглядит изнутри, с точки зрения объективной психики, и использовать содержание сновидения в качестве зеркала для объективного наблюдения своего психологического состояния. Однако, как правило, у людей не получается добиться [такого объективного взгляда], даже если они хотят и стремятся к этому. Только какое-то действительно сверхъестественное или чудесное событие их жизни помогает им. Они снова начинают говорить: «Да, но, понимаете, завтра мне нужно принять решение с моим банкиром, продать или нет ценные бумаги». Да, но давайте на минуту отстранимся от проблемы, и посмотрим, что на этот счет может сказать объективная психика! «Нет, понимаете, я должен решить!» И вдруг чудесным образом этот человек почему-то успокаивается, совершает поворот к себе, обращаясь внутрь себя, и произносит: «Я воздержусь от того, чтобы охватить проблему целиком и не буду заполнять ситуацию собственными эмоциями. Я постараюсь быть объективным».

Случилось чудо, но для того, чтобы оно произошло, требуется интроверсия Самости. Однако, чтобы человек смог сделать этот шаг, с ним должно что-то произойти. Мы знаем, что [такая установка в жизни] необходима, и порой стремимся найти ее в себе, но не можем; события подталкивают нас к самопознанию, но что-то мешает достичь его. И вот (как правило, после долгих страданий и переживаний) внезапно находит это странное умиротворение. Тогда человек становится спокойным и тихим, а его Эго обращается к процессам, совершающимся внутри, и объективно оценивает происходящее; человек перестает скакать, подобно обезьяне вокруг внешней ситуации. Обезьяний танец самоуверенного Эго останавливается, и тогда у человека появляется некая объективность. Теперь он уже может посмотреть на себя [со стороны] и быть открытым к переживанию бессознательного.

Таким образом, можно сказать, что в какой-то мере появление алхимического сосуда представляет собой чудесное событие

для психики. Он появляется внезапно и позволяет людям оценить себя объективно, используя сосуд в качестве зеркала, где отражаются сны и другие продукты бессознательного. Иначе у человека просто не будет точки опоры, находящейся вне границ Эго, благодаря которой он мог бы это сделать. Именно поэтому, прежде чем на себя посмотреть, человек должен осознать свою Самость, и именно поэтому в начале анализа люди проходят через переживание Самости. Только такое переживание позволяет людям объективно посмотреть на свой внутренний мир.

Вот что алхимики имеют в виду, когда говорят о сосуде. Можно также сказать, что сосуд символизирует установку, которая, например, предшествует работе с активным воображением, поскольку без такого сосуда ее нельзя сделать. Само активное воображение можно также назвать алхимическим сосудом, ведь если я сяду и попытаюсь объективизировать свое психологическое состояние с помощью активного воображения, это значит, что я помещу свое состояние в сосуд. Повторяю, это предшествует установке этической отчужденности, честности и объективности, необходимой человеку, чтобы он смог посмотреть внутрь себя. Это будет сосуд в самой примитивной его форме.

С помощью Эго-сознания я могу быстро составить суждение о бессознательном; я тоже помещаю его в сосуд. Но тогда он станет стеклянной темницей, установкой «ничего кроме», которая придает негативный аспект сосуду. Тогда мы получаем интеллектуальную систему, и живой феномен психики оказывается заключенным в ту или иную интеллектуальную систему. Ее собственником является власть. Это очень тонкий момент.

Есть люди, которые и желают на себя посмотреть, но лишь для того, чтобы стать сильнее другого человека или стать хозяином положения. Они по-прежнему сохраняют целеполагающую силу Эго и даже используют для этого методы юнгианской психологии, например, активное воображение, но их взгляд устремлен на силу, на преодоление трудностей и на то, чтобы стать классным парнем, который *сделал это*. Это искажает подлинную установку; в таком случае ничего не выйдет.

Есть и другие люди, которые честно посвящают много времени собственному анализу – чтобы стать аналитиком и получить власть над другими. Это другая ловушка – смотреть на себя только для того, чтобы изучить свои возможности воздействия

на других; смотреть внутрь себя не только ради самого себя, не ради собственной потребности добиться более высокого осознания. Таким образом, власть снова и снова незаметно проникает во все, и то, что было живым проявлением духа, превращается в трюк, который совершается под воздействием Эго. Ульрих фон Шпат – это демон злоупотребления всем, чем возможно, заставляющий все (даже высшие духовные силы) деградировать до состояния искусного трюка.

Мне задали несколько вопросов. Один из них следующий: если предположить, что в образе фон Шпата воплощено злоупотребление интеллектом со скрытым преобладанием установки «ничего кроме», в чем заключается смысл осуществляемого им чуда? Как можно его интерпретировать? Как может такая установка вызывать чудеса?

Вопрос: Возможно, уместнее вместо слова «чудо» употреблять слово «трюк»?

Да, мы можем назвать это трюком коллективной галлюцинации. Сначала входит в транс кто-то один, а затем происходит коллективная галлюцинация. Она прошла, все вдруг очнулись, праздничный ужин и все остальное исчезло. Это был иллюзорный трюк, но какое отношение он имеет к только что установленному нами смыслу?

Если мы посмотрим на фон Шпата как на воплощение Анимуса Софи, он будет представлять собой образ отцовского Анимуса. А как отцовский Анимус формирует у женщины не только мнение, но и магические трюки? Мне вспомнился случай одной женщины, отец которой был человеком шизоидного типа – довольно холодный мужчина с садистскими наклонностями, постоянно выражавший недовольство своими детьми, все время называвший их ничтожествами, которые никогда и ничего не добьются в жизни. Если они старательно учились в школе, он говорил, что у них никогда ничего не получится, или же, если они хотели заниматься искусством, он называл их бесталанными и говорил, что они никогда не добьются успеха. Он всегда и во всем плохо к ним относился. Кроме того, у него была привычка, сводившая его дочерей с ума: когда они гуляли в поле, отец палкой сбивал со стеблей венчики цветов. Это был *tic nerveux* (нервная привычка); он это делал из мести или испытывая горечь разочарования от своей ущербной

чувственной жизни. Это была шизофрения, унаследованная им от многих предыдущих поколений, и можно сказать, что отец своими уничижительными замечаниями символически рубил детям головы (или пытался это сделать), чтобы они не могли стать взрослыми.

Далее. У дочери такого отца была череда разных любовников: старики, юноши, художники, бизнесмены – самые разные люди; но после двухнедельного знакомства все они начинали ее садистски мучить, называя ее ничтожеством и утверждая, что она внушает им отвращение и что у нее нигде ничего не получится. Они точь-в-точь повторяли слова ее отца, словно воспроизводили магнитофонную запись его обвинений. Мне так и не удалось узнать, вынуждала ли она их это делать, или же они так себя вели вследствие своей предрасположенности (а она сама инстинктивно выбирала таких мужчин). О многих из них я никогда не стремилась узнать больше, чем она сама рассказывала, но можно сказать, что все это очень похоже на черную магию. На примитивном уровне я бы сказала, что на женщину наложено заклятие, а потому ей всегда «попадались» недовольные ею и не любящие ее мужчины, топтавшие ее и так растерзанные чувства. Из ее сновидений выяснилось, что за всеми мужчинами действительно стоял отец. Например, ночью, после ссоры с любовником, назвавшим ее никчемной, никуда не годной и т.п., ей приснилось, что ее поджидает отец, а затем бьет палкой по бедрам, и она падает. Хорошо известно, что отцовский Анимус (или материнский демон – у мужчин) не только негативно воздействует на внутреннюю судьбу человека, нарушая действие его инстинктов в выборе партнера и в других подобных случаях, но может проявляться и во внешней судьбе – в качестве синхронных явлений: в синхронных чудесных событиях во внешней жизни человека, в ситуациях, за которые мы не можем нести личную ответственность. Мне думается, было бы не слишком тактично с точки зрения чувств сказать этой женщине, что она влюбляется в садистов потому, что не может справиться с отцовским Анимусом, живущим у нее внутри. В этом заключается лишь часть правды. Несколько позже, когда женщина продвинется [в самоанализе], можно попытаться дать ее возможность увидеть, что внутри нее находится призрак отца, и что именно он привлекает мужчин подобного склада. Но иногда, когда человек пытается справиться с злой судьбой, он чувствует, что противостоит столь

мощным губительным божественным силам, что не может взять на себя личную ответственность.

Вопрос: Можно ли утверждать, что подобные мысли всегда присутствовали в ее голове, и впоследствии стали частью ее личности? Чтобы поместить людей в бутылку, фон Шпат сначала ронял на дно каплю крови, и мне кажется, что Анимус женщины (ее мысли) растворяется в ее крови и по существу становится частью ее самой. Ведь фон Шпат отдавал свою кровь, он отдавал всего себя своим трюкам.

Да, естественно фон Шпат олицетворяет женские тайные мысли демонического характера.

Замечание: Но вместе с тем он пролил свою кровь.

Совершенно верно, но это связано с другим фактором, а именно: совершая магию, он изменяет самому себе, и на этом его ловит Фо. Важно помнить, что если бы фон Шпат не затеял интригу, если бы он не стал демонстрировать магию, Фо не победил бы его. «Теперь я никогда не засну», – говорит фон Шпат после победы Фо. «Если я засну, мои враги разорвут меня на части. Сон будет подстергать меня везде. Я заигрался». Поэтому, как видите, он сам себя обманул, он заигрался: он забыл о своем стремлении к власти, он был очарован магическим действием. На какой-то момент он стал себя вести точно так же, как ватага Фо, как мальчишка. Он играл, «и вот он (сон) меня одолел. Но я – его хозяин. Наши тела состоят не из земной плоти. Они состоят из музыки, мы – отражения звезд».

Это явная энантиодромия, и нам следует считать фон Шпата воплощением духовной интеллектуальности, силы мысли, но только в том случае, если он не играет. Когда он начинает творить магию, тем самым он обращается к законам Фо. Если посмотреть на происходящее с точки зрения наличия двух полюсов, то одним полюсом станет Фо, а другим – фон Шпат. Когда фон Шпат чувствует себя самим собой и ощущает полноту собственной силы, он бодрствует: не спит, не играет, не творит магию. Но [в момент трюка] он упивался своей властью, все больше демонстрируя ее силу. Он использовал магию, чтобы показать себя, и постепенно, в чем сам потом признался, расслабил-

ся, забывшись на какое-то время. Он заигрался, заснул. Вот тогда до него добрался Фо!

Вы можете сказать, что фон Шпат попал под влияние Фо, поскольку эти две силы, подобно всем противоположностям, существующим в бессознательном, часто попадают под воздействие друг друга вследствие энантиодромии. Оба – и фон Шпат, и Фо – являются противоположностями бессознательного, ведь они боги, а это значит, что представляют собой основные архетипические влечения, существующие в психике. Это игра противоположностей, в которой страдает Мельхиор: он разрывается между ними, потому что и фон Шпат, и Фо хотят завладеть его душой.

Когда фон Шпат заходит слишком далеко в своей игре во власть, он сразу попадает под воздействие Фо. Также и Фо попадает в орбиту воздействия фон Шпата, увлекшись своей игрой. Поэтому когда фон Шпат начинает совершать магическое действие, порезав себе палец и выдавив каплю крови, он, по существу, медленно приближается к полюсу Фо; маг переходит на противоположный край.

Вы можете сказать, что оба персонажа суть два аспекта существования, так как оба они принадлежат жизни, и обойтись без кого-то из них нельзя. Однако оба претендуют на то, чтобы быть единственными, и каждый из них имеет притязание на человека. Фо просит Мельхиора полностью встать на его сторону, фон Шпат требует от него того же, и, как мы увидим в конце книги, трагедия заключается в том, что у Мельхиора нет своей твердой позиции. С точки зрения индивидуальности так проявляется слабость его Эго, мечущегося между противоположностями, которые играют в него, как в теннисный мячик. Он находится между двумя богами или демонами; они оба называют себя единственным его хозяином, и он не может прочно встать обеими ногами на землю и сказать: «Я не подчинюсь никому из вас, а буду жить своей, человеческой, жизнью». Именно поэтому он попался в ловушку непрекращающейся демонической игры.

Г-жа Рамп (Miss Ramp) выяснила очень интересное обстоятельство, связанное с именем Фо. Она считает, что основное значение этого имени – «Будда», одно из многих имен бога. Это утверждение не лишено смысла, потому что, как мы знаем из романа, Мельхиор много путешествовал по Индии и Китаю, а Фо является правителем невидимого царства, которое, как позже уви-

дим, аналогично Нирване. Первая обложка [второго издания книги] оформлена в японском стиле священных ворот торий⁷⁸, что имеет мистический смысл в культуре Востока: это дверь, через которую человек может войти в Запредельное. На задней обложке изображена восьмиконечная звезда. Возможно, оформление книги выбрано неслучайно. Очевидно, автор увлекался восточной религией и философией, в чем мы убедимся несколько позже, и воплотил образ *puer aeternus* – творческого демона и демона Эроса – на хорошо знакомом ему материале.

С другой стороны, фон Шпат является воплощением христианского менталитета. Сейчас мы во многом пресыщены древней христианской цивилизацией; она утратила тот *elán vital*, которым обладала в самом начале своего развития. Мы, люди истощившейся западной культуры, претендуем на то, что знаем все ответы, но при этом тоскуем по новому (подлинному) внутреннему переживанию и в значительной мере обращаемся на Восток, ожидая отсюда обновления жизни. (Однако, совершенно очевидно, что наши ожидания являются проекцией). Это может быть еще одним аспектом фон Шпата, чье нездоровое лицо служит прекрасным божественным образом, несколько болезненным и удлинненным. Изображение какого бога напоминает образ фон Шпата? Конечно, Христа. Однако фон Шпат – не Христос, а только его образ в нашем представлении: страдающий, болезненный бог, неземное создание, не способное больше жить.

С этой точки зрения значительная часть книги не нуждается в каких-то комментариях. В романе Гетца есть и журналист, несущий всякий вздор, на его взгляд, вполне отвечающий настоящему моменту, а также пастор, претендующий на изучение дезориентации современной жизни, но прерывающий свою молитву в самой ее середине, чтобы посмотреть на соитие. Нескрываемая ироничность всех этих образов не вызывает сомнения, она создана автором сознательно, а потому не нуждается в психологической интерпретации.

Но по-прежнему неразрешимой остается проблема феминности в романе. В описании женщин проявляется величайшее пре-

⁷⁸ Тории (букв. «птичий насест») – ритуальные врата, устанавливаемые перед японскими храмами (синто). Как правило, представляют собой выкрашенные в красный цвет ворота без створок, состоящие из двух столбов, соединённых между собой сверху двумя перекладинами. Один из легко узнаваемых символов Японии.

зрение; в книге нет ни одного позитивного женского образа. Автор высмеивает женщин, не скрывая своего пренебрежения. Я не знаю, был ли автор гомосексуалистом, но роман без сомнения отражает психологию однополый любви. Возможно, это обстоятельство объясняется тем, что мужчины германского происхождения проявляют установку с некоторым оттенком гомосексуальности, даже если они гетеросексуальны. В этой книге нет Эроса, и единственный позитивный образ в известных нам главах – это образ торговки яблоками, которая оказывается пассивной материнской фигурой. Она приносит Мельхиору известие в тот самый момент, когда могущество фон Шпата достигло своего апогея. Когда все очарованы магией происходящего, торговка яблоками подходит к праздничному столу и шепчет Мельхиору:

Кольцо на пальце,

(другими словами, кольцо означает обручение героя с мальчиком)

Лица в окне,

Пути пересекаются,

Дуют южные ветры.

Скоро наступит время.

Они ждут! Они ждут!

(она имеет в виду, что мальчики ждут Мельхиора).

Смысл переданного ею послания заключается в том, чтобы заставить Мельхиора оставаться преданным и верным им. Она – единственная женская фигура, выступающая на стороне мальчиков, объединяющая их в единую группу зависимых от матери персонажей. Таким образом, мальчиками управляет женщина – архетипическая Природа-Мать и одновременно толстуха, продающая яблоки на железнодорожной станции.

Дело в том, что для германского менталитета характерно отсутствие юной ипостаси Анимы. Как отмечал Юнг, по ту сторону Рейна Анима не дифференцировалась, а полностью сохранилась в рамках материнского комплекса.

Один мой знакомый, служащий в разведке, однажды рассказал мне, что он предпринимал, когда было необходимо «разговорить» пленных молодых нацистов и получить от них информацию военного характера. Когда те замыкались в себе, решив ничего не говорить неприятелю, им задавали основной вопрос, который практически всегда давал желаемый эффект. Следовало спросить (с некоторой сентиментальной дрожью в голосе): «А что, твоя ма-

тушка еще жива?» Как правило, фашист начинал плакать, а его язык постепенно развязывался.

Естественно, сказанное выше следует понимать только как обобщение, поскольку в каждом конкретном случае обобщение содержит лишь половину истины. Однако, если речь идет о характерных национальных различиях, общее правило позволяет отметить отсутствие дифференциации Анимы у германских народов в сравнении с нациями, на становление которых повлияла латинская культура.

Кстати сказать, в самой Германии север очень отличается от юга, пережившего римское завоевание. Установка живущих на юге Германии людей отличается от установки жителей северной части страны, поэтому наши выводы следует принимать с некоторой долей критики. Однако роман Гетца дает полное представление об отсутствии всякой дифференциации Анимы, ибо единственным позитивным женским образом является мамаша – торговка яблоками.

София означает мудрость, и имя жены Мельхиора выбрано не случайно. Однако в романе Софи оказывается злой, социально-амбициозной, ограниченной, нелюбящей женщиной, одержимой Анимусом, – типичной разочарованной женой. Тем не менее, ее имя означает «мудрость», что свидетельствует о том, как установка нелюбящего мужчины меняет женское начало. София может быть Мудростью, она может воплощать любовь, она может быть всем, что содержится в ее имени, – но вместо этого она превращается в маленькое вредное существо, поскольку Мельхиор так и не понял, как обратить к ней свое внимание и с помощью любви заставить ее расцвести. Таким образом, жена Мельхиора представляет собой негативную мудрость. Ее огорчает, что Мельхиор не любит людей: ей нравится общаться, а он ненавидит это общение, она хочет побудить его вступать в отношения с людьми, а он продолжает их избегать. Именно это становится причиной их ссор и раздоров.

Как вам известно, Софию называют «филантропией» – «любящей людей»⁷⁹. Это воплощение любви ко всему человечеству, что по существу означает оставаться человеком и любить всех людей. Это высшая форма Эроса. Как упоминал Юнг в статье, по-

⁷⁹ См. примечания Юнга в кн. *Psychology and Religion*, CW 11, а также в кн. *The Practice of Psychotherapy*, CW 16. (*прим. перев.*)

священной переносу, София-мудрость даже выше высочайшей любви, олицетворением которой служит Дева Мария, поскольку, как он точно отмечает, «меньшее иногда значит большее». Это значит, что если я пылаю идеалистической любовью ко всему человечеству и желаю творить добро, это все же меньше, чем просто оставаться человеком [в любой ситуации].

Но этому всему нет места на вечеринке, где животные, варварские инстинкты гостей вырываются наружу вместе с эгоизмом, вульгарностью, лживостью и неискренностью. Вот что происходит, если в людях нет любви друг к другу. Это также может послужить иллюстрацией того, к чему приводит пренебрежение Эросом: сверху – конвенциональный слой так называемой духовной цивилизации; снизу – животные замашки, готовые в любую минуту вырваться наружу. Как только исчезают условности, и женщины раздеваются, [вечеринка превращается] в обезьяний цирк, в котором трудно найти что-то человеческое. Вы можете сказать, что такое поведение характерно для шизоидного типа людей, столь многочисленного в современном обществе. Именно так выглядят люди, чувственная функция которых подавлена или не развита, за исключением того, что им, как правило, не хватает мужества продемонстрировать беснующееся внутри животное начало. Чтобы все это вышло наружу, требуется революция или приход нацистов к власти, а затем остается лишь удивляться происходящему. Когда исчезают условности, появляется обезьяний цирк.

Фон Шпат ненавидит сон. Как это можно интерпретировать? Он – враг сна и говорит, что когда полностью победит своих врагов, сна не будет вообще; его способ одолеть мальчиков заключается в том, чтобы отлучить их от источника сна.

Ответ: Во время сна отсутствует стремление к власти.

Да, во сне исключается стремление к власти, и мы остаемся совершенно беспомощными в руках тех, кто нас окружает. Это состояние, в котором уходит власть и приходит бессознательное. Поэтому вы сначала подумаете, что фон Шпат должен воплощать сознание, а Фо – бессознательное. Но если посмотреть более внимательно, дело обстоит несколько иначе. Фон Шпат также воплощает категорию бессознательного, а именно, бессознательный демонический аспект сознания, когда оно «на все знает ответ». Сознание состоит из того, что, по нашему мнению, мы знаем; это бы-

строе сознание. Даже если нам не слишком известно, что это такое, у нас есть субъективное ощущение, что это нам хорошо известно. Но за этим «осозанным» сознанием стоит бессознательное; иначе говоря, за моим «Я» и феноменом сознания находится Тень, стремление к власти и нечто демоническое.

Мы не должны забывать о том, что у сознания есть демонический аспект. Мы начинаем осознавать, что достижения нашего сознания, например, технические достижения, имеют и деструктивные стороны. Мы все вдруг осознали, что сознание может иметь недостатки, что в основе его лежит бессознательное. То, что заставляет меня желать, чтобы моя жизнь подчинялась сознанию, есть мое бессознательное. И мы не знаем, что это такое. Потребность, побуждение и страсть обладать сознанием суть бессознательные желания – то, что мы называем традицией сознания (conscious tradition).

Например, в примитивных племенах традиция всегда апеллирует к сознанию. В африканских племенах во время ритуала инициации юношу истязают, выбивают ему зубы и т.п., тем самым обучая его тому, как был создан мир, как появилось зло, что болезнь имеет определенное значение, что мужчины по тем или иным причинам должны жениться на женщинах из определенного клана, – для иницирующегося это осознание. Африканцы утверждают, что человек рождается животным, и только во время инициации он усваивает и впитывает в себя традиции племени. Не прошедших обряд они называют животными, полагая, что усвоение знания путем инициации является необходимым шагом от животного бессознательного к сознанию человека. Но для нас, воспитанных в духе совершенно иной традиции, мифологическое обучение, которое получает юный дикарь, кажется абсолютно бессознательным. Мы даже интерпретируем такие обряды так же, как сны, и возможно, это свидетельствует о том, что коллективное сознание примитивных племен на самом деле есть символика бессознательного (unconscious symbolism).

Для иллюстрации своей точки зрения я обычно привожу в пример другие цивилизации, ведь другое общество можно рассматривать *sine ira studio*, т.е. бесстрастно. Так, например, мы знаем, что христианское учение является содержанием нашего коллективного сознания. Но посмотрев более внимательно, мы увидим, что оно основывается на таких символах, как распятый Господь, Дева Мария и т.п. Если подумать о том, что значат для нас эти символы и

как они связаны с реальной жизнью, мы не найдем ответа, поскольку образы эти полны бессознательного. Мы увидим, что именно эти известные аспекты нашей духовной традиции во многих отношениях оказываются для нас покрытыми тайной, и на самом деле нам мало что о них известно.

У сознания есть скрытая обратная сторона – бессознательное. Точно такой же демонический аспект существует у фон Шпата, а именно: сознание всегда ведет себя так, как если бы оно полностью знало ответ. Возможно, задача психологии сегодня и заключается в том, чтобы раскрыть скрытый деструктивный аспект сознания и найти способы бороться с ним.

Я надеюсь, что мы можем постепенно прийти к тому, чтобы сознание могло действовать, не претендуя на то, что оно все знает, без притязаний на то, что за ним остается последнее слово. Если сознание можно было бы свести только к *функции*, к описательной функции, человек не смог бы делать умозаключения. Наоборот, благодаря известным ранее фактам мы способны сегодня давать объяснения [тем или иным явлениям]. Однако сознанию [необходимо] отказаться от скрытой предпосылки, заключающейся в том, что сегодня мы знаем все, что нам необходимо, и все, что нужно было сказать, давно уже сказано. Исключив эту ложную претензию [нашего сознания], мы бы сделали большой шаг вперед. Но такой шаг предполагает интеграцию сознания [и личности], а именно, развитие понимания того, что сознание относительно и зависит от конкретного человека («я должен знать, что я знаю, и это мое собственное знание»).

Недостаточно просто иметь осознанную точку зрения [по какому-то вопросу], человек должен знать, почему он ее имеет и каковы субъективные причины ее появления. Тем не менее, обычный современный человек до сих пор обладает коллективным сознанием и под его влиянием ведет себя так, будто знает ответы на все вопросы. Например, люди склонны считать гуманитарную установку своей собственной, забывая о том, что истоки ее лежат в христианском мировоззрении. Они не осознают, что это коллективная установка, часть того мировоззрения, которое они больше не разделяют. За подобным поведением скрывается стремление к власти.

Знание – одно из самых действенных средств упрочить свою власть. Человек отнял власть у природы не только с помощью грубой силы, но и с помощью знаний и разума. Неясно, кто сильнее,

ведь сила и ум – две стороны одного влечения (стремления к власти). Этим [влечением] объясняются многие сказки примитивных народов о животных, в которых более умный и хитрый побеждает более сильного: так, гиена побеждает льва, а в сказке племен Южной Америки карликовый олень одолевает тигра. Схожий механизм проявляется и в стремлении к власти отдельного человека, например в Анимусе женщин, обманывающих своих мужей или закатывающих им сцены.

Эмоциональная жестокость и обман – два проявления одного влечения (стремления к власти). Когда мое влечение не удовлетворяется, я открыто наношу удар другому человеку, или (если я труслив или недостаточно силен) нахожу способ обмануть его.

Наше сознание все еще скрытым образом связано с этими двумя стремлениями к доминированию [– секс и власть], и знание примыкает к ним. Особенно ярко это проявляется в академической среде, где так сильна жажда научной славы. Редко случается, что ученого интересует истина сама по себе; как правило, его больше интересует должность или возможность оказаться первым, кто сказал то-то и то-то.

Двадцать лет назад один антрополог нашел уникальный образец черепа в Танганьике.⁸⁰ Эта находка оказалась тем самым «недостающим звеном», которое антропологи всего мира искали долгие годы. Череп принадлежит доисторическому человеку, явившемуся связующим элементом между человекоподобной обезьяной и современным человеком. Как показали исследования с использованием счетчика Гейгера, уникальная находка «прибавляет» около десяти миллионов лет к возрасту человеческой расы. Это открытие отбросило за ненужностью все прежние достижения антропологической науки. Ученый, нашедший череп, опубликовал данные о находке и сделанных выводах, однако в течение последующих двадцати пяти лет все академическое сообщество за исключением профессора Брума (Brom) в Америке хранило полное молчание. Открытие попросту проигнорировали. Никто из антропологов не посчитал нужным войти в переписку с автором научной статьи или попытаться вновь установить возраст находки. Можно было бы провести необходимые дополнительные исследования, опять использовать метод Гейгера, однако никто из ученых

⁸⁰ Танганьика – территория в Восточной Африке, ранее – независимое государство, с 1964 г. входит в состав Объединенной республики Танзания.

не сделал этого, ведь это означало бы необходимость в корне пересмотреть существующие теории. Пришлось бы заявлять, что сказанное на предыдущих докладах и лекциях нуждается в корректировке, однако академическое тщеславие, стремление к интеллектуальному превосходству не позволяли ученым это сделать.

Недавно был найден еще один такой же череп, теперь уже в Италии. Данные обеих находок были сопоставлены, и антропологи все же осторожно и нерешительно стали ссылаться на результаты исследований. Однако в течение двадцати пяти предыдущих лет ученые упрямо придерживались того, что знали раньше, и истина их нисколько не интересовала.

*Замечание: Как говорят французы, les savants ne sont pas curieux.*⁸¹

Да, именно так! И это свидетельствует о том, что сила, которая содержится в знаниях и демоническое влечение получить власть с помощью знаний оказываются сильнее объективного интереса познать истину. Я привела только один пример, а их тысячи. Образ Ульриха фон Шпата символизирует все эти позитивные и негативные аспекты застывшей традиции сознания.

⁸¹ (франц.) те, кто знают – не любопытны (прим. перев.).

Лекция 11

На предыдущей лекции мы дошли в нашей истории до того эпизода, в котором фон Шпат неожиданно просыпается. Его магическое воздействие закончилось, потому что он на минуту заснул или заигрался, не проявив достаточной бдительности, поэтому мальчишки подстерегли его и одержали над ним победу. Вы помните, что за созданным им ужином фон Шпат появился с семью девушками, а иногда сам повторялся семикратно, чтобы оказаться возлюбленным всех семи девушек. Он превращался в семь мужчин рядом с семью девушками, а потом опять становился одной фигурой. В момент, когда он проснулся, его вывело из транса появление Фо. Семь девушек и магический ужин исчезли. Как вы интерпретируете присутствие одного мага и семи девушек?

Замечание: Вместе с ним их восемь.

Да, но когда было так, чтобы он оказался один вместе с семью девушками? Вам следует помнить, что автор интересовался алхимией, поэтому описывает в романе алхимическое псевдочудо, поместив Трумпельстега и госпожу Кукс в бутылку и создав тем самым карикатурное изображение алхимического *mysterium coniunctionis*.

В алхимии, особенно в поздних алхимических текстах, которые, возможно, были известны автору, часто встречается изображение семи женщин, находящихся в земной пещере. Они представляют собой семь планет и семь металлов. Идея заключалась в том, чтобы каждой планете соответствовал свой металл: Солнцу – золото, Луне – серебро, Венере – медь, Сатурну – свинец, Марсу – железо, Юпитеру – олово, Меркурию – ртуть. Восьмая фигура среди семи женщин может означать их хозяина – бога-Солнце, либо Сатурн (Сатурн в древности выполнял функцию Солнца). Из имени персонажа («опоздавший») можно также заключить,

что, возможно, фон Шпат воплощает прежнего бога-Солнце в окружении семи планет. Согласно нашей интерпретации, фон Шпат служит воплощением христианского начала, так как он похож на благородного, но уставшего бога. Теперь он становится воплощением прежнего солнечного демиурга, который означает не столько само христианство (что такое христианство на самом деле, не знает никто), сколько старое, избитое христианское *мировоззрение*, которое однажды было осознанно, а потому стало привычным, но нежизнеспособным мышлением, превратившись в некую фундаментальную основу наших социальных и религиозных институтов. В сказках такое мировоззрение воплощается в образе престарелого короля, потерявшего эликсир жизни (живую воду) и испытывающего необходимость в обновлении (иначе он будет смещен или передаст трон своему последователю). Другими словами, мировоззрение, однажды устарев, превращается в дряхлого бесплодного правителя, нуждающегося в возрождении.

Далее в романе происходит небольшой эпизод, о котором идет речь в конце прочитанной мною главы. Мельхиор спрашивает у фон Шпата, кто такие мальчики. Фон Шпат отвечает:

«Никто не знает, кто они, никто не знает их настоящей формы. Они являются вам в облике бродячих мальчишек, озорных девчонок или животных. Они искушают, желая погрузить вас в хаос и мрак. У них есть свое царство, вход в которое я никак не могу найти, но там они не живут. Они всегда здесь. Может быть, они одновременно находятся и здесь, и там. Они увлекают всех в экстатический танец. Я должен найти дорогу к ним. Я должен разрушить это царство. Эти свободные люди должны быть в моей власти, особенно Фо, самый сильный и смелый. Их дикая любовь должна умереть. Необходимо лишить их источника сна. Больше никто не будет спать!»

В этот момент фон Шпат встал и как будто стал прозрачным. Он поднял голову, и потолок сразу раскрылся; вдруг появился его зеркальный образ, его двойник, который смотрел сверху вниз точно так, как смотрел фон Шпат. Мельхиор закричал: «Кто ты?» Но фон Шпат исчез в каком-то холодном мареве тумана, а затем с огромной высоты до Мельхиора донесся его голос: ««Выбирай, Мельхиор! Если ты хочешь присоединиться к мальчикам, тебе нужно только их позвать, и они забудут все: кто ты был, и кто ты есть. Если захочешь прийти к нам, просто постучи в стену этой комнаты, и дорога к владению светом откроется тебе. Обдумай это. Твой путь опасен, он ле-

жит через все ужасы мира. Но пока ты свободен в своем выборе. Сделай выбор и прими решение. Возвращение назад будет означать гибель. Мы не сможем тебя защитить».

После этого очертания фон Шпата исчезли, и Мельхиор увидел горящую лампу и опустевший диван. Он остался один в кабинете.

Как вы интерпретируете это раздвоение фон Шпата? Его последние слова становятся более понятными после того, что мы узнали о нем. Но как вы интерпретируете его раздвоение, а затем исчезновение, растворение на небесах подобно туману?

Ответ: Может, он перестал быть человеком? Сначала он жил человеческой жизнью, а теперь вознесся и превратился в бога.

Да, можно сказать, что фон Шпат на земле явился воплощением божественного начала, и теперь оно снова приняло свою непреходящую форму. Что это может значить для Мельхиора с практической точки зрения, если бы он смог сделать вывод из того, что пережил? Что значит, если бессознательный образ раздваивается во сне?

Ответ: Что-то находится на пороге сознания.

Да. Обязательным условием сознательного понимания является осознание внутренне заложенного [в понятии] противоположного значения: это значит именно это, а не иное. Например, это стол, а значит, это не стул и ничто другое. Вы не в состоянии сделать какое-либо сознательное суждение, не исключив другие возможные аспекты. Вот почему раздвоение образа во сне означает, что он стремится к осознанию – соприкасаясь с порогом сознания, образ обнаруживает свою двойственную природу. Мы интерпретировали образ фон Шпата как воплощение христианского мировоззрения. И что же означает его раздвоение?

Замечание: Что вместе с тем констеллируется темная сторона Бога.

Не обязательно. В данном случае дело не в этом, хотя констелляция произойдет позже. Сейчас же двойник светлый, как и фон Шпат. Он представляет собой что-то вроде мага-призрака.

Да, это ближе. Осознаем ли мы, считающие себя приверженцами христианской традиции, подлинную глубину ее смысла? Какой архетип стоит за христианской традицией? Можем ли мы сказать, что точно знаем, что имеем в виду, утверждая, что верим в триединого Бога и в Иисуса Христа? На это не претендовали даже великие теологи. Например, католические богословы говорили о тайне, скрытой в каждом догмате церкви. Что-то из религиозного таинства может быть выражено в словах, но ядро христианства остается нам совершенно неизвестно. Мы можем сказать, что за ним стоит архетипическое содержание или архетип, значение которого нам определенно не известно.

Таким образом, возможно, фон Шпат воплощает ту часть христианского мировоззрения, которая проникла в человеческое сознание, кажется нам понятной, придавая странное ощущение того, что мы знаем и понимаем его. Но есть и другая половина, которая нам совершенно неизвестна; она воплощается во второй части образа мага. Вероятно, только после осознания языческого полюса, противоположного христианству – полюса возможного мира Фо и языческой богини-матери – мы могли бы осознать двойственную природу христианства, его сознательный и бессознательный аспекты. Но мы не сможем осознать этого до тех пор, пока находимся внутри религии, поскольку как бы погружены в нее, и нам, как Архимеду, требуется точка опоры, находящаяся вне этого мировоззрения. С ее помощью мы сможем осознать специфическую сущность своей цивилизации.

[В нашем понимании] язычество связано с Востоком, поэтому в имени мальчика (Фо) намеренно подчеркивается связь с Буддой. Это означает, что мы способны посмотреть на свою культурную и религиозную основу только соприкоснувшись с другими цивилизациями и соответствующими им религиями. Если вы спокойно сможете принять факт, что в религиях другого народа тоже содержится истина, то вы способны непредвзято осознать особый характер собственной цивилизации.

Конечно, такое отстраненное осознание [своей культуры] есть продукт современного развития и сегодня принимает столь существенные масштабы потому, что мы уже не можем оставаться в рамках средневекового предрассудка, определяющего нашу религию единственно верной. Теперь, когда мир сократился в сво-

их размерах, и мы столкнулись с великим множеством других цивилизаций, нам стоит задать вопрос, в чем особенности и отличия установок нашей цивилизации от установок других культур. Этот вопрос предполагает некую относительность (*relativity*), которая заставит нас понять, насколько образ фон Шпата в романе воплощает известный нашему сознанию [аспект религии] (то, что мы пытаемся донести до других, например, посредством миссионерской деятельности). Нам с вами необходимо выяснить, в какой степени фигура фон Шпата включает неизвестную нам архетипическую основу [христианства], заключенную в мотиве бессмертия мага – некоего божества, скрывающегося за конкретной физической формой.

Развитие [отстраненного сознания] в какой-то мере нашло отражение в работах А.Тойнби⁸². Применяя особый экстравертированный подход, ученый попытался доказать, что в современном мире нам необходимо вступить в более тесный контакт с Востоком и другими культурами, приняв особую, синкретическую форму религии. Он предложил новый текст молитвы, которая должна бы начинаться так: «О Ты, Будда, Христос, Дионис...». Тойнби считает, что в молитве нам следует обращаться к обобщенной фигуре спасителя, называемой всеми перечисленными именами. Создав таким образом смесь из множества религий и слегка размыв не слишком важные, по мнению ученого, границы, мы сможем создать некую обобщенную мировую религию, к которой смогли бы присоединиться и буддисты, и южноафриканцы, и все остальные, и каждый найдет то, что ему нравится в ее содержании.

Подобные шаги (но в меньшем масштабе) предпринимались на поздней стадии существования Римской Империи, которая в период заката объединяла множество небольших народов со своими верованиями, фольклором, религиозными учениями: кельтов, сирийцев, иудеев и т.д. Собрав локальные культы под эгидой Римской Империи, римляне попытались сделать то, что предлагал Тойнби: было объявлено, что все молитвы должны возноситься верховному Богу Юпитеру-Зевсу-Аману, богом подземного царства был провозглашен Гадес-Осирис – получилась смесь различных религий, где даже божественные атрибуты были перемешаны! [Эффект такой же], как если бы мы сейчас

⁸² Тойнби, Арнольд Джозеф (Toynbee, Arnold Joseph, 1889–1975), английский историк, культуролог, автор концепции синкретизма в религии.

создали новые изображения Христа, представив его сидящим в позе Будды с терновым венцом на голове, руки сложены в *мудру* сострадания, а крест находится где-то на заднем плане в качестве декоративного элемента. И все это возможно: человеческая наивность не знает границ!

Попытка привести относительность [в вопросы веры] – характерный для фон Шпата результат развития, поздний этап эволюции угасающей цивилизации, обветшалого и распадающегося *мировоззрения*. Все это не имеет никаких шансов на успех, поскольку сама суть религиозного переживания такова, что оно является *абсолютным*. Нельзя сказать, что у меня может быть переживание, но в той же мере его может и не быть. Нельзя утверждать, что я верю в то-то и то-то, но при этом могу хорошо понять, что вера другого человека чем-то отличается от моей – это лишь доказывает, что мое религиозное переживание не истинно, поскольку сущность религиозного опыта заключена в моей абсолютной убежденности. Последнее даже можно считать основным критерием религиозного переживания.

Допустим, кто-то утверждает, что однажды пережитый *им* религиозный опыт изменил всю его жизнь, наполнив ее другим содержанием. Если этот опыт действительно распространился на все сферы жизни человека, имеет отношение к любому виду его деятельности, то можете быть уверены: чем бы это не казалось на самом деле, вы имеете дело с истинным религиозным переживанием. Во всех других случаях это будет всего лишь интеллектуальная деятельность или особый эмоциональный настрой, которые пройдут со временем: их же можно по воскресеньям доставать из ящика, а потом класть обратно.

Итак, мы оказались в очень противоречивой ситуации: чтобы пережить религиозный опыт, нам необходимо определенное абсолютное обязательство. Однако оно не совместимо с вполне очевидным фактом существования многих религий и различных религиозных переживаний, а также с нетерпимостью – [пережитком] варварским и устаревшим. Возможное решение может заключаться в том, чтобы каждый человек следовал своему собственному религиозному переживанию и считал его абсолютным, признавая, что другие также могут переживать собственный, отличающийся опыт. Таким образом, я отношу абсолют переживания только к себе – для *меня* это и есть абсолют (исключая всякую относительность и любую другую возможность), но при этом я не

перемещаю свои границы в психологическое пространство другого человека. Вот это мы и должны пытаться осуществлять.

Однако мы стараемся дать возможность людям пережить религиозный опыт, не превращая его в коллективное переживание, и при этом движемся в ложном направлении, настаивая, что этот шаг должен быть одинаков для всех. Переживание должно быть для меня абсолютно достоверным, но было бы ошибкой считать, что тот же критерий может быть применим и к остальным. Мы увидим, что это обстоятельство становится ключевым аспектом обсуждаемого нами романа. Но здесь мы сталкиваемся с тем, что прорыв, совершенный с помощью нового религиозного переживания, воплощенного в образе Фо, позволяет понять два слоя (или уровня) «запоздалого» мировоззрения фон Шпата, который говорит: «Если захочешь прийти к нам (т.е. к нему), просто постучи в стену этой комнаты, и тебе откроется дверь».

Следующая глава книги называется «Открытая дверь», поэтому мы приходим к заключению (и вскоре увидим, что так оно и есть), что в данный момент Мельхиор (или автор романа) выбирает указанный фон Шпатам путь, собираясь расстаться с Фо.

Итак, Мельхиор погрузился в размышления над тем, что произошло. Вдруг он почувствовал необычайное волнение, словно услышал у себя внутри звон колокольчика. Сказав: «Мне обязательно нужна определенность», он ударил кулаком в стену. Тут же послышалась прекрасная музыка, и Мельхиор увидел, как появились две колонны и большие ворота. Ворота отворились, и перед героем показались тихо плещущиеся морские волны. Большая белая птица, распростерши крылья, направилась прямо к нему, и он заметил приближающуюся к берегу яхту. Вдруг все вокруг замерло и сделалось неподвижным. Мельхиор, вздрогнув, сам застыл на месте, но к своему удивлению, почувствовал наслаждение от состояния неподвижности, овладевшего им.

Спустя какое-то время у него в комнате раздался бой часов, и его оцепенение исчезло. На глаза навернулись слезы. Он раскинул руки, прошел в ворота и вошел в ночь. Сделав несколько шагов, он услышал голоса, которые принял за голоса своей жены, Трумпельштега и профессора Кукса. Со всех сторон стали появляться темные фигуры. Кто-то приглушенно и печально взывал: «Держите его, держите его!». На Мельхиора напали сзади, накинули на голову черный колпак, и он потерял сознание.

Когда Мельхиор пришел в себя, он обнаружил, что лежит на палубе маленького корабля, рядом с ним неподвижно сидит какой-то человек. Начался шторм; волны бросали корабль из стороны в сторону. Шло время, но никто не проронил ни слова. Затем зажгли факел, и огромный мужчина, стоя на носу корабля, стал подавать сигналы, размахивая факелом над головой. Спустя какое-то время стали заметны ответные сигналы, подаваемые с противоположного берега, и Мельхиор ощутил облегчение, узнав о приближении земли. Перед тем, как корабль пришвартовался, ему снова накрыли голову черным колпаком и связали руки. Он попытался закричать, но не смог и вновь потерял сознание.

Потом он сошел на берег и в полной темноте шел вперед, ведомый какими-то людьми, сопровождавшими его. Какое-то время они шли по бесконечным коридорам, и порой Мельхиор слышал, как открывались и закрывались какие-то двери. Он изумлялся, ощущая под ногами землю, ибо его не покидало чувство, что он парил в воздухе.

Кто-то ударил в гонг, и везде стало темно и тихо, как раньше. В этот момент к Мельхиору вернулись жизненные силы. Он попытался освободиться от колпака и веревок, но оказалось, что его усилия были направлены в пустоту. Он оказался совершенно один. Вдруг мрак исчез, и в глаза ударил поток света. Он очутился в большом зале, богато украшенном красным бархатом, в центре которого за столом сидели три человека в красном облачении, их лица были скрыты под покрывалами. Вдоль стен сидели все, кого он когда-то знал в своей жизни. Они строго смотрели на него и перешептывались между собой.

Следующая глава называется «Суд».

Мельхиор спросил, кто его связал и привел сюда, но ему никто не ответил. «Я хочу получить ответ!» – крикнул он и ударил кулаком по столу, но суровый голос произнес: «Вы стоите перед судьями, Мельхиор!» Кто-то потребовал, чтобы вышли обвинители, и в зале началось движение и перешептывание. Оглядев зал, Мельхиор узнал друзей и врагов, родственников и соседей, товарищей и даже домработниц, когда-то служивших у него. Серые лица присутствующих были покрыты слоем пыли; черные рты были широко раскрыты, губы посинели. Вероятно, они все были давно мертвы, но поднялись из могил [чтобы участвовать в действе]. Он поискал

взглядом свою жену и увидел, что она стоит в первом ряду, и глаза ее смотрели по-сумасшедши требовательно. Мельхиор увидел рыжебородого профессора Кукса, Трумпельштега и других своих гостей. Прекрасные ноги госпожи Кукс выглядели сейчас как палки.

Софи сказала: «Ты никогда не надевал подаренные мной шлепанцы, а ведь я целый год их вышивала, чтобы тебе угодить. Ты никогда меня не любил». Профессор Кукс произнес: «Вас никогда не интересовали результаты моих научных работ по химии, зато Вы всегда очень внимательно относились к собственным достижениям». Трумпельштег сказал: «Всегда, когда у меня появлялась идея, Вы ее подбирали и использовали как свою, оставляя меня ни с чем». А госпожа Кукс сказала: «Вы никогда не восхищались моими прекрасными ногами, и теперь они стали похожи на палки. Вы проявляли бессердечие ко мне».

Так, один за другим, все стали произносить обвинения в адрес Мельхиора. Призраки окружили его, и он увидел страдающее лицо своей матери и своего отца. Откуда-то возникла его двоюродная бабушка: «Ты всегда смеялся, когда я хотела почитать тебе стихи из своего альбома. Я не показывала их никому, кроме тебя, но ты насмехался над ними. Поэтому все, что я любила, умерло вместе со мной». Подошли школьные друзья, и среди них Мельхиор увидел Отто фон Лобе (юношу, который в начале романа совершил самоубийство), Генриха Вундерлиха (превратившегося впоследствии в разочарованного циника) и Генриетту Карлсен. Ему захотелось подойти к ней и спросить: «Как, ты тоже здесь?» Но между ними оказались другие люди-призраки.

Затем появилась торговка яблоками: «Вы всегда уходили. Я сидела на станции. Я это видела! Я знаю, я знаю!» Затем все стали шептаться между собой, бросая на Мельхиора враждебные взгляды, а судья сказал: «Вы услышали обвинения. Вы считаете себя виновным?» Мельхиор ответил: «Да, я виновен. Каждый мой шаг был неправильным. Пока мы живем, мы убиваем, но кто судит нас?»

Наступило молчание, и голос судьи произнес: «Вы заслуживаете смертного приговора. Вам придется умереть». Три безмолвных мумии поднялись со своих высоких стульев. Но Мельхиор спокойно сказал, что никто не имеет права его судить. Поднявшись с колен, он заявил, что не признает суд. Он спросил: кто все эти люди, что обвиняют его, и сам же ответил, что все они – сумасшедшие тени. Присутствующие пришли в ярость и объявили, что Мельхиор должен умереть.

Позвали двух деревянных истуканов, стоявших у входа, и те схватили его за руки. Мельхиор пережил адский кошмар: [его охватывало] пламя, он не мог открыть двери, а те, которые открывались, падали на него – все происходило как в страшном сне. В конце концов, Мельхиора прибили гвоздями к черному покрывалу, и он чувствовал невыносимую боль, когда гвозди проходили через его тело. Затем его повели на рыночную площадь маленького городка, где все дома были точь-в-точь как тот, в котором он прожил всю свою жизнь, а люди, собравшиеся вокруг, были те, которых он знал или встречал за всю свою жизнь. Его заставили подняться на помост и к всеобщему восторгу, положить голову на плаху. Однако в тот момент, когда ему должны были отрубить голову, он поднял взгляд вверх и увидел приближающуюся к нему белую птицу. Это вселило в него мужество, он выхватил меч из рук палача и убил его. Люди громко закричали, но в это мгновение на площадь обрушилась огромная морская волна, впереди которой неслась лошадь. Лошадь оказалась прямо перед Мельхиором, и ему едва хватило времени, чтобы вскочить на нее и ускакать прежде, чем море поглотило город. За спиной Мельхиор еще долго слышал крики тонущих людей.

Следующая глава называется «Зов».

В ушах все еще раздавались крики тонущих людей. Мельхиор поднялся на гору и набрел на источник. Напившись прохладной воды, он почувствовал себя спокойнее, словно освободился от ночного кошмара. Лошадь исчезла, снова появилась белая птица, и Мельхиор последовал за ней. Он по-прежнему ощущал, словно за ним по пятам следует хаос, но никогда его не настигает. Ночь была холодной. Вдруг он услышал вой волка.

Как психологически интерпретировать ситуацию суда? Очень хорошо видно, причем совершенно буквально, что это суд после смерти. Возникает мысль, что все, о чем мы думаем, произойдет после смерти. Люди-призраки, присутствовавшие на суде, на самом деле были еще живы (его жена, например, или госпожа Кукс – мы полагаем, что они живы). Но вместе с тем в сцене суда присутствовали и те, кто уже умер. Выходит, что живые и мертвые оказались вместе, и все они были похожи на полуистлевшие трупы. Что это может значить? К чему мы таким образом подходим? В чем заключается обвинение? Это ключевая поворотная точка нашей истории, поэтому очень важно ее осознать.

Ответ: Это значит, что он больше ни с кем не связан.

Именно так. Теперь герой стал добычей бессознательного, и главное обвинение, предъявляемое ему, – отсутствие отношений с каждым из участников суда. Он не надевал шлепанцы, которые вышивала жена, не обращал внимания на работу своего коллеги. Это абсолютный, холодный нарциссизм, который с самого начала был болезнью Мельхиора, выражался в полном невнимании к другим. Мы говорили ранее, что поскольку нет дифференцированной Анимы, нет связи с феминным началом, постольку нет и Эроса, и нет отношений. Суть этого общего упрека – отсутствие у него связи с людьми, но почему они все мертвы?

Ответ: Для него они не являются живыми.

Именно так. Именно отношения с людьми дарят ощущение жизни. Если я не поддерживаю связей с каким-либо человеком, мне совершенно безразлично, жив он или умер. Человек, с которым я не связан, для меня настолько же близок, как мертвый человек – нет никакой разницы. Все люди в окружении Мельхиора мертвы. Это целый сонм мертвецов, и можно сказать, что они символизируют его непрожитую жизнь, спасаясь от реальности прочной интеллектуальной защитой, он не испытал жизненных страданий. Он не прожил нормальную человеческую жизнь, поэтому оказался в плену своей непрожитой жизни. Открытая дверь стала для него как бы выходом в бессознательное, и первое, что приходит к нему потом, – это осознание жизни, непрожитой по причине отсутствия чувств. Как можно интерпретировать то, что он избавился от своего палача?

Ответ: Это момент осознания и решимости начать действовать.

Вы считаете этот момент позитивным?

Ответ: Он ведь убивает палача, разве нет?

Да, и вы считаете этот аспект позитивным. Что значит казнь через обезглавливание?

Ответ: Что он больше не будет думать.

Да, это означает отделение интеллекта. Вы считаете, это хорошо, что он избежал казни?

Ответ: Это дает ему еще один шанс.

Ответ: (другого человека): Нет, он должен через это пройти!

Да, он должен через это пройти. А следовательно, что символизирует белая птица?

Ответ: Духовность.

Да, духовную установку. Типичная уловка интеллектуала, на которого наваливается вся непрожитая жизнь, вызывая у него тягостное чувство вины. Тогда он совершает *tour de passé-passe*⁸³, давая этому интеллектуальное или духовное объяснение – и снова оказывается неуловим. Например, он может сказать, что чувства, которые он переживает – это лишь чувства вины или собственной неполноценности, с которыми он должен справиться. По существу, именно такое объяснение дает фон Шпат. Он говорит: «Слава богу, ты не пал жертвой этого судейства! Слава богу, ты освободился от ложного чувства вины!», и вот уже Мельхиор попадает в его когти. Слова фон Шпата – позиция интеллекта. Мы знаем, что иногда чувство вины бывает патологическим или болезненным, и человек должен от него избавиться. Болезненные проявления вины похожи на своего рода ложное чувство совести (*wrong conscience*), которое способно довести до смерти: у женщин, как правило, такие чувства провоцирует Анимус, у мужчин – материнская Анима. Таким образом, в романе проблема весьма запутана, так как здесь присутствует образ торговки яблоками, и поэтому чувство вины будет определенным образом отравлено ядом материнской Анимы.

Что это может значить? Как такое состояние находит свое отражение в реальной жизни? Что значит, если человек вдруг осознает недостаток близкого общения и вину, вызванную отсутствием этой близости, которую он взваливает на себя? Что происходит, когда появляется образ торговки яблоками, и события развиваются столь драматично?

⁸³ Букв.: обходной маневр (франц.) – прим. перев

Ответ: Анима не хочет никакого дальнейшего развития осознания. Она хочет удержать его [Мельхиора] на месте.

Да, и она делает это, вызывая возбужденное эмоциональное состояние, которое «окунает» героя с головой в чувство вины. Об этом свидетельствует и драпировка из красного бархата, и по-детски наивная театральность суда, признающего героя виновным бог знает в чем. Это ложное представление о *tua culpa* (моей вине), смешанное с истинной виной, создающее тем самым смесь подлинного и истерического, преувеличенного осознания вины. Последнее есть еще одна разновидность инфляции зла (*inflation of evil*): «Я – величайший грешник. Никто не пал так низко, как я. Я ошибался всю свою жизнь» – и т.д. Это инфляция, вознесение [себя] к противоположности. В эпизоде есть замечательный намек на инфляцию вины (*inflation of guilt*) или инфляцию тьмы (*inflation of blackness*). В каком мотиве? В мотиве плаща или мантии, к которой Мельхиора прибивают гвоздями. Что вам напоминает этот эпизод?

Ответ: Распятие.

Да. Перед казнью Христа облачили в царские одежды красного цвета, поскольку его обвиняли в том, что он провозгласил себя царем Иудейским. Надев на него алую мантию и водрузив на голову терновый венец, его палачи насмеялись над ним. В романе проведена параллель с [библейскими событиями]. Только в данном случае мантия оказывается черной, а казню – обезглавливание, что символично, ведь Мельхиора должны были «лишить интеллекта». Одевание черного цвета свидетельствует не о символе царской власти, а о его темной сущности. Это некое подобие «распятия наоборот». Но деструктивным и даже отравляющим моментом всей истории является преувеличение идеи о негативном образе Христа: «Я величайший грешник в мире и страдаю за свои грехи». Царское облачение греха! Это инфляция. А что можно сказать о гвоздях пронзающих тело Мельхиора? Ими прибивают к его телу мантию, тем самым вызывая мучительные страдания.

Ответ: Похоже на то, что его словно прибивают к кресту.

Да, это намек на распятие Христа, но с той разницей, что в данном случае речь идет о ложной идентификации. Я могу приве-

сти интересную параллель из сновидения женщины, с которой случались поразительные видения. Ее дар прорицательницы отстранил ее от реального мира. У нее возникало сильное желание рассказать все внутренние переживания, таким образом экстеризировав их, однако впоследствии у нее возникло чувство опустошенности, эмоционального спада, часто появляющееся у тех, кто делиться своими внутренним опытом (я только что рассказал все, что пережил, но чувствую себя абсолютно опустошенным). Это происходит потому, что рассказав о таком переживании, я лишаюсь своей идентификации, а внутри меня маленький несчастный человечек спрашивает: «Ну да, а дальше что?» Пока внутренние переживания остаются сокровенной тайной, они наполняют человека.

Итак, судя по сновидению женщины, верным шагом для нее, позволяющим отделить себя от видений, был бы рассказ [кому-то другому] о своем опыте. Но затем ей приснилась, что ей показали статую обнаженного мужчины, пронзенного огромным гвоздем. Гвоздь входил ему в плечо и выходил из бедра, и какой-то голос произнес: «Лазарь был мертв, и Лазарь ожил». Она спросила меня о том, что значил этот гвоздь, и я так и не смогла понять [смысл образа]. Я смутно что-то припоминала о шипе в теле Святого Павла, но я не настолько хорошо знала Библию, чтобы сразу дать ответ. Поэтому я сказала, что в посланиях Святого Павла что-то говорится о шипе в теле. Этот мотив мне показался довольно странным, и я заглянула в Библию. Во Втором Послании к Коринфянам Апостол Павел говорит (перескажу его слова привычным нам языком): «Поскольку на меня находили откровения, мне дан был шип в тело мое. И чтобы я не возносился, Господь поместил в тело мое шип, а впереди меня стоял ангел Сатаны и пытался сломить меня».⁸⁴

Как видите, шип в теле символизирует переживание, обратное инфляции. Если у меня случаются видения, если на меня нисходят откровения, и я идентифицирую себя с ними, то получаю жало в плоть, которое должно мне постоянно напоминать о моей малости, моем ничтожестве и моем человеческом несовершенстве. Вот о чем говорит Святой Павел. То же самое происходило с

⁸⁴ «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился». Библия. 2-е Послание к коринфянам. 12:7

женщиной, о которой я рассказывала. Вследствие своего внутреннего опыта она оказалась в состоянии сильной инфляции, и последний сон стремился показать ей, что мощное внутреннее переживание вместе с тем является травматическим опытом, вызывающим мучительные страдания, заставляющим чувствовать себя уязвимой и несовершенной. Можно даже сказать, что *сами эти откровения* стали жалом в ее теле.

То, как вы назовете людей такого типа – набожными мистиками или шизофрениками – вопрос выбора понятий, поскольку оба определения близки. Здесь мы сталкиваемся с одним и тем же мотивом, указывающим на присутствие невероятной инфляции чувства вины. Известно, что, оказавшись на грани безумия, одни называют себя Иисусом Христом, другие считают, что явились причиной Первой мировой войны. Между обоими типами не слишком большая разница! В том и другом случае это проявление мании величия. Иногда возникает своего рода переключение: только что человек утверждал, что развязал Первую мировую войну, а две минуты спустя он уже называет себя спасителем мира. Как только определенный порог [сознания] преодолен, оба вида инфляции превращаются в одну, и только в самом крайнем случае можно обнаружить, что человек совершил какой-то незначительный грех. Такие люди либо относятся [к проступку] с чрезвычайным пренебрежением, силой интеллекта разнося все в пух и прах, либо по-детски эмоционально купаются в своем грехе, только чтобы *не чувствовать* своей вины – они истерически наслаждаются своими грехами и чувствами столь невыносимыми, что каждый встречный обязан их утешать! Эта патологическая реакция направлена как раз на избежание осознания реальной вины.

Другим аспектом слабости функции чувствования у автора (или у Мельхиора) является характерная для интеллектуала реакция на удары, наносимые по его подчиненной функции (функции чувствования). Эти удары столь болезненны и нетерпимы, что внезапно появляется белая птица и, как духовное озарение, чудесным образом уносит его от самого себя.

Замечание: На мой взгляд, весьма удивительно, что фон Шпат советовал Мельхиору стучать в стену. Мельхиор, естественно, ожидал попасть к нему, но вместо этого...

Он попадает к фон Шпату. Позже вы увидите, что Мельхиор вращается между двумя мирами: духовным миром фон Шпата и

духовным миром Фо (миром мальчиков и матери). В данном случае возникает форма не мандалы, а скорее эллипса, так как отсутствует Анима, образующая круг. Воплощением матери могла бы быть фигура женщины возраста фон Шпата, а Анима могла бы найти воплощение в более молодом образе, таком как Фо, и эти два образа сформировали бы полный круг. Но в данном случае этих двух полюсов не существует. Фигура торговли яблоками периодически возникает то на одном маскулинном полюсе, то на другом, однако Анима вообще отсутствует. Это говорит об отсутствии не только каких-либо отношений, но и женского начала как такового.

Фон Шпат говорит: «Постучи в стену!» Его образ всегда связан с идеей звезд, небосвода, музыки, духовности, власти и порядка.

Таким образом, к полюсу фон Шпата относятся: звезды, небо, музыка, одухотворенность, призраки, власть и порядок. А к полюсу Фо – мать, деревья, животные и сами мальчики.

Мельхиор постучал в дверь и оказался на полюсе фон Шпата. Тут на него напали, но с помощью белой птицы он спасается, прорывается вперед. Затем он попадает к фон Шпату, и тот говорит: «Ты поступил очень хорошо, ты преодолел чувство вины». Как видите, белая птица является посланницей фон Шпата, и, быть может, благодаря этому магическому трюку Мельхиору удалось избавиться от чувства вины, получив ощущение мнимой духовности. Следует только выполнить несколько упражнений в духе йоги или ребефинга⁸⁵, или еще что-нибудь подобное, как вы становитесь свободными. В таких трюках проявляется весь фон Шпат, он восхищается тем, как Мельхиору удается избежать чувства вины.

Замечание: Я не понимаю, при чем здесь шлепанцы. Может быть, речь идет о том, что он был у своей жены под каблуком?

Будьте уверены, они имеют роковой смысл. С другой стороны, Софи говорит: «Я целый год их вышивала», что подразумевает наличие большой доли либидо. Вы только представьте себе: це-

⁸⁵ Ребефинг (англ. rebirthing, букв. «новое рождение») – особая эзотерическая дыхательная техника, направленная на общее оздоровление организма, обладает психотерапевтическим эффектом.

лый год вышивать! Для этого нужно делать один *маленький стежок*, потом другой *маленький стежок* – сколько любви она вложила в эту работу! Я не могу сказать, что Мельхиор был у своей жены под каблуком; он просто выкинул эти шлепанцы. Все, над чем другой человек трудился целый год, перестало для него что-либо значить. Если бы он обратил внимание на эти шлепанцы, то сказал бы себе, что он должен как-то ответить на такое чувство, но не захотеть оказаться под каблуком! Это могло привести к конфликту, поскольку подобным образом поступают все женщины: они дарят мужчине настоящую любовь, устраивая ему маленькую западню из собственного стремления к власти. Именно в этом и заключается проблема феминности для мужчин: как правило, в женщине есть и искренняя любовь, и преданность, но когда-нибудь женщина обязательно воспользуется не совсем честным способом, хитрой уловкой, чтобы получить власть над мужчиной.

Ошибка Мельхиора в том, что он отвергает все целиком; именно так и поступает мужчина-*пуэр*. Так как в женской любви всегда существует стремление к власти, он считает вполне оправданным отвергнуть всю любовь целиком: женщины – существа испорченные, их чувство – не что иное, как желание заставить мужчину оказаться под каблуком, посадить его в клетку зависимости.

Банальные, поверхностные суждения, подобные приведенному выше, избавляют мужчину от сложной проблемы, связанной с тем, чтобы ежедневно каждую минуту задавать себе вопрос: «Что это: хитрость или любовь?» Такие утверждения показывают, что мужчина не готов решать с женщинами эту проблему. Если он не осознает свою Аниму и свой собственный Эрос, он всегда будет попадать в такие ловушки и становиться жертвой женских хитростей. Например, муж хочет пойти в гости, а жена думает, что он там может встретить госпожу N., которая вызывает у него интерес, поэтому она делает вид, что у нее болит голова и говорит: «Давай останемся дома. У меня болит голова». Но если бы у него была развитая функция чувствования, он бы понял, что сегодня это не головная боль, а хитрость, потому сказал бы, что *он* пойдет в гости, а *она* может оставаться дома, если у нее болит голова. На следующий день у нее действительно болит голова, и будет очень некстати, если он скажет: «Черт с тобой, я пойду один!» Только если мужчина обладает дифференцированным развитием Эроса, он может понять, является ли это женской уловкой или реальным

фактом, но мужчины как раз не любят развивать свой Эрос. Вместо этого они предпочитают формулировки типа: «Я никогда этим не занимался» или «Я всегда [поступаю] так-то и так-то».

Если мужчина принимает проблему, связанную с чувствами, всерьез, он должен быть в контакте с тем, что каждую минуту делает женщина, а главное, ему следует всегда осознавать, что происходит в данном случае: стремление к власти или реальное чувство, которые у женщины с неразвитым сознанием очень близки друг к другу.

Если вы – аналитик, проблема остается той же самой: пациентка может излить вам целую гамму чувств, но, как сказал Вергилий, «в траве всегда ползет змея», что значит: вы никогда не сможете быть полностью уверены в том, какое чувство ей больше всего близко (жажда любви или жажда власти). Но если вы из-за этого отвергаете в целом весь перенос, то наносите вред эмоциональной сфере пациентки. Не сумев принять реальное чувство при переносе, вы тем самым наносите пациентке вред. С другой стороны, если вы подвергаетесь воздействию переноса, она сможет прекрасно посадить вас в клетку своих чувств и обмануть вас. Таким образом, в какой бы момент мужчина не столкнулся с проблемой контакта с женщиной, он должен уметь видеть различия между «змеей в траве» и настоящей любовью, и он не сможет увидеть эту разницу, не имея дифференцированной чувственной сферы. Если такая сфера у него есть, он сразу почувствует подвох, и уже по голосу женщины и по ее взгляду определит, к чему она склонна и что она имеет в виду, и распознает то чувство, на которое он должен ответить. Но мужчина может это узнать, только дифференцируя свою Аниму на протяжении долгого времени, разбираясь с ней и с проблемами межличностных отношений. Если же он предпочитает использовать принцип «да» или «нет», то он никогда не сможет установить эмоционально близкие отношения с женщиной, а также стать аналитиком.

В данном случае речь идет об установке или-или. Мельхиор отвергает женщин вместе с их шлепанцами. Совершенно ясно, что он не относится к тому типу мужчин, которые попадают к женщине под каблук. Он против этого боролся. Помните хитрость, которая устроила ему жена, не растопив камин в его кабинете, чтобы заставить его присоединиться к вечеринке? Это типичная женская уловка, но Мельхиор на нее не попался. Он видит эти уловки насквозь, но не видит того, что Софи его любит; он не понимает, что

у женщины одно не исключает другое. Для женщины любовь и власть сосуществуют вместе: она может любить мужчину и пользоваться хитростью – задача мужчины заключается в том, чтобы каждую минуту безошибочно определять, где присутствует одно, а где другое.

Вы помните, что в последней обсуждаемой нами главе Мельхиор с помощью белой птицы спасается от огромной волны, в которой утонули все его обвинители и палачи. Затем он поднимается на высокую гору и оказывается выше деревьев.

Пришла ночь, и он услышал вой волка. При свете звезд он увидел тени и вскоре оказался в кольце окружившей его волчьей стаи. Он в ужасе остановился. Как только он начинал двигаться, раздавался волчий вой, но когда он стоял на месте, волки на него не нападали. Поэтому он оставался сидеть, не двигаясь. Он не знал, сколько времени он так просидел: несколько часов или несколько минут. Он посмотрел на горизонт, на котором медленно поднималось солнце: на глаза навернулись слезы. Мельхиор увидел свет и распростер ему свои объятия. Волки исчезли, как исчезают облака.

К полудню опустился туман, и Мельхиор почувствовал запах плесени и гнили. Он подошел к какой-то деревянной изгороди, которую не мог хорошо рассмотреть, открыл калитку и вошел во дворик, где буйно разрослась трава. Посередине двора стояла обветшалая хижина, она оказалась полна странных маленьких людей с крючковатыми носами, похожими на птичьи клювы, и пронзительным взглядом. Карлики продавали большие желтые грибы с зелеными пятнами. На грибы падали лучи солнца, и от этого грибы источали желтый туман и странный запах. Карлики говорили: «Покупайте грибы. Эти – последние. Земля растворяется в тумане, солнце распадается. Покупайте грибы, пока они еще остались. Леса умирают, и мир взрывается. Покупайте! Это совсем недорого!» Мельхиор почувствовал, что теряет сознание, в тумане он чувствовал себя все хуже. Все еще ощущая боль от ран пригвожденной к нему черной мантии, которая по-прежнему висела у него на плечах, он ходил между странными людьми. Ему казалось, что вся земля покрыта грязью и плесенью. Он услышал женский смех, обернулся и увидел торговку яблоками. Совершенно нагая, она танцевала, показывала ему непристойные жесты и выкрикивала: «Покупайте грибы! Покупайте грибы! Эти – последние! Покупайте, пока их много! Земля покрывается плесенью, а солнце распадается! Леса

умирают! Мир взрывается! Прекрасные цены! Хорошая покупка!» Затем к ней присоединилась привлекательная молодая женщина, тоже обнаженная, которая также показывала непристойности. Две танцующие женщины теснили Мельхиора, приближаясь к нему все ближе. Он испугался, достал нож и попытался их убить. Но кровь на их телах превратилась в красный туман, раны затянулись, и они снова ожили. Захотав зловеще, они схватили его. Мельхиор закрыл глаза и увидел внутри себя синий туман, как если бы у него внутри было холодное небо, где светили звезды, и на этом холодном небосводе виднелись очертания огромного тела. Он вырвался из объятий женщин и попытался запеть. Он пел, пока звучала музыка, и его песня отражалась тысячекратным эхом. Музыка смолкла, огни погасли, и снова наступил день. Он стоял перед ледником и на некотором расстоянии от себя увидел нечто наподобие ледяного дома; напротив него стоял фон Шпат. Весь этот дьявольский сон с грибами прекратился.

Фон Шпат произнес: «Ты нашел путь сюда. Теперь ты один из нас. Ты спасся от суда людей. Ты победил жадность животных, изгнал мстительность погибающей земли. Теперь ты служишь звездам и обладаешь властью над людьми, над животными и над землей. Идем с нами, мы коронуем тебя как одного из наших братьев».

Вместо удовольствия Мельхиор почувствовал, как его сковал ледяной холод, но фон Шпат взял его за руку и повел за собой. «Ночь и хаос остались позади, – сказал фон Шпат, – сон больше не имеет власти. Теперь все время будет продолжаться день, за исключением того времени, когда ты спустишься на землю, чтобы явиться спящим людям в качестве призрака». Затем Мельхиор вошел в хрустальный дворец с круглой крышей, построенный в форме мандалы, однако он был холодным и внушал ужас. Фон Шпат сказал, что Мельхиору следует подождать, пока его не позовут, а все, что ему понадобится, он найдет на столе, стоявшем рядом. (То, что лежало на столе, представляло собой некое подобие волшебной палочки, инкрустированной жемчужинами в форме каких-то букв). Мельхиор прислонился к колонне и понял, что она ледяная. Комната была пустой. Он взял палочку в руку, и вся одежда, которая на нем была, упала на пол. Раны у него на плечах затянулись и исцелились. Он больше не замечал холода. Дверь медленно открылась, и он вышел на открытое место, где находилось множество ярких человеческих фигур: их тела были прозрачны, как стекло, а глаза походили на голубые камни. На высоком пьедестале лежала коро-

на. Зазвонили колокола, и все пространство наполнилось музыкальной гармонией.

На одной стороне он увидел группу неподвижно стоящих мальчиков с поникшими головами. Один из стеклянных людей приказал двоим из них выйти вперед, и тогда они скованно подошли к пьедесталу, взяли корону и подняли ее к свету. Мельхиор подошел к ним. Колокольный звон прекратился. На какой-то момент он почувствовал себя потерянным и одиноким. Затем он встретился взглядом с одним из мальчиков и испытал ужасное потрясение: это были глаза Фо. Затем он понял, что все эти мальчики были из ватаги Фо. Они оказались в плену у своего врага, Ульриха фон Шпата, и застыли в неподвижности. Мельхиор подумал: «Я стану таким же окоченевшим, как они! Что я наделал? Я предал тех, кто считал меня своим, по кому тосковал и кого ждал всю свою жизнь. Они пришли ко мне, чтобы принять меня в свою компанию, а я их предал и отдал в руки злейшего врага. Я (и это важное предложение) разбил свою жизнь. Я полностью разбил свою жизнь». С ужасом Мельхиор осмотрелся вокруг. К нему приблизились два мальчика, собиравшиеся надеть на него корону. Он ощутил ужасную дрожь по всему телу, но она прошла, когда мальчики протянули ему корону, и он услышал тихий шепот: «Вы хотите отсюда уйти? Вы хотите убежать отсюда прочь?» Это был голос Фо. При этих словах Мельхиор словно ожил и подумал: «Он здесь! Фо здесь!» Какой-то момент он пребывал в нерешительности, так как фон Шпат смотрел на него с угрозой. Но затем он распротер руки и сказал: «Я хочу отсюда уйти, я хочу отсюда уйти». И сразу почувствовал, как его схватили руки мальчиков, кто-то поцеловал его в губы, и все исчезло. Подул теплый ветер. Мельхиор ощутил себя так, словно тонет в теплом воздухе. Он открыл глаза и очнулся на лугу. На небе сияла луна, а воздухе было полно светлячков, кружащихся в летнем воздухе. Он увидел около себя лицо Фо и, улыбаясь, погрузился в глубокий сон.

После того, как он погрузился в наполовину истинное, наполовину ложное чувство вины, а затем от него избавился, устремившись к мнимой духовности, он оказался в окружении волчьей стаи. Как это можно интерпретировать с психологической точки зрения? Сначала чувство вины из-за того, что у него отсутствовало чувство любви к женщинам, ощущение непрожитой жизни, а теперь – волки.

Ответ: Волк – это животное, имеющее связь с ведьмой, а в своем негативном аспекте символизирует пожирающую мать.

Да, в некоторых версиях сказок Матушка Холле изображается с волчьей головой. Многие богини-матери и ведьмы имели железные волчьи головы, что иногда является символом пожирающей матери.

Вопрос: Это может быть противоположностью мнимой духовности, разве не так? Это может означать другой полюс.

Да. Можно сказать, что когда мужчина, устремляясь к мнимой духовности, спасается таким образом от проблем, связанных с близкими отношениями, он все еще находится в тисках пожирающей матери, и что еще хуже, он превращает в пожирающих матерей всех окружающих его женщин. А разве может быть иначе? Если он не вступает в близкие отношения, его можно только сожрать! Это противоестественно, но он вызывает у женщины именно такую произвольную и автоматическую реакцию. Чем больше мужчина отказывается принимать близость, тем больше он ощущает, что женщина должна взять над ним власть, поймать, поглотить, препятствовать его движению. Поэтому в каждой женщине он стимулирует появление пожирающей матери, тем самым порождая порочный круг. У него появляется разочарование, так как каждая женщина превращается для него в пожирающую волчицу. Тогда он говорит: «Вот вы какие! Я всегда это говорил», – и уходит от женщин. По существу, такое избегание отношений констеллирует женскую пожирающую способность, а потому мужчина снова и снова попадает в порочный круг. Так как он не вступает в близкие отношения, женщина приходит сама, вооруженная ловушкой и темницей, чтобы поймать и посадить туда мужчину. Так как у него нет любви, он вызывает у нее деятельность властного комплекса.

Итак, можно сказать, что мужчина с таким отношением к чувствам находит пожирающую мать везде – и там, где она есть, и там, где ее нет. Волк [волчица] будет ее символом. Однако в мифологии волк олицетворяет не только феминные черты ведьмы. Существуют и другие аспекты: например, бог смерти, изображавшийся на могилах этрусков, имел волчью голову или головной убор с изображением волка. Греческого бога Гадеса также часто

изображали в уборе с головой волка. Мы снова сталкиваемся с тем, что [волк] воплощает хаос смерти, понимаемый как звериная пасть, пожирающая людей.

За образом волка стоит и стремление добиться чего-то безо всякой конкретной цели. По мнению Юнга, одним из самых сильных влечений, с которыми мы сталкиваемся, открывая дверь в бессознательное, являются жажда власти, сексуальное влечение, а затем что-то, похожее на голод, когда человеку хочется что-то съесть или ассимилировать, не имея конкретной причины и не видя в этом особого смысла. Именно это влечение заставляет человека получать все больше и больше. Если вы пригласите людей, одержимых подобным желанием, на ужин, они останутся недовольными, но чрезвычайно разозлятся, если в следующий раз вы их снова не пригласите. Если вы даете чаевые, такие люди не испытывают благодарности, и если в следующий раз вы не дадите им больше, они скажут: «Как, всего один франк?»

Хуже всего ведут себя люди, которые в детстве были крайне обделены любовью. Они жалуется на то, что их никто не любит, сохраняя постоянное мучительно-бледное выражение лица. Но если по отношению к ним проявить любовь, они ее не оценят, а захотят получить еще больше, и если им этого не дать, они разозлятся и придут в ярость. Можно продолжать и дальше делать им добро и набивать их широко открытый рот всем, чем только можно, – это не поможет. Их голод нельзя насытить, о них можно заботиться день и ночь – им всегда будет мало. Это все равно, что пытаться заполнить бездонную пропасть; их рот никогда не закрывается, он лишь требует все больше пищи. Их поведение похоже на ненасытную страсть, желание постоянно есть, сохранившуюся с раннего детства, когда ребенок все время испытывал голод, был обделен любовью или лишен удовлетворения других жизненно важных физических или психологических потребностей. Когда проявляется такая жадность, ей лишь можно сказать нет, потому что конца ей не видно. Это божественно-демоническая черта, которая заставляет человека говорить: «Еще! Еще хочу! Хочу еще больше!»

В германской мифологии волк является символом бога Ватана. Одно из его имен, Изенгрим (Isengrim), означает «железная жестокость и беспощадность» и дословно переводится как «железная голова». В фольклоре же еще одно из значений этого имени – «жестокая, холодная ярость». Большинство людей, переживших

несчастливое детство, обладают такого рода ненасытной неудовлетворенностью, которая таится в глубине их души. Никогда не прорывающаяся наружу, она похожа на мертво-ледяную застывшую ярость, скрытую за требованием: я хочу еще и еще, мне все должны. Такая волчья ненасытность особенно выражена у сирот, а также у детей, живших в семьях, но подвергавшихся побоям. Проявления такого поведения встречается и у многих других людей.

С раннего детства Мельхиор испытывал фрустрацию. Мы знаем, что его мать, болезненная, слабая женщина, никак не проявляла заботу о сыне. С раннего детства он был одинок, ему часто приходилось играть в одиночестве, и он видел в окне своего двойника. Мы знаем, что он рос не в теплой, здоровой атмосфере. Поэтому в данном случае мы сталкиваемся с типичным случаем именно такого состояния, в котором в проявляется жадность и неизбежная жажда получить как можно больше.

Преодолев наполовину истинное, наполовину ложное истерическое чувство вины, Мельхиор сразу попадает в новую ловушку, и снова выбирается из нее благодаря своему стремлению к свету. Когда он протягивает руки навстречу солнцу, волки исчезают. По существу, он даже не пробовал решить проблему, он просто в нее «попал», а затем, когда ночь превратилась в день (результат энантиодромии), из нее «выпал». Он оказался в состоянии, в котором не мог осознать, что означает происходящее, поскольку милостью Божией он снова выбрался из ловушки. Естественно, в таком случае ничего не разрешилось. Мельхиор вновь тонет во мраке, и следующая жизненная ситуация вновь выносит его наверх. Некоторые люди с такой «волчьей» проблемой вполне осознанно считают, что их жадность и желание поглотить как можно больше всех и вся, являются неразумными и сумасшедшими, поэтому внешне ее не выражают. Они ведут себя вежливо и никогда не просят больше, чем им дают, но всегда возникает подозрение, что это всего лишь корректность поведения, которая держит волка в клетке. Порой волк внезапно прорывается наружу, и тогда они озвучивают безумные и нереальные требования, которые невозможно выполнить.

Если пытаться обсуждать поведение этих людей в процессе анализа, они вместо этого станут рассказывать интересный сон, и волчья натура уйдет далеко вглубь. Я могу сказать: «Послушайте, я уверена, что вы сейчас страшно злитесь, потому что я не могу

сделать того, что вы от меня хотели, когда договаривались о приеме, и мне думается, нам следует это обсудить». Но они отвечают, что у них все хорошо, они вас прекрасно понимают. Их «волк» опять уходит в лесную чащу, хотя вы знаете, что все осталось по-прежнему. Было бы гораздо лучше, если бы они закатали ужасную сцену, и тогда мы могли бы в чем-то разобраться и как-то поговорить. Но все эти намерения идут прахом, и если вы скажете, что теперь можно было бы поговорить о чем-то ином, кроме сна, то в ответ услышите: «На мой взгляд, это не имеет смысла. Я знаю, что у Вас мало времени. Я знал, что не должен был просить Вас о встрече». Таким образом, «волк» исчез, ни в кого не превратившись.

Так происходит и в нашей истории. Мельхиор входит в «волчье» состояние и выходит из него, и на следующем этапе происходит все то же самое с заплесневелыми грибами и танцующими вокруг него женщинами, уверяющими, что земля скоро погибнет. Как можно интерпретировать этот мотив?

Ответ: Великая Мать и ее почитательницы, или Кабиры⁸⁶.

Да, Великая Мать с ее первобытными адептами Кабирами; но как вы интерпретируете грибы? Эти женщины говорят, что леса погибают. Лес – это материнский символ, но он-то здесь при чем? Вы чувствуете здесь присутствие Великой Матери? Что можно о ней сказать?

Ответ: Она больна.

Да, это больная природа. Она нездорова, вот почему здесь присутствует нездоровая чувственность.

Замечание: Вероятно, что грибы будут последними, что останутся на земле.

Вполне возможно. Грибы вторгаются в нашу современную жизнь, например, в виде новых лекарств, изготавливаемых из некоторых видов грибов и плесени. Они приходят к нам сегодня и в

⁸⁶ Кабиры – древние божества древнегреческой и более ранней мифологии, боги-каратели и боги-спасатели, наделенные грозной силой и могуществом.

качестве [медикаментозной] терапии, вселяющей в людей надежду на то, что можно найти фармакологическое лечение шизофрении. На самом деле это вполне возможно, ведь любое гиперэмоциональное состояние вызывает интоксикацию. Мы уверены в том, что во время шизофрении наступает состояние интоксикации, поэтому вполне естественно, что ее можно устранить с помощью фармакологических препаратов. Загвоздка заключается в том, что если анализировать людей после приема медикаментов, становится видно, что психологические проблемы, которые вызвали приступ шизофрении, по-прежнему сохранились. Все болезненные проявления – сумасшествие, ярость и другие симптомы – можно устранить с помощью лекарства, но анализ показывает, что основная проблема при этом не исчезает. Если во время болезни не применять психотерапию, то с большой степенью вероятности у пациента наступит следующий приступ шизофрении, и ему снова придется принимать лекарства. Этот процесс может продолжаться бесконечно. После такого частичного медикаментозного лечения серия снов вам укажет на противоположную тенденцию: сейчас я могу руководствоваться своей ложной установкой, и затем, когда у меня «снесет крышу», я опять приму лекарство. Худшее в употреблении лекарств состоит в том, что они обладают деморализующим воздействием на людей со слабым характером. Такие люди не хотят менять своего отношения к жизни, им значительно легче продолжать жить так, как они жили, и если случается приступ психоза, наступает одержимость бессознательным, они могут принять лекарство, чтобы снова выйти из этого приступа, – так что они чувствуют себя в полном порядке! Они не хотят возвращаться к психотерапии, так как выбрать альтернативный путь значительно легче, хотя он и приводит к постоянным рецидивам и увеличению дозы принимаемого лекарства.

Могу привести случай с одной женщиной, страдавшей нимфоманией. Она настолько растворилась (и физически, и психологически) в своей болезни, что однажды не смогла самостоятельно выйти из психотического приступа. Она какое-то время принимала препараты, затем правильно прошла процесс отмены лекарства. Однако сновидение ясно показывало, что ее настоящей целью было продолжать [прием медикаментов]. Она не испытывала ни малейшей потребности в том, чтобы разбираться с тем, что постоянно толкает ее в бессознательное – в критических ситуациях она ведь могла принять лекарство, и все!

Если вы вмешиваетесь в медикаментозную терапию и говорите: «Мы сняли препаратами острое состояние, но нам необходимо разобраться в вашей проблеме [с помощью психоанализа]», такие люди не хотят слушать вас. Они верят в силу лекарства и искренне не понимают, зачем предпринимать какие-то усилия, если они могут жить по-старому, а в случае необходимости выпить у доктора новую порцию таблеток! Вот почему лечение медикаментозными средствами [в нашем случае] – весьма рискованное и опасное занятие. Безусловно, вполне обосновано принимать таблетки [в некоторых случаях], но впоследствии это приводит к сложным ситуациям.

Я не буду выступать против применения лекарственных средств вообще. В некоторых опасных психотических состояниях медикаменты – средство, помогающее быстро устранить симптомы, но за эту скорость приходится расплачиваться, поскольку лекарственный препарат подрывает веру пациента в способность исцелиться с помощью собственных морально-волевых усилий и в дальнейшем делает его зависимым от врачей, которые всегда в нужный момент могут дать нужное лекарство. Другими словами, в отношении применения медикаментозных средств существуют и «за», и «против».

Замечание: По моим наблюдениям, у человека происходит некое омертвление. Оно похоже на потерю души.

Не всегда, только если он употребляет лекарства в течение длительного времени. Я могу привести случаи, когда такого омертвления не наступало. Утрачиваются только вера, доверие, но не душа. Она может постепенно отмирать, если психотический приступ уже сильно развился, и человек употреблял очень много лекарств, но не обязательно. Но вера умирает, и это опасно.

Замечание: На самом деле мы точно не знаем, будет ли лучше тому или иному человеку от того, что он довольно долго находится в состоянии психоза.

Естественно, это вопрос изначального мировоззрения, и на этом я закончу наше обсуждение, поскольку вы сам решаете, хотите ли вы помогать людям становиться сумасшедшими или нет.

Замечание: Природа сама знает.

Знаете, я считаю опасной установкой, если человек говорит: «Да, есть люди, которым вполне оправданно находиться в состоянии психоза, поэтому пусть они в нем и находятся! Таким образом природа сама избавляется от бесполезных для нее людей». Точно так же в медицине можно решать проблему эвтаназии, сказав: «Ладно, давайте умертвлять стариков и слабоумных».

Замечание: Я не имел в виду столь негативные выводы, но у меня были случаи, когда пациентов с помощью препаратов приводили в такое здоровое состояние, что, на мой взгляд, сумасшествие было бы предпочтительнее.

Да, конечно, но это не здоровое состояние. Это такой вид субъективного существования, который можно сравнить со стерильной могилой; оно просто позволяет людям быть социально менее маргинальными. В своем отношении к окружающим они становятся более терпимыми, правда у них внутри ничего не изменилось, и они остаются такими же сумасшедшими, какими были раньше. У меня случился доверительный разговор с одной такой женщиной. Казалось бы, она стала порядочным, нормальным человеком, но потом, когда вернулось ее сумасшествие, а вместе с ним – все лучшее, что в ней было, она сказала: «Я оставалась сумасшедшей все это время. Я лишь маскировалась, это была псевдоадаптация». Это нельзя назвать лечением, это лишь подталкивание людей к социально конвенциональному поведению, доведение их до состояния, когда их психическое расстройство не бросается в глаза, что, естественно, очень удобно для лечащего врача. По существу, такие пациенты – механизм самозащиты для врача.

Замечание: На мой взгляд, если мы достаточно долго оказываемся применять лекарства, то в некоторых случаях эффект может быть обратимым. Но вместе с тем то, что кажется потерей души, по существу, является самоуничижением на эмоциональном уровне. Если задать таким людям вопрос, они скажут, что и галлюцинации, и другие психотические симптомы сохраняются, но при этом отсутствуют слишком сильные эмоции.

Одна пациентка, которая перенесла лоботомию, сказала мне, что всегда чувствовала присутствие своей болезни. Употребив метафору, она сказала: «Она [болезнь] жила в подвале, но не могла подняться наверх». Женщина как бы существовала на верхнем этаже [дома], а этажом ниже жило ее сумасшествие, и состояние пациентки в точности соответствовало Вашему описанию. Эмоциональная проблема не разрешилась, она лишь отошла в сторону. Человек оказался от нее на некоторой дистанции, и в этом случае действие [лекарств] сравнимо с хирургической операцией: они просто отрезают пациента от излишне эмоциональных проявлений. Пережив чрезвычайно сильные эмоции, человек затем переходит на противоположный полюс, превращаясь в резонера. И тогда он испытывает тайную тоску по собственному безумию, так как переживать сильное эмоциональное состояние и быть сумасшедшим – значит ощущать полноту и многообразие жизни.

Состояние безумия – пик человеческих эмоций. Человек никогда не живет такой полной жизнью, как в тех случаях, когда переживает сумасшествие. Если вы не достаточно безумны, чтобы понять это, достаточно вспомнить ваши переживания сумасшедшей любви или отчаянной ненависти. Это изумительное состояние! Вместо того чтобы чувствовать себя разрывающимся на части в борьбе эмоций и рассудка, вы ощущаете себя целостной личностью! Что за удовольствие дать выход своей ярости! «Я все высказал этому человеку прямо в глаза, совершенно себя не сдерживая!» Вы ощущаете себя честным и прямым, а значит, целостным, потому что вам не нужно быть вежливым, вы говорите все, что думаете! Это абсолютно божественное состояние, самое подходящее для переживания настоящей любви, где нет места сомнениям. Совершенное, божественное доверие! Не нужно себя защищать от несовершенной природы другого человека! Никакого недоверия, испытываемого нами в обычном состоянии, наоборот: «Мы – единое целое. Мы вместе. И вокруг нас танцуют звезды!» Это состояние слияния и единения. А на следующее утро она замечает у себя на носу прыщик, и все рушится! Вы полностью выходите из состояния, в которое погрузились раньше.

Однако эмоции целиком воссоздают это состояние единения, независимо от того, какие именно это эмоции. Вот почему, если с помощью лекарства привести человека в нормальное состояние, он адаптируется [к действительности], но перестанет ощущать свою целостность, втайне стремясь вернуться к безумию. Следо-

вательно, таблетка – не решение проблем. Человеку необходимо вновь вернуться в эмоциональные переживания и попытаться достичь одновременно двух полюсов: в этом случае уменьшится и степень его эмоционального напряжения, и степень его рассудительности.

Противоположности должны объединяться, как [должны объединиться] и противоположности в нашем романе, где чистые эмоции представлены в образе мальчика Фо, а порядок и рассудительность – в образе фон Шпата. Автор разрывается между этими двумя противоположностями. На одном полюсе – воплощение порядка, жесткого и непоколебимого, подобного гиперадаптации, наступающей после приема лекарств, чрезмерного резонерства, сменяющего приступ психоза. Находиться в состоянии холодной рассудительности значит также переживать безумие. Но и прямо противоположное [эмоциональное] состояние представляет собой лишь другую форму сумасшествия. Если человек не может удерживать баланс двух полюсов, он себя теряет, в чем, собственно, и заключается трагедия романа.

Обратитесь к политике, и вы увидите схожие проявления, возникающие в безумных политических движениях. Они граничат с массовым психозом, когда толпы людей размахивая либо кельтским крестом, либо свастикой, либо чем-то еще, маршируют, полностью утонув в бушующих эмоциях и ощущая себя единым целым. Так здорово идти по улице в многотысячной толпе, просто выкрикивая [лозунги], ведь тогда появляется ощущение единства с себе подобными! Но возникает полиция, порядок, деловые отношения, нормы и т.п. – все то, что воплощает фон Шпат. И вскоре общество регрессирует в состояние, которое обычно называют восстановлением после революции, когда возвращается порядок, контроль власти. Однако людям становится смертельно скучно, им очень хотелось бы вернуться в хаос революции, где, по крайней мере, ощущается течение жизни.

Все чаще можно наблюдать, как не только отдельно взятый человек мечется между двумя полюсами, но и целые народы. Группа отражает проблемы индивидуальности, что для нашего времени весьма показательно. Например, у молодых людей, которые сегодня защищают баррикады в Алжире⁸⁷, сражаясь под флагом с кельтским крестом в виде мандалы, нет никаких практиче-

⁸⁷ Эта лекция была прочитана 17 февраля 1960 г.

ских планов! Я совершенно уверена в том, что большинство этих юношей просто наслаждаются полнотой жизни, чувствуя себя цельными личностями, героями и просто самими собой. У них нет никаких далеко идущих целей! Они ведут себя так, словно их поведением управляет некая эмоциональная целостность, но впоследствии оно перейдет в мучительную скуку от наступившего порядка. А что вы сделаете? Ничего. От порядка фон Шпата веет ледяной стужей.

Лекция 12

Вспомните, что в последний раз фон Шпат фактически одержал победу. Мельхиор попал в стеклянно-ледяное царство, но во время коронации вдруг осознал, что оказался в тюрьме. Сказав, что хочет убраться отсюда прочь, он разорвал путы, тем самым освободив Фо, и тот вместе с другими мальчиками взял Мельхиора с собой.

Они оказались на лугу, освещенном лунным светом. Воздух был теплым и свежим. Стоя в кругу, они пели и танцевали, а один из мальчиков бросил в Фо копье и пронзил ему сердце. Фо вытащил его из груди, и сразу же из открытой раны хлынула не кровь, а поток воды, которую все мальчики стали пить. Вода лилась из раны, а Фо становился все тоньше и ниже ростом, пока не исчез совсем. Его тело превратилось в призрачный туман, а потом трансформировалось в звуковые волны. Поток воды иссяк, утомленные мальчики повалились на траву и уснули с открытыми глазами.

От лба спящих детей исходил сияющий туман, он принимал форму окружностей, поднимавшихся все выше, и в конце концов образовавших одно большое кольцо. Оно постепенно сужалось и стягивалось вокруг Луны. Луна увеличилась в размерах и через некоторое время спустилась на землю, распавшись на мельчайшие брызги света. Из этих лучей вновь явился Фо и прикоснулся к спящим мальчикам. Они снова ожили и, весело смеясь, вскочили на ноги.

Окружив Мельхиора, мальчики звали его присоединиться к ним и сказали, что для этого его нужно распяты. Не испытывая никакого страха, он принял их условие. Ему на голову надели терновый венец; после этого он почувствовал лишь легкую слабость, но не боль. Затем они его распяли. В тексте книги говорится, что Мельхиор ощутил в руках и ногах гвозди, словно прикосновение холодной тени, а все свое тело – как светлую тень. Он повис «тенью на

кресте, находящемся между небом и землею, а его лицо было обращено к восходящему солнцу».

Но он ничего не видел, ибо небо и земля исчезли. Первые лучи солнца пронзили ему грудь и раскрыли нутро его тела, из которого мощным потоком хлынула кровь, и этот поток разделился на множество маленьких ручейков, которые бежали по земле и впитывались в нее. Он осознал, что больше не висит на кресте, он стал с ним единым целым, превратившись в огромное дерево. Из его распростертых рук выросло много маленьких ветвей; волосы развевались на ветру, голова становилась все больше и больше в размерах, а корни проникали глубоко в землю, из которой били ключи прозрачной воды. Вокруг танцевала ватага мальчишек, постепенно исчезая один за другим; некоторые из них взлетали, как большие птицы, в свете восходящего солнца и садились ему на голову. Его окружило множество животных, и их число постоянно росло: леопарды, олени, волки, медведи и лисы – все они собирались из лесных чащ, полян и опушек.

Крик вырвался из груди Мельхиора, и он превратился в такого же мальчика, как другие. Фо играл на флейте, а остальные мальчишки пели: «Все звери возвращаются в райский сад». Когда песня закончилась, Фо отложил свою флейту и, взяв Мельхиора за руку, сказал: «У тебя было имя. Ты все еще помнишь, как тебя звали?» Мельхиор попытался вспомнить, но не смог, и сказал, что не знает, как его зовут. Он спросил: может быть, он спал и просто не может вспомнить свой сон. Фо сказал, что у них теперь совсем другие имена, чем были до распятия, но теперь они возьмут его в свою компанию и дадут ему новое имя, однако оно не будет настоящим до тех пор, пока он не вступит в царство.

«В какое царство?» – спросил Мельхиор.

Фо ответил: «В наше царство! Туда, где мы чувствуем себя дома. Там мы водим хорорывы вокруг старых фонтанов и пьем священную воду; там, в черных зеркалах, мы видим, какими мы были раньше. Мы видим, как на темной поверхности зеркала появляются тысячи наших бывших образов, в которых мы существовали, пока не вступили в это царство, и в которые мы снова воплотимся, когда опять будем бродить по земле». (Очень важная фраза!)

Мельхиор спросил: «А зачем нам бродить по земле?» (Заметим, этот вопрос остался без ответа.)

«Разве ты не хочешь быть везде? Быть дождем и ветром, деревьями и травой? Не хочешь быть частью захода солнца и раствориться в лунном свете? Не хочешь быть каждым животным и каж-

дым человеком? Говорить устами и видеть глазами любого человека? Мы можем свободно входить в любой образ и свободно из него выходить. Там, где мы появляемся, все превращается в вихрь и не существует ничего постоянного».

«Но когда же мы войдем в это царство?» – снова спросил Мельхиор.

«Сегодня или завтра, или через тысячи лет. Что вообще значит время? Мы можем просто выйти на перекресток, и любая дорога приведет нас туда; или же оно предстанет пред нами в виде далекого золотого песчаного берега по ту сторону великого океана. Или же мы просто откроем дверь в какой-нибудь незнакомый дом – и просто войдем в царство. В каждый момент времени, в любом месте мы можем оказаться у входа, но до тех пор нам суждено скитаться. Если мы остановимся, то никогда не попадем туда».

«А куда мы направляемся сейчас?»

Все дальше и дальше, – ответил Фо с сияющими глазами, – а прямо перед нами раскинулся огромный город, и когда мы его покинем, нас станет больше. И в этом городе больше никто ничего не узнает... Но у тебя должно быть имя. Кто тебе его даст? Тот, кто даст тебе имя, станет твоим спутником, если наша группа рассеется».

Мельхиор посмотрел на Фо и спросил: «А ты не хочешь быть моим спутником?»

Фо ответил: «Да, мы спасли друг друга, поэтому останемся вместе».

Затем он сделал знак окружавшим их мальчикам, и торжественно произнес: «Тебя будут звать Ли!»

«Ли! Ли! Ли!» – закричали мальчики.

Наступает разрядка. В предыдущей главе Мельхиор почти оказался пленником царства фон Шпата, однако в результате энантиодромии оно превратилось в свою противоположность. Теперь герой очутился в царстве Фо, врага фон Шпата. Из первой части этой главы можно понять, кто такой Фо. Мы знаем, что он возглавляет компанию мальчиков и что его имя указывает на Будду; однако Фо зовет к вечным блужданиям и вечным кармическим перевоплощениям, тогда как Будда учит отойти от кармы перевоплощений и бесконечной череды возрождений. С другой стороны, Фо считает это бесконечное перевоплощение наслаждением. Более того, так как он превращается в Луну, а затем, после ранения, возвращается на землю, он оказывается воплощением лунного

бога и бога текучей воды. Когда разрывается его грудь, из нее струится поток жизни; в особенности делается акцент на том, что прорывается водный поток, и эта вода оживляет всех, кто ее пьет.

Раньше автор нам косвенно указывал на то, что фон Шпат ассоциируется со старым солнцем – Черным Солнцем, Сатурном. В древней мифологии солнечных богов он мог бы соответствовать греческому богу Хроносу, в средневековой алхимии – Сатурну. Мы пришли к этому, опираясь на описание танца фон Шпата с семью девушками, которые воплощают семь планет, окружающих бога Солнца. Фо – начало, противоположное Солнцу, а значит, рассуждая логически, он должен быть богом Луны, богом ночи, иррациональности, вечных изменений – т.е., естественно, обладать скрытыми чертами феминности. При этом не следует забывать о том, что в Германии слово «луна» мужского рода (*der Mond*), а в римской мифологии она имела черты гермафродита и ей поклонялись и как маскулинной, и как феминной фигуре. Этот гермафродитный аспект души свидетельствует о том, что символ Самости и символ Анимы все еще остаются неразличимыми. Фо символизирует бессознательное и в его маскулинном, и в феминном воплощении. Он воплощает ночное начало – другую сторону света бессознательного.

Меня попросили сравнить эту книгу с книгой Сент-Экзюпери «Маленький принц», чтобы показать различие в немецком и французском менталитете. К сожалению, я могу это сделать только очень кратко.

Однако, одна из характерных черт народа по другую сторону Рейна (т.е. в Германии) заключается в том, что символ Анимы не так четко дифференцирован. По существу, все феминные образы в этой книге относятся либо к образу торговки яблоками (фигура Матери-Природы), либо к Софии (слишком негативная и в достаточной мере материнская фигура), либо к образу бледной девушки-Анимы Генриетты Карлсен (она умирает почти сразу, едва появившись в повествовании). Энергетически заряженный образ души – это фигура гермафродита, а именно Фо, бога Луны. Если его сравнить с образом души в книге Сент-Экзюпери, т.е. с живущей на астероиде влюбленной парой – розой и Маленьким принцем, можно заметить, что у Экзюпери гермафродитный аспект оказывается дифференцированным. Он, по крайней мере, выступает в виде пары, при этом Анима дифференцирована еще больше, хотя все же является негативной феминной фигурой, исторической и

высокомерной. Анима во французском выражении остается еще не очень развитой, но, по крайней мере, она отделена от символа Самости и проявляет себя внешне как независимая сущность.

В этих двух произведениях ярко выражены национальные психологические особенности, весьма отличающиеся друг от друга. Создается впечатление, что книга немецкого автора более архаична, в ней присутствуют более мощные и более динамичные символы. Читатель вовлекается в эмоциональную атмосферу, которая оказывается истерически-напряженной, а потому вызывает у него некоторый дискомфорт. Что касается негативных факторов, книга французского автора больше наполнена жестокостью и детской сентиментальностью в отличие от книги немецкого автора, полной динамики и преувеличений.

В отношении этого различия можно сделать два предположения: первое заключается в том, что языческий, дохристианский слой коллективного бессознательного французской культуры – в большей степени кельтского происхождения, тогда как в Германии он преимущественно древнегерманский (о разнице между кельтским и древнегерманским национальным характером можно прочесть у Цезаря и Тацита).

Второе и, возможно, даже более важное различие заключается в том, что римская культура проникла во Францию (так же, как и в Южную Германию, частично Австрию и Швейцарию) еще задолго до ее христианизации, а в областях, расположенных в бассейне реки Мейн⁸⁸, христианская вера выросла непосредственно из древнегерманского язычества. В средиземноморском регионе христианство явилось конечным результатом поступательного развития цивилизации, превратившись в духовную, хорошо адаптированную религиозную традицию.

Действительно, нации, культурной основой которых послужила древнеримская цивилизация, смогли легко понять и принять христианский символизм, поэтому там сохранилась возможность эволюционного перехода из одной цивилизации в другую. В других регионах, где римская цивилизация отсутствовала, исторический процесс эволюции прервался, и насаждение христианства происходило по-другому. Пользуясь метафорой, можно сказать,

⁸⁸ Мейн (Mein) – река в северной и западной Германии протяженностью около 515 км, протекающая на запад, к Рейну через Вюрцбург и Франкфурт (*прим. перев.*).

что у жителей северных областей бассейна реки Мейн остался пустым один из пролетов эволюционной лестницы цивилизации: существовали верхний и нижний этажи, а между ними – пустое пространство.

Такая ситуация характерна не только для Германии, она вскоре проявилась и в христианизированной Африке (где оказалась гораздо более серьезной проблемой), создав беспокойство и напряжение, безо всякой связи с культурно-экономическими проблемами региона. Христианизированные африканцы в своем эволюционном развитии имели такой же культурный пробел, как и жители северной Германии.

Подобные трудности испытывают и американцы. Оказавшись первопроходцами на Диком Западе, они попали под влияние примитивной цивилизации американских индейцев. В этой первобытной культуре можно было выжить, только став столь же сильным и примитивным, как и ее носители. С другой стороны, культурную основу первопроходцев составляла викторианская христианская традиция, что может служить объяснением, почему в лестнице эволюционного развития североамериканцев сохранилась определенная незаполненная ниша (или ее разновидность).

Однако пустота – не только недостаток. Ее преимущество заключается в том, что она придает человеку огромную динамику и дееспособность. Наличие внутренней полярности и внутреннего напряжения в таком состоянии делают людей чрезвычайно динамичными, активными и результативными в своей деятельности. Так, например, если мощные электрические заряды разной полярности расположены далеко друг от друга, то сила электрического поля также возрастает.

Именно незаполненная ниша эволюции создает больше энергичных, активных личностей. Однако при этом появляется не слишком приятная склонность к истерической диссоциации, отличительной особенностью которой является способность легко вовлекаться в массовые движения, попадать под влияние толпы, и т.п. Дело в том, что ядро такой личности значительно легче разрушить или вывести из состояния равновесия. В этом можно легко убедиться на примере Африки. В своем большинстве принявшие христианство африканцы оказываются очень ненадежными, непредсказуемыми, внушающими подозрение. Несколько лет назад – я не знаю, в какой степени эта проблема актуальна сейчас, – но еще несколько лет назад живущие в Африке белые предпочитали

иметь африканских слуг, не обращенных в христианство, так как те были более надежными и предсказуемыми. У новокрещенных же констеллировалась странная полярность между высокоразвитым уровнем культурного сознания и архаичной, бессознательной частью личности – вместе со всеми проблемами, вызванными такой полярностью.

Возвращаясь к французскому и германскому менталитетам, скажу, что незаполненная ниша в лестнице эволюционного развития [немцев] – понятие весьма относительное, поскольку у французов существуют те же проблемы, только они выражены менее явно. Различия, о которых мы говорили, можно назвать всего лишь приблизительными, и естественно, делая столь общие выводы в отношении целых народов, следует иметь в виду большое количество исключений. С моей же стороны это была всего лишь попытка дать некоторые обобщенные характеристики.

Вопрос: Влияет ли латвийское происхождение автора на всю концепцию в целом, ведь он является уроженцем Риги?

То, что Гетц является уроженцем северной Германии, т.е. латышом, даже усугубляет положение дел, так как это может значить, что у него не было собственной, «домашней» культурной основы, кроме широко распространенного римского пласта наряду с русским и славянским влиянием. В северной Германии сильно славянское влияние, именно поэтому между северной и южной Германией ощущается скрытая враждебность.

Эпизод с распятием Мельхиора очень информативен. Очевидно, что Фо действительно символизирует возвращение к более древнему архетипическому образу, скрывающемуся за фигурой Христа. Если попытаться сравнить Фо с другими богами, можно заметить, что он оказывается ближе к Дионису. Где бы в романе не появлялся образ Фо, там же встречаются образы роз и винограда, что прямо указывает на возвращение к Дионису. Распятие, превращающее человека в дерево, напоминает об Аттисе, превратившемся в материнское дерево. Таким образом, можно сказать, что, отдавая себя во власть Фо, Мельхиор тем самым «аттифицируется», то есть превращается в Аттиса. Поскольку все остальные тоже разделяют его судьбу, то кажется, что это группа людей, живших когда-то земной жизнью, а затем распятых и превратившихся в вечно странствующих мальчиков. Судьба каждого из них вос-

производит миф об Аттисе. Как известно, фигуры Аттиса и Диониса служат воплощением юного солнечного бога, бога-сына, умирающего весной.

Таким образом, истоки праздника Пасхи лежат в культовых обрядах, посвященных Аттису. Сохранилась древнеримская мозаика с изображением обвитого виноградной лозой креста и надписью-заклинанием: «О Ты, Дионис – Иисус Христос». Так что, по крайней мере, на заре христианства возникали сомнения в том, не является ли путь Христа повторением судьбы Диониса или Аттиса, но в несколько иной форме. Отцы церкви пытались четко определить новый христианский символ, помешав его поглощению старым культом (что означало бы победу фон Шпата). Чтобы обеспечить новизну и творческий подход к новому символу, новообращенные христиане истово боролись за определение четких отличий христианства от культа Диониса, однако сходство с архетипической фигурой было столь поразительным, что людей обуревали сильные сомнения. Этим и объясняется особый упор церкви на то, что Иисус Христос был исторической личностью в отличие от архетипической фигуры бога Диониса.

Вернемся к культурологической проблеме: если Фо символизирует возвращение к фигуре Аттиса или Диониса, то, вероятно, его фигура воплощает попытку бессознательного создать архетипическое переживание, которое послужило бы мостом через пропасть, возникшую [в сознании автора] вследствие внезапной христианизации. Можно предположить, что пройдя через такое переживание, автор действительно смог бы понять, что означает фигура Христа. Смахнув накопившуюся историческую пыль, вы увидите, что автор ведет речь о возвращении к изначальному переживанию того, что понимается под выражениями «возложить на себя крест», «нести крест» и «быть распятым [вместе] с Христом». Только в романе [переживание] несет другой оттенок – оно более экстатическое, динамическое и архаически жизнелюбивое. Это не что иное, как попытка бессознательного воссоздать христианский символ и оживить его в той форме, в которой он снова будет связан с глубинными слоями человеческой личности.

Насколько широко распространена эта тема и насколько она жизнетворна, можно судить по тому, как подобные попытки предпринимались бессознательным совершенно в иной области. Те из вас, кто присутствовал на моей лекции, посвященной Никлаусу

фон дер Флюэ (Niklaus von der Flue)⁸⁹, могут вспомнить, что Христос [являлся ему] в образе берсерка – древнего воина в медвежьей шкуре. И в этом случае следует видеть не попытку отрицания символа Христа, но его новую интерпретацию, связывающую этот образ с архаичными пластами инстинктивной психики. Символ Христа сохранится в нас только в том случае, если мы поймем его во всей полноте, ведь если он не укоренился в глубинных пластах нашей души, он в любой момент может быть отторгнут, а это означает возвращение к атеизму или новой форме язычества.

Аналогичный феномен можно наблюдать в негритянских духовных песнопениях (spirituals). Здесь обнаруживается языческий пласт психики вместе с его внешним символическим выражением и религиозными эмоциями. Сверху на языческий пласт наложена христианская доктрина, однако христианство – лишь своего рода поверхностная лакировка. Ее всегда можно легко устранить с помощью любого массового движения или анти-пропаганды. И это будет продолжаться до тех пор, пока основной архетип христианской доктрины, который в нашей цивилизации носит имя Иисус Христос, не вызовет из глубины психики архетипический символ такой же силы, [как и языческий], не констеллирует его, полностью связав с эмоциональной сферой человеческой личности. Именно тогда вера станет живой, потому что только внутри себя человек может понять, какое значение архетип Христа имеет лично для него.

В противном случае можно говорить лишь об интеллектуальном понимании символа, заполняющем пустую нишу эволюционной лестницы развития. С тем же успехом можно поклоняться Дионису или, в контексте обсуждаемого, Вотану – его, как вы помните, также пронзили копьем, а затем подвесили на Мировое древо.

В романе Гетца Вотан является тем архетипом, который констеллируется в глубинных пластах национальной психики, что вполне естественно для германской цивилизации. Во Франции и других странах, где преобладает кельтская основа, этим исходящим из глубины архетипом служит Меркурий – Керун, бог-олень.

⁸⁹ Никлаус фон дер Флюэ (Niklaus von der Flue) – швейцарский мистик 15в., причисленный католической церковью к лику святых. Анализу описанных им видений посвящена отдельная работа К.-Г. Юнга (Jung C.G. Bruder Klaus), а также работа М.-Л. фон Франц (France M.L., von. Die Visionen des Niklaus von der Flue).

Этот бог претерпел превращение и был распят. Кроме того, это был солнечный бог, принесенный в жертву – бог весны, воскрешенный бог. В кельтских странах за фигурой Христа констеллируется архетип именно бога Керуна. В средневековых легендах – легенде о Святом Граале и кельтской основе легенд Англии, Ирландии и Уэльса – присутствует архетип Меркурия-Керуна, и во всех случаях он воплощает попытку установить связь между более поздним образом бога и древне-архаическими религиозными переживаниями этих народов.

В описании царства Фо есть и другие мотивы. Он говорит: «Мы вводим хороводы вокруг старых фонтанов (что напоминает мне один из древнегерманских фонтанов-Урд (Urd) в основании Мирового древа) и пьем святую воду (человек, испивший воду из фонтана, становится прорицателем. Из фонтана [Урд] пьют воду шаманы и целители). Там, в черных зеркалах, мы видим то, какими мы были раньше. Мы видим, как на темной поверхности зеркала появляются тысячи наших бывших образов, в которых мы существовали до того, как вошли в это царство».

Здесь проявляется влияние Востока, которое мы уже заметили раньше. Оно выражается в идее, что в царстве можно увидеть все свои прошлые воплощения. В дальнейшем мы заметим, что автор верит в перевоплощение душ: эту веру он позаимствовал в результате изучения восточных учений и перенес ее на германскую основу. Так как все нации германского происхождения принадлежат «интровертированной области», мы заключаем, что дохристианская древнегерманская цивилизация также была интровертированной, оказавшись, таким образом, связанной с китайской и восточной духовностью. Древнегерманские руны (которые считаются буквами древнегерманского алфавита) изначально предназначались для предсказаний, подобно чертам (палочкам) в триграммах и гексаграммах великой китайской книги перемен «И-Цзин». Более того, в этой же роли руны использовались и позже.

Например, когда древние германцы брали пленников, кого-то из них они приносили в жертву Вотану. С этой целью «бросали руны», т.е. пленники вытаскивали палочки с начертанными рунами, и того, у кого оказывалась палочка с вырезанным знаком смерти, убивали. Других оставляли в живых, обращая в рабов или слуг. Согласно мифу, этот способ прорицания был создан Вотаном, когда он был пронзен копьем (мы точно не знаем, сделал ли

это он сам или кто-то другой. Но вспомните, что Христа пронзило копье сотника Лонгина, и тот же мотив сохранен в романе – копьем пронзен Фо). Затем Вотан девять дней и девять ночей оставался подвешенным на Мировом древе, ясене Иггдрасиль, а когда упал на землю, то обнаружил у себя под ногами руны.

Таким образом, можно сказать, что созидательным итогом божественного распятия стало открытие рун – нового проявления культурного осознания, изначально заключавшегося в «прочтении» воли Судьбы. Это положение лежит в основе и китайской системы предсказаний «И-Цзин» представляющей собой способ исследования пути Дао, т.е. способ предсказания, основанный на принципе синхронии.

Даже сейчас многие люди, обладающие германской психологической основой, проявляют интерес к восточной культуре; похоже, что в настоящее время в Германии очень распространена тенденция искать решение всех проблем, и в первую очередь, исцеления вызванных войной травм, через обращение к восточной философии. На мой взгляд, это попытка найти все тот же интровертированной путь [исцеления], позволяющий работать над проблемами изнутри, вместо того, чтобы пытаться решить их извне. Естественно, экономический бум, что мы переживаем сегодня, не слишком способствует решению этих задач, но те, кто пытается справиться со своими внутренними проблемами, обращаются к интроверсии и, чтобы выработать в себе такую установку, в основном, исповедуют восточную философию.

Однажды одному своему пациенту-мужчине, уроженцу Северной Германии, имевшему привычку в своих поступках руководствоваться максимами из «И-Цзин», я предложила посмотреть на проблему именно в таком ключе. На следующую ночь после того, что я ему сказала то, что сейчас рассказала вам, ему приснилось, что он находится около прусских военных казарм. На входе висел щит с начертанными китайскими иероглифами и германскими рунами. Это говорит о том, что бессознательное сразу подхватило мое предложение, посчитав его вполне правдоподобным.

В скандинавской мифологии присутствие троллей также считается проявлением принципа синхронии. Мне бы не хотелось в это углубляться, но следует упомянуть о том, что к северу от реки Мейн люди (в особенности творческие личности), как правило, более интровертированы, и их, как и людей восточной культуры, больше интересуют синхронные явления, чем рациональная

каузальность, больше присущая людям западной культуры. В северной Германии существует тенденция, более всего свойственная России и связанная с великим вопросом соединения восточного и западного менталитета в некий общий промежуточный образ мышления. Известно, что представители панславянизма, к числу которых принадлежал и Достоевский, провозглашали, что Россия – избранная страна, которая когда-нибудь сможет соединить в себе интроверсию Востока с внешней эффективностью и экстраверсией Запада. Замечу, что в наше время Россия не пошла по пути абсолютно внешней экстраверсии.

Царство в романе описано странно. Отчасти оно является райским садом, в который возвращаются дикие звери, отчасти – древним германским раем, фонтаном Урд, бьющим под Мировым деревом. Вместе с тем очень ясно просматривается влияние восточных идей Нирваны, освобождающей человека от вечного странствия, от одного воплощения к другому, но – что интересно – за исключением того, что Фо и его компания еще не вошли в это царство. Они находят свой смысл в странствии и блуждании, а это противоречит буддистскому учению, согласно которому человек должен отрешиться от бесконечного кармического колеса перевоплощений. Тема блужданий больше тяготеет к западной традиции и несет оттенок фатальности. Другими словами, в романе провозглашается свобода движения сама по себе, даже если движение не преследует никакой цели. Однако экзальтированное чувство полноты жизни и причастности к творческому движению, не имеющее ни цели, ни результата, представляет собой очень опасный, демонический аспект.

Помните, я говорила, что фон Шпат находится на одном полюсе [психики], Фо – на другом, а Мельхиор – в центре. Сначала успеха достигает фон Шпат, затем (с появлением Фо и распятием Мельхиора) происходит энантиодромия, которая, по существу, является победой Фо. Позже мы увидим, как происходит еще одно превращение. Пребывание «на полюсе фон Шпата» смертельно [для личности], там все неподвижно и статично: стоит вам оказаться в стеклянном дворце в царстве духа, с вами ничего больше не произойдет – все станет ясным, ледяным, прозрачным, жестким.

При этом, на полюсе Фо все совершается во славу творческого движения самого по себе, во имя экстаза и эйфории. Здесь царит идея того, что творческий экстаз и есть смысл сам по себе, не-

зависимо от результата, к которому он приводит. Здесь прославляют постоянные эмоциональные взрывы и возвеличивают творческую эйфорию. Подобные ощущения проявляются в современном рок-н-ролле – танце, призванном вызывать наслаждение психо-физическим движением и музыкальным ритмом при отсутствии какой бы то ни было конечной цели. Танец кончился, и вы падаете без сил, но назавтра все начинается снова, и это само по себе приносит удовлетворение.

На «полюсе фон Шпата» есть результат, но нет движения; на «полюсе Фо» есть движение, но нет результата. Вот еще один пример крайней односторонности, отсутствия связи [полюсов], когда человек просто разрывается между противоположностями.

Итак,

Фон Шпат	Мельхиор (Эго)	Фо
Разум без жизни	Ли	Вечное движение без результата
Лед-север	(сознание)	Юг

В подобной констелляции исцеление может произойти только в том случае, если разовьются два других (феминных) полюса, так как в мужской психологии феминное начало, Анима, воплощает принцип реальности и осознания, осмысления (*realization*). Но в этой констелляции отсутствуют два феминных полюса.

А теперь я кратко перескажу дальнейшее продолжение истории.

С сияющими глазами Фо говорит, что они направляются в город, а затем обращается к Мельхиору, чтобы дать ему имя (имя «Ли» означает структуру, порядок, закон, сознание – т.е. все, что должен создать Мельхиор). То, что следует дальше, не слишком символично, а потому вполне понятно. Речь идет о пагубном воздействии Фо и его компании.

В романе есть город, называемый Штульбрестенбург (*Stuhlbristenburg*). *Bresten* – древнегерманское слово, означающее *болезнь*, а слово *Stuhl* по-немецки «стул» или «экскременты». В данном случае явно подразумевается второй смысл, поэтому название города можно прочитать так: «Город Болезней и Экскрементов». В пове-

ствовании говорится, что однажды в городе случился пожар, который полностью его разрушил. Король, будучи по своему характеру человеком весьма эксцентричным, подумал, что не следует разрушать старые стены города, и снес сгоревшие дома лишь до определенного уровня (скажем, до двух метров от земли), оставив их стены совершенно черными. На обгоревшем фундаменте построили новые дома, но сделали их очень светлыми и изящными в стиле рококо. Король (его звали Вальтер II) считал свою идею очень занимательной. Но случилось так, что после пожара в подвалах сгоревших домов собрался весь преступный мир города; подвалы соединялись между собой, и преступники могли обмениваться информацией друг с другом. Время от времени бандиты вылезали наверх, чтобы ограбить банк или еще что-нибудь, а затем снова прятались в подвалах сгоревших домов. Полиция не могла с ними справиться, поэтому почтенные буржуа, жившие на верхних этажах домов, были весьма напуганы.

Ситуация ухудшилась, когда полиция поймала одного из главарей преступников. Он сообщил информацию о географии подземного мира, и тогда полиция решила одним ударом очистить город от бандитов.

Жителям города, говорится в романе, приходилось много и тяжело работать, и жили они в суете, ненависти и жадности. На фабриках и заводах, в церквях и домах удовольствий (борделях) кипела жизнь, но в городе было жарко и довольно грязно – черные обугленные стены сгоревших домов испускали миазмы.

Неприятности стали происходить и в соседнем городе Раттенхаузене (Rattenhausen, дословный перевод – Крысиный Дом). Школьному учителю, совершившему двадцать лет назад дурной поступок по отношению к одному из своих учеников (романтически настроенному мальчику, похожему на Отто фон Лобе) привиделось, что один из его нынешних учеников – тот самый мальчик, по отношению к которому он скверно поступил. Учитель перед всем классом пал на колени и стал просить прощения. Оказалось, что мальчика по имени Ранке (Ranke), у которого он хотел просить прощения, в этот день совсем не было в школе, он болел и сидел дома. Директор школы лично отправился к нему домой и проверил это. Случился грандиозный скандал, и учителю пришлось уволиться. На следующее утро больше половины мальчиков в школу не вернулись; более того, их нигде не могли найти.

Второй случай произошел почти в то же время с одним очень уважаемым банкиром, господином Ротбухом (Rotbuch). В середине рабочего дня, когда сотрудники его банка отсутствовали, им овладела сумасшедшая идея. Открыв окно первого этажа, банкир стал бросать деньги прямо на улицу, в рыночную толпу. В результате возникла страшная давка, два человека погибли, многие были серьезно ранены.

Банкира арестовали и поместили в психиатрическую лечебницу. Когда он пришел в себя, то сказал, что не понимает, что на него нашло. Он рассказал, что к нему пришли два мальчика в куртках с поднятыми воротниками и кожаных кепках и заставили его поступить именно так, и он, послушав их, действовал по принуждению.

В тот же день обнаружилось, что двери городской тюрьмы взломаны. Тюремную охрану нашли связанной в курятнике вместе с начальником тюрьмы, который, одетый в парадную форму, прыгал по курятнику с раскинутыми руками, кукарекая как петух. Все заключенные тюрьмы исчезли. Предположили, что они убежали в соседний Штульбрестенбург и присоединились к живущим в подвалах местным бандитам.

В передовице местной газеты *Rattenhausen Bote* все происходящее объяснялось массовым психозом. В статье говорилось, что компания бессовестных подростков, по-видимому, начитавшихся рассказов о Шерлоке Холмсе, статей Карла Маркса и романов Александра Дюма и заразившихся авантюризмом, попыталась заставить горожан последовать идеям, которые не могут быть воплощены в жизнь. Газета утверждала, что все это – результат спешки и ненасытности в погоне за новыми приключениями, навеянных современной жизнью, ведь то, что еще вчера считалось чудом, сегодня становится обыденной реальностью, а потому даже очень разумные люди уже не могут увидеть разницу между возможным и невозможным. В такое бурное время, продолжала статья, когда все переворачивается вверх дном, мы лишь можем посоветовать нашим добропорядочным гражданам доверять только тому, что подтверждено официально. Единственное, чему можно верить – это городская печать *Sigillum Signum veri* (государственная печать, удостоверяющая истинность). Официальные лица рекомендовали срочно заняться поисками и поимкой злоумышленников, чтобы те перестали причинять вред жителям города, сеять сумятицу и неразбериху. С этих

пор, говорилось в статье, горожане должны следовать указаниям городского правительства, *Caveant consules*.

Другая статья в этой же газете, написанная врачом-психиатром доктором Хинкельдэй (Hinkeldey) рассказывала о массовом психозе и предупреждала о вреде сверхурочной работы, самокопаний и чрезмерных фантазиях. Доктор рекомендовал холодные ножные ванны на ночь и массаж влажным полотенцем с утра.

В следующей главе те же самые мальчики, одетые в куртки с поднятыми воротниками и кожаные кепки, появились в городском соборе.

Люди на улице, услышав красивую музыку, входили в собор. Храм был полон народу, на алтаре горели свечи. Играла танцевальная музыка, причем она была настолько заразной, что люди забывали о том, где находились, и пускались в сумасшедший пляс. Музыка звучала все громче, присоединились барабаны, скрипки, трубы. Когда заиграл орган, наполнив храм звуками потустороннего мира, присутствующие уже не выдержали. Учитель, окружной судья и прокурор скакали, как козлы, в обнимку с базарными торговками.

Музыка оборвалась, и в соборе, появился старейший член консистории господин Писторий (Pistorius) в полном облачении. Он медленно направлялся к кафедре. Все вдруг замолчали и пали на колени, умоляя о прощении. Но вдруг с кафедры раздался громкий продолжительный хохот. Полное красное лицо Пистория становилось все меньше и все блее; спустя минуту он уже казался малолетним мальчиком. Затем вместо уважаемого члена консистории прихожане увидели блеющего козла, положившего мохнатые копыта на пюпитр.

Это была своего рода массовая галлюцинация, овладевшая всеми присутствовавшими. Только учитель Флам (Flamm) сохранил ясность ума и попытался обратиться к согражданам. Но тут около сотни мальчиков спустились к нему с органа и стали издевательски ему аплодировать и громко смеяться. Затем у алтаря появился обнаженный юноша и заиграл на флейте, а присутствующие хором подвывали ему по-собачьи. Те, кто был смертельно напуган, пытались выбежать вон, но двери храма оказались запертыми, поэтому прихожане карабкались на скамейки и пытались вылезти через окна. Когда флейта смолкла, юноша, мальчики и розы исчезли. Двери собора открылись. Никто не осмелился вымолвить ни слова, и люди молча выскользнули из церкви на улицу.

Судья, оказавшийся в соборе, со всех ног бросился в здание суда, где в это время судили сексуального маньяка. Прокурор встал, чтобы произнести речь, но в течение часа лишь одного слова не было слышно. Когда он, побледневший и уставший, плюхнулся в свое кресло, из зала встала одетая в белое платье женщина и начала аплодировать. Затем взял слово адвокат, но прежде, чем он начал свою речь, перед ним появился его двойник и обвинил его в подлоге. Защитник пришел в такой ужас, что еле-еле смог вымолвить лишь несколько слов, и его двойник тут же заявил, что тому нечего сказать в свое оправдание. В зале поднялся шум, присутствующих с трудом удалось успокоить.

Затем лже-адвокат начал длинную речь. Он утверждал, что обвиняемый всего лишь искал способ получить удовольствие, ведь получают же некоторые удовольствие от того, что судят других. В чем же тогда заключается разница? Одни получают удовольствие в том, чтобы вести себя согласно морали, другие – в том, чтобы вести себя аморально, одни находят прелесть в том, чтобы убивать людей, другие – в том, чтобы исполнять закон. Лже-защитник перевернул ход дела с ног на голову, создав такую путаницу понятий справедливости и беззакония, что присутствующие тут же решили, что не стоит скрывать собственные жадность и безнравственность.

На месте помощника судьи появился обнаженный мальчик, который несколькими часами ранее играл на флейте в городском соборе. Женщина в белом объявила, что она провела полчаса в соседней комнате с помощником судьи. Она оказалась совершенно беззащитной, он вонзил ей в грудь нож для резки бумаги, и тогда, находясь у него в руках, она превратилась сначала в мальчика, а затем в свинью. У нее в груди до сих пор торчала рукоятка ножа, вырезанная из слоновой кости. Мальчик взял руку помощника судьи и произнес: «Посмотрите, она вся в крови!» Кровь полилась на пол, обвиняемый встал, подошел к помощнику судьи и весьма доброжелательно попросил поцеловать его, сказав, что теперь они кровные братья.

Затем обвиняемого признали невиновным. Мальчик и женщина в белом захлопали в ладоши и закричали: «А теперь поцелуйтесь!». Снова происходит невероятная сцена: все вокруг обнимаются и целуются. Все колокола в городе зазвонили, горожане приставали друг к другу: они начинали спорить, возражать, ссориться, драться, кричать – это происходило до тех пор, пока не появилась вооруженная полиция.

Пока события разворачивались в суде, король был в театре (это был романтический человек, но плохой правитель, очень напоминающий Людвига II Баварского, короля-артиста).⁹⁰ Король смертельно скучал, если возникала необходимость выполнять обязанности монарха, поэтому, сидя в королевской ложе, он предавался романтическим мечтаниям и меланхолии. Он смотрел спектакль и чувствовал невообразимую скуку. В первом отделении на сцене происходил диалог между главным героем пьесы, директором одной электротехнической компании, и его сводным братом. Герой как раз произносил длительный монолог в защиту материализма, себя самого и себе подобных, утверждая, что в золото находится в надежных руках идеалистов-практиков, как вдруг на сцене появились два мальчика, и хаос начался.

Актер превратился в мяч, который мальчики сначала стали перекидывать один другому, а затем кинули королю, который, поймав его, бросил им обратно, и тот с громким хлопком взорвался. Король радостно заплодировал, и тогда появились еще два мальчика, которые возложили ему на голову корону, дали ему в руки скипетр и державу, а на плечи накинули горностаевую мантию. Мальчики взяли короля за руку и повели вниз по появившейся лестнице из цветов, спускавшейся от королевской ложи к подмосткам. Весь зал с ужасом взирал на происходящее. Придворный маршал попытался спасти ситуацию, крикнув «Ура!», а некоторые зрители запели государственный гимн. Тут корона свалилась с головы монарха, и все увидели, что она сделана из бумаги. Из углов здания стал подниматься дым. Король и мальчики исчезли, двери распахнулись, и в зале появились темные фигуры с топорами и пистолетами в руках. Зрители задрожали, по залу поползли слухи, что это пришельцы из потустороннего мира. Темные фигуры пронзали людей мечами, рубили топорами, убивали из пистолетов. Дым сгустился, и здание театра развалилось на части, похоронив под собой людей.

Между тем в городе происходила кровавая битва, причем никто не представлял, кто с кем сражается. Кто-то, одетый в черное, взобрался на крышу стоявшего на рынке трамвайного вагона, и в

⁹⁰ Людвиг II Баварский (1845–1886), король Баварии, страстный поклонник музыки Р. Вагнера, друг и покровитель композитора. Романтический, артистичный и далекий от политики, он посвятил свою жизнь строительству сказочных замков Нойшвайштайн и Линденхоф, чем довел страну до фактического разорения. Современниками прозван «сумасшедшим», потомками – «королем-сказочником». Прогиб в озере близ замка Линденхоф при невыясненных обстоятельствах.

зареве горящего театра кричал: «Друзья! Остановитесь! Образуем-тесь! Вы убиваете друг друга только потому, что боитесь друг друга! Старый порядок сделал вас врагами! Создадим новый порядок! Не забывайте о том, кто является вашими истинными врагами. Это мальчики! Они скрываются везде и принимают любой облик! Кто они? Вы их знаете? Откуда они взялись? Везде, где они появляются, воцаряется хаос. Если вы за ними последуете, то никогда не будете жить в мире. Земля зашатается у вас под ногами. Жизнь и порядок исчезнут! Вас засосет водоворот, и сумасшествие разорвет вас на части!»

На минуту горожане застыли, но их тревога продолжала расти. Тишину нарушили крики, проклятия и вопросы: «Мальчики! Мальчики! Мальчики! Где они? Ищите мальчиков! Убить их! Нет, надо убить этого человека, он предатель!»

Оратор снова распротер руки: «Друзья, – начал он, – вы не ищите Бога, вы хотите, чтобы Бог отвечал вашему желанию, чтобы он утолял вашу тоску и помогал вам в работе. *[Бог, созданный Эго! Какая чепуха!]* Вы хотите, чтобы жизнь приняла новую форму; вам хочется установить священный незыблемый порядок, священный порядок своей работы. Этот священный порядок и стремление к нему существует у вас внутри. Я скажу вам о том, что вы чувствуете глубоко внутри. Я дам вам законы, которым вы последуете. Мы *[духовный мир фон Шпата]* хотим вас исцелить и подарить вам добро!»

На фигуру оратора упал лунный свет; вокруг него собралась большая толпа людей, умолявших научить их и все время оставаться с ними.

«Мы хотим вам помочь, – отвечал он, и голос оратора зазвучал, как набат колокола, – не утоните снова в этом ветхом, глубоком мраке! Не тоскуйте по вечности, которой не существует!»

Снова в толпе раздались крики о том, что надо найти мальчиков. Выступающий предупреждал, что ни в коем случае их нельзя трогать, но его уже никто не слушал. В центре площади раздался взрыв, стало разгораться пламя, и в огненном зареве пожара появилась группа обнаженных мальчиков. Мальчики двигались вперед со словами: «Те из вас, кто свободен, идите к нам. Пусть остальные строят свои воздушные замки! Пусть они навсегда застынут в своем твердом порядке, работе и счастье! Пусть к нам придут те, кто любит пламя и вечное превращение – в нашу ночь, когда их задует ваш день, в наше царство, когда от их царства не останется камня на камне!»

В группе обнаженных мальчиков раздавалась песня, вселявшая дрожь в толпу собравшихся на площади людей. Песня становилась все громче, и даже солидные люди в очках подхватили ее. Горожане подняли ружья и выстрелили в мальчиков. Но тут появился парусник, внезапный порыв ветра наполнил силой его паруса, и поющие мальчики вознеслись над головами изумленных людей. В толпе нашлись те, кто закричал: «Стреляйте в них! Не дайте им уйти!» Но как только раздались выстрелы, корабль с мальчиками распался на множество мельчайших искр. На площадь посыпались миллионы роз, наполняя воздух сладким, захватывающим дыхание ароматом.

Корабль (очевидно, что это колесный парусник Диониса), а также розы подводят нас к очевидному выводу, что перед нами древняя архетипическая фигура Диониса, принявшая новый облик. В приведенном мной отрывке вы без труда узнаете речь фон Шпата и слова Фо. Их противоположность очевидна.

Содержание книги говорит само за себя. Читая ее, поражаешься, что она была написана около пятидесяти лет тому назад⁹¹, однако в ней оказалось предсказанным все то, что мы пережили – вот доказательство пророческой силы искусства. Ведь в романе предсказан даже поджог Рейхстага, и дальнейшие комментарии не требуются.

Странен и таинственен мотив сожженного города, на обугленных останках которого возводятся новые светлые архитектурные постройки и сооружения. Это еще раз доказывает, что если в эволюционной лестнице существует незаполненное пространство (ниша), т.е. сохраняется разительный контраст между нижней, эмоционально-архаичной областью психики с присущей ей языческим отношением к жизни, и верхним слоем высшей цивилизации, то в случае, если эта проблема не осознана и не проработана, полое пространство будет постоянно создавать почву для всеобщих катастроф – войн, революций и т.п., за которыми последует репрессивное восстановление [порядка] на обломках старых развалин и мусора, который не удалось вовремя вычистить.

Вызывает страх то, что в сегодняшней Германии снова происходят подобные события. На обугленных руинах двух мировых войн эта страна с большим энтузиазмом (*élan*) переживает эконо-

⁹¹ Лекция была прочитана в 1960 г.

мический подъем, и единственный вопрос, который никто не обсуждает с немцами – это вопрос о том, что же действительно происходило [в стране]. Большинство жителей Германии не хотят повернуться лицом к этой крайне насущной проблеме – это прошлое, оно было ужасным, и «я не одобряю всего, что происходило, но давайте больше не будем оглядываться назад, давайте быстрее построим новую жизнь». Это означает, что не произошло никакого очищения. Даже сейчас, когда все успокоилось, они не говорят: «Давайте оглянемся и спросим себя, что же с нами произошло с точки зрения психологии», ведь тогда бы настал момент осознания. Но вместо этого вновь создан тайный подпольный мир, наполненный революциями, проявляющийся в малевании свастики на стенах домов и подобных выходках.

Происходит так, словно люди, пережив нервное потрясение с помощью медикаментов, стали жить так, как жили прежде – вместо того, чтобы обратиться к бессознательному и понять, что явилось причиной такого состояния. Во время нервного срыва всегда есть что-то позитивное, создающее этот срыв, оно стремится вырваться наружу. Если человек не желает обратить внимание на свое состояние и не отделяет, как Золушка, зерна от плевел, он не только теряет связь со своим прошлым и собственной психикой, но и утрачивает позитивные ценности бессознательного.

Это утверждение справедливо и в отношении национал-социализма, представляющего собой извращенное стремление к обновлению и творчеству. Если бы архетипическая фигура Фо (которая, без сомнения, представляет собой новый образ архетипа Спасителя) была бы осознана и принята немцами не в качестве сумасшедшего фюрера, а на внутренне-субъективном уровне, это осознание положило бы начало великому движению созидания. Вместо этого архетип оказался экстериоризирован, смешан с политической пропагандой и влечением к власти, что, в конечном счете, и привело к катастрофе, свидетелями которой мы стали.

Таким образом, мы наблюдаем развитие невроза в более глобальном масштабе, подобное тому, как болезнь возникает и развивается у конкретной личности. То, что констеллируется в неврозе, имеет невероятно созидательную природу, но если ее вовремя не распознать, созидательное начало приведет к нервному срыву. Если же обратить на него внимание, то, все, что сделало человека больным, может его исцелить. Из романа ясно, что религиозно-романтический *élan vital* национал-социализма мог бы привнести

огромное культурное обновление немецкому народу, дать новое развитие его сознанию. Но из-за неверного поворота динамическая энергия оказалась направлена на решение экстравертированных политических целей и привела к прямо противоположному результату, вызвавшему мировую катастрофу. В этом заключается еще одна причина, почему я на своих лекциях анализирую эту книгу. Я говорила о немцах, потому что книга была опубликована в Германии, но эта проблема распространена гораздо шире – такая же ситуация существует в Америке, в особенности среди подростков и малолетних правонарушителей. В других странах она имеет свои национальные особенности, но эта современная проблема не является чисто немецкой, хотя Германия оказалось первой, *locus minoris resistentiae* (местом наименьшего сопротивления), где болезнь вышла наружу. Но страдаем от ее проявлений все мы.

Если бы победа нового Бога была осознана изнутри, это привело бы к открытию бессознательного и необходимости творческого обращения к нему. Но фон Шпат, который воплощает вечное искушение превратить уникальное внутреннее переживание во внешний коллективный порядок, увлек немцев в роковой порочный круг. Еще больше ужасает, что немцы поверх обугленных руин снова строят легкую бело-розовую архитектуру рококо. Следовательно, они движутся к другой катастрофе – и будут продолжать это движение, пока хотя бы несколько человек не заметят, куда именно они движутся.

Вопрос: Есть ли в мировом сообществе народы, у которых нет того, что вы называете нишей в эволюционной лестнице развития?

Я бы сказала, что эта проблема существует везде, хотя и менее заметна в Италии и странах Средиземноморья, ведь ветры дуют даже через Альпы. В тексте романа так и говорится: «Дует северный ветер».

Далее я вкратце перескажу остальное содержание книги, но сначала хочу сообщить о том, что г-жа Рамп узнала об имени «Ли». В отношении имени «Фо» очевидно, что автор имеет в виду Будду, но с именем «Ли» возникает более серьезная проблема, так как в словаре китайского языка содержится великое множество значений этого слова, и остается неясно, какое из них имеет в виду

автор. Скорее всего, он имеет в виду значение «разум и рассудительность, порядок». Так, если вспомнить, Мельхиор представляет собой фигуру Эго, которая разрывается между двумя противоположностями, так что значение имени Ли как разум больше всего соответствует Эго.

Мельхиор – химик, ученый, и пока не наступило время, когда он стал разрываться между двумя силами, его действительно можно было назвать весьма образованным, рассудительным человеком. Поэтому он воплощает сознание, которое разрывается между противоположностями.

Г-жа Рамп также рассказала, что происхождение этого слова весьма интересно. Дело в том, что изначально этим словом обозначали таинственные узоры драгоценных камней, другими словами, особую природную структуру камня, такого, как опал или оникс – часто рисунок этих камней темного цвета.

Но каким образом узор в камне стал основой значения слова «Ли», т.е. разума? Естественно, здесь нужно мыслить категориями китайской культуры. Согласно мифу, все китайские культурные паттерны (cultural patterns) возникли по аналогии с извилистым рисунком великих китайских рек. Реки служили основой китайских карт, и возникающие паттерны означали возделанную, облагоустроенную почву окружавшего китайцев мира. Поэтому в китайской культуре сознание – это понимание тайной модели самой природы.

Китайцев, как и другие азиатские народы (и что достаточно странно, в определенной мере и немцев) вовсе не интересуют рациональные каузальные связи. Китайцы обладают врожденной способностью понимать паттерн Дао, т.е. умеют осознать [происходящее] через предчувствие (divination) бессознательного, благодаря чему читают синхронию событий и образные аналогии. Поэтому в контексте китайского менталитета таинственный узор камня вполне соотносится с разумом.

В романе, однако, эта ассоциация играет роковую роль, так как Фо (Fo) и Ли (Li) связаны друг с другом. Сложив вместе эти два имени, получим «foli(e)»⁹². Так как в книге предсказана вспышка массового психоза, вполне возможно, что автор думал о наличии этой связи.

Следующая глава называется «Трансформация любви».

⁹² Folie (франц.) – букв. сумасшествие (прим. перев.)

Мельхиор (которого теперь зовут Ли) идет по выжженной солнцем земле. Он видит цветы, распустившиеся на кустарниках, а под ногами ощущает обжигающую почву. Находясь на природе, он испытывает воодушевление; каждый куст протягивает к нему ветви, и он чувствует, как напряжение пропадает. Он идет вдоль реки, и волны сопровождают его. Солнце тонет в водах реки, она начинает постепенно увеличиваться в размере. Нарастает шум волн, волны подхватывают Ли, обдавая прохладой его горячую кожу, и поднимают над землей. Вдруг он слышит чей-то крик, доносящийся снизу, и падает. Чьи-то губы ищут его губы для поцелуя, и он вдруг понимает, что находится в объятиях хрупкого человеческого создания. Он чувствует прикосновение к своим губам и раскрывает объятия. Он ощущает прикосновение чьей-то кожи к своей коже, слышит биение чьего-то сердца и понимает, что обнимает женщину.

«Кто ты? Откуда ты взялась?» – спрашивает он.

Их объятия становятся все жарче. Они будто бы находятся в просторном белом зале с высокими колоннами, возвышающимися над ними, но тут колонны растворяются в ярком пламени, наполняя пространство ароматом, и вместо них появляются темные стены, мерцающие тусклым светом.

Тело нашего героя изменилось, трансформировалось. Он почувствовал, что теперь его тело – тело женщины, предающейся лесбийской любви. Та, которую он обнимал, в свою очередь превратилась в загорелого гиганта с широкой грудью и крепкими мускулистыми руками, с ослепительно белыми зубами и черными губами; глаза его были бездонны. За одной переменной тел следовала другая: гиганта сменил человек со смуглым лицом и толстыми смеющимися губами, который нежно ласкал Мельхиора (Ли) руками. Затем появилась чернокожая женщина, потом индианка, потом брюнетка. Всякий раз, когда менялись объятия, он видел себя в новом помещении и ощущал себя в разном теле. Он был то рабом, которого целовал император, то проституткой, предававшейся любви с двумя пропахшими кровью солдатами, то пастором, возлежащим с утонченной женщиной на благоухающем ложе.

Вокруг потемнело, и он больше ничего не смог различить. Он оказался в стенах храма. Рядом неподвижно стояли священники, глаза их были полузакрыты. Он сам превратился в черноволосого крестьянина, стоящего у алтаря с какой-то крестьянкой. Он озирался вокруг мучительным взглядом затравленного зверя, из его многочисленных ран текла кровь. Священники окружили его, под-

няв вверх мечи. Ли закричал, испытывая невыразимый ужас, и мечи опустились. Он увидел, как льется его кровь. Все заволочло кровавым туманом.

Из влажного тумана возник девственный лес, заросший гигантскими деревьями и кустами в человеческий рост. Оттуда доносились рычание тигров. Пантера вцепилась когтями в тело Ли, и он ощутил себя дикой, шипящей кошкой. Над головой щебетали миллионы разноцветных птиц, Ли растворился в пустоте, он больше ничего не понимал.

Он падал все ниже и ниже. Всего за секунду падения мимо него пронеслись все помещения, в которых он бывал раньше. Он слышал музыку. Через бесконечную тополиную рощу двигались танцующие люди. Вдруг прорвался яркий солнечный луч, и в синих концентрических кругах засияло солнце. Он проснулся на подушках облаков и увидел, что рядом с ним, дыша ровно и спокойно, спит Фо. От его лица исходил свет, губы все время вздрагивали, словно от сладкой боли. Его тело было белым и чистым в утреннем свете, и в нем было столько очарования и благодати, что на глаза Ли навернулись слезы. Фо открыл глаза и увидел Ли. Взяв его лицо в руки, он поцеловал его в лоб. Оглянувшись, они увидели, как на рассвете нового дня пробуждаются их товарищи.

В этой главе мы видим, что царство Фо и его власть становятся такими же доминирующими, всесильными и абсолютными, какой была власть фон Шпата. Только здесь Ли притянут к земле, ввергнут в закон вечного превращения, чьей движущей силой является Эрос или даже сексуальность в самых разнообразных формах.

Следующая глава называется «Падение».

Мальчики подняли руки, приветствуя свет, но подул сильный ветер, и они решили, что надвигается буря. «Буря! Буря! – закричали они. – Приближается наше царство! Мы уже дома!»

«Мы уже дома! – повторил Фо, – мы нырнули в темные источники, чтобы вновь расцвести в мире!» Затем они рефреном запели фразу, которая постоянно повторяется в книге: «Время распадается, пространство растворяется, целостность (gestalt) уничтожается».

Мальчики, трепеща, окружили Фо. Фо опустил руки, и они задрожали от боли, и вскоре от боли дрожали уже все мальчики. Их лица вдруг увяли и постарели, их глаза ослепли, их кожа стала дряблой, а руки – тонкими и иссохшими. Все посмотрели на Фо, согнувшегося,

словно под тяжелым бременем. Как из тумана, из него стали появляться человеческие фигуры. Они кружили над ним и растворялись в пустоте. Из других мальчиков, которые тоже дрожали от боли, появилось множество фигур: девушки, старики, призраки, ангелы, самые разные мужчины в самом разном одеянии и солдаты, облаченные в военную форму. Ли видел тысячи лиц. Он дрожал. Он кричал сам и слышал, как кричали другие. Их стоны смешались со звуками, которые издавали парящие над ними фигуры. Началась буря.

С каждой отделявшейся от мальчиков тенью их тела становились все более прозрачными, крики все более невнятными, движения слабели. Их тела засияли мягким внутренним светом, но череда фигур была бесконечной, ведь перед тем, как войти в царство, мальчики должны были выпустить на волю все образы, которые они принимали, т.е. бесконечное число собственных воплощений. Мальчики слабели, но их мучения были добровольными, поскольку страдания означали приближение царства. Все они смотрели на Фо и не замечали, как туман постепенно застилает далекие огни города, они не ощущали окружающей их враждебной атмосферы. Мальчики были парализованы своим тяжким бременем. Кто овладел ими? Кто к ним подкрался, чтобы схватить незащитных слепцов? Внезапный раскат грома поверг мальчиков в шок. Облака, на которых они плыли, исчезли, земля разверзлась под ними. Они хотели закричать, но не смогли. Из уст Фо вырвалась почти беззвучная фраза: «Это... не... царство».

Изо всех своих сил мальчики старались держаться вместе, пока из них не были исторгнуты последние воплощения, но тут откуда-то появилась болотная топь и поглотила их. Веки Фо отяжелели. Ли видел, как Фо упал на землю, но не мог даже тронуться с места, чтобы прийти на помощь. Над ними кружили разноцветные птицы, а в середине группы мальчиков появились странные фигуры. Они молча приблизились к застывшим детям и взяли их за шею, чтобы поцеловать.

Во взгляде некоторых мальчиков появился немой ужас. Страх придал им новые силы, и они стали отталкивать от себя незнакомцев. Однако кто-то из мальчиков позволил себя поцеловать. Как только один из незнакомцев приблизился к Фо, Ли закричал: «Очнись! Очнись!»

Но Фо его не услышал, и незнакомец склонился над ним. Но едва тот притронулся к мальчику, как тот вскочил на ноги и закричал: «Остановитесь! Спасайтесь! Убирайтесь вон!» Нескольким маль-

чикам удалось себя защитить, пока на них смотрел Фо, и с огромными усилиями они очнулись. «Ко мне! Ко мне!» – кричал Фо остальным, но было уже слишком поздно. Они оказались жертвами незнакомцев, погрузились в смертельный сон и уже не могли слышать Фо. Пришельцы выдували парящие, высвобожденные тени, которые растворялись в воздухе. Затем незнакомцы ушли, не оглядываясь, оставив с собой пленников, и чем больше они удалялись, тем более прозрачными и похожими на стекло становились их фигуры.

Ли оказался на просторной ледяной поверхности. «Что случилось? – спросил он себя. – С тех пор как враг преградил дорогу в царство, с нами что-то произошло. Мы безнадежно потерялись в этой неразберихе. Мы больше не узнаем друг друга. Наша группа распалась».

Солнце стало красным. Порывами ветра смело весь снег со льда. Лед стал похожим на зеркало, и Ли почувствовал, что замерзает.

Здесь мы сталкиваемся с энантиодромией другого свойства. Точно так же, как и в эпизоде коронации Мельхиора-Ли, когда он закричал, что хочет убраться оттуда, и его унесли мальчики, здесь, оказавшись у границ царства, почти избавившись от всех своих воплощений (в восточном понимании – освободившись от кармических проекций, от вовлеченности в действительность и устремляясь к царству, к открытию Самости), [в его судьбу] вновь вмешивается противоположный полюс. Маятник вновь качнулся в другую сторону. У мальчиков отсутствует поворотная точка, что и привело опять к бессмысленной энантиодромии.

На практике это лучше всего проиллюстрировать на изменяющемся состоянии шизофреников. В какие-то периоды они полностью находятся во власти коллективного бессознательного, в процессе постоянного внутреннего превращения; они даже не могут точно определить, кем являются в конкретный момент: Богом, Иисусом, Древом жизни или островом из золота и серебра. Они могут сказать: «Мы с Неаполем должны обеспечить макаронами весь мир!» – такие высказывания характерны для переживаемого ими момента. Находясь в подобном состоянии, человек оказывается во власти коллективного бессознательного, в процессе вечного изменения. Но если в приступе шизофрении присутствует какой-то неизлечимый (*fatal*) компонент, то в материале появляются рациональные фрагменты. Например, пациент сначала заявляет: «Я Иисус Христос, я Мировое Древо», что вполне предсказуе-

мо, но затем он продолжает: «Мы с Неаполем должны обеспечить макаронами весь мир!» и привносит в свое высказывание абсолютную банальность, фрагмент обыденной внешней реальности, который нарушает гармонию проявления коллективного бессознательного. Благодаря этому сразу можно распознать шизофреническое содержание, поскольку в более значимый материал внедряются фрагменты интеллектуальной банальности.

Можно сказать, что в таком материале присутствуют фрагменты фон Шпата: стеклянное царство разбилось и нашло основу в материале коллективного бессознательного. Сказать «Мы с Неаполем должны обеспечить макаронами весь мир» значит сказать абсолютную чепуху, но сказать «Я есть Христос и Мировое Древо» значит сказать нечто очень важное, ведь внутри Самости у каждого из нас есть божественный источник, и христианин должен принять этот факт с известной долей скептицизма.

Если аналитику удастся отделить один материал от другого, то болезнь поддается лечению. Однако, если пациент пытается справиться с заболеванием только с помощью лекарств, не разбирая [свое состояние] в деталях, он попадает в ригидную норму, типичную для постпсихотического состояния. Он становится жестким, психически нормальным и высокоинтеллектуальным. Он осуждает все, что когда-то переживал, утверждая, что не хочет об этом говорить. Он подавляет свои переживания, сохраняя ригидную норму достигнутой рассудительности, которая обычно является стандартом коллективного сознания, достаточно скудным с интеллектуальной точки зрения.

В обоих случаях отсутствуют две вещи: первая – возможность осознания реальности психики, поскольку шизофреник, находясь в состоянии острого психоза, полагает, что архетипы внутреннего мира абсолютно реальны – именно поэтому он считает себя Иисусом Христом. Но он говорит об этом безо всякого намека на мистику, он имеет в виду буквальный смысл: назови он себя сейчас Иисусом Христом, ему не придется завтра идти в офис. Он не осознает [архетип] на уровне души, во внутренней плоскости, а принимает его буквально и конкретно.

Мой опыт показывает, что самая жесткая борьба по выводу шизофреника из этого состояния происходит тогда, когда аналитик пытается сделать все возможное, чтобы пациент осознал символический уровень интерпретации. Настаивая на конкретном понимании вещей, человек тем самым вводит в свою болезнь

странную примесь рационализма и материализма. Он не замечает реальности психики. Он не может принять гипотезу о том, что психическая реальность противоположна внешней физической реальности; он смешивает одну реальность с другой, что приводит к абсурду. Когда такие люди впадают в состояние фон Шпата, они становятся рациональными, но все же не признают реальности психики.

Вторая вещь, которой не хватает [шизофренику] – это функция чувствования, т.е. возможность правильного восприятия ценностей. Юнг рассказывал случай о своей пациентке-шизофреничке, которая время от времени переставала его слушать. Ему стоило больших усилий узнать, что же с ней происходит в моменты, когда она резко прерывает общение. В конце концов она призналась, что в эти моменты звонит Деве Марии для того, чтобы быстро узнать ее мнение. Другими словами, в это время пациентка была недоступна, так как на линии связи находился другой абонент, с которым она общалась! Однако если человек имел мистическое переживание образа Девы Марии, он должен был полностью находиться под воздействием материала бессознательного. Люди, с которыми происходило такое внутреннее переживание, еще несколько дней после него потрясены этим опытом, что является вполне адекватной реакцией на эмоционально переполняющее религиозное переживание. Но для шизофреника будет вполне типичной фраза: «Алло! Это Дева Мария? Отлично!» – вы или совершенно в это не поверите, или будете шокированы. В случае с шизофренией отсутствует система ценностей. В бреде пациенты говорят одинаковым тоном и об Иисусе Христе, и о снабжении макаронами. Самая элементарная банальность и самое глубокое религиозное содержание смешиваются безо всякой оценки.

В этой связи большое значение имеет мифологическая история Амура и Психеи. Психея, подобно Золушке, должна перебрать зерно, отделив его от плевел, тем самым отделив добро от зла. Так в символическом смысле выражена функция психики, заключающаяся в определении ценностей. Если утрачена Анима, чувства также пропадают – такое часто случается при шизофрении. Как только у мужчины уходят чувства, утрачивается контакт с Анимой, возникает подобное [шизофрени] состояние. Как только определенное количество людей оказывается в этом состоянии, развивается массовый психоз – такую картину мы уже видели и, возможно, не в последний раз.

Теперь Ли попал в ледяную ловушку и оказался среди духов мертвых. Он снова увидел своего умершего отца, Генриэтту Карлсен и Отто фон Лобе. Он почувствовал внутри холод и полную растерянность. Он не знал, где находится, и пошел наугад. Мы видим, что Ли вновь вернулся на север, к полюсу фон Шпата.

(Вы помните, что фон Шпат ассоциируется с севером, холодом и льдом, а ветер, дующий на юг, означает приближение Фо. В данном случае холод, естественно, относится к миру мертвых).

Далее нам придется опустить какую-то часть книги.

Ли увидел лошадь, белую птицу и Фо. Обращаясь к нему, Ли сказал: «Пошли». Они вскочили на черного коня и поскакали прочь. Что-то внутри Ли испытывало сомнения и чувствовало себя обманутым, – ему было как-то жутко – но Фо торопил его. Они сели на корабль. В этот же момент сразу, без рассвета, взошло солнце, и Ли увидел рулевого. Посмотрев в глаза шкиперу, он узнал фон Шпата. Ли закричал, наступила полная темнота.

Фон Шпат принял обличие Фо и хитростью заманил Ли на корабль. Здесь опять происходит энантидромия, но на этот раз причина ее – в сознании. Дело в том, что фон Шпат и Фо – это две копии или два аспекта одной сущности: в одном скрывается другой. Подобное можно встретить в крайних психологических противоположностях, поскольку в критической точке два начала сливаются в одно. Это похоже на Тай-ги-ту китайской философии: в черном или белом всегда существует зародыш противоположности.

Следующая глава называется «Возвращение». В начале мы попадаем в психиатрическую лечебницу, где пациенты гуляют по больничному саду.

У одной из женщин в стеклянной шкатулке лежала борода ее последнего мужа, и она постоянно просила санитаря и других окружающих снова вернуть его к жизни. Среди пациентов клиники был один печальный пожилой мужчина, в котором мы могли бы узнать Мельхиора.

Вступив на корабль, Мельхиор, возможно, умер, и, переволотившись, оказался в психиатрической больнице. Далее идет описание того, как пациенты клиники поют и дерутся между собой: все это описание мы опустим.

Другой пожилой человек, лысый параноик, подошел к Мельхиору и произнес: «Вы только спокойно выслушайте меня. Мы больше не имеем права не понимать друг друга. Почему вы всегда за мной следите? Это бессмысленно!»

«Я не слежу за Вами», — ответил тот.

«Нет, следите. Я это чувствую. Вы занимаетесь этим с первого дня, как здесь оказались, но давайте не будем об этом говорить. Как вам известно, я император, но совершенно не хочу, чтобы об этом узнали. Я живу в тысячах воплощений, но Вы меня узнали сразу. Я тоже знаю, кто Вы такой. Вы великий человек, великий мастер. Я не буду называть имен, но я Вас знаю. Зачем нам враждовать? Мы можем объединиться. Давайте разделим землю: Вы возьмете юг, а я север (два полюса). Я даже готов отдать Вам часть своей территории, потому что могу допустить, что на юге живут менее умные люди, зато ими легче управлять. Давайте объединим наши усилия! Я приму любое предложение, которое Вы изволите сделать. Или, быть может, Вы хотите север? Возьмите, пожалуйста! Я возьму юг. Мне совершенно не важно. Главное, что Вы перестанете меня преследовать. Давайте объединимся! Сейчас самое время, иначе мы просто не справимся. Мы должны уничтожить человечество прежде, чем людей станет слишком много, причем это нужно сделать быстро, пока никто ничего не заметил, иначе они нас остановят. Мы снова хотим создать на земле рай, ибо мир стал слишком злым. Мы оставим несколько женщин, и с их помощью вырастим новое поколение людей. Но ради Бога, будьте осторожны! Никому ни слова! Мы должны все держать в тайне».

Он распахнул объятия, но его собеседник, Мельхиор, пробормотал: «Я не понимаю, что Вы имеете в виду!»

Лысый мужчина спросил: «Так вы не хотите этим заниматься? Вы не хотите это сделать для себя? Ах, да. Теперь я все понял! Вы хотите меня убить! Но взгляните на себя! Я вижу! Я знаю! Я знаю!». Он огляделся и на некотором расстоянии увидел фигуру в белом халате. С криком он убежал прочь.

Человек в белом халате, который оказался врачом, подошел к Мельхиору и спросил, как тот себя чувствует. Мельхиор ответил, что чувствует себя свободно. Доктор сказал, что знает о том, что Мельхиор полностью вылечился, и что прекрасные химические эксперименты, которые он делал, это полностью подтвердили. «Я не собираюсь избавлять Вас от навязчивой мысли, что Вы — доктор Мельхиор фон Линденгус из Шиммельберга, исчезнувший

сто лет тому назад. Я думаю, что Вам невозможно избавиться от этой идеи, но все-таки дикие фантазии, преследовавшие Вас год тому назад, когда вас нашли в лодке, дрейфовавшей в открытом море, прекратились. Тем не менее, Вы все еще не вспомнили свое настоящее имя, и для того, чтобы облегчить Вам общение с властями, я послал запрос, чтобы Вам разрешили употреблять то имя, на котором Вы настаиваете. Вы сможете продолжить читать ваш курс в университете и снова жить нормальной жизнью».

Спустя три дня Мельхиор вышел из клиники.

Это роковой поворот истории. Прикрываясь сумасшествием, другая половина – в образе Тени-лысого старика – попыталась объединить противоположности. В психиатрической клинике происходит последняя попытка соединить две части: северную и южную половины мира, Фо и фон Шпата, – для того, чтобы признать противоположности, осознать, что они являются двумя аспектами единой сущности. Однако затем эта попытка смешивается с маниакальными идеями разрушения всего мира и создания новой расы. Как известно, создание *Herrenrasse*⁹³ – это одна из фантазий нацистского режима; всех остальных людей следовало быстро уничтожить из-за угрозы перенаселения земли и с целью создания новой расы (частично с этой проблемой мы сталкиваемся и в настоящее время). В предложении лысого старика проявляется странная смесь конструктивных тенденций (соединения противоположностей) и губительных маниакальных фантазий. Объединения противоположностей не происходит, и Мельхиор снова регрессирует в рациональную норму.

Если соотнести это с личностью автора, то, вероятно, он был близок к состоянию сумасшествия, в котором мог осознавать проблему противоположностей, но вместо этого переключился на свою одностороннюю сознательную установку. Таким образом, Мельхиор вышел из психиатрической клиники, получил статус профессора университета и снова, так же, как и в начале книги, стал успешным в скучном смысле этого слова.

Однажды днем по пути домой Мельхиор встретил на улице молодого человека, внешность которого показалась ему привлекательной. Когда тот проходил мимо, Мельхиор приподнял шляпу и

⁹³ Букв.: высшая раса (нем.).

представился. Молодой человек изумленно на него посмотрел, но сказал, что его зовут Вальтер Мар (Walter Mahr, «mah» означает кошмар, а «mah» – кобыла). Мельхиор объяснил, что у него сложилось впечатление, будто раньше они где-то встречались. Однако молодой человек ответил, что не имеет никакого представления, где это могло бы случиться, ведь он родился и вырос в этом городе, из которого никогда никуда не уезжал, а Мельхиор живет в этом месте только три года. Но когда они остановились у дверей квартиры Линденгуса, Мельхиор попросил молодого человека зайти в гости на несколько минут. В доме Мельхиора Вальтер Мар откровенно признался, что когда он был мальчиком, ему часто снилось такое лицо, как у Мельхиора, только намного моложе. «Да, – прервал его Мельхиор, – человеку может многое присниться; возможно, я тоже видел вас во сне».

«Мне снилось, – продолжал Мар, – что в окно смотрит Ваше лицо и зовет меня голосом, похожим на Ваш. Однажды кто-то сел ко мне на кровать и сказал, чтобы я последовал за ним и позволил себя распять».

Пока Мар говорил, волнение Мельхиора становилось все сильнее; он ответил, что в памяти у него все перепуталось, и он не может вспомнить детали. Про себя он пробормотал что-то о кресте и струящейся крови, а затем попытался зажечь Мара идеей о том, чтобы вместе покинуть город. Мельхиор сказал, что сейчас Вальтеру лучше уйти, а завтра прийти снова, готовым к тому, чтобы отправиться в странствие.

После ухода Мара Мельхиор на какое-то время сел и задумался. Затем он разделся и посмотрел на юношескую красоту своего тела, удивившись, какое отношение к такому телу имеет его лысая голова. Затем он снова оделся и сел за стол писать. Вдруг ему пришло в голову, что в его работе больше нет никакого смысла. Он вышел на улицу и зашел в кофейню, там он встретил друга, с которым они поговорили о празднестве, посвященном столетию великой революции, которая произошла в Штульбрестенбурге, о том, что тогда происходило на улицах и об убийстве короля в городском театре. Но Мельхиор прервал своего друга, сославшись на усталость и на необходимость идти домой.

На улице ему показалось, что он слышит чьи-то шаги. Улицы, фонари, небо, звезды – все казалось ему странным, а за спиной он слышал шаги, которые раздавались в такт его собственным. Сам того не замечая, он запел песню, присоединившись к невидимому хору. Пение становилось все громче: флейты, барабаны и

цимбалы играли марш, и он увидел себя въезжающим на белом коне в освещенный город. В окна и с балконов дворца из-под вуалей смотрели дамы и девушки, а когда он въехал на центр площади, они, сбросив свои вуали и оказавшись совершенно нагими, стали бросать ему розы. Перед Мельхиором открылись ворота, мальчики взяли под узды коня, Мельхиор спрыгнул на землю – и оказался на пустынной улице перед входом в собственный дом.

Он не мог сделать ни шага. Его колени подкосились, и он упал. Лежа в снегу, он плакал от бессилия. Затем он смог подняться и сделал несколько шагов по направлению к двери, но едва достав ключ, отпрянул назад, словно дверь его от чего-то предостерегала. Он чуть помедлил, подумал и пошел обратно к кофейне, чтобы дождаться утра, но, вспомнив о пустынных улицах и своей усталости, не смог двинуться дальше и, преодолевая ужас, вернулся домой. Он остановился на лестнице в темноте, прислушался, постояв перед дверью своей квартиры, и снова повернулся, уже собираясь уйти – настолько все показалось ему странным и внушало страх. В квартире он быстро прошел в свою комнату, чиркнул спичкой и уронил ее на пол, чувствуя присутствие незнакомца. Он отчетливо слышал дыхание спящего и подумал, что узнал его. Наконец, он зажег свечу и увидел в кресле у камина спящего мужчину с гладкими красивыми волосами. Взглянув на него, Мельхиор узнал фон Шпата. Сразу же туман в его памяти рассеялся, и он вспомнил все, что с ним произошло.

«Теперь, – подумал Мельхиор, – он находится в моей власти, и я оказался хозяином положения. Я бодрствую, а он считает меня беспомощным. Теперь я позову мальчиков, и они его свяжут». Он посмотрел на фон Шпата и увидел болезненно-божественное лицо, которое снова его очаровало, но он отбросил от себя это искушение и закричал: «Я хочу отсюда уйти!»

Ничего не случилось. Он поднял руки и закричал: «Я хочу отсюда уйти!» Но по-прежнему стояла тишина, и никто не появился. Он закричал в третий раз, но все было бесполезно. У него опустились руки, и он понял, что остался один, а мальчики находятся во власти тех самых странных пришельцев.

«Все кончено», – подумал Мельхиор и почувствовал ужасную усталость. Он снова посмотрел на фон Шпата, который все еще спал. Мельхиору было страшно посмотреть ему в глаза и услышать, что он скажет. Осторожно, не раздеваясь, он лег в постель и сразу уснул.

Ему приснилось, что стеклянные люди одержали победу, а мальчики погибли. Сон был долгим. Он слышал, как его называют по имени. В конце сна он лицом к лицу столкнулся с фон Шпатом. Мельхиор вытащил нож и, вонзив его в фон Шпата, вырезал у него на груди крест. Фон Шпат закричал: «Мельхиор!» Мельхиор проснулся и увидел фон Шпата, стоящего над ним со свечой в руке. По-прежнему была ночь.

«Этот мир мой, – сказал фон Шпат. – Звать мальчиков было совершенно бесполезно. Они – всего лишь отражения в зеркале».

«Я не подчинюсь тебе! – закричал Мельхиор. – Я подчиняюсь собственной воле!»

«Я сломлю твою волю, как сломал ее у других, – спокойно ответил фон Шпат. – Пойдем со мной: я покажу последний акт».

«Игра никогда не кончится», – промолвил Мельхиор.

«Пойдем со мной, – повторил фон Шпат, – и ты все сам увидишь».

На улице разыгралась метель. Они шли больше часа, снег слепил им глаза. В конце концов, они свернули на пустынную аллею и пришли в полуразрушенный дом, где горели масляные светильники. Фон Шпат остановился. На входе была надпись: «Мировая сцена света».

«Мы пришли, – сказал фон Шпат, весь путь хранивший молчание, и три раза постучал условным стуком в дверь. На стук выскочил карлик.

«Вы опоздали, – сказал карлик. – Зал опустел. Никто не захотел этого видеть, но мы продолжаем играть пьесу до конца. Сейчас должен начаться последний акт». Он повел их по старым коридорам с потрескавшимися стенами. Они подошли к двери в стене, и карлик пригласил их войти и наслаждаться зрелищем. Они сели, глядя на пустой зал. Он был темным, за исключением двух мерцавших светильников, в которых медленно угасал свет.

«Хорошие места, – сказал фон Шпат. – Отсюда можно смотреть на актеров так, чтобы пьеса не казалась слишком трагичной».

«Какое она имеет к нам отношение? Что я тут увижу?» – спросил Мельхиор.

«Последний акт», – повторил фон Шпат.

Зазвонил колокольчик, и занавес поднялся. Мельхиор увидел на сцене мальчиков и двойника фон Шпата. Он увидел те же самые улицы, которые он видел во сне час или два назад, прозрачных людей – неподвижные фигуры с неподвижными лицами. Но

на это раз он понял, кто они такие, поскольку узнал в них мальчиков.

Фон Шпат встал и сел на кресло повыше позади Мельхиора. Он вытащил большой театральный бинокль и, поставив локти Мельхиору на плечи, стал смотреть на сцену через его голову. Мальчики танцевали вокруг отражения фон Шпата и пели: «Время распадается, пространство растворяется, целостность уничтожается». Это был голос Фо. Мельхиор хотел вскочить с места, но локти фон Шпата вдавили его в сиденье. Танцующие мальчики разбились на пары. У них на губах застыла последняя улыбка, их глаза были закрыты – они находились в глубоком сне, и глаза двойника фон Шпата тоже медленно закрылись.

Мельхиор ощутил, что давление локтей фон Шпата стало меньше. Обернувшись, он увидел, что тот заснул. Он стряхнул с плеч руки фон Шпата и сбросил с себя одолевавшую его сонливость. Из его уст вырвались странные слова, которые эхом отразились в пустом зале.

Затем он увидел на сцене нового персонажа и узнал в нем себя. Он видел, как спешит к Фо и трясет его, как Фо медленно открывает глаза и встает на ноги. Мельхиор услышал, как его двойник закричал: «Он заснул! Сейчас самое время!». Сверкающими ножами они пронзили фигуру фон Шпата. В тот же миг сидевший в ложе фон Шпат безжизненно свалился на пол. Мельхиор увидел себя на сцене вместе с Фо; они торопились быстро убраться прочь.

Ветер подхватил и понес Мельхиора. Снежинки падали ему на лицо; постепенно стало светать. Он был один на заснеженных улицах. Постепенно метель утихла, и через тучи вновь пробивалось солнце. Мельхиор почувствовал, как силы оставляют его. Он так ослаб, что еле двигался. Обессиленный, он упал в снег и посмотрел вдаль. «Круг замкнулся, – прошептал он. – Все исполнилось. Моя тень освободила твою тень. Враг погиб. Где же мне теперь найти тебя? За разделяющими нас морями и океанами я слышу твой голос. День и ночь ты бродил по равнинам и взбирался на высокие горные вершины. Золотые корабли с алыми парусами несли тебя через моря. У тебя над головой кружили стаи птиц. Ты пробирался по диким тропам и подходил ко мне все ближе. Когда-нибудь утром ты явишься ко мне, обнаженный и сияющий, со звездами в волосах, и твои холодные губы поцелуют мое бьющееся сердце. Земля больше не будет немой. Твои слова вызовут в ней

жизнь, от всех будет исходить твое дыхание, твоя любовь расцветет в каждом сердце. Крест вознесется ввысь. Проснувшееся желание вольет кровь в вены всего мира и превратит одну форму в другую. Начнется новая пьеса. Поспеет виноград и дождетя тебя. Смотри, как мы отдыхаем, как спокойно и счастливо наше дыхание. Все спокойно. Приходи к нам обнаженным в облачении ночи, юное пламя, поющее пламя, Мастер и Дитя».

Закончив эту похожую на гимн молитву, Мельхиор поднялся и распростер руки. Он пробирался вперед, спотыкаясь о сугробы, а затем ему показалось, что он видит на снегу капли крови. Присмотревшись, он увидел, что это лепесток розы. Через несколько шагов он увидел еще лепестки, потом еще; весь его путь был усыпан лепестками роз, а на снегу оставались изящные следы босых ног. Высоко подняв голову, он шел по этим следам. Туман вокруг него становился все гуще, земля исчезла из-под ног. Все стало белым и с каждым шагом становилось еще белее, только лепестки роз сияли алыми каплями крови, увлекая его вперед. Далеко впереди он увидел чей-то силуэт. Его слабость исчезла. Он ничего не знал, не чувствовал и не видел кроме маячившей перед ним фигуры.

Солнце зашло за тучи. Туман неожиданно рассеялся. На вершине стоял Фо в сиянии света; у него в волосах были розы; он распростер свои пламенные объятия.

Усталый скиталец пал на колени. «Царство!» – заикаясь, промолвил Мельхиор. – «Царство без пространства!» – произнес он и умер.

Итак, мы опять сталкиваемся с энантиодромией.

Сначала фон Шпат одержал победу, обманом заманив Мельхиора на корабль. Спустя сто лет Мельхиор оказался в психиатрической клинике (как только вы попадаете в царство чистого разума, на противоположном полюсе – в царстве Фо – происходит переживание такой силы, что похоже на настоящее сумасшествие). Мельхиора выпускают из психиатрической клиники. Когда на сцене убивают фон Шпата, Фо снова одерживает победу, на этот раз в этом мире. Фо остается победителем: в конце концов, он находит царство, но при этом покидает свое тело, которое достается фон Шпату. Мельхиор остался мертвым стариком, а это значит, что проблема не решена, а просто отложена, поскольку, как видно из текста романа, если решение проблемы наступает после

смерти, это значит, что в данной реальности еще не удалось найти достаточных средств для ее осознания. Именно поэтому в христианской доктрине утверждается, что победа над злом и соединение противоположностей произойдут после Судного Дня. Рай наступит после смерти. В «Фаусте» Гете Фауст обретает спасение после смерти, и в «Царстве без пространства» разрешение проблемы тоже происходит не в жизни, а после нее. В данном случае ясно, что мост к осознанию еще не построен, так как в борьбе [противоположностей] все еще не осознается реальность психики. Вся эта борьба происходит в проекции – интеллект против архаической реальности бессознательного, – но у этой борьбы нет названия, и ее реальность трудно увидеть. Автор смешивает понятия психической реальности и реальной действительности.

В описанной проблеме, которая актуальна и по сей день, слышится новая зловеющая тональность, в связи с чем мне хотелось бы процитировать высказывание Франсуа Рабле, на которое когда-то Юнг обратил мое внимание: «*La verite dans sa form brute est plus fosse que la faux*» («Истина в своей первозданности, *prima materia*, в своем первом проявлении, оказывается более лживой, чем сама ложь»). И это та самая истина, которую мы только что поняли.

Несмотря на все сказанное, это были попытки создать новую, творчески переосмысленную религиозную установку, обновить творческую составляющую культуры (*cultural creativity*), которые могут проявить себя только в индивидуально-психологической форме. Однако создание новой установки происходит с таким разительным политическим шатанием из стороны в сторону, что она становится более фальшивой, чем сама ложь. Но все же, несмотря на это, нам следует обратиться к ней и найти в ней живые семена. Иначе мы остановимся в прогрессе и начнем строить светло-розовые дома на обугленных руинах.

В своей жизни и в искусстве Бруно Гетц вышел далеко за рамки этой неразрешенной проблемы. В своем стихотворении «Дурак и змея»⁹⁴ он описывает божественного *пуэра* как символ, который сначала одолевает великого змея, потом подвергает его очищению, а затем соединяется с ним (вспомним удава в повести Сент-Экзюпери). Таким образом, смертоносное начало преодолевается, и противоположности соединяются в священном бракосо-

⁹⁴ Goetz B. *Der Gult and die Schlange*. Zurich: Bullanden, Bellerive, 1949.

четании. Будем надеяться на то, что по аналогичному пути будет следовать и социальное развитие.

Если сравнить два образа *пуэра* – Маленького принца и Фо, – можно заметить, что оба имеют романтическое отношение к жизни в целом и оба противоположны образам *senex* (старца), таким как король, честолюбец и т.п. у Сент-Экзюпери или образу фон Шпата у Гетца. В обоих случаях они воплощают возможность внутреннего творческого обновления, первого осознания Самости, но вследствие некоторой слабости Эго и недостаточной дифференциации Анимы фигуры *puer aeternus* становятся жертвами, искушаемыми смертью или сумасшествием, или тем и другим.

Американским литературным аналогом, в котором создан образ *puer aeternus*, является произведение Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».⁹⁵ Но книга Баха имеет счастливый конец: именно любовь к своим собратьям-птицам побуждает Джонатана вернуться к своим братьям, чтобы учить их летать. Кроме того, Джонатан – птица, а не человек, поэтому для него совершенно естественно оставаться в воздухе. Однако у *puer aeternus* есть огромный соблазн в том, чтобы идентифицироваться с Джонатаном и стать «непризнанным гением», но его тоже нужно правильно понять, чтобы затем включить в решение своей проблемы исцеляющее воздействие любви, свободы и преданности.

Читая немецкую версию романа Бруно Гетца, мы понимаем, что проблема *puer aeternus* – не только индивидуальная проблема, а общая проблема нашего времени. Сенекса, мудрого старца, характеризует затасканный образ Бога и миропорядка, а *puer aeternus* Фо является новым образом Бога, которому в этом романе так и не удалось воплотиться в человеке (Мельхиоре). Если новый образ Бога не мог родиться в душе человека, он остается архетипической бессознательной фигурой, обладающей вредным и пагубным воздействием. Мы все движемся к «обществу без отца»⁹⁶, и «сын» еще не родился, т.е. не нашел своего осознания в нашей психике.

Внутреннее рождение может произойти только с помощью феминного начала. Именно поэтому сейчас к нему обратилось

⁹⁵ Bach R. Johnatan Livingiston Seagul. New York: The Macmillan Company, 1970. См. также: Р. Бах. Чайка по имени Джонатан Ливингстон. М.: Гелиос, 2001.

⁹⁶ Mitschellich A. Society Without the Father: A Contribution Social Psychology. Trans. E. Mosbacher. New York: Schucken Book, Inc., n. d.

внимание человечества. Если горькая и завораживающая София сможет снова стать той, которой была, а именно, Божественной Премудростью, то этого удастся достичь⁹⁷. Тогда *puer* снова станет тем, чем ему предназначалось быть: символом обновления целостного внутреннего мужчины, бессознательными поисками которого и занимаются современные *пуэры*.

⁹⁷ C.G.Jung, "Psychology and Religion", "Answer to Job", pars. 609 ff. См. также К.Г. Юнг. Ответ Иову. М.: КАНОН, 1995.

Библиография

- Adler, G. & Jaffe, A, eds. *C. G. Jung: Letters*. Princeton: Princeton University Press, 1973. Vol. 1–2.
- Apocryphal New Testament*. Trans. M. R. James. Oxford: Oxford University Press, 1966.
- Baynes, H.G. *Analytical Psychology and the English Mind*. London: Methuen, 1950.
- Bach R. *Johnatan Livingiston Seagull*. New York, The Macmillan Company, 1970
- Cate, C. *Antoine de Saint-Exupery, His Life and Times*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1970.
- Caussin, N. *Polyhistor Symbolicus*. [De symbolica Aegyptiorum sapientia. Electorum symbolorum, & Parabolarum historicarum stromata.] Paris: 1618, 1631.
- Codex Marcianus*. In Berthelot, Marcellin. *Letude de la chimie au moyen age*. Paris: Librairie des sciences et des arts, 1938.
- Dante A. *The Divine Comedy*. Trans. Charles S. Singleton. (Bollingen Series LXXX). New York: Princeton University Press, 1975.
- Democritus. In Guthrie, W.K.C. *A History of Greek Philosophy*. London: Methuen, 1968.
- Eaton, F. *Der Deihter Bruno Goetz*. Riga: Riga University Studies, vol. 57, no 4, 1972
- Eckhart, M. *Meister Eckhart: A Modern Translation*. Trans. by R. Blackney. New York: Harper and Row, 1957.
- Eliade, M. *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*. New York: Pantheon, 1964.
- France., M.-L. von. *Die Visionen des Niklaus von der Flue*. Zurich, 1957